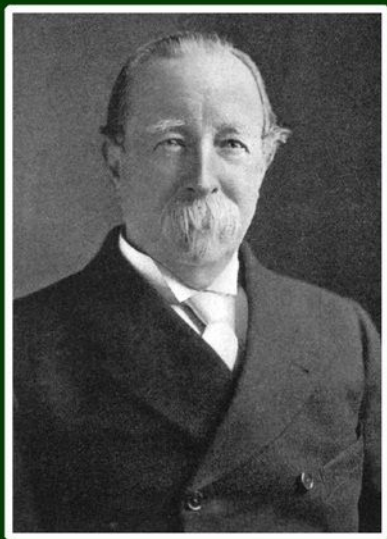

Аллан Октавиан Юм

Избранные произведения

1886-1894

Аллан Октавиан Юм

Избранные произведения

**об индийском национальном
движении**

(1886–1894)

Новосибирск

СИБПРИНТ

2019

УДК 081 : 94(540) + 325.84

ББК 63.3(5 Инд)5

Ю 41

Перевод с английского Д. С. Никитина

Юм А. О. Избранные произведения об индийском национальном движении (1886–1894) / А. О. Юм ; пер. с англ., сост. и общ. ред. Д. С. Никитина. – Новосибирск : СИБПРИНТ, 2019. – 375 с.

ISBN 978-5-94301-759-9

В настоящее издание включены памфлеты, письма, речи одного из основателей Индийского национального конгресса (ИНК) – Аллана Октавиана Юма. Произведения охватывают период от возникновения ИНК до 1894 г. и посвящены различным аспектам национального движения в Британской Индии конца XIX в.

Книга адресована специалистам-историкам и читателям, интересующимся историей Индии и национально-освободительных движений в Азии.

ISBN 978-5-94301-759-9

© Никитин Д. С., перевод, 2019

От составителя

Зарождение национально-освободительного движения в Индии во второй половине XIX в., становление Индийского национального конгресса как ведущей политической силы на субконтиненте было во многом связано с распространением в колониях британского образования и приобщением передовой части индийского общества к европейской политической традиции, ее знакомством с общественно-политической мыслью Великобритании.

В процессе осмысления трагичных итогов восстания 1857 г. многие индийские интеллектуалы приходили к мысли о том, что вооруженное сопротивление колонизаторам не может принести Индии ничего, кроме разорения и упадка. Британское правление, несмотря на многочисленные недостатки, представлялось им несомненным благом для страны, способным содействовать ее прогрессу и процветанию при условии исправления присущих британской администрации изъянов. В свою очередь, исправление недостатков британского правления в глазах ведущих индийских интеллектуалов второй половины XIX в. (Дадабхая Наороджи, С. Банерджи, В. Ч. Бонерджи и других) было возможно только мирным путем, посредством общественных ассоциаций, объединявших образованных индийцев по всей страны. Ассоциации должны были доводить требования индийских масс до колониальной администрации и одновременно предотвращать возможность возникновения новой революционной ситуации, поскольку опыт 1857 г. показал, что негодование народных масс может представлять серьезную опасность для существования британского Раджа в Индии. Последняя четверть XIX в. стала временем расцвета региональных ассоциаций, однако, хотя многие общественные деятели были известны далеко за пределами своих провинций, ни одна из них не приобрела общеиндийского характера.

Тем не менее стремление к «мирному, конституцион-

ному пути» борьбы за расширение прав индийского населения находило отклик и в определенных политических кругах в метрополии, и в среде либерально настроенного англо-индийского чиновничества, составлявшего, впрочем, довольно незначительную часть британской администрации колоний.

Одним из англичан, принимавших активное участие в становлении зарождавшегося национального движения в Индии, был Аллан Октавиан Юм (1829–1912) – чиновник Индийской гражданской службы, теософ и ученый-орнитолог. Проведя в Индии более сорока лет, Юм был хорошо знаком как с жизнью официальной, чиновничьей Британской Индии, так и с жизнью различных слоев коренного населения страны, состоял в дружбе со многими выдающимися индийцами своего времени. После выхода в отставку в 1882 г. Юм¹, несогласный с курсом вице-короля Индии Литтона (1876–1880), решил посвятить свою жизнь индийской политике. В начале 80-х гг. XIX в. общественно-политическая жизнь в Индии переживала бурный рост, многочисленные ассоциации появлялись практически во всех концах страны, однако объединению патриотических сил препятствовала экономическая и культурная разобщенность страны. Юм считал преодоление этой разобщенности важнейшей задачей, стоящей перед ведущими

¹ Подробнее о жизни и деятельности А. О. Юма см.: Moulton E. Allan O. Hume and the Indian National Congress, a reassessment // *South Asia: Journal of South Asian Studies*. 1985. Vol. 8, № 1–2. P. 5–23 ; Wedderburn W. Allan Octavian Hume: «Father of the Indian National Congress», 1829–1912. New Delhi, 2002 (с предисловием Э. Моултона) ; Yadav B. D. A. O. Hume: founder of Congress. Delhi, 1992. Большой интерес представляют также работы по истории первых лет Конгресса, например Mehrotra S. R. *The Emergence of the Indian National Congress*. Delhi, 1971. В 2015 г. на русском языке была издана книга Д. Никитина ««Друг Индии»: Аллан Октавиан Юм (1829–1912)», которая, несмотря на многочисленные неточности, довольно подробно описывает жизненный путь основателя ИНК.

индийскими общественными деятелями; этой цели и послужило основание в 1885 г. Индийского национального конгресса (ИНК), в котором он принимал самое активное участие. В течение десяти лет, вплоть до отъезда из Индии в 1894 г., Юм занимал пост генерального секретаря Конгресса (формально оставаясь в должности до 1906 г.), определяя программу и принципы деятельности организации, методы работы с населением и колониальной администрацией. Хотя его деятельность в качестве генерального секретаря ИНК порой приводила к недовольству в конгрессистских кругах, нужно отметить, что на конец 80-х – начало 90-х гг. XIX в. пришлись годы становления ИНК в качестве ведущей организации в национальном движении в условиях оформления антиконгрессистской оппозиции в лице феодальной аристократии, англо-индийского сообщества и высших слоев колониальной администрации. Работа Юма в этих условиях способствовала сохранению и укреплению Конгресса, установлению его связей с либеральными кругами в Великобритании, расширению влияния на территории страны.

В настоящее издание включены ранее не переводившиеся на русский язык памфлеты, письма, речи А. О. Юма, оказавшие большое влияние на становление идеологии ИНК конца XIX – начала XX в. и отмечающие важные вехи жизни и деятельности Юма в 1885–1894 гг., в бытность его генеральным секретарем Конгресса.

Сборник открывается серией памфлетов, изданных анонимно в 1886–1887 гг. В них в полной мере раскрываются взгляды Юма на настоящее и будущее Индии, цели, задачи и причины возникновения ИНК. Следует сказать, что в своем видении политической, культурной, социальной трансформации страны Юм, подобно многим другим британским «друзьям Индии», исходил из идеологии ра-

дикальных вигов². В представлении Юма Индия должна была достичь в рамках Британской империи статуса доминиона, аналогичного канадскому или австралийскому, с большой самостоятельностью в принятии решений по важнейшим государственным вопросам. Однако прежде стране требовалось политическое, экономическое, социальное, культурное «возрождение», которому должны были содействовать общественно-политические ассоциации, и прежде всего – Индийский национальный конгресс. Юм, таким образом, считал, подобно молодому поколению индийских интеллектуалов, что Индия может развиваться только в тесном союзе с Великобританией, которая должна всячески повышать уровень развития и благосостояния колоний с тем, чтобы однажды – в отдаленном будущем – превратить их в процветающие доминионы, связанные с метрополией лишь формальными узами. Такая точка зрения доминировала в ИНК до начала XX в., когда в Конгрессе начало усиливаться крыло «экстремистов» – сторонников скорейшего освобождения Индии от колониального гнета. Раскол в ИНК в 1907 г. привел к выходу экстремистов из Конгресса, но нерешительная политика умеренных и противоречивые итоги конституционной реформы 1909 г. стали причиной триумфального возвращения радикальной фракции в ИНК в 1915 г. и постепенного начала нового, завершающего этапа национально-освободительной борьбы. Тем не менее многие из принципов, заложенных Юмом и его соратниками в первые годы существования Конгресса, сохранились в идеологии и практике ИНК и в гандистский период его истории.

Характерной чертой произведений Юма является постоянное предостережение британских властей и самих индийцев о недопустимости повторения событий 1857 г., очевидцем которых был Юм. В его работах постоянно зву-

² Виги – традиционное наименование британских либералов и их партии.

чит идея о необходимости перенаправления энергии народа и его недовольства существующим положением вещей в мирное, конституционное русло, которое также олицетворял собой ИНК. В свою очередь, причины недовольства Юм видел в коренном сломе традиционных устоев, происходившим вследствие необдуманной политики британских властей, насаждавших привычные для Европы институты без учета местных особенностей. Юм часто обращается к временам, предшествовавшим английскому завоеванию Индии, утверждая, что положение народа при «индийских правителях» не было столь тягостным, как при британских генерал-губернаторах. Однако он не призывает Индию возвращаться в прошлое. Юм – пылкий сторонник прогресса, и Индия его грез – это страна современная и развитая, свободная и миролюбивая.

Настоящий сборник открывает, пожалуй, самый известный политический памфлет Юма – «Надежда старика» (1886). Рефрен предваряющего памфлет стихотворения «Пробудитесь!» («народы сами создают себя»³) является одновременно и общим принципом, который Юм пытается донести до своих читателей на страницах этой небольшой работы. Юм здесь обращается к одним из тяжелейших бедствий Индии – голоду и нищете, и находит их причины в ошибках управления – в вывозе капитала в Великобританию, создании громоздкого и дорогостоящего аппарата управления. Предлагая меры к исправлению ситуации, он коротко излагает содержание резолюций первой сессии ИНК, обращая внимание читателя на то, что в правительстве недостает индийцев, под которыми он подразумевает всех тех, кто намерен «жить и умереть здесь [в Индии]». В этом случае людей, находящихся у власти, действительно бы беспокоили проблемы остального населения страны, а народ мог бы (посредством представительных институтов) иметь «право голоса как при введении

³ «Nations by themselves are made».

налогов, так и при распоряжении доходами». Осознавая, что введение представительного элемента в систему колониальной администрации будет сопряжено с большими трудностями, Юм вдохновляет читателя историческим примером – деятельностью Лиги против хлебных законов⁴, которая предстает в его глазах идеальным примером мирной борьбы, увенчавшейся успехом. Это «благородный и лучший курс», ради проведения которого индийцы всех классов должны объединиться, чтобы искоренить нищету, и «надежда старика» состоит в том, что народ Индии откликнется на этот призыв.

В дополнение к «Надежде старика» в издании 1886 г. приведена предлагаемая Конгрессом схема реформирования законодательных советов и тексты резолюций⁵, принятых на первой сессии ИНК в декабре 1885 г. В этих документах нашли отражение основные требования, выдвигавшиеся Конгрессом на начальном этапе его существования. Показательным является крайне умеренный характер предлагаемых преобразований – в частности, реформа советов, которую отстаивает Юм и в «Надежде старика», и в других памфлетах, предполагает относительно небольшие изменения в системе законодательной власти Британской Индии, неспособные коренным образом повлиять на полноту власти колониальной администрации. Другой важной особенностью приведенных резолюций является их декларативный характер, что уже в начале XX в. вызывало волну критики со стороны экстремистов и молодого поколения бенгальских революционеров – сторонников насильственного свержения британской власти. Один из лидеров экстремистов Б. Ч. Пал язвительно называл дея-

⁴ См. примечание на с. 30.

⁵ С подробным разбором содержания резолюций ИНК до «эры Ганди» можно ознакомиться в книге: Sitaramayya P. The History of the Indian National Congress. Vol. I: 1885–1935. Madras, 1935. P. 34–95.

тельность умеренных «политикой просьб и петиций»⁶, а Дж. Неру, посетивший сессию ИНК в 1912 г., позже отмечал в «Автобиографии»: «Конгресс представлял собой группу умеренных, которая ежегодно собиралась, выносила малозначительные резолюции и не привлекала к себе особого внимания»⁷. Историк Конгресса П. Ситарамаяя приводит перечень из 56 требований сессий ИНК до 1918 г., которые не были удовлетворены «из-за позиции правительства Индии и различных местных правительств»⁸.

Вместе с тем, возникновение общендийской патриотической организации вызывало серьезные опасения реакционного англо-индийского чиновничества. Юму часто приходилось отвечать на критические выпады оппонентов и публично, и анонимно – со страниц газет. Примером такого рода является «Приливная волна, или Прогресс политической активности в Индии» (1886) – ответ на статью англо-индийской «Пионер», в которой деятельность «туземных агитаторов» описывалась как подрывная и опасная для общества. «Приливная волна» интересна также тем, что в ней Юм впервые переходит к резкой критике вице-короля Дафферина (1884–1888), обвиняя его в том, что «теоретические» симпатии к индийскому народу не находят воплощения на практике. Это стало одной из важнейших причин охлаждения отношений вице-короля с Конгрессом. Дафферин разделял либеральные воззрения своего предшественника Рипона, начавшего (в ограниченных масштабах) реформу местного самоуправления и пользовавшегося большой популярностью у индийского общества. В 1885 г. он содействовал основанию ИНК и фактически дал свое согласие на создание Конгресса. Однако политика вице-короля, яркими проявлениями кото-

⁶ Pal B. C. *Nationality and Empire*. Calcutta, 1916. P. 149.

⁷ Неру Дж. *Автобиография*. М., 1955. С. 37.

⁸ Sitaramayya P. *The History of the Indian National Congress*. Vol. I: 1885–1935. P. 93–95.

рой стала аннексия Бирмы, повлекшая за собой повышение налогов, вызывала негодование у индийской общественности, которое выливалось на страницы многочисленных патриотических газет и журналов. Своими памфлетами Юм, по мнению Дафферина, показал «печальный недостаток благоразумия и предусмотрительности», и «умышленная клевета»⁹ на его правление не могла остаться безответной. Вследствие этого, в конце 80-х гг. XIX в. Конгресс столкнулся с серьезной оппозицией не только со стороны чиновничества, но и с поощряемой им критикой в индусских и мусульманских аристократических кругах.

Памфлет «Звезда на Востоке, или Бенгальская национальная лига», описывающий причины и историю зарождения национального движения в Индии, является также и попыткой объяснить причины растущей непопулярности Дафферина в стране. Юм приходит к выводу, что значительная порция критики по адресу вице-короля связана с нечистоплотной работой прессы, искажающей его заявления и публикующей непроверенные слухи, однако помимо этого существуют и более веские основания – афганская политика вице-короля, вторжение британских войск в Бирму, отказ принимать индийцев добровольцами в армию. Введение в Индии представительных институтов и в этом случае представляется Юму эффективным средством для разрешения сложившейся ситуации. Во втором издании «Звезды на Востоке» в качестве приложения опубликована серия очерков Юма в калькуттской «Миррор», объединенных под общим заглавием «Развитие либеральных институтов в британских владениях»¹⁰. В этих очерках Юм

⁹ Cit. in: Yadav B. D. A. O. Hume: founder of Congress. New Delhi, 1992. P. 55.

¹⁰ Анализ этой работы см. в статье Э. Моултона: Moulton E. C. The Early Congress, and the Idea of Representative and Self-Governing Institutions on the Colonial Canadian Model // The Congress and Indian Nationalism: Historical Perspectives. London, 1991. P. 222–258.

подробно описывает становление и особенности представительных институтов в доминионах и колониях Великобритании, настаивая на несправедливости лишения индийцев возможности принимать участие в управлении страной в сколь-нибудь значительной степени. Важно отметить, что, размышляя о возможности и целесообразности введения представительных учреждений в тех или иных колониях, Юм зачастую находится во власти опасного, но очень характерного для европейской науки XIX в. заблуждения о существовании «низших» рас. Вместе с тем, он не только всецело ассоциирует себя с индийским народом, не разделяя английских поселенцев Индии и коренных жителей, поскольку единство всех индийцев «независимо от цвета кожи, расы, вероисповедания» являлось одним из руководящих принципов Конгресса, но и считает «извращенно мыслящими людьми» тех, кто пытается оправдывать верховенство Британии над колониями расистскими измышлениями.

Необходимости введения представительных институтов в Индии, в целом, посвящены также «Беседа между Фаридаддином и Рамбакшем» и широко известная речь Юма в Аллахабаде 30-го апреля 1888 г. Первая из них выполнена в форме пьесы с двумя действующими лицами – судьей Фаридаддином, сторонником национального движения и простым сельским старостой Рамбакшем, который хочет разобраться в непонятном для него «представительстве». В «Беседе» в простой и доступной форме разъясняются те же принципы и методы Конгресса, что и в аллахабадской речи, и в памфлетах 1886–1887 гг. Персонажи «Беседы», по словам Юма, «взяты из жизни»; в образе раджи Харбансрая, бесконечно далекого от своих подданных, легко угадывается правительство в Англии, которое знает о существовании Индии, но не имеет никакого представления о ней. Образ Рамбакша – неграмотного, но умного сельского жителя, был, очевидно, навеян Юму службой на низших должностях в колониальной администрации в

1850-х – 1860-х гг., пришедшейся на годы восстания, охватившего обширные области Северной Индии, и восстановления британской власти на этих территориях. Юм неоднократно указывал, что только благодаря помощи местного населения британскую власть в Индии удалось сохранить. В письме О. Колвину¹¹ (с. 287) он отмечал, что «эти люди проникательны и разумны, на свой восточный манер; ...они, признавая, насколько хороши многие из наших установлений, сильно недовольны правительством в отношении всех тех вопросов, которые мы затрагиваем, и мы, не подливая масла в огонь, даем увидеть им всю картину в целом». Таким образом, в представлении Юма, народ должен был стать активным участником национального движения, а не посторонним наблюдателем. С таких же позиций написан и «Тамильский катехизис Конгресса» Вира Рагхава Чарьяра (в приложении к настоящему изданию), представляющий собой серию вопросов и ответов о сущности и целях ИНК. Характерно, что и «Беседа», и «Катехизис» были опубликованы в отчете о третьей сессии ИНК 1887 г. как примеры брошюр, распространяемых конгресси́стскими активистами по стране. Брошюры Конгресса (и в их числе «Речь о происхождении, целях и задачах ИНК», опубликованная отдельным изданием) – схожие по содержанию, но разные по форме – обращались и к прослойке образованных индийцев, и к неграмотным массам, расширяя социальную базу организации и выполняя тем самым одну из основных задач ИНК: «познакомить страну с методами и работой представительных учреждений в больших масштабах, и, таким образом, по мере роста этого знакомства, продемонстрировать правительству и народу Англии, что Индия уже созрела для создания подобных институций, к которым искренне стремятся все умы страны».

Документом иного рода является изданная в Шимле и

¹¹ См. примечание на с. 247.

Лондоне брошюра «*Audi alteram partem*» – «услышать другую сторону», содержащая письмо вице-губернатора Северо-Западных провинций и Ауда О. Колвина по вопросам национального движения и ответ Юма на него. Письмо Колвина предоставляет читателю возможность познакомиться с критикой Конгресса «из первых рук», лучше понять исторические реалии, в которых протекала деятельность ИНК на этапе его становления. Колвин, будучи человеком либеральных воззрений, первоначально приветствовал создание ИНК, но впоследствии разочаровался в движении; причины этого заключались в потенциальном расколе страны на два противоборствующих лагеря, резкой критике правительства, а также (по мнению Колвина) незрелости и незначительности целей, которые ставит Конгресс, вызывая при этом брожение в стране. В своих рассуждениях Колвин исходит из того, что британское правление принесло в Индию мир и прогресс, избавило ее от вопиющих предрассудков средневековья, в то время как Конгресс, представляющий интересы малочисленной группы получивших европейское образование индийцев, пытается преувеличенно изобразить присущие Раджу недостатки и говорить от имени всей страны.

Ответ Юма, с одной стороны, является попыткой примирить критиков и критикуемых, обрести взаимопонимание, разъяснить те аспекты движения, которые могли быть неправильно поняты. С другой стороны, его письмо содержит еще более яростную критику пороков колониальной администрации, чем памфлеты, обсуждаемые в переписке. Юм приходит к выводу, что Колвин не осознает во всей полноте плачевного состояния Индии и так же далек от народа Индии, как и остальные англо-индийские чиновники. В свою очередь, попытки Юма развеять заблуждения Колвина имели прямо противоположный эффект – вице-губернатор стал открытым противником Конгресса. В частности, Колвин препятствовал проведению сессии ИНК в Аллахабаде в 1888 г. и способствовал усилению ан-

тиконгрессиистской оппозиции. В противовес ИНК была создана Объединенная патриотическая ассоциация, мусульманский просветитель Саид Ахмад-хан призывал единоверцев отказаться от участия в деятельности Конгресса, а правительство негласно наложило запрет на посещение чиновниками ежегодных сессий ИНК.

На этом фоне внутри Конгресса зрело недовольство Юмом. Индийские лидеры ИНК считали, что не в состоянии справиться без него, но выступления генерального секретаря в печати казались им слишком радикальными. Кроме того, возражения вызывал и деспотический стиль руководства Юма, которому было присуще патерналистское отношение к Конгрессу. В первые годы существования организации она не имела устава, способного ограничить полномочия генерального секретаря. Предметный комитет ИНК, создание которого несколько ослабило влияние Юма на Конгресс, возник только после угрозы Б. Ч. Пала начать борьбу за демократизацию внутри ИНК¹². В 1892 г. руководство ИНК публично выступило против Юма, осудив попавшее в печать письмо «Каждому члену партии Конгресса», в котором Юм призывал соратников не расходовать накопленные средства на «незначительные мелочи», а обратить их на пользу «национального дела». Кроме того, он предупреждал о неизбежности широкомасштабного народного восстания вследствие усугубляющейся нищеты населения. Резкие высказывания Юма вызвали бурю негодования в Индии и Англии. Комитеты Конгресса в Аллахабаде, Бомбее и Мадрасе отказались распространять письмо среди сторонников ИНК, Британский комитет Конгресса в Лондоне публично отрекся от «дикого языка и неоправданных выводов, сделанных г-ном Юмом»¹³.

¹² McLane J. R. Indian nationalism and the early Congress. Princeton, 1977. P. 123.

¹³ The Times. 1892. 2nd April.

Хотя, в целом, история с циркуляром 1892 г. не слишком повлияла на положение Юма в Конгрессе, с начала 1890-х гг. он больше времени проводил в Англии, участвуя в работе Британского комитета ИНК и местных либеральных клубов. В декабре 1893 г. он в последний раз посетил сессию ИНК, и весной следующего года навсегда покинул Индию.

«Прощание с Индией», завершающее настоящий сборник – запись речи Юма, произнесенной на торжественном прощальном митинге в Бомбее. Это своеобразное напутствие молодым соратникам, которым предстоит и дальше бороться за свои права. Вместе с тем, Юм смотрит в будущее не без доли пессимизма – анализ политической ситуации в Англии и Европе ведет его к заключению, что главные требования Конгресса едва ли будут удовлетворены в ближайшем будущем, а грядущий приход к власти консерваторов потребует от индийцев решения иных задач в условиях «отсутствия прогресса». В частности, в этой речи Юм обращает внимание слушателей на необходимость решения неapolитических задач – поощрения и развития физической культуры, распространения женского образования, преодоления внутренних разногласий, отказа от браков с несовершеннолетними.

В завершение Юм подводит неутешительные, как ему казалось, итоги своей деятельности в Индии, но выражает надежду на успешное завершение дела, у истоков которого он стоял: «Еще немного, и я покину вас навек; я потерпел провал, ибо мне не удалось обеспечить вам сколь-нибудь заметную долю того, что надеялся завоевать для вас; сеятель, кому не доведется увидеть урожай, я сажал деревья, чьи плоды не смогу вкусить, но все же я не унываю, ибо знаю наверняка, что земля, которую я любил, однажды обретет все, чего я желал для нее, соберет урожай и насладится благословенными плодами».

Ему не довелось увидеть Индию свободной – впереди страну ждала полувековая борьба, полная побед и лише-

ний, борьба, развитие и итоги которой едва ли получили бы одобрение «отца Индийского национального конгресса»; но его усилия не пропали даром. Национальный конгресс с течением времени стал флагманом национально-освободительного движения и долгие годы занимал доминирующее положение в политической жизни независимой Индии, сохранив значительное влияние и сегодня.

Д. Никитин

Надежда старика¹⁴

Пробудитесь!

Дети Инда! Что вы ждете,
о помощи богов моля?
Встаньте! К делу! Ведь народы
сами создают себя!

Вы свободны или в рабстве
и во тьме который год?
Все в ваших руках! Извечно
Сам себя творит народ!

Вас гнетут поборы. Что вы
можете сказать в ответ?
Встаньте! Бейтесь! Стройте сами
нацию в теченьи лет.

Ваши земли, ваши жизни
на кону в игре чужой.
Требуйте! Ведь созидает
сам себя народ любой!

Что вам титулы, богатства?
Право управлять собой
их ценней. Ведь созидает
сам себя народ любой!

Не ленитесь и не бойтесь!
Быть нельзя весь век детьми.
Помните, что создается
нация всегда людьми!

¹⁴ Перевод осуществлен по изданию: The Old Man's Hope. A Tract for the Times. Calcutta: Calcutta Central Press Co., 1886.

Вам не взять свое по праву
тихим ропотом. Поверь,
лишь поднявшись, созидает
сам себя народ теперь!

За страданием – упадок.
Можно ль жить, мечту губя?
Одолей свои ошибки!
Сам народ творит себя!

Не поможет Небо! Должно
самому себя спасать.
Только так, друзья, и можно
Нацию, народ создать!

Встаньте, дети Инда, вместе!
И победа к вам придет.
На Востоке всходит солнце.
Сам себя творит народ!

СОЮЗ

Время несет нас так тихо и плавно, что зачастую оказывается, что мы, старики, только начав пробуждаться, уже стоим одной ногой в могиле. Длинные и утомительны были годы моего паломничества, и ныне стремительно приближается время покоя и отдыха, – во всяком случае, для меня. Но, прежде чем я уйду навек, прежде чем на меня падет ночь, в которой человек не знает трудов, я с радостью хотел бы поговорить с моими братьями, что рьяно трудились подле меня, и теми людьми, которых мы с ними так любим, о великой и стойкой Надежде, живущей во мне – Надежде, которая, воплотившись в жизнь, осветила бы мне врата неизведанного и позволила уйти со счастливой уверенностью в том, что в нашей любимой стране наступят

счастливые дни.

Когда я, молчаливый и незаметный, перемещаюсь между округами и провинциями этой великой империи, среди многого, что достойно сожаления, одна особенность сегодняшней индийской жизни приковывает мое внимание так сильно, что почти заглушает все прочие чувства. Я борюсь с ней много лет и буду продолжать бороться, но черной тучей она омрачает часы моего бодрствования и ненавистным призраком является во снах. Что бы я ни делал, куда бы ни пошел, один печальный факт всегда стоит перед моими глазами, и оттого все цветы моей жизни увядают. Я пытался скрыть его за более приятными и радостными для взора явлениями, но лучшие из них, что я мог добыть, смотрелись как мелкие клочки цветных лохмотьев, редко рассыпанных по обширной и суровой горной стране. Я пытался забыть, игнорировать его; плавать на поверхности, не глядя в глубину; но все напрасно. Год за годом боль в моем сердце становилась все сильнее, и вот, наконец, убежденный силой, более мощной, чем я сам, я чувствую, что должен говорить и высказаться до конца. Я долго колебался, прежде чем решиться, потому что до недавнего времени не мог найти путь – не был способен поставить перед собой определенную цель или найти курс, который помог бы смягчить гнетущие меня страдания. Но время сомнений прошло. Теперь я вижу достаточно ясно и путь, и цель, и курс действий; и если до того, как уйду, я смогу добиться, чтобы мои соотечественники, высшие и низшие, увидели их с равной ясностью и приняли их с решимостью преуспеть – мои труды и страдания не будут напрасны.

Друзья мои, я рад снова встретиться с вами после нашей долгой разлуки. Должен признать, что вы веселы и неплохо выглядите; было немного холодно, но вы хорошо одеты и хорошо накормлены, а ваши дорогие дети и все те, кто вам дорог, имеют все, чего только могут пожелать им ваши добрые сердца. Вы правы, братья, в том, что испытываете

благодарность за все эти блага, ибо пока вы еще слишком мало сделали, чтобы их заслужить, в то время как пятьдесят миллионов изнывающих от голода ваших соотечественников стонут о лучших временах, которые никогда не настанут; вся их одежда – грязная тряпка вокруг чресл, и в холодный вечер, сырым утром они дрожат, несмотря на наш теплый климат; они не могут наполнить свои желудки пищей, и, что еще хуже, видят своих малых детей – единственную радость и венец жизни – голодными и раздетыми, и смотрят, как они, истощенные, падают один за другим безвинными жертвами демонов болезни, что извечно бродят меж нашим голодным населением, тщетно цепляясь за своих обезумевших от нищеты родителей, ища защиты.

О люди! Сытые и счастливые, с малыми печальями и заботами (что такое *ваша* печаль в сравнении с их?)! Понимаете ли вы вообще всю безотрадность нищеты этих бесчисленных множеств? Сколько лучей солнца видят они на своих овитых мраком путях от рождения до смерти? Труд, труд, труд; голод, голод, голод (не фактический голод, иначе бы вскоре все закончилось); болезни, страдания, печали – вот (увы! увы!) лейтмотив их короткого и безрадостного существования, и кто станет отрицать, что этим пятидесяти миллионам (и даже более) лучше было бы никогда не рождаться, лучше бы, наверное, привязать камень к шее, броситься в реку и утонуть.

Вы, живущие сравнительно безбедно, вы, чья жизнь, несмотря на неизбежные горести, содержит в себе столько радости и солнца, можете ли вы представить себе безнадежную тоску тяжелой и страшной жизни ваших несчастных братьев? Ощущаете ли вы ее? Люди вы или камни? Я не стану говорить – животные, ибо все знают, что они сочувствуют страданиям своих товарищей; но не камни ли вы? А если нет, как так выходит, что стоя рядом с этим океаном страдания, быющим у ваших ног, вы все довольны и улыбаетесь? Как получается, что вы, очевидно,

не предпринимаете никаких усилий, чтобы устранить это национальное бедствие и – если вы спокойно терпите его – позор?

Вы, возможно, доверяете праздным словам тех благовидных защитников эгоизма, говорящих, что такая нищета должны существовать, низшие классы должны страдать, ибо это то, что Всемогущий пожелал уготовать им, что их муки – это устроение Провидения, которое они должны принять с радостным смирением, и что бесполезно пытаться бороться против воли Бога или беспокоиться о страданиях, предопределенных Им. Несомненно, настанет время, когда эти богохульники узнают что-то большее о воле Бога, о которой они так болтают. Но больше всего мы уверены в том, что когда люди испытывают муки, от которых их могут избавить его ближние – это отнюдь не Божья воля, а напротив, воля Его в том (слышим мы ее или нет), что каждый из нас должен отвратить от всех своих товарищей любые страдания, насколько это возможно.

Большая часть этих неисчислимых мук может быть предотвращена, и предотвращена – *вами*; и я, стоя на пороге другой жизни, торжественно обещаю, что если вы не будете прилагать все усилия к их предотвращению, вам, конечно, рано или поздно придется горько сожалеть об этом. Поверьте мне – воздаяние за уклонение от добрых дел столь же несомненно, как и воздаяние за зло. Пусть люди обманывают себя, как могут; пусть как угодно притупляют мирскими удовольствиями внутреннее знание истины и совесть или стремятся задуть их мирскими делами и амбициями, но они все равно всегда помнят (ибо каждый из нас хранит это знание глубоко в сердце) – то, что люди сеют, они неизбежно пожнут здесь или где-то еще, и что только по вашим земным делам и проступкам божественная справедливость воздастся вам в нашем великом будущем.

Но я предвижу, что многие невинно ответят, что они уже стремятся смягчить это зло; что они подают милосты-

ню бедным; отправляют средства диспенсариям¹⁵; мало того, может быть, они давали щедрые пожертвования для проекта какой-нибудь милостивой леди по оказанию медицинской помощи женщинам¹⁶. Но, не осуждая эти поступки, мы можем сказать, что зачастую они означают расходование денег и энергии, которые можно было бы лучше использовать в другом направлении; все это выглядит так, словно во время прорыва огромной плотины горстка людей сходится у потока, ревущего по долине, и начинает вычерпывать его наперстками – в то время как именно на плотине они должны стоять и засыпать трещину. Именно к истоку нашего потока страданий мы должны идти и там пытаться остановить этот океан слез. Нужно бороться ради женщин и детей, и нам, мужчинам, нужно препоясать чресла и, глядя правде в лицо, сразиться с источником и первопричиной.

Ныне главной причиной всех этих мук является нищета – нищета таких масштабов, каких прежде не видывал мир; люди, незнакомые с ней, даже не могут осознать эти масштабы. Я хорошо помню милую английскую леди, которую я имел честь называть своим другом; она однажды сказала мне, что подметила в индийских городах одну особенность – что люди предпочитают приходить на базар вечером. Когда же я объяснил ей, что так происходит постольку, поскольку эти бедные люди едят лишь раз в день – вечером, столько, сколько позволяет дневная выручка; и когда они и их сородичи не зарабатывают ничего, они ложатся голодными, пытаюсь забыть во сне всю жестокость своего жребия, за редким исключением (ах! таким редким), когда, терзаемые муками голода, они рыскают повсюду, пытаюсь украсть необходимую пищу. Я объяснил, что существующая социальная организация, в которой они

¹⁵ Учреждение, раздающее безденежно лекарства бедным.

¹⁶ Юм имеет в виду леди Дафферин (Хэриот Джорджина Гамильтон-Темпл-Блэквуд, маркиза Дафферин и Ава (1843–1936)).

лишь жалкие детали, неумолимо отрицает их. На глазах леди появились слезы; но она была женщиной и англичанкой, и не могла понять, что это великое зло сотворили нам ее соотечественники, – по большей части, в силу невежества; зло, против которого мы обязаны подняться, – не мстить, не говорить и даже не злиться, а просто положить ему конец.

Британскому правительству мы обязаны миром – великим благом, но приобретенным, *похоже*, слишком дорогой ценой, ибо для нации лучше бороться и потерять от меча пусть даже десять процентов от своего числа, нежели голодать всем народом. Да, мы обязаны ему великим благом мира, защиты – сравнительно полной – жизни и имущества, новыми свершениями в образовании, включая величайшие примеры благородных жизней, о которых мы узнали благодаря нашей связи с ним, бесконечной серией новшеств западной науки, применяемых в повседневных делах, добавивших комфорта и роскоши богатым и состоятельным людям; но мы обязаны ему также глубоким обнищанием масс, которое навсегда обрекло более пятидесяти миллионов наших людей на страшные страдания.

Нет сомнений в том, что европейцы будут спорить с этим. Некоторые станут отрицать нищету – они, как правило, настолько не осведомлены об условиях нашей жизни, что делают это добросовестно, полностью веря в то, что говорят. Действительно, это есть и всегда было одной из наших самых больших проблем. Среди них есть плохие люди, как среди нас самих, но в целом они честны, прямы и желают поступать правильно. Только, к сожалению, они совершенно ничего не знают о нашей жизни, о состоянии страны, и так уютно укутаны в сознание собственных благих намерений (существующих на самом деле) и огромных знаний и мудрости (являющихся мифом), что, подобно Бурбонам, никогда ничего не учили, но, в отличие от них, многое забывают, и очень часто – те либеральные принципы, что знакомы им с детства. Многие европейцы, по-

вторую, станут отрицать нищету, но что касается *вас*, *вы* знаете, что мои слова правдивы, и я, если угодно, даже преуменьшаю эту горькую истину. Те из вас, кому уже достаточно лет, могли слышать собственными ушами от тех, кому хватает опыта, подробное описание положения дел при наших индийских правителях до 1803 г.¹⁷; тогда вам известно, что отдельные люди здесь и там жестоко страдали, но массы были сравнительно обеспечены и никогда не жили в такой нищете, как сейчас. Иногда приходил большой голод, и сотни тысяч (намного меньше, чем сейчас) гибли, но ему наступал конец. Бывали шторма, иногда град, раз в жизни сверкала молния, но преобладала солнечная хорошая погода. Британцы неплохо смягчили град и создали чрезвычайно сложные молниеотводы, но изгнали все солнечные лучи, и массы теперь увядают, бледнея, в удручающем, никогда не проходящем тумане нужды.

Но есть европейцы, которые много путешествуют среди людей и знают страну. Особенно много хороших миссионеров, признающих нищету, но отрицающих ответственность британского правительства за её возникновение. Они склонны приписывать ее появление всевозможным причинам, кроме истинных, и я даже встречал достойных уважения, самоотверженных людей, считающих главной причиной людских страданий отказ от христианства. Я последний, кто станет отрицать, что принятие высоких образцов морали может кое-что сделать для уменьшения страдания масс, терзаемых, помимо нищеты, от которой невозможно убежать, также и результатами чрезмерного пристрастия к крепким напиткам, которыми наше родное правительство, вопреки всем протестам, так усердно обхаживает нас; но они ставят телегу впереди лошади, делая вид, что страдания людей можно уменьшить улучшением

¹⁷ В 1803 г. в ходе второй англо-маратхской войны войска Ост-Индской компании захватили Дели, в результате чего падишах Империи Великих Моголов признал над собой «покровительство» англичан.

морали или образования, ибо факт – ничто из этого практически не возможно до тех пор, пока не будет облегчено бремя нищеты – крайней, чрезмерной нищеты, рушащей физическую и духовную жизнь масс.

Однако для всех, кто упорно и беспристрастно изучал прошлое и нынешнее положение народа Индии, очевидно, что несмотря на многие недостатки и проступки индийских правителей и индийских администраций, в былое время низшие классы не испытывали и малой доли тех страданий, пронизывающих их жизнь при нынешних британских правителях и администрациях – этот факт является слишком убедительным, чтобы принять такой аргумент. Но *post hoc*¹⁸ не всегда *propter hoc*¹⁹, и многие из воспевающих британское правление, неспособные отрицать факт, который может оспариваться только вследствие невежества, ищут его причину не в плохом управлении, а в росте населения из-за защиты, предоставляемой нынешним стабильным и справедливым правительством. Но эта точка зрения кажется несостоятельной в свете хорошо установленного принципа: в стране, все еще полной девственных ресурсов, любое увеличение численности населения (вплоть до пределов, еще не достигнутых в Индии) связано, при отсутствии каких-либо ненормальных, неблагоприятных воздействий, с довольно пропорциональным ростом резервов, поддерживающих это население.

С теми многочисленными условиями, регулирующими жизнь людей (введенными, безусловно, англичанами), это растущее население должно быть в лучших условиях, и все классы, высшие и низшие, должны быть богаче; но в действительности высшие классы бедны, а низшие живут в абсолютной нищете, и это прямо и отчетливо отсылает нас к фундаментальному дефекту британского правления.

Этот дефект имеет двоякий характер. Для страны, быв-

¹⁸ После этого (лат.).

¹⁹ Вследствие этого (лат.).

шей даже в то время бедной и отсталой, наши европейские друзья создали слишком дорогостоящую и сложную для любой не слишком богатой и развитой страны администрацию. Таким образом, на всем протяжении британского правления администрация требовала большей части доходов от налогообложения, и, что еще хуже, слишком большая часть временно отнятых у страны огромных сумм тратилась так интенсивно, что была потеряна для нее навсегда.

При самом худшем местном тиране доходы от налогообложения, за исключением относительно небольших сумм, вскоре возвращались стране для того, чтобы смазать колеса и даже заправить топливом ее торговые механизмы. Но при наших нынешних мягких правителях миллионы (хотя и *не так* много, как принято считать) ежегодно уходят из страны навсегда и больше никогда не возвращаются ни прямо, ни косвенно. Конечно, мы все знакомы с хвастливыми заявлениями *per contra*²⁰ о многих миллионах британского капитала, которые, как говорят, инвестируются в Индию (при критическом анализе оказывается, что на самом деле это не такая большая сумма, как думают). Аргумент состоит в том, что, хотя доля с них ежегодно вывозится в Англию, это лишь часть прибылей, полученных таким образом, и баланс остается в стране. Но насколько самые тщательные исследования позволяют говорить об этом сложном вопросе, я уверен, что все, что остается в таких оазисах – просто наем труда, который во многих случаях (например, в производстве индиго) можно было бы более выгодно и более благоразумно применить в других областях, если бы Индия была действительно (а не номинально – во многих отношениях) свободной страной.

Вот ключ ко всем нашим бедам, вот пролом в плотине: именно против этого отъема богатств страны мы должны протестовать – и не просто протестовать, *но* положить ему

²⁰ Напротив (лат.).

конец. Из года в год значительная часть прибыли, создаваемой всем нашим населением, уходит на увеличение оборотного капитала другого народа – но наши братья, несомненно, хорошие и достойные люди, вполне способны, *однако*, обеспечить себя сами. Тем не менее они жаждут бедных маленьких ягнят из наших ежегодных доходов, которых безжалостно отрывают от нас и бросают в могучую машинерию британского финансового мира. Американская мясорубка, в которую бросают свиней и телят, чтобы получить ветчину и телячью колбасу – детская игрушка в сравнении с гигантской машиной британской торговли, чья жадная пасть никогда не насыщается, брось в нее хоть весь доход целой нации, как в нашем случае, или свободы другого, как в Бирме²¹ – ничего святого, если это может позже принести дивиденды британским инвесторам!

Но вернемся: здесь, и только здесь лежит корень проблемы. Из года в год у нашей страны отнимают большую, растущую с каждым годом долю прибыли, которая должна оставаться здесь для увеличения оборотных средств, и постоянно переводят в другую страну, которая в дальнейшем одна получает выгоду. Как следствие, из года в год страна становится беднее, и страшная нищета, поглощающая наши низшие классы, углубляется, расширяется и чернеет, как болото! Ее расширением и жестокостью – как следствием фундаментального недостатка британского управления – мы обязаны англичанам так сильно, что могли бы позволить себе простить им все это только в том случае, если бы они *сейчас*, когда зло столь очевидно, захотели бы побороть трудности и начали принимать необходимые меры по исправлению положения так быстро, как только возможно.

²¹ Юм имеет в виду третью англо-бирманскую войну (1885–1887), приведшую к потере Бирмой независимости и превращению ее в британскую колонию.

Эти меры довольно просты. Как можно скорее, без лишних расходов и ущемления интересов отдельных лиц, девяносто процентов *неиндийцев*, занятых в правительстве, должны быть заменены индийцами²². Вместо того, чтобы увеличивать армию европейцев на десять тысяч человек, как это было только что сделано, ее нужно сократить, по меньшей мере, на столько же, и сокращать со временем все больше и больше, а потери в военной силе следует восполнять набором индийских волонтеров и организацией индийской милиции по всей империи. Совет при государственном секретаре по делам Индии должен быть упразднен, а реальная власть передана стране. В правительство здесь должен быть введен представительный индийский элемент с тем, чтобы народ имел право голоса как при введении налогов, так и при распоряжении доходами.

Нужно, несомненно, сказать, что это – простое воспроизведение резолюций, принятых последним Национальным конгрессом и ратифицированных всей страной посредством сотен ассоциаций и общественных собраний! Разумеется, они не являются моим открытием; разумеется, вам так же, как и мне, известна их первостепенная важность; но разница между нами состоит в том, что пока вы отчаиваетесь побудить правительство принять эти меры (и другие, с ними связанные), я верю в вашу способность сделать это, и моя великая Надежда заключается в том, что я могу побудить вас собраться с духом, объединиться и

²² Здесь я использую слово «индийцы» применительно ко всем лицам без различия расы, вероисповедания и цвета кожи, которые *bona fide* [по доброй воле (лат.)] живут и намерены жить и умереть здесь, кто, следовательно, с течением времени вернет стране все то, что было получено ими в качестве жалования. На чиновничьем языке большинство из тех, кого я называю индийцами, обозначаются статутными туземцами (Statutory Natives), но я отношу к ним и европейцев, не рожденных, но постоянно проживающих здесь (прим. авт.).

упорно добиваться своего так, чтобы непременно достичь. Люди различаются цветом кожи, местными обычаями, национальными традициями, которые прячут дело за разноцветными одеждами, но человеческая природа меняется настолько медленно, что политические уроки одной страны и эпохи зачастую можно не без интереса применить к иным странам в более позднее время. Я хочу вкратце рассказать вам об одном уроке из прошлого, и с его помощью надеюсь показать, что представляет собой наш долг, и как лучше мы можем его выполнить.

*Fas est et ab hoste doceri*²³, но еще более приемлемым будет урок от наших хороших друзей, англичан, который покажут нам, как бороться и преодолевать фискальную тиранию, которая ныне убивает *нас* так же, как *их* сто лет назад.

Это было не *слишком* давно; я сам хорошо помню эту великую борьбу – я был тогда мальчиком и учился в Англии – и мог бы рассказать вам обо всем, что имело место. Но, возможно, кто-то из вас вообразит, что, учитывая сходство событий, я подчиняю факты поставленной перед собой цели; поэтому я сам, по большей части, беру цитаты из обычной английской книги – краткой биографии Ричарда Кобдена²⁴ за авторством Говинга²⁵.

Ричард Кобден! Да, именно на Лигу против хлебных законов²⁶, на великую семилетнюю войну против этих гнусных пошлин призываю я вас обратить внимание. Как похожи эти случаи! наши английские братья страдали от го-

²³ Учиться дозволено и у врага (лат.) (Овидий. Метаморфозы. IV, 428).

²⁴ Ричард Кобден (1804–1865) – британский политический деятель (либерал), член парламента (1841–1857, 1859–1865).

²⁵ Gowing R. Richard Cobden. London, 1885.

²⁶ Лига против хлебных законов (Anti-Corn Law League) – общество, созданное в Великобритании в 1838 г. Р. Кобденом и другими сторонниками свободной торговли для борьбы за отмену пошлин на ввоз в страну зерна. Пошлины были отменены в 1846 г.

лода под действием чудовищно несправедливых законов (принятых в интересах небольшой группы аристократов), мешавших хлебу попасть в страну. Наши же собственные братья умирают под властью институций, ныне абсолютно устаревших (но сохраняемых в интересах небольшой группы бюрократов), которые выкачивают все деньги из нашей страны.

Да, массы в Англии страдали, бедствовали, постоянно находились на грани голода в результате несправедливых фискальных предписаний, осуществляемых в интересах небольшого класса, и все же г-н Говинг говорит нам:

«Люди не могли надеяться на введение свободной торговли зерном до тех пор, пока не возникнет другая система голосования, и иной состав представителей не вступит в Палату общин».

«Как только с прекращением войны²⁷ в страну пошло иностранное зерно, фермеры начали кричать, что разорятся, поскольку рента росла в течение многих лет. Что-то нужно было предпринять. Должны ли землевладельцы были понизить арендную плату? Или следовало принять закон о сохранении цен на зерно за счет бедных, нуждавшихся в хлебе? Но их не было в парламенте, и они не могли высказать свои доводы против дорогого хлеба. Как правило, они не имели голоса и в избрании членов парламента».

«За семнадцать лет, начиная от битвы при Ватерлоо до принятия закона о реформах²⁸, не было ни одного собрания или демонстрации по вопросу реформ, где не обсуждались бы хлебные законы. Но все знали, что надежды на их отмену нет, пока парламент остается не реформированным».

«Однако даже Кобден и Лига против хлебных законов признавали, что отмена хлебных законов была бы невозможна прежде триумфа избирательной реформы 1832 г.».

²⁷ Наполеоновские войны (1799–1815), в ходе которых была установлена многолетняя континентальная блокада Великобритании (1806–1814).

²⁸ Избирательная реформа 1832 г. в Великобритании (Reform Act 1832) предоставила места в парламенте крупным промышленным городам за счет ликвидации представительства «гнилых местечек» — обезлюдивших деревень и городов. В результате реформы число лиц, имеющих право голоса, в Англии и Уэльсе выросло с 500 до 813 тысяч человек.

Таким тогда был английский народ – куда более решительный и менее законопослушный, чем мы; люди, о которых мы говорим, временами разбивали окна в домах тех, кто играл важную роль в принятии отвратительных законов: «были вызваны военные, несколько человек были убиты, палаты парламента охранялись солдатами, и, действительно, весь Лондон оказался во власти армии. Подобные беспорядки преобладали в большинстве густонаселенных районов Северной Англии, графств Мидленда и т. д.». Да, даже эти энергичные люди, готовые постоять за себя, страдали от голода вследствие несправедливых фискальных ограничений, вводимых в интересах небольшой группы аристократов и довольно большого количества землевладельцев – так же, как наши люди умирают из-за финансовых мер, осуществляемых во благо небольшой группы индийских бюрократов и британской постоянной армии; и все же они считали, что ситуация не исправится, что им придется страдать и голодать до тех пор, пока форма правительства не изменится таким образом, что они будут действительно представлены в нем, а не только номинально – то есть пока не станут обладать той прямой долей в управлении собственной страной, которая является неотъемлемым правом каждого свободного гражданина свободной страны.

Что же касается Лиги против хлебных законов, «теперь она повсеместно признается лучшим и наиболее умело управляемым народным движением в истории политического прогресса, и все соперники и враги, в прошлом или настоящем, не колеблясь, признавали, что агитация была обязана своим успехом, в основном, Ричарду Кобдену, и что для такой задачи он был самым способным лидером, который когда-либо появлялся на сцене английской политической жизни»; но, тем не менее, нам отчетливо говорят, что даже эта лига, лучшее народное движение в истории политического прогресса, ведомое самым способным лидером, когда-либо появлявшимся на сцене политиче-

ской жизни Англии, считала невозможным обеспечить отмену тех несправедливых законов, разорявших страну и людей, без фундаментальной реформы в управлении страной, проведенной в 1832 году.

Кто имеет уши слышать, да слышит! Хотя бы Ангел спустился с Небес и провозгласил истину, ничто не могло бы сказать нам более ясно, чем эти отрывки из английской политической истории, что у нас нет шансов избавиться от тех одиозных финансовых мер, которые разрушают Индию и приводят ее жителей к голоду, пока мы не будем «действительно представлены в управлении, а не только номинально» и «обладать той прямой долей в управлении» нашей «собственной страной, которая является неотъемлемым правом каждого свободного гражданина свободной страны!»

Если, далее, мы готовы извлечь выгоду из уроков истории и руководствоваться опытом той благородной нации, которой мы обязаны нашими сегодняшними концепциями политических прав и нашим стремлением к свободе, подобной их собственной, мы отныне вместо того, чтобы растрачивать наши деньги и энергию на множество разных целей, частных или общих, должны объединиться и добиться, несмотря на все препоны, прямого участия в управлении своей страной, которое, как учат нас английские друзья, чьими скромными учениками в данном деле мы являемся, есть наше «право по рождению».

Сейчас это участие в управлении можно обеспечить только с помощью какой-либо формы представительных институтов, и поэтому мы должны бороться (и побеждать) за введение в правительство представительного элемента, предусмотренного в третьей резолюции Национального конгресса.

Чиновники всех рангов, однако, говорят нам, что это абсурдно и неосуществимо. Не дайте себя отговорить; это путь чиновников во всем мире, именно так они ответствовали на требования наших английских братьев.

Когда Кобден и другие члены Лиги в 1839 году сообщили некоему аристократу (принимавшему активное участие в принятии закона), что намереваются агитировать за полную и немедленную отмену хлебных законов, его ответом было: «Вы ниспровергнете монархию, как только этого добьетесь». Когда той же весной 200 делегатов встретились с лордом Мельбурном²⁹, так называемым вигом, бывшим тогда премьер-министром, и объяснили ему, что их целью является отмена хлебных законов, тот ответил: «Вы знаете, что это невыполнимо». В то же время сэр Роберт Пиль³⁰, лидер тори, сказал им, что об этом не может быть и речи, а сэр Джеймс Грэм³¹ осудил бедных делегатов как «левеллеров»³² и «заявил, что если бы хлебные законы были отменены, страну постигло бы множество бедствий, земля перестала бы обрабатываться, Церковь и Государство не поддерживались бы, все наши институты были бы сведены к примитивным элементам, а люди, которых подстрекали сторонники отмены законов, захватывали бы наши дома на наших глазах».

Однако прошло менее семи лет, и в результате агитации Лиги хлебные законы были навсегда отменены, главным образом благодаря содействию великого новообращенного Кобдена, сэра Роберта Пиля, который несколькими годами ранее объявлял требование об отмене хлебных законов слишком абсурдным, чтобы его рассматривать. В этом,

²⁹ Уильям Лэм, 2-й виконт Мельбурн (1779–1848) – британский государственный деятель, премьер-министр Великобритании (1835, 1835–1841).

³⁰ Роберт Пиль (1788–1850) – британский политический деятель, премьер-министр Великобритании (1834–1835, 1841–1846).

³¹ Джеймс Грэм, 4-й герцог Монтроз (1799–1874) – британский политический деятель (консерватор).

³² Левеллеры – радикальное течение в Английской буржуазной революции (1640–1688). Левеллеры выступали против монархии и аристократии, за создание республики и наделение всего взрослого мужского населения избирательными правами.

опять же, заключается двойной урок для нас. Во-первых, нужно смеяться с презрением, которого они заслуживают, над словами уныния и хулы, над угрозами и насмешками чиновников и англо-индийских неофициальных лиц, с которыми нам, несомненно, придется столкнуться; и, во-вторых, проводить нашу агитацию по тем же направлениям, что и «наиболее умело управляемое народное движение в истории политического прогресса», Лига против хлебных законов.

«Задача Лиги против хлебных законов, по словам г-на Кобдена, заключалась в том, чтобы наставлять нацию. Бедные голодали и требовали дешевого хлеба, но у них не было ни голоса, ни системы, ни настойчивости, ни ясного понимания принципов свободной торговли, ни способов убедить тех, в чьих руках была власть. Лига приступила к действию при помощи всех законных и конституционных средств – таких, как создание местных ассоциаций, чтение лекций, распространение брошюр и представление петиций в парламент – ради полной и немедленной отмены хлебных законов».

В начале сессии 1839 года г-н Вильерс³³ сделал заявление (в Палате общин) о том, что ряд петиций против хлебных законов должен рассмотреть общепарламентский комитет. Это были главным образом петиции, которые исходили от организаций Лиги. Палата отклонила это предложение. Тогда г-н Вильерс предложил Палате заслушать нескольких членов Манчестерской ассоциации против хлебных законов. Предложение проиграло, получив 172 голоса против 361. Делегаты, ожидавшие в Лондоне решения Палаты общин, встретились на следующее утро, чтобы подумать о том, каким должен быть их следующий шаг. Не было никаких признаков уныния, и, обращаясь к своим

³³ Чарльз Пелэм Вильерс (1802–1898) – английский политический деятель (либерал), активный участник Лиги против хлебных законов, член парламента (1835–1898).

братьям-делегатам, Кобден сказал: «Делегаты предложили проинформировать Палату; Палата отказалась выслушать информацию. Самым же безупречным и действенным путем будет информирование нации». Так было и с нами. Наши образованные люди по отдельности, пресса – в широких масштабах, наши представители на Национальном конгрессе – все пытались проинструктировать правительство. Но оно, как и все самодержавные правительства, отказалось воспринять информацию; и теперь нам нужно наставлять нации – великую английскую нацию на ее острове и гораздо большую нацию этого огромного континента, чтобы всякий индеец, который живет на священной почве нашей родной земли, мог стать нашим товарищем, сторонником, и, если понадобится, нашим солдатом в великой войне, которую мы, как Кобден и его благородный отряд, будем вести за справедливость, за наши свободы и права.

Им потребовалось семь лет; нам может понадобится столько же или еще больше, но мы, как и они, уверены в конечном успехе.

Борьба, однажды начатая,
хоть затихает иногда,
Победой кончится всегда³⁴.

Вскоре после заявления Кобдена, о котором уже упоминалось, г-н Вильерс внес предложение, призывая Палату «принять во внимание Акт IX Георга IV³⁵, регулирующий импорт иностранного зерна». Предложение обсуждалось пять ночей и было разгромлено решающим большинством в 147 голосов!

Разве члены Лиги впали в уныние? Некоторые – воз-

³⁴ Дж. Г. Байрон. «Гяур» (The Giaour; в пер. С. Ильина). Юм приводит эти строки с небольшими неточностями.

³⁵ Георг IV (1762–1830) – король Великобритании и Ирландии (1820–1830).

можно, но Кобден никогда не колебался. Его дух вскоре вдохновил всех, и в этом явном поражении был заложен зародыш будущего триумфа. Все местные ассоциации были сведены в единый союз, впоследствии известный как Лига, а исполнительный комитет Манчестерской ассоциации составил Совет Лиги.

«Тогда началась серьезная работа по обучению нации. Требования дешевого хлеба со стороны голодающих тысяч были часто слышны в это напряженное время испытаний, но тех, кто понимал вопрос о свободной торговле, как принцип или же в применении к сложным условиям торговли и промышленности, было немного и среди богатых, и среди бедных, среди образованных и безграмотных. Дело Лиги заключалось в том, чтобы заставить страну понять существо этого вопроса, и задача была выполнена энергично и с большим размахом. Для распространения информации был запущен “Циркуляр против хлебных законов”, орган Лиги; брошюры, листовки, памфлеты распространялись сотнями тысяч, лекторы ездили по стране вдоль и поперек, созывались митинги в городах и в сельской местности, и на них во многих случаях присутствовал Кобден или другой квалифицированный представитель Лиги».

Несомненно, были трудности, с которыми пришлось столкнуться. Землевладельцы и магистраты, конечно же, были против лекторов; где-то фермер предложил бушель пшеницы любому, кто бросит лектора в реку; где-то хозяин трактира, подпевая, как это обычно бывает, местным магнатам, выгнал лектора на улицу; где-то магистрат оштрафовал лектора, выступавшего на улице, за создание помех дорожному движению; в Стэмфорде толпа угрожала разорвать представителей лиги на куски; во многих местах они встретились с враждебностью со стороны тех людей, за чье дело они так героически сражались. Но они были упорны, и, подобно тому, как зимний снег плавится от теплых весенних ветров, так и перед твердой настойчивостью таяло невежество друзей и сопротивление врагов. Мы непременно столкнемся и с таким сопротивлением, и упадком духа, и многим другим (ведь наша местная бюрократия куда более сильна и гораздо менее щепетильна,

чем даже магистрат в каком-нибудь английском графстве в 1837 году), но мы должны быть стойкими, чтобы победить. У тех, кто настроен серьезно, нет шансов на провал – *labor omnia vincit*³⁶.

Но все это, конечно, нельзя было сделать без денег. «Лигу обильно снабжали деньгами фабриканты и купцы из Ланкашира и Северной Англии». Я не могу привести конкретные цифры за каждый год, но обнаружил, что с самого начала несколько человек подписали 6 000 фунтов стерлингов, что в 1842 году по подписке было собрано £ 50 000, в 1843-44 гг. – 100 000 фунтов стерлингов, а в 1845 году, перед окончательным триумфом – 150 000 фунтов стерлингов. Среди нас есть много миллионеров, которые, объединившись, могли бы обеспечить нас если не гигантскими суммами, то, по крайней мере, средствами, полностью отвечающими самым скромным требованиям нашей истощенной страны, и я уверен, что когда они поймут достоинства того великого дела, которое мы хотим сделать своей отправной точкой и одновременно своей главной целью, они присоединятся к нам не только разумом и сердцем, но также руками и кошельком.

Ибо, хотя я столь сильно призываю вас на эту борьбу, в первую очередь и немедленно, в интересах тех безгласых страждущих миллионов, сознание печальной судьбы которых, кажется, затмевает все остальное в жизни своей ясностью, вам должно быть понятно, что в этой великой фундаментальной реформе заключены не только все те политические цели, к которым стремится та или иная часть нашего народа, но в равной степени и безопасность, процветание, счастье каждого класса всей нашей общины. Не имеет значения – принц или деревенский житель, знатный или плебей, богатый или бедный – обеспечение бесценного блага представительных институтов является прочным и первостепенным интересом всех.

³⁶ Труд побеждает все (лат.).

Давайте будем откровенны и скажем. Кто из вас, независимо от ранга и должности, может чувствовать себя полностью безопасно и спокойно при нынешнем самодержавном правительстве, не обремененном никакой ответственностью? Вы так называемый независимый принц? Можете ли вы чувствовать какую-либо уверенность в том, что вы или ваши преемники сохраните свою квазинезависимость? Наша милостивая Королева-Императрица заявила, что не должно быть больше аннексий, но здесь, вопреки всем прошлым обещаниям, и в равной степени, на мой взгляд, вопреки справедливости и здравому смыслу, была аннексирована Бирма. Вы все знаете этот процесс. Ткань лжи, тщательно сотканная за оцетинившимся барьером против всех симпатий общества – история об интригах некоторой иностранной нации. Один росчерк пера – и королевство принца, и свободы людей исчезли навеки. Я говорю вам, что с представительными институтами такие беззакония были бы невозможны, и что с того дня, как Индия, ныне забитая и презируемая, гарантирует себе эту великую благодатную почву, каждый принц может быть уверен в том, что его независимость сохранится и он сможет вздохнуть спокойно. Но даже те из вас, кому в настоящее время нечего бояться аннексии, чьи земли слишком бедны, чтобы платить британской администрации, и не содержат подходящих мест для приятного расквартирования военных – какой мир или спокойствие есть у вас, если вы рискуете пасть жертвой недовольства какого-либо властного политического агента или вызвать подозрения какого-нибудь слабоумного среди них? Я не хочу, как мы говорим, раскапывать погребенные кости, но все вы чувствуете истинность того, что я говорю, и никто из вас не знает мира и спокойствия при нынешнем доброжелательном, но деспотичном правительстве. И вновь я говорю, что если вы поможете нам – в частном порядке, если пожелаете – добиться введения представительных институтов, то с того дня, когда Индия получит это благословение, все ин-

триги, досады, унижения, сомнения и тревоги, которые теперь отравляют вашу жизнь и мешают вам отдать время и внимание, которыми вы охотно бы одарили своих людей, реальному делу правления – все это, говорю я, станет делом прошлого, невозможным в будущем.

Но давайте спустимся на ступеньку или две ниже по социальной лестнице: знать, раисы³⁷, миллионеры. Позвольте спросить, чувствуете ли вы свою безопасность? Разве вы не дрожите, как бы не попасть в немилость к вице-губернатору? Разве у нас нет вице-губернаторов всех мастей? Время от времени, в редких случаях – это хорошие и честные люди, как сэр Ч. Эйтчисон³⁸, или холодные, эгоистичные, циничные, несимпатичные, но все же способные люди, такие как сэр А. Лайалл³⁹. Но разве мы не получаем существ, которые не могут ни говорить, ни думать, а вознаграждаются своим постом за грязную работу, сделанную для правительства – своего рода сочетание, как говорили в прошлом о лахорском главном суде, *бе-хатх*, *бе-анх*, и *бе-акль*⁴⁰? Разве мы не получаем людей, абсолютно непригодных для этой должности, которых назначают вице-губернаторами за то, что они были сыновьями стюардов матери Королевы? Или, опять же, аристократов с большими связями, неспособных устоять перед очарованием шаловливых жен соседей, что становятся вице-губернаторами в надежде на то, что будут вынуждены из-

³⁷ В широком смысле: богатая мусульманская аристократия.

³⁸ Чарльз Амферстон Эйтчисон (1832–1896) – чиновник колониальной администрации, вице-губернатор Пенджаба (1882–1887), главный комиссар Бирмы (1878–1880).

³⁹ Альфред Комин Лайалл (1835–1911) – чиновник колониальной администрации, вице-губернатор Северо-Западных провинций и Ауда (1882–1887).

⁴⁰ Т. е. «безрукие, безглазые и безмозглые» – народное, но исключительно верное определение бывшего трио судей главного суда. (прим. авт.).

мениться – и надежда не всегда оправдывается? Или слабых, капризных, фанатичных калек, переведенных из советов, для которых они были вызывающе слабоумны? И немилость одного из подобных существ, сколь бы необоснованной она ни была, сделает вашу жизнь значительно трудней. Вице-губернатор даст сигнал комиссару, комиссар – коллектору, коллектор – суперинтенданту полиции, а тот – своим подчиненным. Вы абсолютно невиновны – какой-то враг солгал о вас некомпетентному вице-губернатору или он невзлюбил вас по какой-то тривиальной причине; но через пять лет вы – абсолютно жалкий человек, счастливый, если благодаря великой щедрости к старым коварным джамадарам⁴¹ и пятидесяти другим подчиненным, экипажам, слонам (я не буду продолжать) вы избегнете фактической публичной деградации.

Мои бедные друзья, присоединяйтесь к нам тайно, если хотите, поскольку вы – это нужно признать – порой бываете крайне робкими, но помогите нам добиться введения представительных институтов, и мы гарантируем, что при них вы сможете смеяться, а не дрожать, как сейчас, над прихотями и капризами вице-губернаторов и секретарей, комиссаров, коллекторов и даже суперинтендантов полиции; более того, наступит время, когда все они станут знать *свою* меру и заботиться о том, чтобы дать *вам* все разумные компенсации, а иначе британской Палате общин, как последнему прибежищу, с помощью индийских законодательных органов станет известно все!

Могу ли я спуститься еще на ступень и обратиться к торговцам, банкирам, земледельцам и прочим? К счастью, вы довольно малы, чтобы слишком бояться вице-губернаторов, – адъютанты⁴² не едят муравьев – но не коллекторов, магистратов⁴³ и даже полицейских инспекторов,

⁴¹ Младший офицерский чин, также полицейский.

⁴² Это великое племя падальщиков Калькутты (прим. авт.).

⁴³ Joints.

«бьющих страхом и ужасом в ваши больные места»⁴⁴. Какое несчастье может сравниться с оскорблением одного из этих ужасных автократов? Разве не вы вешаетесь, когда не можете обеспечить себе защиту от их гнева, обоснованного или беспричинного? Есть ли предел мелким тайным придиркам, унижениям и оскорблениям, которым подвергают вас рьяные подчиненные обиженного автократа, пусть даже вы не оказываетесь в тюрьме или в кандалах, будучи совершенно невинным? Вам нравится вся эта утомительная тревога, все интриги, лавирование – что же сюда *не* входит? Хотите ли вы свободно жить честной, простой жизнью, не боясь и не ища покровительства какого-либо чиновника? Тогда присоединяйтесь к нашему крестовому походу и помогите нам мирно добиться введения представительных институтов, которые только и могут дать вашим душам то, чего они жаждут.

Я не буду продолжать дальше; нет ни класса, ни единого человека во всем обществе, чей комфорт не зависел бы от вопроса о форме правительства. При деспотическом правительстве, каким все еще остается наше, хотя бы оно и имело целью быть доброжелательным и отеческим, мы все остаемся рабами, и пусть по снисходительности части наших правителей (у них, как правило, есть душа и совесть, и они не могли бы, если бы знали факты, одобрить многое из того, что делается их именем, дабы угодить им), пусть по милости части наших правителей у нас есть свобода во многом – это вопрос милости, а не права, и ни один из нас не имеет никакой определенной защиты от чиновничьего гнета и несправедливости, и ни один из нас не может назвать себя действительно свободным человеком, пока существующий деспотизм не будет заменен более или менее представительной формой правления.

Но есть и другие стороны дела, и одна из них достойна рассмотрения каждым человеком, у которого есть деньги.

⁴⁴ Строки из трагедии У. Конгрива «Невеста в трауре».

Без какого-либо уведомления, вопреки всеобщему желанию общества была аннексирована Бирма, и на всех, кроме совсем нищих, был наложен двухпроцентный подоходный налог. Это делается убежденным либералом (таковым, по крайней мере, считает себя лорд Дафферин⁴⁵), который искренне, я думаю, симпатизирует нам, хотя и прячет свои чувства в золотой дымке приятных речей. Если такое происходит с зеленым деревом, что же будет с сухим? С беспринципным империалистом, подобным лорду Литтону⁴⁶, поддерживаемым прочно укоренившимся консервативным правительством (и такое развитие дел вполне возможно), мы получим аннексию Сиам или даже попытку лишить Китай провинции или двух, чтобы мы могли встретиться с французами (всегда есть такая идиотская заслонная лошадь⁴⁷) на Меконге; и тогда у нас будет десять процентов налога, предложенного, обсужденного и принятого на одном заседании. Вы можете ненавидеть это, вы можете чувствовать, что способны с радостью задушить преступников, которые организовали этот легализованный грабеж ваших с трудом заработанных богатств, но если вы не присоединитесь к нам сейчас, чтобы обеспечить представительные институты, то когда наступит этот день – и он наступит – вы грустно усмехнетесь и стерпите. Но с представительными институтами все изменится; ни один вице-король не останется в памяти потомков как завоеватель и грабитель территории другой страны за *наш* счет, ни одна партия не даст взятку своим британским сторонникам за *наш* счет, и если британская нация продолжит упорствовать в войнах и аннексиях, то убийства и грабежи

⁴⁵ Фредерик Темпл Гамильтон-Темпл-Блэквуд, 1-й маркиз Дафферин-Ава (1826–1902) – генерал-губернатор Канады (1872–1878), вице-король Индии (1884–1888).

⁴⁶ Эдвард-Роберт Бульвер, 1-й граф Литтон (1831–1891) – британский дипломат, поэт. Вице-король Индии (1876–1880).

⁴⁷ Под прикрытием заслонной лошади охотник подбирается к дичи.

будут совершаться уже не ценой индийской крови или индийских денег.

Нет необходимости вдаваться в подробности дальше; любой индеец, высший или низший, богатый или бедный, независимо от положения, перспектив и общего благосостояния, страдает, прямо или косвенно, в тысячах аспектов, от существующей автократической формы правительства, и положение не улучшится, пока оно не будет заменено представительным правительством, пока вы не возьмете золотой приз, вполне достойный амбиций нашей великой индийской нации. Будете ли вы, презирая все препятствия, двигаться вперед? Велики трудности, и грядет напряженная борьба; но трудности, с которыми столкнулись британские реформаторы шестьдесят лет назад, были еще больше, их борьба была еще более трудной, потому что с нами – могучий дух эпохи, которой дали рождение их муки. И все же они восторжествовали, как я показал вам, и вы восторжествуете так же, если будете верно следовать по их стопам.

Друзья, братья, я призываю всех, кто зовет нашу Индию домом, без различия вероисповедания, расы или цвета кожи! Я обращаюсь ко всем – высшим и низшим, простым и знатным, безграмотным и ученым, богатым и бедным. Сегодня я положил пред вами добро и зло, свободу и счастье или продолжение рабства и тревог; и в том, что вы, вдохновленные бесстрашной борьбой британских реформаторов, одинаково ради себя и ради всех миллионов, раздавленных деспотической системой, смело выберете благородный и лучший курс, вложите в него душу и сердце вместе с нами – в том моя надежда, моя вера, моя молитва; это Надежда старика, и если я смогу дожить до ее превращения в жизнь, я смогу умереть довольным и счастливым!

Да хранит Господь Индию и всех, кто любит ее!

Приложения

Временные правила для осуществления 3-й резолюции Национального конгресса 1885 года *in re*⁴⁸ введения представительного элемента в различные индийские правительства, провинциальные и высшее, предварительно и неофициально согласованные со многими из членов последнего Конгресса, в качестве основы для обсуждения на следующем собрании Конгресса.

1) Не менее чем половина членов реформированных советов, как провинциальных, так и высшего, должны быть выборными. Не более четверти должны быть официальными лицами, имеющими места в таких советах *ex-officio*⁴⁹, и не более четверти должны составлять лица, официальные или неофициальные, назначаемые правительством. Выборные члены избираются на двухлетний срок и могут переизбираться, но не назначаться. Назначаемые члены занимают места в советах пять лет, и впоследствии могут быть избраны, но не назначены вновь.

2) Избираемые члены провинциальных советов при первом введении схемы должны избираться муниципальными комитетами или городскими советами более крупных муниципалитетов, местными советами, торговыми палатами, ведущими политическими ассоциациями, университетами и т. д., с тем, чтобы обеспечить полное представительство всех наиболее развитых и компетентных секций сообщества; точные детали устанавливаются отдельно для каждой провинции и время от времени подлежат модификации.

3) Выборные члены высшего совета избираются выборными членами нескольких провинциальных советов.

4) Ни один избираемый или назначенный член какого-либо совета, местного или высшего, не получает жалава-

⁴⁸ В отношении (лат.).

⁴⁹ По должности (лат.).

ния или вознаграждения от правительства в силу своего членства, но любой член, уже получающий правительственное жалование или пособие, продолжает получать его неизменно на протяжении всего срока членства, и все члены имеют право на возмещение любых понесенных расходов в поездках в связи с их членством.

5) Ни один избираемый или назначенный член какого-либо совета не может принять какой-либо титул или почетный знак отличия во время членства или в течение пяти лет после того, как он перестал быть членом, если это не будет одобрено советом, к которому он принадлежит или принадлежал.

6) Все образованные мужчины в возрасте не менее двадцати пяти лет, проживающие в Индии, должны иметь право на членство, выборное или назначаемое, без различия расы, вероисповедания, касты или цвета кожи.

7) Все законодательные меры и все финансовые вопросы, включая все бюджеты, независимо от того, связаны ли они с новым или повышенным налогообложением или нет, должны быть представлены на рассмотрение этих советов и решаться ими. В случае всех остальных ветвей администрации любой член может, после должного уведомления, поставить любой вопрос перед *ex-officio* членами (или одним из них, которому может быть поручен надзор за конкретной сферой, затрагиваемой таким вопросом) и обязательно (за исключением случаев, предусмотренных ниже) получить полный ответ на свой вопрос вместе с копиями любых документов, необходимых для тщательного осмысления всего предмета, и в соответствии с этим ответом совет может сразу (или на любом последующем совещании, согласно надлежащему уведомлению об этом) возобновить рассмотрение вопроса и вынести по нему такое решение, которое может показаться подходящим большинству. При условии, если предмет, в отношении которого осуществляется запрос, затрагивает вопросы внешней политики, военных распоряжений или стратегии, или но-

сит такой характер, что, по мнению исполнительной власти, передача запрашиваемой информации может нести угрозу общественным интересам, исполнительная власть должна иметь полномочия проинструктировать членов *ex-officio* или одного из них ответить соответствующим образом и отказаться от предоставления запрашиваемой информации; но это не должно препятствовать членам совета рассматривать данный вопрос в свете такой информации, какой они могут владеть самостоятельно, и выносить по нему решение, условное или иное, которое может показаться им подходящим.

8) Ни Его Превосходительство вице-король, ни какой-либо местный губернатор, ни вице-губернатор не может быть председателем никакого из советов, но они должны общаться с такими советами через одного или нескольких членов *ex-officio*, или назначенных или выборных членов, которых они могут, время от времени, по своему усмотрению утверждать в качестве своих представителей, которые могут представлять перед советом их мнения, проекты и предложения исполнительных правительств.

9) Исполнительное правительство может назначать председателя совета или разрешить совету избирать это должностное лицо, но вице-президент избирается советом.

10) Исполнительное правительство обладает полномочиями отклонять решения, принятые большинством совета, в любом случае, когда, по его мнению, общественные интересы могли бы существенным образом пострадать от принятия такого решения, но всякий раз, когда это полномочие реализовано, полное изложение оснований, по которым это было сочтено необходимым, должно быть опубликовано в течение десяти дней, а в случае местных правительств последние должны сообщать обо всех обстоятельствах и объяснять свои действия перед правительством Индии, которое должно доложить государственному секретарю; и в любом таком случае по представлению

большинства, чье решение было отклонено, сделанному посредством правительства Индии и государственного секретаря, Постоянный комитет Палаты общин должен иметь полномочия (см. 3-ю резолюцию) рассматривать дело и запрашивать любые или все документы и информацию, а также заслушивать любых лиц от имени такого большинства, или выполнять иные действия, а затем, при необходимости, сообщать об этом Палате общин.

11) Все собрания таких советов должны быть открыты для общественности и прессы, все материалы заседаний должны быть должным образом опубликованы в течение пятнадцати дней в правительственном бюллетене.

РЕЗОЛЮЦИИ,

принятые на Индийском национальном конгрессе, состоявшем из представителей Калькутты⁵⁰, Мадраса⁵¹, Бомбея⁵², Пуны, Аллахабада, Лахора, Лакхнау, Агры, Бенареса⁵³, Ахмедабада, Карачи, Сурата, Вирамгама, Ганджама, Масулипатана, Чинглепута⁵⁴, Танджора⁵⁵, Кумбаконама, Мадур⁵⁶, Тинневелли, Коимбатура, Кадаппы, Анантапура, Беллари и Амбалы, прошедшем в Бомбее 28, 29 и 30 декабря 1885 года.

1) Предложена г-ном Г. Субраманья Айяром⁵⁷ (Мадрас),

⁵⁰ Ныне Колката, Индия.

⁵¹ Ныне Ченнай, Индия.

⁵² Ныне Мумбай, Индия.

⁵³ Ныне Варанаси, Индия.

⁵⁴ Ныне Ченгалпатту, Индия.

⁵⁵ Ныне Танджавур, Индия.

⁵⁶ Ныне Мадурай, Индия.

⁵⁷ Ганапати Дикшитар Субраманья Айяр (Айер) (1855–1916) – журналист и социальный реформатор, основатель газеты «Хинду» и первого ежедневного издания на тамильском языке «Свадешамитран». Известный деятель национального движения.

поддержана г-ном Ф. М. Мехта⁵⁸ (Бомбей), поддержана г-ном Нарендранатхом Сеном⁵⁹ (Калькутта): «Этот Конгресс настоятельно рекомендует, чтобы обещанное расследование работы индийской администрации здесь и в Англии, было возложено на королевскую комиссию, народ Индии был представлен в ней надлежащим образом, а свидетельские показания были взяты как в Индии, так и в Англии».

2) Предложена г-ном С. Х. Чиплункаром⁶⁰ (Пуна), поддержана г-ном П. Ананда Чарлу⁶¹ (Мадрас), поддержана г-ном Дж. Гхошалом⁶² (Аллахабад): «Этот Конгресс считает упразднение Совета при государственном секретаре по делам Индии в его нынешней форме необходимым предварительным условием всех прочих реформ».

3) Предложена дост.⁶³ К. Т. Телангом⁶⁴, кавалером Ордена Индийской империи (Бомбей), поддержана дост. С. Субраманья Айяром⁶⁵ (Мадрас), поддержана дост. Дадаб-

⁵⁸ Ферозшах Мехта (1845–1915) – индийский политический и общественный деятель, один из основателей ИНК. После раскола ИНК в 1907 г. – лидер умеренного крыла.

⁵⁹ Нарендранатх Сен (1843–1911) – общественный деятель, журналист, редактор («Индиан Миррор»), теософ. Двоюродный брат религиозного реформатора Кешаб Чандра Сена.

⁶⁰ Ситарам Хари Чиплункар – общественный деятель, секретарь Пуна Сарваджаник Сабхи, редактор центрального органа («Квотерли Джорнал»).

⁶¹ Панапаккам Ананда Чарлу (1843–1908) – адвокат, компаньон ордена Индийской империи, президент сессии ИНК 1891 г., автор книг по истории национального движения.

⁶² Джанакинатх Гхошал (1840–1913) – редактор («Индиан Юнион», Аллахабад), постоянный участник ИНК.

⁶³ Достопочтенный (The Honorable; Hon.) – почетное титулование.

⁶⁴ Кашинатх Тримбак Теланг (1850–1893) – судья (Высокий суд Бомбея), индолог, общественный деятель. Секретарь ИНК, один из основателей Ассоциации Бомбейского президентства.

⁶⁵ Субраманья Саббир Айяр (Айер) (1842–1924) – юрист, один из основателей движения гомруля (с А. Безант), известный деятель нацио-

хаем Наороджи⁶⁶ (Бомбей): «Настоящий Конгресс считает необходимой реформу и расширение высшего и существующих местных законодательных советов путем введения значительного числа выборных членов (и создание аналогичных советов для Северо-Западных провинций и Ауда, а также для Пенджаба), и считает, что все бюджеты должны быть отданы на рассмотрение этих советов, их члены наделены правом интерпелляции⁶⁷ исполнительной власти в отношении всех ветвей администрации; должен быть создан Постоянный комитет Палаты общин, чтобы принимать и рассматривать любые формальные протесты большинства таких советов против исполнительной власти, которая будет наделена правом отменять решения такого большинства».

4) Предложена дост. Дадабхаем Наороджи (Бомбей), поддержана г-ном Вира Рагхавачарьяром⁶⁸ (Мадрас), поддержана г-ном Д. С. Уайтом⁶⁹ (Мадрас): «По мнению настоящего Конгресса, конкурсные испытания, ныне проводимые в Англии, на первые назначения в различные департаменты гражданской службы, следует впредь, в соот-

нального движения.

⁶⁶ Дадабхай Наороджи (1825–1917) – выдающийся индийский политический и общественный деятель, экономист, парс. Один из основателей ИНК, президент ИНК (1886, 1893, 1906), первый индийский член Палаты общин (1892–1895). Один из создателей и активных сторонников теории выкачки ресурсов (drain theory) из Индии колонизаторами. За свои заслуги и долгие годы общественно-политической деятельности известен в Индии как «Великий старец Индии» (Grand Old Man of India, G. O. M).

⁶⁷ Право парламента делать запрос к правительству с требованием объяснить решения последнего по каким-либо вопросам.

⁶⁸ М. Вир Рагхава Чарьяр (1857–1906) – секретарь Махаджан Сабхи, активный участник ИНК, автор «Тамильского катехизиса ИНК». Юм использует несколько вариантов написания этой фамилии.

⁶⁹ Дэвид Эммануил Старкенбург Уайт – основатель и первый президент Евразийской и Англо-индийской ассоциации.

ветствии с мнением комиссии министерства по делам Индии 1860 г.⁷⁰, «проводить одновременно в Англии и Индии, оба экзамена должны, насколько это возможно, быть идентичными по своей природе, а те, кто соревнуется в обеих странах, должны быть внесены в единый список в соответствии с заслугами», успешные кандидаты в Индии должны быть отправлены в Англию для дальнейшего обучения и там подвергнуты дополнительным испытаниям, какие будут сочтены нужными. Далее, все прочие первые назначения (исключая рядовой состав и т. п.) должны быть заполнены посредством конкурсных испытаний, проводимых в Индии в условиях, рассчитанных на обеспечение такой умственной, моральной и физической квалификации, которая может быть сочтена правительством необходимой. Наконец, максимальный возраст поступления на договорную гражданскую службу должен быть поднят не менее чем до двадцати трех лет».

5) Предложена г-ном Рангая Найду⁷¹ (Мадрас), поддержана г-ном Диншо Эдалжи Вача⁷² (Бомбей), поддержана г-

⁷⁰ Согласно Королевской прокламации 1858 г., индийцы наделялись правом «свободно и беспристрастно допускаться» к службе «без различия расы и вероисповедания». Для изучения возможных путей решения этого вопроса была создана комиссия, в 1860 г. рекомендовавшая проведение одновременных конкурсных испытаний в Индии и Англии, однако это предложение было отклонено правительством. В результате был принят закон об Индийской гражданской службе, положения которого оставляли колониальной администрации широкие возможности для ограничения приема индийцев на службу.

⁷¹ Рангая Найду (1828–1902) – юрист (Высокий суд Мадраса), политический деятель, президент Мадрас Махаджан Сабхи, член законодательного совета Мадраса (1892–1899).

⁷² Диншо Эдалжи Вача (1844–1936) – индийский политик-парс, генеральный секретарь ИНК (1885–1915), президент ИНК (1901), член законодательного совета, имперского законодательного совета, Государственного совета, глава Либеральной ассоциации Западной Индии (1919–1927).

ном Дайярамом Джетмалем⁷³ (Карачи): «По мнению настоящего Конгресса, предполагаемое увеличение военных расходов не является необходимым, но чрезмерным, учитывая доходы империи и существующие обстоятельства».

6) Предложена г-ном Дж. У. Яджником⁷⁴ (Бомбей), поддержана г-ном С. А. Сваминатхом Айяром⁷⁵ (Танджор), поддержана Рао Сахебом⁷⁶ С. Венката Суббарайаду Пантулу⁷⁷ (Масулипатам): «По мнению настоящего Конгресса, если завышенные требования о военных расходах не будут, как должны быть, сокращены, их следует удовлетворить, во-первых, посредством пересмотра таможенных пошлин, и, во-вторых, расширением лицензионного налога на те классы сообщества, официальные и неофициальные, которые в настоящее время освобождены от него, с тем, чтобы в отношении всех классов поддерживался достаточно высокий налоговый минимум. Далее, настоящий Конгресс считает, что Великобритания должна распространить имперскую гарантию на индийский долг».

7) Предложена г-ном Ф. М. Мехта (Бомбей), поддержана Рао Бахадуром⁷⁸ Кришнаджи Лакшманом Нулкар⁷⁹

⁷³ Дайярам Джетмаль (1845–1887) – юрист, филантроп, усилиями которого в Карачи был открыт Синдский колледж искусств (1887, ныне Дайярам Джетмаль Сайнс Колледж, Карачи, Пакистан). Синдх. Участник сессии ИНК 1885 г.

⁷⁴ Джаверилал Умашанкар Яджник – купец, шериф Бомбея.

⁷⁵ Сваминатх С. А. Айяр (Айер) (?–1899) – юрист, землевладелец, теософ, председатель танджорского муниципалитета. Делегат сессий ИНК 1885, 1886, 1887, 1889, 1894 гг.

⁷⁶ Почетный титул.

⁷⁷ Сингарипу Венката Субба Райаду Пантулу – вакил Высокого суда, адвокат окружного суда Масулипатама, основатель и первый президент Бандар Махаджан Сабхи.

⁷⁸ Почетный титул.

⁷⁹ Кришнаджи Лакшман Нулкар (1830–1893) – секретарь Пуна Сарваджаник Сабхи (1878–1887), член Имперского законодательного совета

(Пуна): «Настоящий Конгресс осуждает аннексию Бирмы и считает, что если правительство, к сожалению, примет решение о ее присоединении, вся Бирма должна быть отделена от индийского вице-королевства и должна составить колонию Короны, так же обособленную от любых дел правительства этой страны, как и Цейлон».

8) Предложена г-ном Марлидхаром⁸⁰ (Амбала), поддержана г-ном Х. Х. Дхрува⁸¹ (Сурат): «Резолюции, принятые настоящим Конгрессом, будут переданы политическим ассоциациям в каждой провинции, и эти ассоциации будут запрошены посредством аналогичных организаций и иных агентств в соответствующих провинциях на предмет мер, которые они сочтут пригодными для урегулирования различных вопросов, изложенных в данных резолюциях».

9) Предложена г-ном А. О. Юмом (Бенгалия), поддержана дост. С. Субраманья Айяром (Мадрас): «Индийский национальный конгресс соберется вновь в следующем году в Калькутте во вторник, 28 декабря 1886 г., и последующие дни».

(Резолюции впоследствии были рассмотрены и единодушно приняты и ратифицированы почти всеми политическими ассоциациями (числом более сотни) империи и общественными собраниями почти во всех городах Индии, так что сейчас невозможно отрицать, что они верно отражают взгляды огромного числа жителей Британской Индии).

(1890), член законодательного совета Бомбея (1892).

⁸⁰ Лала Марлидхар – адвокат, член общества «Арья Самадж». На первой сессии ИНК (1885) представлял газету «Трибьюн», в дальнейшем – активный участник Конгресса и национального движения.

⁸¹ Харилал Харшадрай Дхрува (Дхрув) (1856–1896) – адвокат, поэт, издатель, индолог, санскритолог. Участник первых сессий ИНК, член Королевского азиатского общества, член Лондонского антропологического общества.

**Приливная волна⁸²,
или
Прогресс политической активности в
Индии**

Мы проснулись, продрогнув, во мраке.
В облачении пенных оков
Стоит, неподвижен, корабль
В мелководе темных веков.
Но с рассветом пришла и надежда,
Встрепенулось море волной,
И прилив, наш спаситель, повел нас
В безопасную гавань, домой.

Пусть беснуются демоны-чайки!
Они знают, что минул их пир!
Были трупам подобны – воскресли,
И ждет нас спасенье и мир.
Ведь с рассветом пришла и надежда,
Встрепенулось море волной,
И прилив, наш спаситель, повел нас
В безопасную гавань, домой.

Трижды славься, свободное море
И любви нерушимый обет,
И сердца, что не дрогнули в прошлом,
И волна, что принес нам рассвет!
Ведь с восходом пришла к нам надежда,
Встрепенулось море волной,
И прилив, наш спаситель, повел нас
В безопасную гавань, домой.

Союз

⁸² Перевод осуществлен по изданию: The Rising Tide: or, The Progress of Political Activity in India. Calcutta: Calcutta Central Press Co., 1886.

Предисловие

«Пионир», одна из шести⁸³ ведущих английских ежедневных газет в Индии, является органом бюрократии и, таким образом, неуклонно враждебна индийским устремлениям.

Помимо того, что она является постоянным органом «Службы», она, где и когда это возможно, выступает и как рупор правительства, и, в особенности во времена лорда Литтона, либо управляющий собственник и реальный редактор, либо номинальный редактор привыкли ежедневно видеть личного секретаря вице-короля. Практически нет необходимости добавлять, что управление «Пиониром» осуществляется отнюдь не с донкихотской добросовестностью или что газета благосклонно поддерживала все «горькие траты и злые войны» лорда Литтона. Пожалуй, еще менее необходимо объяснять, что у открытого, честного джентльмена, каким является лорд Рипон⁸⁴, подобная газета не нашла расположения. В его время она не могла иметь никакого разведывательного приоритета и расценивалась так же, как и все прочие издания. Прежде всего, лорд Рипон проявил склонность к защите индийских интересов и устремлений, и, следовательно, «Пионир» неустанно бранил и оскорблял его так же, как с тех пор, когда А. П. Синнетт⁸⁵ был изгнан собственниками с поста

⁸³ А именно: 1) Инглишмен, 2) Дейли Ньюс, 3) Стейтсмен (Калькутта), 4) Пионир (Аллахабад), 5) Бомбей Газетт и 6) Таймс оф Индия (Бомбей). Из них 1), 4) и 6) – оголтелые анти-индийские органы, 2) более респектабельная, 3) и 5) стремятся быть справедливыми и беспристрастными (прим. авт.).

⁸⁴ Джордж Фредерик Сэмюэль Робинсон, 1-й маркиз Рипон (1827–1909) – британский политический и государственный деятель (либерал), дипломат. Вице-король Индии (1880–1884).

⁸⁵ Альфред Перси Синнетт (1840–1921) – британский журналист, писатель, редактор («Пионир»), один из видных деятелей Теософского общества.

редактора за его проиндийские взгляды, неустанно бранил и оскорблял индийское сообщество.

Лорд Дафферин сам по себе, к сожалению, бюрократ по образованию; теоретически его симпатии принадлежат низшим национальностям; на практике же он всегда сохранял дружбу с их угнетателями. Он подобен другому хорошо известному ирландскому аристократу, который говорил, что, испытывая самое глубокое сочувствие к несчастьям бедных рабов, он всегда останавливался в домах рабовладельцев, поскольку их обеды и вина прекрасны, а женщины милы и выглядят как леди. В теории лорд Дафферин глубоко симпатизирует нашим страждущим миллионам, но на практике он поддерживает бюрократию, которая, будучи неподконтрольной могучему общественному мнению, что в Англии подавляет деспотические склонности, становится в Индии «самой большой чумой в жизни».

В этих условиях не удивительно, что «Пионир», до некоторой степени, вновь должен был стать рупором вице-короля, и что в последнем номере была опубликована статья, искажающая схему конституционной агитации, ведомой индийцами, показывающая в ложном свете их цели, задачи и *modi operandi*⁸⁶ в попытке ввести в заблуждение общественность в отношении всего вопроса. Так же нет ничего удивительного и в том, что индийская публика восприняла эту статью как инспирированную, поскольку она почти точно отражала те же чувства, что совсем недавно были выражены в переписке между властями в Индии и Англии по вопросам, которые расценивались, главным образом, как уже решенные.

«Миррор», ведущая англоязычная туземная газета, приняла этот вызов и в нескольких очень искренних статьях рассмотрела заявления «Пионира» предложение за предложением, разоблачив несправедливость и бесчестность этих атак. При этом они [авторы статей] представи-

⁸⁶ Способы действия (лат.).

ли много информации о целях и действиях партии реформ в Индии, показав ее позицию в лучшем и более ясном свете, чем бывало прежде. Очевидно, что они *в высшей степени лояльные* и миролюбивые поклонники и твердые сторонники британского правления, только решившие с помощью конституционных действий устранить недостатки в этом правлении, которые, по их утверждениям, в определенной степени омрачают его благородный характер.

Какими бы ни были наши взгляды по многим вопросам, обсуждаемым в этих статьях, которые мы воспроизводим сейчас с разрешения редактора «Миррор», мы не можем не сочувствовать тому духу, что побуждает к действию Индийскую национальную партию. Конкретные реформы, которые она ставит целью, не могут, по их достижении, быть панацеей, как этим людям кажется сейчас, но не может быть никаких сомнений в том, что они стремятся работать в правильном духе независимости и самопомощи. Какова бы ни была судьба тех трудных и тревожных задач, за которые они взялись, каковы бы ни были практические конечные результаты реформ, которых они рано или поздно обязательно добьются, самоотверженная борьба, в которой они собираются участвовать, окажется лучшей школой для новой Индийской Нации, чье рождение видело правление лорда Рипона, и добьется – в этом мы совершенно уверены – симпатии и поддержки любого непредвзятого англичанина.

Прогресс политической активности в Индии

Мы недавно обещали детально обсудить статью, появившуюся на днях в «Пионире»⁸⁷, которая нападает на сообщество индийских реформаторов, и грубо искажает их взгляды, цели и *modi operandi*. Мы объяснили, что сам «Пионир» нас мало заботит, но, полагая, что эта конкретная статья была практически, хотя и косвенно, вдохновлена очень высоким авторитетом, мы поняли, что в интересах всех сторон желательно очень тщательно изучить обвинения, выдвинутые в ней против партии прогресса в нашей стране. Мы полагаем, что данная статья, помимо крайней неискренности, на самом деле представляет собой более или менее преднамеренное оскорбление как нас самих, так и каждого уважаемого и образованного уроженца страны, но мы все же обсудим этот вопрос беспристрастно и честно воспроизведем предложение за предложением, сопровождая их комментариями, необходимыми для полного понимания поднятых вопросов.

Статья начинается таким образом:

«Урок, выученный в английских политических кругах туземными агитаторами типа Бхоша и Гхоша⁸⁸, вероятно, будет применяться в Индии в такой форме, которая может серьезно затруднить работу тех, кто несет ответственность за правильное управление страной».

От этого все зависит; если те, кто несет ответственность за правильное управление страной, являются разумными людьми, которые знают, когда уступить и как постепенно расширять базис правительства, чтобы повысить его стабильность, то прежде, чем их руки будут связаны помехами, несомыми нашими действиями, они найдут их столь сильными, что все трудности в деле реформы исчезнут. Но, с другой стороны, если они окажутся фанатичными

⁸⁷ The Pioneer. 1886. 31th March.

⁸⁸ Распространенные бенгальские фамилии.

консерваторами, неспособными осознать прогресс мнения и молчаливый подъем страны, то, несомненно, наша агитация сильно свяжет им руки, поскольку они не найдут покоя, пока не уступят или пока не будут отозваны в Англию.

«Успех, которого парнеллиты⁸⁹ добились в Ирландии, вскружил головы наших туземных друзей, и теперь они открыто заявляют, в свою очередь, что надеются давить на правительство, как и ирландцы, бесконечной агитацией и атаками по всем направлениям».

Это, как мы указывали в предыдущей статье, полностью неверно. Успех парнеллитов, мы боимся, был, во всяком случае частично, связан с убийством лорда Кавендиша и другими бесчинствами, которые нельзя оправдать. Индия как один человек не одобряет такие поступки и предпочла бы навсегда сохранить свое – в политическом смысле слова – рабское состояние, чем прибегнуть к таким методам. Мы, без сомнения, будем так же настойчивы, как ирландцы, пытаясь обеспечить то, что мы считаем своими правами, но только открытыми и достойными средствами мы будем стремиться достичь успеха.

«В Англии они через радикальных сторонников вновь и вновь будут представлять перед парламентом каждый случай, когда решение правительства Индии и государственного секретаря противоположно их стремлениям, и обращаться к Палате общин всякий раз, когда они заметят промах исполнительной власти».

Конечно, мы будем! Ибо, если бы мы этого не делали, мы бы и в самом деле заслуживали того, чтобы нас называли дураками, каковыми «Пионир» и его партия всегда изображают нас! Да! Добрые английские друзья, вы пре-

⁸⁹ Сторонники Чарльза Стюарта Парнелла (1846–1891) – ирландского националиста, члена Палаты общин. Выступали за самоуправление Ирландии.

подали нам урок: «Освежись лимоном и вновь на него!⁹⁰», – что, в сущности, всегда было вашим увещанием для нас, а теперь вы обвиняете нас в том, что мы усвоили ваш урок и действуем по нему?

Так мы будем упорствовать и агитировать, агитировать и упорствовать, никогда не отчаиваясь, каждый раз поднимаясь после ударов более свежими и сильными, чтобы возобновить борьбу – и однажды вы примете решение.

*Merses profundo pulchrior evenit*⁹¹: вы обнаружите, что это так же верно в отношении нашей растущей национальности, как Ганнибал обнаружил это в Риме, и все, что мы можем предложить в качестве компромисса – что вы последуете примеру енота и полковника Крокетта⁹², и вместо того, чтобы надоедать друг другу, что неизбежно будет происходить, спокойно договоритесь с нами о *modus vivendi*⁹³, сделав некоторые небольшие уступки в отношении представительных учреждений, которые удовлетворят страну на десять лет и создадут почву для таких постепенных улучшений в будущем, которые в конечном итоге станут удовлетворять ее постоянно.

«Случаи бесчинства и угнетения» будут постоянно подаваться в надежде на то, что английские чиновники в Индии устроят угрозы «вопроса в Палате»».

Именно так, и мы хотели бы знать, в интересах ли это правителей или управляемых, чтобы подобные случаи утаивались от общественности, и, напротив, не будет ли

⁹⁰ Строки из «Легенд Инголдсби» Ричарда Барэма (под псевдонимом Томас Инголдсби; *The Ingoldsby Legends, or Mirth and Marvels*, by Thomas Ingoldsby, esquire. London, 1840. P. 277). Также лимоном освежались кулачные бойцы в перерывах между раундами.

⁹¹ «Врага утопишь – выплывет в ярости» (Гораций. Оды. IV : 4. Пер. О. Румера).

⁹² Отсылка к американской народной сказке.

⁹³ Образ жизни, способ существования (лат.).

весьма полезным то, что чиновники *станут* бояться угрозы вопроса в Палате, если это заставит их воздерживаться от бесчинства и угнетения? «Пионир», очевидно, думает, что это – добродетели, и скулит о перспективах бедных чиновников, вероломно запуганных тем, что некоторые из нас, гнусных индийцев, грозятся поставить вопрос перед Палатой. Это просто прекрасно. Это напоминает нам взломщика у Лича⁹⁴, который, «упражняясь в профессии», ушиб ногу об угольный ящик и громко жалуется на людей, бросающих вещи так, чтобы об них запинались.

Или же, пусть данный пример стар и греховен, «Пионир» уподобляется невинной юной деве, что, стойко рассматривая большое полотно с изображением гонений Нерона, со слезами на глазах говорит отцу: «Ах, папа! Одному *бедному* льву здесь не хватает христианина, чтобы поесть». Как мы можем здесь не вообразить себе старого седого негодая, переодетого в короткое платьице с кружевами и пояском и широкоую соломенную шляпу с лентами, который со скорбным видом оборачивается к вице-королю и поет: «Ах, мой лорд! если вы позволите этому продолжаться, в скором времени у некоторых *бедных* чиновников не останется ни одного индийца, чтобы угнетать и бесчинствовать»?

«Они будут отказываться принимать какой-либо окончательный ответ от кого бы то ни было, кроме парламента, и стремиться сохранять постоянное раздражение в индийских делах с намерением лишить терпения любое правительство, какое бы ни находилось у власти, заставляя его уступить ради мира и спокойствия».

Неужели «Пионир» воображает, что мы примем *его* ответ или ответ *любой* власти, отличной от высшей? Мы

⁹⁴ Английский карикатурист и иллюстратор. Карикатура, о которой говорит Юм, опубликована, в частности, под названием «Different people have different opinion» в книге Лича «Four Hundred Humorous Illustrations» (London, 1868).

страдаем – таково наше мнение – от плохого управления, мы трудимся – по нашему разумению – при несправедливом отсутствии политических прав. Многие, многие миллионы наших соотечественников живут, обремененные лишениями и страданиями, исключительно по причине того, что нам навязаны извне чуждые институты, непригодные ни для страны, ни для народа. Не будет ли для нас позором, если мы не искореним эту несправедливость и не вернем нашим бесчисленным страждущим собратьям проблески счастья и покоя, если мы и в солнечный день, и в шторм, игнорируя личные интересы и удобство, невзирая на молву, не станем бороться, чтобы изменить всеми законными и достойными средствами это недостойное управление?

Разумеется, имея в виду подобную цель, мы будем усердно и напряженно трудиться, если только британское правительство, как несправедливый судья, не оправдает нас из-за нашей постоянной назойливости. Мы не ищем ничего лично для нас – все для страны и соотечественников; и ни насмешки, ни угрозы, ни чиновничьи уловки или репрессивные законы не отвлекут нас от того великого поиска, который мы начали. Представительные институты – вот наш священный Грааль, единственно возможная жизненная сила любой здоровой и постоянной администрации, и мы абсолютно уверены в том, что в течение сравнительно короткого периода мы получим первые результаты в деле создания представительного правительства.

«Они не могут и надеяться создать в парламенте сплоченную индийскую партию такой силы, чтобы решать судьбу министерств, как это делала ирландская партия, но они рассчитывают на то, что всегда смогут завоевать сочувствие и поддержку некоторых членов, чья цель – известность любой ценой, и они будут желанным инструментом в их руках. Слишком много для их плана действий в Англии, которые скорее приведут к провалу, чем к успеху».

Мы не хотим шокировать кого-либо, даже управляюще-

го собственника и действительного редактора «Пионера», но правда заставляет нас говорить не только о том, что мы надеемся создать сплоченную индийскую партию в парламенте, гораздо более грозную, чем ирландская, потому что она будет состоять, в целом, из людей более сильного характера, но и о том, что мы уже сейчас сделали огромный шаг к этому и уже имеем сильную группу друзей в парламенте, готовую поддержать любое конкретное действие, которое мы решим предпринять. Если, как уже говорилось, партия наших английских друзей решит посетить Национальный конгресс в этом году, «Пионир» сможет сформировать некоторое представление о сплоченности и силе наших британских сторонников.

«В Индии их *modus operandi* будет еще более вредным. Их первая цель – выработать механизм широкого распространения агитации, который можно привести в действие в любой момент, и для этой цели они используют существующие политические и общественные ассоциации и собирают средства под различными предложениями».

Это верно лишь отчасти; организация – этот механизм, хотя, местами, все еще несовершенный, уже существует. Однако он не был изначально создан для целей агитации и не был в целом ей посвящен. Если бы агитация была его целью, страна давно бы была раздражена зловредными и клеветническими газетами вроде «Пионера». Подлинной целью этого огромного механизма, случайные тусклые проблески которого так пугают бюрократию, является, во-первых, систематическое политическое образование масс, а во-вторых, такая их организация, которая сделает практически невозможным любое внезапное или быстрое движение с их стороны, укрепляя в них убежденность в том, что насилие может влечь за собой только грех или страдания всех вовлеченных сторон, тогда как настойчивость в мирной агитации рано или поздно принесет результат.

Несомненно, для этой цели были использованы или будут использоваться все существующие политические и об-

щественные объединения, и мы добавим к ним все или почти все религиозные организации. Нация даже сейчас связана тремя цепями – религиозной, светской, образовательной – со многими ветвями; но одно кольцо проходит через конечные звенья всех трех цепей, и на нем покоятся руки, невидимые теми, кто невольно подчиняется импульсам, которые они придают, но ощущает их власть и мудрость.

Если бы те, кого оскорбляют легкие внешние и видимые признаки великой внутренней и невидимой организации, которые неизбежно проявляются тогда, когда должна быть сделана какая-то конкретная работа, могли только понять, что значит эта организация для них. Но они, подобно Валааму⁹⁵, пришли, чтобы проклясть и вообще избежать благословения. Несколько лет назад внезапное кровавое восстание, которое могло смести половину европейцев за ночь, было совершенно реальным. Мы не верим, что когда-либо существовала, несмотря на все, что мы слышали, действительная и немедленная угроза такого восстания, но в любой момент опасность могла стать неизбежной, в любой момент шлюзы могли открыться; ничто не мешало этому – ни образованные классы по светской линии, ни религиозные лидеры по духовной линии не организовали никакого систематического сдерживания масс. Все было хаос; и гигантские силы, не обремененные никаким систематическим контролем, лежали в полусне, готовые при малейшем возбуждении ввергнуть страну в кровопролитие и разрушить континент. По-человечески говоря, эти злые опасные времена миновали навсегда, и эта организация, которой невежественное воображение приписывает агитацию единственной целью, в действительности сделала невозможным любое насилие в сколь-нибудь значительных масштабах во всех тех частях империи, где она была распространена.

⁹⁵ Библейский персонаж, прорицатель (см. Чис. 22–24).

Что же до сбора средств, мы даже не знаем, нужны ли какие-то отговорки по этому поводу. Средства необходимы для завершения политического воспитания масс здесь, а вместе с тем – и общей организации, и для того, чтобы настаивать перед народом Англии (когда мы начнем наш крестовый поход там) на исправлении наших обид, расширении наших прав, претворении в жизнь наших стремлений. Для этих целей и была собрана небольшая сумма и здесь, и там, и куда большая сумма, несомненно, будет собрана, когда позднее потребуются деньги «в массе».

«Пиониру» не нужно бояться – недостатка в средствах нет; если бы это стоило того, уже завтра можно было бы получить десять лакхов, чтобы основать новую газету в Канпуре, урезав «Пионир» до половины от его нынешних размеров. В каждом есть свои демоны и свои ангелы, добро и зло, и бесчестные, лживые газеты (как наш аллахабадский враг), равно как и честные, доброжелательные издания (как мы) живут в соответствии с природой и ее законами, и потому мы оставим орган бюрократии естественной судьбе, последующей за таким нездоровым развитием. Не бойся, маленький Пи! Никакой дерзкий бенгальский бабу⁹⁶ не вырвет остатки нежно лелеемых волос с твоей бедной старой лысины!

«Они могут даже сейчас организовать “стихийные всплески национальных чувств” во всех главных городах».

Это совершенно верно; *они*, безусловно, могли бы организовать любую демонстрацию, которую сочли бы правильной и должной; но на деле *их* энергия, главным образом, посвящена обузданию жестоких вспышек и установ-

⁹⁶ Титулование, широко применявшееся в Бенгалии. Образ «бенгальского бабу» довольно часто встречался в публицистике конца XIX в. в качестве описания политически активных индийцев, значительную часть среди которых составляли бенгалцы. Ср. Cotton H. New India, or, India in Transition. London, 1885. P. 4.

лению мирного и спокойного развития и прогресса.

«Но, не довольствуясь этим, они хотят возбудить людей».

Это как раз то, чего не хотят настоящие лидеры движения; более того, движение, постепенно появляющееся на поверхности, в течение многих лет терпеливо работало в тени именно ради предотвращения народных *восстаний*. Конечно, хотя река течет с гор в низину, всегда есть небольшие водовороты, где, на малом расстоянии, часть потока поднимается вверх, и потому на окраинах этого великого движения будут, время от времени, появляться индийцы, что возьмут линию, прямо противоположную той, что одобряет огромное большинство из нас, и будут действовать так, словно они в своей слепоте желают вызвать беспокойства. Но такие явления всегда безотлагательно отбрасываются, и мы уже некоторое время не видели ни статей, ни речей, противоречащих основной схеме постепенного обеспечения мирными и конституционными средствами всех тех политических прав, коими мы, по нашему мнению, должны обладать. «Возбуждать людей» – вот уж действительно! Мы задаемся вопросом, могут ли те, кто так многословно пишет об этом, понять, насколько было бы легко – если бы они имели хоть какое-то представление о пламени, что таится, готовое стать пожаром, под непроницаемой (для них) завесой незнания и безразличия – *им* вступить в состязание с самовозбужденным народом годы и годы назад, не будь этого тайного влияния?

Нет! Время от времени мы слышим много разговоров о том, что страна была выиграна мечом и должна быть сохранена мечом – совсем недавно в лондонской «Таймс» был идиотский заголовок, это подразумевающий – и мы не можем не рассмеяться, ибо, обернись это влияние, направленное на поддержку и защиту британского правления в Индии, *против* него, через две недели здесь не

останется ни единого англичанина, владеющего пресловутым мечом. Мы не *хотим* избавляться от британского правления, мы не хотим и не *будем* отделяться от Британской империи; во всяком случае, не в течение какого-либо периода, который можно было бы включить в практическую политическую программу. Британское правление со всеми его недостатками по-прежнему имеет большое значение для благосостояния и прогресса Индии, и его мы будем оберегать и поддерживать; но мы также будем – *вся нация будет* – всеми конституционными средствами постоянно и настойчиво улучшать существующую форму правительства и устранять недостатки, все еще омрачающие благородные черты этого великодушного по замыслу, но, тем не менее, иностранного правления. Неумелые бюрократы, высшие и низшие, всегда и сейчас, виновны в актах несправедливости и притеснения или совершают ошибки (которые в их положении являются преступлениями), достаточными для того, чтобы «возбудить» и гораздо более флегматичных людей, тогда как наши лидеры год за годом терпеливо охраняют и защищают британское правительство от неизбежных последствий неудач своих недостойных представителей; и в это время правительственный орган в явно инспирированной статье говорит о нас, как о желающих «возбудить народ»!

«Обеспечивая проведение массовых митингов и подписание ужасных петиций для создания ложного общественного мнения, на которые могут со всей должной торжественностью сослаться сторонники в парламенте».

Это тоже верно лишь отчасти. Что касается проведения массовых митингов, мы, в теории, немногого добились, поскольку никакой реальной хорошей *работы* не было сделано, и они лишь публично фиксируют «предвзятое мнение» тех, кто их посещает. Но есть места и времена, где и когда желательно предоставить людям возможность подобного публичного выражения убеждений, горящих в их

груди, и в таких случаях массовые митинги (а они со временем, безусловно, будут расти в числе и в размерах) являются и всегда будут полезными предохранительными клапанами, через которые можно с максимальной выгодой выпустить большое количество пара, не требуемого для работы существующей машинерии страны.

Весьма вероятно, что эти ужасные петиции рано или поздно найдут свой путь в парламент. Наши лидеры, кажется, не слишком одобряют их; но если в любой провинции или президентстве вложили душу в это безобидное, но сомнительной пользы развлечение, пусть они угодят себе, однако последнее, что такие петиции будут воплощать – это *«ложное общественное мнение»*; они будут возникать только в ответ на какие-то местные волнения; они, вероятно, не могут быть составлены в стиле государственных мужей; они могут быть чересчур простодушны в нелепом сочетании поднятых вопросов, местных и имперских, малых и великих – но они будут воплощать искренние чувства тех, кто их подпишет, и поэтому они заслуживают более терпеливого и благосклонного рассмотрения, чем когда-либо вообще получали.

«То, что они пока не добились больших успехов, вероятно, следствие дефектной организации, но они отнюдь не бездействуют, и когда возникнет какой-либо важный вопрос, мы, вероятно, увидим, в какой степени их усилия успешны».

Конечно, будь наши цели такими, какими «Пионер» и партия, чьи взгляды он выражает, пытаются их представить или, возможно, действительно верят, что они таковыми являются, мы бы не продвинулись далеко вперед. Однако странно, что крайняя диспропорция – с их точки зрения – между средствами и достижениями не пробудили в сознании наших оппонентов подозрение, что, в конце концов, наши цели могут быть *не* такими, как они предполагают.

Начнем с того, что «Пионер», очевидно, рассматривает

как самый важный пункт, хотя сами мы видим в нем лишь каплю в море. У нас есть некоторое количество европейцев, людей больших способностей, посвятивших свое сердце и душу движению здесь и в Англии. Далее – вот настоящая сила – у нас есть не один действительно способный азиат в империи, и несколько очень влиятельных человек, которые не публично, но конфиденциально связаны с одной или другой из трех цепей, или одной из множества их ветвей. В средних классах существует большая доля людей, которые (во многих случаях бессознательно) связаны с движением через религиозных учителей или светских лидеров, которым они верят и чьему совету они будут постоянно следовать. Среди масс в некоторых местностях, и особенно в Нижней Бенгалии, многое еще предстоит сделать. Значительная часть низших классов уже приняла различных членов или ассоциации в качестве своих политических руководителей, тогда как еще большую часть могут удерживать и контролировать их религиозные учителя, низшие ранги которых, зачастую фанатичные и не сознающие тот великий механизм, частью которого они являются, возможно контролировать более высшими и более разумными рангами. Однако по-прежнему остается значительная, а в некоторых местностях и преобладающая часть масс, которая еще не включена в этот процесс.

За всем этим – хотя это вряд ли касается общественности, довольно справедливо, чтобы некоторые представления об истине пронизывали общее невежество – лежит организация, которая много лет, борясь с моральным упадком, тихо и тайно стремилась, неизбежно, однако, склоняясь перед залпами артиллерии Судьбы, снизить ущерб, приносимый ими нашей любимой Индии, настолько, насколько это возможно. Воистину, со всей поддержкой движения, ныне становящегося очевидным даже для притупленного взора наших суровых и самодовольных хулителей, если бы наши цели и впрямь были та-

кими, какие с большим удовольствием они приписывают нам, можно было бы сказать, что мы «не добились больших успехов», но факты таковы, каковы они есть, и мы можем заверить «Пионир» в том, что мы делаем такие успехи, каких только можем пожелать, и что – поскольку мы стремимся к упорядоченному прогрессу и постепенно, почти незаметному для посторонних, продвижению – наш прогресс никогда не станет более очевидным, чем сейчас.

«В Бенгалии механизм агитации, безусловно, совершенствуется, но Бенгалия запятнала себя крамолой, и потому политики в Англии косо смотрят на все, что оттуда исходит».

Странно, что Бенгалию можно особо упомянуть как местность, в которой совершенствуется механизм агитации, но это всего лишь образец исключительного невежества относительно ежедневных фактов индийской жизни, преобладающего в самых высоких кругах. Как знает каждый разумный индийский читатель этой газеты, Бенгалия на сегодняшний день является самым отсталым президентством в плане организации. В этом отношении Бомбей (всегда предполагающий Синд) и Мадрас далеко впереди.

Что же касается Бенгалии, запятнавшей себя крамолой, мы впервые об этом слышим. Конечно, в былые времена горстка ваххабитов в Патне была осуждена за подготовку мятежа, но странно, что из-за стародавних проступков одной крошечной изолированной общины, которая не вызывает и никогда не вызывала симпатий ни у остальных мусульман⁹⁷, ни у индусов Бенгалии, шестьдесят миллионов лояльных жителей Бенгалии, Бихара и Ориссы считаются запятнавшими себя. Это чересчур абсурдно. Что ка-

⁹⁷ Говоря о мусульманах, Юм часто использует слово «Mahomedan» («магометане»), однако в настоящем издании применяется более распространенный сегодня термин.

сается политиков в Англии, косо смотрящих на *что-либо* (не говоря уже обо *всем*) исходящее из Бенгалии, мы можем только сказать, что те или иные из наших лидеров еженедельно общаются с ведущими английскими политиками в обеих палатах парламента, и ни один из них не выказывал каких-либо признаков подозрения к нам или нашему движению. Совсем недавно наши друзья – г-да Манмохан Гхош⁹⁸, В. Ч. Бонерджи⁹⁹ и другие известные бенгальские политики, оказавшись в Англии, повсюду встречали сердечную доброту и нигде не столкнулись ни с единым косым взглядом. Мало того, где бы г-н Манмохан Гхош ни появлялся в качестве бенгальского представителя – и на публичных митингах, и, что гораздо важнее, на частных встречах ключевых политиков, его встречали с распростертыми объятьями и решительно заверяли в поддержке всех предполагаемых реформ, за которые мы выступаем и за которые агитируем и здесь, и в Англии, и будем продолжать выступать и агитировать, пока не добьемся успеха в их достижении.

«Класс агитаторов довольно проницателен, чтобы увидеть это, и стремится распространить свои действия на всю Индию, чтобы обеспечить что-то вроде единства цели».

Как уже объяснялось, «класс агитаторов» (если, как мы полагаем, это название применяется ко всем индийским реформаторам) недостаточно проницателен для того, чтобы обнаружить, что «политики в Англии косо смотрят на все исходящее из Бенгалии», по той простой причине, что они не наделены способностями видеть то, чего не суще-

⁹⁸ Манмохан (Мономохан) Гхош (1844–1896) – барристер, социальный реформатор, один из членов индийской делегации в Англии (1885).

⁹⁹ Вомеш Чандер (Умеш Чандра) Бонерджи (1844–1901) – юрист (Высокий суд Калькутты), один из основателей ИНК и первый президент (1885), первый индийский кандидат на выборах в британский парламент.

ствуется, столь хорошо развитыми у писателей из «Пионера», но они достаточно проникательны, чтобы знать, что реформы могут быть полезными, только если они соответствуют чувствам народа страны в целом, и, следовательно, прежде чем сделать любой задуманный шаг, они трудятся над тем, чтобы вся страна была с ними.

«Грандиозные резолюции “Национальных конференций” приводят-ся в поддержку мнения о том, что Индия едина в конкретной цели, и все расы и веры едины в своем требовании политической власти; но массы народа молчаливы и инертны, и потому их надо “возбудить”».

Очень простые и понятные резолюции Национальной конференции (которая была только одна; остальные были провинциальными) верно и справедливо приводятся в поддержку мнения, что образованные классы по всей Индии и все, кто следует за *ними* (в это число сегодня входит большинство средних и значительная часть, хотя менее половины по стране в целом, низших и самых низших классов), действительно объединены единой целью, и что большая часть, что касается интеллекта и достатка (хотя и меньше половины, если брать в численном отношении), каждой расы и веры *bona fide заодно* в своих требованиях доступа к политической власти. Нельзя считать, что та другая, более многочисленная фракция, не имеет *своих* подобных политических требований. У этих людей, к сожалению, есть свои собственные идеи, в которых они пока *не* согласны с большинством, составляющим образование и достаток, для «массы народа», что может быть «молчаливой и инертной», пока они внезапно не начнут действовать. Однако пусть ни один иностранец не воображает, будто у этих людей нет *своих* мечтаний, над которыми они размышляют. И так происходит, что эта часть масс по-прежнему более или менее находится вне контролирующего влияния тех, кто мудрее и лучше способен предвидеть результаты заранее, и ее нужно обучать («Пионер» вводит в заблуждение своих читателей словом «возбуж-

дать») пониманию реального положения дел, чтобы отбросить неосуществимые и нежелательные цели и присоединиться к остальной части страны в трудах по обеспечению реформ, столь же желанных, сколь простых и практичных.

«Возбуждение в Бенгалии не должно вызывать большого беспокойства в умах правителей Индии, поскольку, хотя провинция является густонаселенной, там живут люди мягкой и миролюбивой расы; но если эта агитация распространится среди более мужественных рас Верхней Индии, если эти агитаторы введут их в заблуждение, тогда царство беззакония в Ирландии покажется детской игрой в сравнении с проблемами, с которыми предстоит столкнуться».

Из сказанного выше следует, что первая цель и задача – образование, которое мы стремимся постепенно дать той части масс, что все еще лишены его (образование, которое действительно пробуждает, но совсем не в том смысле, который подразумевает автор этой статьи), для того, чтобы было невозможно любое беззаконие, которое, почти повсеместно, опозорило ирландскую борьбу за политическую автономию, в противном случае бывшую бы похвальной. Как недавно заметил один из наших лидеров: «Если я только услышу, что кто-либо предлагает самое малое умышленное нарушение закона, я сам отведу его на суд властей, даже если он мой брат; положение вещей во многих отношениях достаточно плохое, и мы не будем мириться даже со слабыми потугами к беззаконию или чем-то иным, способным ухудшить ситуацию – спокойного упорства в конституционных действиях по получению послаблений, которых мы требуем, совершенно достаточно, чтобы в этом преуспеть, не оставив позади себя ни тени стыда или сожаления». Это единодушные чувства всех, кто имеет среди нас хоть какое-то влияние, и если кто-то из наших оппонентов представил себе второй мятеж или, например, волну убийств и волнений, что прокатилась несколько лет назад в *цивилизованной* Ирландии (конечно,

мы, бедные индийцы, немного лучше, чем дикари!), то мы полагаем, что он может навсегда расстаться с этим мучительным видением. И то, и другое было возможно шесть лет назад (хотя страна слишком цивилизована, чтобы терпеть многое из того, что представляется национальным времяпрепровождением Ирландии), но теперь это одинаково невозможно.

«Мы абсолютно отрицаем, что Индия выиграет хоть что-то от этой агитации; она положит конец всякому хорошему управлению и сделает наше нынешнее доброжелательное правление невозможным, поскольку, когда иноземное правительство на каждом шагу сталкивается с шантажом и угрозами, ему следует отставить доброжелательность в сторону и принять более жесткую политику».

То, что Индия, вопреки всей оппозиции заинтересованных чиновничьих монополистических классов, которых представляет «Пионир», многого достигнет настойчивой агитацией и спокойным упорством в конституционных усилиях по достижению справедливости и получит от английской нации того политического освобождения, которого желает – так же верно, как и то, что воды Ганга, что журчат и сверкают небольшим потоком в верховьях, возле Бхагирутти, достигнут, в надлежащее время, океанских вод и смешаются с ними. Неужели этот писатель, как современник Рип Ван Винкль¹⁰⁰, спал последнюю четверть века? Неужели он безнадежно слеп к «Духу века»? Или забыл недавнюю избирательную реформу?¹⁰¹ Неужели он не понимает, что более половины избирателей в Англии – это люди, которые, как и мы, были долго и незаконно лишены справедливых политических прав и сочувствуют в глубине сердца нашей борьбе, которую мы ведем, чтобы завоевать для *нас самих* то же, чего добились и *они сами*.

Шантаж и угрозы! Да, действительно, мы – смелые мя-

¹⁰⁰ Герой одноименной новеллы Вашингтона Ирвинга.

¹⁰¹ Избирательная реформа 1885 г. в Великобритании.

тежники, и мы говорим, стоя пред небеснорожденными чиновничьими классами, от вице-короля и ниже: «Осторожно! Если вы отступите в своих делах с нами от духа той политики, которую люди и парламент Великобритании утвердили для вас в качестве руководства, то ясно, как белый день, что мы сообщим о вас и этим людям, и этому парламенту, и не дадим им покоя, пока они не поставят вас на место». Это ужасный шантаж, это действительно страшные угрозы, заслуживающие того, чтобы принять в ответ более жесткую политику. Но – наши друзья отнюдь не зря посетили Англию – мы можем обещать «Пиониру», что срок пребывания в должности любого правительства здесь, стремящегося в силу обстоятельств принять эту более жесткую линию политики, и даже любого министерства в Англии, что решится поддержать его в этом, *не будет слишком долгим*.

«Мы рады заметить, что устремления Новой Индии совсем не встречают никакого сочувствия у более вдумчивых и дальновидных туземных джентльменов старой школы, которые не видят результатом агитации по описанной нами модели ничего, кроме недовольства и подстрекательства к мятежу».

«Имя? Имя?» – как говорится в Палате общин! Кто же эти более вдумчивые и дальновидные туземные джентльмены старой школы? Мы не знаем таких; мы спрашивали повсюду, но положительно не слышали о подобных. Есть, наверное, какие-то совершенно необразованные старые дураки, которые в разговоре с европейскими чиновниками могут в частном порядке сказать что-то в этом роде, но среди образованных людей любой школы мы не слышим ни единого, кто увидел бы признаки подстрекательства к мятежу в агитации, проводимой нами. Тысяча извинений! Мы видим, что не в агитации, которую мы ведем, заключается кошмар тревожного сна «Пионира», а в другом, в агитации по модели, описанной им, в тех вдумчивых и дальновидных туземных джентльменах старой школы, ко-

которые не видят ничего, кроме подстрекательств к мятежу и недовольства – и неудивительно! В этом вопросе единодушие всех туземных джентльменов будет удивительным, но поскольку схема по модели, описанной «Пиониром» является лишь «ужасной тенью» его собственного воображения, мы можем освободить себя от дальнейшего ее обсуждения.

Из всех вдумчивых и дальновидных джентльменов старшей школы выделяется махараджа сэр Джатиндра Мохан Тагор¹⁰², рыцарь-командор ордена Звезды Индии, известный своими учтивыми манерами и крайней проницательностью. Нет человека более последовательного в своем дружелюбии к британскому правительству, но о том, что он думает об агитации, которую мы ведем на самом деле (скорее всего, он бы не одобрил агитацию по модели, описанной «Пиониром»), можно судить по тому факту, что он недавно стал президентом и проявил живой интерес к организации и развитию Бенгальской национальной лиги.

«Именно в них правительство должно искать средства, чтобы объяснить народу истинное значение диких и фантастических схем, безнадежно выдвигаемых ныне; их влияние должно служить против агитаторов, иначе Индия может внезапно обнаружить себя идущей по краю пропасти, без направляющей руки, способной спасти ее от гибели. Патриоты, что надеются сделать из нее вторую Ирландию, возможно, увидят, как опасно принимать западную агитацию в качестве модели: ее столь же безопасно применять к Индии, как огнепроводный шнур – к поезду, груженному порохом. Этого ли они хотят?»

Мы немного устали от этого писателя, и то, что бедные читатели *продолжат* знакомиться с нашими комментариями к его причудам – это больше, чем мы можем же-

¹⁰² Джатиндра Мохан Тагор (1831–1908) – бенгальский политический и общественный деятель, филантроп. Член законодательного совета Бенгалии (1870–1874), член Имперского законодательного совета (1877), секретарь Ассоциации Британской Индии, президент Бенгальской национальной лиги.

лать. Позвольте нам попытаться и положить этому конец. Мы не слышали о таких патриотах, которые хотели бы унижить Индию введением системы, где трусость смешана с жестокостью, что, к сожалению, время от времени характеризовало народное движение в Ирландии – движение, которому мы в противном случае глубоко бы сочувствовали. Никто не применяет, не применял и не мыслит применить какой-либо огнепроводный шнур к какому-либо пороху. Мы верим в разум больше, чем в материю, и предпочитаем влияние ума влиянию динамита. Однако ужасающе много пороха лежало под ногами совершенно свободно, и он был готов взорваться от любой искры, и те, кто первым начал работу по сохранению его в мешках и бочках в строгом порядке, возложили на себя эту обязанность, взяв свою жизнь в свои руки, ибо их усилия по предотвращению страшной опасности, постоянно лежавшей в основе социального организма здесь, могли, предположительно, подтвердить большую вероятность возникновения такой искры. Но теперь, когда большая часть работы выполнена, и даже к тому пороху, что все еще лежит свободно, ограничен доступ, все реальные причины тревоги, по нашему мнению, исчезли, и каждый новый шаг в организации, каждая новая порция пороха, надежно запечатанная в прочных бочонках, уменьшает и без того небольшую вероятность любых серьезных неприятностей.

Нам неизвестны никакие дикие и фантастические схемы, разве что, действительно, было бы дико и фантастично утверждать, будто лучшие из нас уступают среднему англичанину из тех, кого мы видим сегодня в правительстве, будто мы не способны выполнять должным образом обязанности, возложенные на них. На протяжении пятнадцати лет наш соотечественник, г-н Б. Л. Гупта¹⁰³ из граж-

¹⁰³ Бехари Лал Гупта (1849–1916) – индийский политический деятель, служащий Индийской гражданской службы (третий индеец, 1869–1907), компаньон ордена Звезды Индии.

данской службы – мы возьмем лишь один пример – на глазах у общественности испытывал на себе все виды официальной нагрузки, и ни один англичанин даже не делает вид, будто он уступал своим английским коллегам хотя бы в одном из них, а мы, туземцы, считаем, что (в силу более глубокого знания людей и большего сочувствия к ним) во многих из них он значительно превосходил любого англичанина, который когда-либо служил здесь. Но, пожалуй, это действительно дико и фантастично – пытаться так изменить существующие правила, чтобы дать вместо одного Б. Л. Гупты пятьдесят и пропорционально сократить число английских служащих, чье жалование больше на треть, что делают свою работу не так хорошо, по нашему мнению, а затем возвращаются в Англию и *там* тратят пенсион, собранный из налогов *наших* людей, и отдают Англии опыт и способности, приобретенные и развитые на *нашей* службе и за *наш* счет.

Или дико и фантастично – требовать прямого участия в управлении страной через представителей на основании, *inter alia*¹⁰⁴, что, раз мы обложены тяжелым налогом, и огромный доход от нас растет, у нас должно быть право прямого голоса в ответе на вопрос, какие налоги будут введены и как будут расходоваться поступления? По меньшей мере, пятьдесят миллионов наших жителей постоянно влачат полуголодное существование в результате неприемлемой формы правления, и мы имеем право на такую долю участия в нем, которая позволит более успешно адаптировать его к условиям страны и ее народа. Или есть что-то дикое и фантастическое в схемах, воплощенных в резолюциях прошедшего в Бомбее Национального конгресса, на которых стоим мы и – совершенно точно – вся страна? Если кто-либо утверждает, что есть, мы можем только выразить свое несогласие и отметить, что эти резолюции рассматривались и обдумывались большим числом

¹⁰⁴ Между прочим (лат.).

способнейших людей и ведущих мыслителей в Англии, и, хотя многие из них не сходились в частностях, все в целом оценивали резолюции как разумные и умеренные, и никто не высказал даже намека на их дикость и фантастичность.

Au reste¹⁰⁵, пусть ни «Пионир», ни какой-либо другой недальновидный маловер не боятся, как бы Индия не обнаружила «себя идущей по краю пропасти, без направляющей руки, способной спасти ее от гибели», поскольку люди, по существу, кажутся способными понять, что «божество намерения наши довершает, хотя бы ум наметил и не так»¹⁰⁶, и есть неуклонная цель, которая проходит через все века, и которая воплощается в Индии, как и везде, сейчас и навсегда!¹⁰⁷

¹⁰⁵ В остальном (фр.).

¹⁰⁶ Шекспир. Гамлет, акт 5, сцена 2 (Пер. М. Лозинского).

¹⁰⁷ В конце памфлета приводится «Воззвание Бенгальской национальной лиги ко всем жителям Бенгалии, Бихара и Ориссы», которое Юм включил в состав «Звезды на Востоке», см. с. 102 и далее.

Звезда на Востоке¹⁰⁸,

или Бенгальская национальная лига

Звезда на Востоке

Вот, увенчанная пеплом, в облачении вдовы
В мраке бесконечной ночи плачет Индия. Увы!
«Спит народ, не слыша бури; ночь не ведает конца.
Боль рвет сердце, и спасенье не придет от храбреца!
Королевою Востока – ах, бывшие времена! –
Людам я несла свет знаний, счастлива была страна.
Тысячи сынов отважных подле матери родной,
Тех, что голову склоняли лишь пред Богом и страной!
Горе мне! Корона пала. Пыль и пепел – вот мой рок.
Люди спят, ленивы, жадны, как болото их порок.
Небо! Больше нет надежды. Нет, ей не сорвать оков!
Мне осталось лишь молиться до скончания веков».
О, не плачь! Звезда восходит на Востоке, рвется ввысь.
Каждый сын, поверь, услышит твой звенящий клич:
«Проснись!»
Не рыдай, моя родная! Вот, плечом к плечу, взгляни,
Вновь вокруг тебя сплотились дети верные твои!

¹⁰⁸ Перевод осуществлен по расширенному изданию: The Star in the East, or, The Bengal National League. Calcutta: Calcutta Central Press Co., 1886.

Прошло уже много лет с тех пор, как наиболее просвещенные и передовые мыслители индийского общества начали понимать, что, хотя британское правление прекрасно и значительно, *в некоторых аспектах*, превосходит любую туземную власть, которую они видели, оно, в целом, потерпело крах в попытках приспособиться к местным условиям в достаточной степени. Начинаясь некогда в мудром и сочувственном духе, изначально гибкое в руках правителей, до известной степени отождествлявших себя со своим народом (чье расположение и поддержку они старались обеспечить и сохранить, и чье недовольство и недоверие более всего боялись навлечь на себя), с течением времени оно начало застывать, превращаясь в суровую машину, ведомую людьми, большей частью безразличными к одобрению или неодобрению страны, – почти такими же машинами, как та администрация, чьи ступальные колеса они приводили в движение. Дело не в том, что так было задумано и осуществлено из злого умысла и неподобающим образом – напротив, в ранние годы близкие к власти люди пытались, насколько позволяло их несовершенное знание обстоятельств, приспособить британское правление к местным условиям. Но это знание не шло глубже поверхности, а с течением времени необходимость добиваться расположения людей становилась все меньше, и европейцы, все более многочисленные, стали больше общаться *inter se*¹⁰⁹ и меньше с индийцами; знание обычаев, привычек, желаний и нужд последних (никогда не бывшее особо глубоким) становилось все более поверхностным, и первоначальное желание построить администрацию, точно соответствующую традициям и инстинктам людей, постепенно сменилось у наших правителей решимостью править, строго следуя собственным представлениям о том, что является лучшим и наиболее желательным. Результатом стала выработка жесткой структу-

¹⁰⁹ Между собой (лат.).

ры, которая никогда не соглашалась принимать помощь там, где она с радостью была предложена, и которая становилась все более угнетающей и раздражала излишним давлением там, где оно едва ли было необходимо.

Немногие – как индийцы, так и европейцы – видевшие (как понятно теперь) дальше своего времени, понимали то несчастное положение, в которое скатывалось английское правление в более ранний период. Страна же в целом была омрачена тенью невежества и суеверий; между думающими людьми различных провинций и даже округов не было никакой взаимосвязи; большинство местных чиновников еще сохраняло в отношениях с людьми некоторые внешние проявления той симпатии к своим подданным, которая составляла самую суть политики их предшественников. Таким образом, британское правление, более того не заслуживая, все еще занимало традиционное место в сердцах людей, и хотя с растущей силой политического организма общее ощущение недуга проявлялось всё больше, оно пока что не ассоциировалось с каким-либо определенным источником; люди, скорее, воспринимали его как волю Провидения (подобно, быть может, плохому урожаю), чем видели реальную причину – неумелую благожелательность иностранных правителей.

Поэтому когда вспыхнуло великое вооруженное восстание 1857 года, в стране, сбитой с толку, люди повсеместно выступали против мятежников. Без сомнения, преступники и мерзавцы ухватились за радостную возможность создавать хаос, грабить и убивать; и они грабили и убивали без каких-либо раздумий о расе, цвете кожи или вероисповедании своих жертв. Без сомнения, землевладельцы и прочие страдали от железной системы гражданского и налогового права, невежественно распространенного доброжелательными иноземцами (воображавшими, будто все, привезенное ими из родных земель, будет полезным для любой страны) на население, для которого оно было совершенно не приспособлено – без сомнения, пострадав-

шие от этой негибкой и чужеродной системы воспользовались случаем возместить свои тяжкие обиды и, там, где выгодоприобретатели по судебным решениям и покупатели с аукционов были достаточно глупы, чтобы протестовать, вернули некоторую часть своего имущества за счет протестовавших без обычных формальностей. Но, тем не менее, в целом страна была на стороне британского правительства, молилась за него и помогала в его восстановлении.

Однако прежде, чем восстание потерпело крах, были предприняты новые начинания, которые в конечном счете не могли не вызвать глубоких изменений в общественном мнении. Широкое распространение образования, железных дорог, телеграфа, дешевого почтового сообщения и значительное расширение сферы почтовых операций, развитие индийской прессы, в высшей степени несправедливая система конфискаций (вплоть до украшений у благородных дам) в пользу правительства – все это и многое другое было брошено, подобно закваске, в великий бушель. И поэтому случившиеся после подавления мятежа огромный рост британской армии, заметные изменения в отношении европейцев к индийцам, введение ненавистного подоходного налога с громоздкими и сложными Кодексами – гражданским, уголовным, процессуальным – и прочими подобными деталями британской выделки, вынудили всех, высших и низших, пересмотреть ситуацию – в той мере, в какой позволяло их относительное невежество. В общественном мнении постепенно произошли великие перемены, и даже у тех, кто был полностью лоялен английскому правительству, возникали серьезные сомнения относительно того, были ли, в конце концов, мятежники неправы, и не было бы лучше (в общих интересах), чтобы британское правление раз и навсегда утасло. Нужно понимать, что эти сомнения были среди образованных и частично образованных членов нашего общества. У необразованных масс не было никаких сомнений: мнение, что

правительство отвратительно и несправедливо, британское правление чужеродно и деспотично, было принято практически как аксиома.

Но было тогда и то, что сильно смягчало эти враждебные взгляды, рождало терпение и дарило надежду. В последнее время англо-индийская пресса и даже англичане, известные как признанные государственные деятели, заверяли нас, что великая Прокламация¹¹⁰ нашей милостивой и возлюбленной Императрицы, принятая правительством Индии, не имеет законной силы, а является лишь выражением добрых чувств, никоим образом не ограничивающее британское правительство в рамках существующей конституционной системы. Здравый смысл восстает против такого чудовищного прочтения этого в высшей степени торжественного Провозглашения, однако британское конституционное право отнюдь не является воплощением здравого смысла, и мы не достаточно разбираемся в конституционном праве, чтобы сказать, может ли эта точка зрения *законно отстаиваться*. Но мы *можем* сказать, что всем сторонам повезло в том, что эта бесчестная и лицемерная попытка обойти одно из самых смелых и серьезных обещаний, когда-либо данных любым монархом любому народу, не была обнародована в более ранний период, ибо нет ничего более определенного и ясного, чем то, что в течение многих лет беспрепятственное продолжение британского владычества было полностью и исключительно обусловлено этой Прокламацией. Все классы, просвещенные и невежественные, видели в этом провозглашении принципов нерушимую и священную хартию наших свобод; все привыкли, что действия великих правителей неторопливы, и знали, что требуется много времени, чтобы истина достигла могущественных владык; но все чувствовали, что именно здесь таится прочная гарантия того, что лучшие времена настанут, и хотя никто не пере-

¹¹⁰ См. примечание на с. 50.

стал беспокоиться о политической несправедливости, которой люди подвергались со стороны местных властей, и болезненном всепроникающем давлении чуждых для них учреждений – все видели в этой торжественной хартии твердую почву для надежды, что рано или поздно Великая Мать осознает злодеяния своих слуг, и ее благословенные заверения о полной справедливости и свободе принесут добро всем нам.

И хотя боль в людских сердцах становилась все сильнее, ни одно проявление явного и открытого недовольства не поставило под угрозу мир в Индии – исключительно благодаря этой мудрой и великодушной Прокламации. Но время шло, и ситуация становилась все более критической. В управлении не происходило перемен к лучшему; напротив, день ото дня все сильнее казалось, что пропасть между правящими и управляемыми становится все шире, с каждым днем все меньше внимания уделялось чувствам нации, и самые поразительные законопроекты принимались с легким сердцем в полном пренебрежении нуждами страны и желаниями народа.

Наконец, чаша национального терпения почти переполнилась. Небеса послали нам гениального вице-короля¹¹¹, который, не вызывая никакого уважения своим характером, как государственный деятель был неуравновешен, подобно потоку воды, рвущемуся из записки по делу Фуллера, чтобы заткнуть рот прессе¹¹², и абсолютно ли-

¹¹¹ Лорд Литтон.

¹¹² В 1876 г. магистрат Агры оштрафовал англичанина Фуллера на тридцать рупий за убийство индийского слуги. Литтон ответил на это запиской, в которой раскритиковал не только действия магистрата, но и судей Высокого суда Аллахабада, утвердивших его решение. Этот шаг, вызвавший большое воодушевление среди индийского населения, не являлся конституционным, был продиктован стремлением поставить исполнительные полномочия власти выше судебных, и стал, таким образом, «первой манифестацией установленного впоследствии

шен той трезвости темперамента, той искренности цели, что составляют фундаментальные основы подлинного искусства управления государством.

Умный, опытный, самый гениальный среди компаньонов, самый чарующий из современных второстепенных поэтов – всё, связанное с ним, было *внешним блеском*. Самые серьезные государственные дела казались ему игрой, в которой нужно было выиграть, не считаясь с потерями, для пущего прославления и удовлетворения тщеславия – тщеславия, главной целью которого, говоря его собственными словами, было «сделать хороший всплеск»¹¹³.

Но к чему уделять ему столько внимания? Для нашего повествования достаточно будет сказать, что неспособность понять состояние страны, безрассудное желание прославить свое правление, очевидное отсутствие каких-либо высших принципов, что могли бы помочь проверить правильность тех заманчивых схем, которые постоянно разрабатывал его лихорадочно активный мозг – его полная непригодность, одним словом, для того высокого поста, куда он был вознесен – едва не сокрушила британскую власть на Востоке.

Времена сильно изменились с тех пор, как вулканическое пламя великого мятежа охватило наивный, дрожащий народ, полыхнуло на какое-то время багровым кошмаром, и погасло. Индийские газеты теперь исчислялись сотнями, и, хотя немногие из них издавались большим тиражом, в сумме они имели миллионы читателей и десятки миллионов тех, кто – чуть позже – слышал их сообщения. Люди начали ездить по стране и открывать, что их давнее скрытое чувство неудовлетворенности правительством

имперского режима» (Quarterly Journal of Poona Sarvajanic Sabha. 1880. Vol. 3, № 1. P. 37), одним из результатов которого стало принятие Закона о туземной печати 1876 г. (Vernacular Press Act 1876), наложившего суровые ограничения на индийскую прессу.

¹¹³ To make a good splash – аналогично «произвести фурор».

эхом отзывается в сердцах их товарищей даже в самых отдаленных деревнях. Более передовые мыслители, благосклонно или враждебно относившиеся к продолжению британского правления, стали собираться вместе. Некоторые из них уже начали самостоятельно, или отправляя других, действовать как политические миссионеры среди масс, доносить до последних некое представление об их правах как подданных и обязанностях правительства как властителя. Там, где печать находила тысячи людей, они находили миллионы. Образование такого рода, стимулированное дешевыми изданиями от индийской прессы, книгами, памфлетами, журналами, газетами, и прежде всего широким развитием связей и общения во всех частях империи, делало большие успехи, и простой рост числа учащихся в школах и колледжах не является здесь главным показателем. Различные организации, не самые крупные, но многочисленные, непризнанные, с более или менее сомнительными целями, тихо распространялись по стране. Люди быстро теряли веру в Королевскую Прокламацию и начинали видеть в ней жестокое мошенничество, и горькое чувство обиды и несправедливости, так долго тлевшее в их сердцах, стало разгораться ярким зловещим огнем.

Такое положение дел *начало* складываться, когда был сделан первый «великий всплеск», и Делийское собрание – гигантский дорогостоящий фарс – прошло в то время, когда Голод¹¹⁴ затягивал веревку на шее миллионов безвинных крестьян в Южной Индии. Так обстояли дела, когда немного позже путем несправедливого вторжения был захвачен Кабул¹¹⁵, индийской прессе заткнули рот, хлоп-

¹¹⁴ Делийский дарбар 1877 г. – масштабное собрание по случаю провозглашения королевы Виктории императрицей Индии. Пышность проведенных мероприятий вызвала критику в стране в связи с тем, что они проходили в то время, когда на юге Индии свирепствовал голод (Великий голод в Южной Индии 1876–1878 гг.).

¹¹⁵ В ходе второй англо-афганской войны 1878–1880 гг.

ковые пошлины – один из важнейших и наиболее легитимных источников дохода Индии – предательски брошены, как подачка консерваторов, Манчестеру¹¹⁶, был убит Каваньяри¹¹⁷, а правительство тряслось над рассыпавшимися остатками лживого бюджета.

Многие думали, что время настало – *подспудно*, сдавленный гром предвещал грядущее извержение, и мы, несомненно, были ближе ко всеобщему восстанию, чем когда-либо с тех пор, как затмевающая все красная тень впервые легла на терпеливый Восток. Открыто или тайно вся страна, до единого человека, была против британского правительства, и любая пустяковая добавка к провокациям, которые люди терпели, скрипя зубами, почти наверняка могла привести к конфликту, в котором правительство обнаружило бы себя стоящим против всего населения Индии.

Понимают ли вообще английские читатели, что это означает? Осознают ли они со всей серьезностью, что могло бы стать с ними и их войсками пусть в сто, пусть даже в двести тысяч человек, окажись они против двухсот пятидесяти миллионов? Они оглядываются на 1857 год и говорят с самодовольной улыбкой: «А кто же взял верх *тогда*? Разве мы не сражались и не победили?» Да, это были они, и многие из них были подлинными героями. Но, несмотря на их доблесть, только тот факт, что народ страны был на их стороне, сделал эту победу *возможной*. Если бы страна была против них, никто – даже из дополнительной четверти миллиона европейских войск, которые с помощью Франции можно было высадить в Индии – не выжил бы в этой борьбе. Храбрый и смелый человек прорывается сквозь рой дурных ос, несмотря на их ядовитые жала, но

¹¹⁶ Манчестер – центр хлопковой промышленности Великобритании.

¹¹⁷ Пьер Луи Наполеон Каваньяри (1841–1879) – британский дипломат, служащий Ост-Индской компании. Во время переговоров с Якуб-ханом в 1879 г. в Кабуле был убит восставшими афганцами.

тридцатифутовый питон, не имея жала, ломает ему кости в своих огромных гибких складках. Кто с радостью снабжал каждый маленький британский отряд, тогда как мятежники не получали ничего, кроме того, что захватывали *vi et armis*?¹¹⁸ Кто защищал и утешал любого заблудившегося европейца – мужчин, женщин и детей, что, спасаясь от мятежников и банд мерзавцев (ядовитого продукта их хваленной цивилизации), толпившихся в каждом британском поселении, нашли путь в мофуссил¹¹⁹? Кто сообщал европейским офицерам о каждом движении повстанцев, тогда как последние крайне редко могли узнать, где действительно находятся британские войска? Кто чуть больше, чем за год, записался на военную службу числом около четверти миллиона и сражался плечом к плечу с англичанами в тысячах битв против обезумевших мятежных сипаев, *бадмашей*¹²⁰, дакоитов¹²¹ и прочих бандитов, стекавшихся под их знамена? На все эти вопросы можно дать лишь один ответ – НАРОД ИНДИИ.

Нет! Мы можем в первую очередь относить быстрое подавление и, чуть позже, полное прекращение этого страшного восстания на счет неукротимой отваги и выдающейся силы организации британцев, высших и низших, военных и гражданских, и превосходного управления лорда Каннинга¹²², который, вопреки истеричным протестам и мольбам большинства чиновничьего класса, не щадя себя работал над тем, чтобы сократить военные расходы на двенадцать миллионов фунтов стерлингов в год и провозгласить

¹¹⁸ Силой оружия (лат.).

¹¹⁹ Сельская местность. См. примечание Юма на с. 168.

¹²⁰ Негодяи (хинд.).

¹²¹ Вооруженные грабители.

¹²² Чарльз Джон Каннинг, 1-й граф Каннинг – генерал-губернатор (1856–1858) и вице-король Индии (1858–1862), на правление которого пришлось передача власти от Ост-Индской компании британской Короне и ликвидация последствий восстания 1857 г.

амнистией, когда прилив обратился вспять. Однако каждый квалифицированный и беспристрастный историк вынужден будет признать, что без активной поддержки множества индийцев и симпатии, более или менее пассивной, остального населения, Британская империя на Востоке сейчас, по прошествии многих лет, была бы «славной памятью о прошлом».

Хорошо это четко осознавать – осознавать принципиально иной характер восстания, которое угрожало нам ближе к концу беспринципного правления лорда Литтона – хорошо для всех нас, британцев и индийцев, и нужно благодарить Небеса за то, что по их милости мы избежали этого ужасного суда.

И вот, когда ситуация была почти катастрофичной, когда британскому господству едва ли оставалось шесть месяцев, впервые в сферу практической политики вошло прежде неизвестное агентство, работающее ради мира и добра среди людей. Среди рассеянных по всей земле нашлось несколько человек более высокой культуры, с более развитым моральным чувством, чем у остальных образованных людей на тот момент. Эти люди, объединенные общностью знания и стремлений, со времен Мятежа с беспокойством наблюдали за колебаниями национальных чувств и, насколько это было возможно, – косвенно и анонимно, – бросали все свое влияние на чашу весов порядка. Когда, однако, кризис стал очень острым, они решили, что следует прибегнуть к более открытым мерам, чтобы, по возможности, предотвратить то, что им казалось неизбежным и губительным бедствием.

Их взгляды заключались не просто в том, что могут пострадать тысячи индийцев (и, как в случае с Мятежом, половина из них – совершенно безвинно даже с британской точки зрения), десятки тысяч европейцев, подавляющее большинство из которых были добрыми и благонамеренными людьми, могут быть «в кровавом месиве погребен-

ны»¹²³, а многолетний физический, умственный, моральный прогресс в условиях нарастающей анархии прекратится и начнется всесторонний упадок – а в том, что последствия этой долгой и горькой битвы будут губительны для Индии, Англии и всего человеческого прогресса в целом.

Возможно, в то время они единственные были способны приблизительно оценить те гигантские силы, которые могли вступить в борьбу. Дураки болтают, что можно удержать империю в 250 миллионов душ пштыками; мудрые же знают, что грубая сила – это слабый оплот против убеждений (безразлично, ошибочных или верных) великой нации. Они слишком хорошо знали, что тяжелая и длительная борьба, которая пролила бы океаны индийской крови, если бы страна восстала, не позволила бы утихомирить Индию до тех пор, пока – честно или подло – Британская империя здесь не была бы сокрушена. Они слишком хорошо знали, что Индии в течение целого века недоставало развития, которое могло бы позволить ей существовать самостоятельно, и что из пепла британского феникса возникло бы много зла, нанесшего бы бесконечно больший ущерб реальному прогрессу страны, чем британское правление когда-либо причиняло даже своим злейшим врагам. Они знали, что кровавый и насильственный разрыв между Англией и Индией в результате этой борьбы приведет к превращению первой во второстепенную силу, что станет погребальным звоном для самых высоких надежд человечества на многие века. Ибо немногие европейцы, даже англичане, похоже, осознают совершенно очевидный для мудрецов Востока, изучавших историю человечества вдали от суеты мира, факт: Англия, со всеми ее недостатками, со всеми ее преступлениями все еще является матерью существующих в мире свобод. Обладали бы Франция, Норвегия, Швеция, Дания, Голландия, Бельгия,

¹²³ Из стихотворения Дж. Г. Байрона «Ватерлоо».

Германия, Италия, Австрия, Северная Америка той степенью свободы (пусть и малой, в некоторых случаях), которую они имеют сегодня, если бы Великобритания канула в океан вскоре после норманнского завоевания? С того времени, когда бароны (да и раньше) вырвали у Иоанна великую Хартию¹²⁴, большая часть английской нации сражалась против тирании в любой форме, год за годом, век за веком неустанно боролась против автократии и ее выводка. Именно примеру наиболее благородной части британского общества, именно духу свободы, который несли слова и труды этих людей, обязан весь мир той свободой, которой наслаждается мы сегодня. Более того, именно им обязана Индия тем стремлением, что живет ныне в каждом сердце – стремлением бороться за более свободные учреждения и менее деспотичное правительство.

Стоит лишь допустить разрушение и унижение Англии, уменьшение её до незначительной силы – и, несмотря на все сказанное и сделанное за последние сто лет, ядовитое облако деспотизма вернется на запад, во всяком случае, в Европу, и какому-нибудь будущему Кэмпбеллу останется лишь петь печальный реквием:

Надежда на время сказала миру: «Прощай»,
И свобода возопила, когда «храбрая старая Англия» пала¹²⁵

Эти люди, практически единственные, кто понимал весь ужас проблемы, были предопределены для того, чтобы предотвратить всеми возможными способами грядущую катастрофу; они слишком глубоко разбирались во внутренней жизни нации, чтобы хотя бы на миг вообразить, что искры, зажженные во множестве сердец, могли

¹²⁴ В 1215 г., во время правления Иоанна Безземельного, была создана «Великая хартия вольностей».

¹²⁵ Перефразированные строки из поэмы шотландского поэта Томаса Кэмпбелла «Радости надежды».

когда-либо погаснуть, или что смертный человек мог сделать что-либо лучшее с пламенем, которое должно было неизбежно разгореться, чем направить его таким образом, чтобы свести к минимуму его остроту и использовать его растущую силу на благо страны. Затем среди близких друзей и по стране в целом, через бесчисленные не прямые каналы они начали проповедовать доктрину, которая должна была развернуть прежде подавленные национальные чувства недовольства и ненависти, обернув их в безопасную форму открытой конституционной агитации, безразлично, насколько шумной или, вначале, даже детской, если только она могла дать должный выход тем чувствам горечи и мести, которые, пока еще глубоко сокрытые, предвещали свести на нет самые яркие перспективы грядущего века.

В первый день, когда эта доктрина обрела конкретную и практическую форму, были посеяны семена, из которых Бенгальская национальная лига – это лишь один, но отнюдь не жалкий росток.

Но мы ждем. Несмотря на самые напряженные усилия (совмещаемые с попытками уклониться от внимания тогдашнего бессовестного и беспринципного правительства) этой небольшой группы людей, которые приняли это новое Евангелие, не было получено никаких заметных результатов немедленно; укрытая от посторонних глаз закваска уже начала действовать, но медленно. Возможно, что, хорошо балансируя между силами, возбуждавшими и сдерживавшими, даже небольшие свершения в течение последних пятнадцати месяцев правления лорда Литтона наращивали оперение, сдерживавшее рок в пользу порядка. Но даже те, кому движение обязано своим появлением, не утверждают, что это безусловно так.

В то время как лучшие и мудрейшие люди Индии, таким образом, боролись с максимальной энергией за оздоровление политического организма с едва заметными результатами, Провидение, всегда помогающее тем, кто по-

могает себе сам, вновь пришло на помощь, и долгое сражение между добром и злом было выиграно.

Пришел лорд Рипон – и, как ночные туманы пред восходом солнца, как ночной кошмар от ободряющего прикосновения друга, перед его простой, честной, мужественной личностью и его добрыми сочувственными словами, словно бы по волшебству, рассеялась опасность, казавшаяся такой огромной посреди национального недовольства.

Наконец, у нас был истинный человек, который не желал ничего иного, чем делать все возможное для нас и для Индии. Его пример доказал, что английские государственные мужи не были просто мошенниками и пустозвонами, полными лживых обещаний и обетов. Добрая Императрица, пославшая нам, наконец, честного вице-короля, могла бы отправлять к нам больше таких, как он. Помимо неблагосклонных чиновников, с которыми мы, главным образом, имели дело, в Англии могли быть, *должны были быть* настоящие и добрые люди, что, узнав, сколь печальны наши дела, хотели видеть нас защищенными. Раса благородных филантропов, отменивших рабство в *Вест-Индии*, не вымерла. Был, по меньшей мере, один истинный английский дворянин, со всей серьезностью приложивший усилия к тому, чтобы увидеть равную справедливость для белых и черных. Тогда была надежда. Такой человек не мог быть *только* один. Нам нужно было найти других, и тогда, возможно, со временем рабство в *Ост-Индии* также могло быть искоренено.

Чрезвычайные перемены в общественных чувствах, произведенные правлением лорда Рипона, могут сравниться только с тем, что мы видели однажды при посещении Англии. Несколько недель жестокий северо-восточный ветер иссушал небо и землю, сковав все вокруг ледяным саваном; повсюду нависла мгла, и все было немым и неподвижным, как в стране мертвых. Ночь покрывала все тяжелой пеленой; в полночь было зафиксировано семнадцать градусов мороза. Но яркое солнце под-

нялось веселым весенним днем; теплый южный ветер, наполненный благоуханием, дышал над скованным озером. К полудню лед стал тонким. К закату он уже быстро исчезал, а на следующий день нас разбудили пыльные, словно дети самого лета, воды, что свободно танцевали, сверкая миллионами отблесков, и пели повсюду, ритмично журча. Птицы брызгались, играя, в солнечных всплесках, зеленые кисточки прорывались на каждом кусте, а на берегах –

Незримою рукою был разлит
Поток фиалок, первых в том году¹²⁶

– примулы и другие нежные цветы улыбались сквозь росу восходившему дню. Повсюду гул насекомых, песни птиц, отдаленный звон овечьих колокольчиков, смешанные с бесчисленными голосами обновленной жизни, возвышались как золотой гимн хвалы и радости. Минул лишь день, и там, где был мрак, суровый мороз и смертельная тишина, ныне было солнце, песня и счастье.

Тогда, воодушевленная благотворным влиянием лорда Рипона, сокрытая закваска начала действовать заметно – проповедь открытой конституционной агитации, а не тайных, вызванных ненавистью, козней, начала находить благосклонность в глазах многих; тогда распускались секретные организации, выходя на поверхность как признанные ассоциации для продвижения национального дела; тогда впервые встревоженные наблюдатели, видевшие в прошлом опасность, вздохнули свободно и возблагодарили Господа за то, что великая битва действительно была выиграна.

Битва была выиграна; и хотя задолго до того, как яркое

¹²⁶ Из стихотворения Томаса Грея «Элегия на сельском кладбище».

утро созрело в полдень, черные тучи англо-индийской неистовой и (как лучшие из англо-индийцев признают сейчас) беспричинной враждебности омрачали перспективы, они потерпели крах в попытках поколебать веру страны в новое Евангелие (хотя, несомненно, несколько изменили – к лучшему – отношение к нему) благодаря уверенности, вдохновленной характером и поступками лорда Рипона¹²⁷. С самого начала люди приняли его с радостным сердцем и уверенностью в том, что лорд Рипон будет творить чудеса, и были подобны детям, бросающимся в какую-то новую забаву. Но как только настал день, когда сгустились тучи, когда нашлось множество сыновей свободной земли, которые, если бы были верны основным принципам собственной национальности, могли бы стать их лидерами, товарищами, сторонниками, но вместо этого, напротив, жестоко набросились на их праведные требования в печати и публичных выступлениях, люди быстро протрезвели и обрели серьезность, и раз навсегда взяли на себя новую задачу – не как *parergon*¹²⁸, но как *ergon*¹²⁹ – не как развлечение на время, но как серьезный труд всей жизни.

Но мы не должны быть слишком поспешны, обвиняя наших противников; они, безусловно, были введены в заблуждение некоторыми интриганами, которые, сами держась на заднем плане, возбуждали бесполезное и неправомерное негодование хитроумными искажениями; если, таким образом, заблуждаясь, наши противники теряли самообладание и вели себя неблагородно и несправедливо, мы тоже теряли его и порой отвечали так же несправедли-

¹²⁷ Смотри, в отношении чувств, вызванных добрым правлением лорда Рипона, «Прощание Индии», приводимое в конце этой брошюры, напечатанное в «Миррор» 14 декабря 1884 г., когда Рипон покинул Калькутту по окончании своего вице-королевского срока (прим. издателя памфлета).

¹²⁸ Второстепенное украшение, дополнение, деталь (греч.).

¹²⁹ Работа, дело (греч.).

во и неприемлемо. И в конце концов, мы многим им обязаны, поскольку их оппозиция возникла в основном из-за успеха усилий, которые предпринимались, чтобы укреплять партию реформ и выплавлять из конгломерата провинций, племен и кланов единую нацию.

Ни одна из сторон не может гордиться этой безумной мальчишеской борьбой, и теперь, когда она завершена, мы вполне можем надеяться, что, как истинные англичане, они не будут держать на нас зла; они решительно сражались с нами и отступили, если не с победой, то, во всяком случае, под барабанный бой и с поднятыми знаменами; мы будем нравиться им все больше, и, пожав нам руки, они докажут, что готовы сражаться бок о бок с нами, помогая нам своим большим опытом и знаниями, дабы избавить Индию от наших общих противников – деспотического и безответственного правительства, от чрезмерно раздутого и излишне самовлюбленного чиновничьего класса.

Национальный конгресс, состоявшийся в декабре 1885 года в Бомбее, был первым осязаемым и безошибочным результатом национального объединения, а третья резолюция, принятая на нем, олицетворяет самую суть великой задачи, за которую взялся, трезво и осмотрительно препоясав чресла¹³⁰, народ Индии – как нация, единая и неделимая впредь и на все времена. Мы помним активные попытки бездумных англо-индийских органов дискредитировать Конгресс и отказать ему в представительном характере; но все это испарилось, растаяло, ибо время всегда рассеивает фальшь. Не было ни одной из сотен политических ассоциаций, ни единого важного города, которые не ратифицировали бы резолюции этого Конгресса шумными возгласами одобрения. Знать говорила от своего имени, средний класс – через свои сабхи¹³¹, союзы, лиги и ассоци-

¹³⁰ Быт. 3:7.

¹³¹ Разновидность политического объединения в Индии.

ации, а райяты¹³² – на массовых митингах, своими масштабами порой ошеломлявших даже самых горячих сторонников прогресса и национального освобождения. БЕНГАЛЬСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИГА была почти неизбежным итогом этого Конгресса и этой резолюции, которая гласила:

«Настоящий Конгресс считает необходимой реформу и расширение высшего и существующих местных законодательных советов путем введения значительного числа выборных членов (и создание аналогичных советов для Северо-Западных провинций и Ауда, а также для Пенджаба), и считает, что все бюджеты должны быть отданы на рассмотрение этих советов, их члены наделены правом интерпелляции исполнительной власти в отношении всех ветвей администрации; должен быть создан Постоянный комитет Палаты общин, чтобы принимать и рассматривать любые формальные протесты большинства таких советов против исполнительной власти, которая будет наделена правом отменять решения такого большинства».

Схема Конгресса была проста. Вторая резолюция предлагала упразднить Совет при государственном секретаре по делам Индии – эту пагубную, мешающую, дорогостоящую организацию. Даже английские политики довольно рано осознали, что индийская исполнительная власть не может быть полностью свободна от злоупотреблений в отношении принцев и народа Индии ради удовлетворения собственного удовольствия. Этот Совет, следовательно, был создан для проверки действий исполнительной власти. Однако прошедшая четверть века доказала его полный провал. Пусть индийская исполнительная власть делает что-то неправильно или плохо, пусть она отвечает *non possumus*¹³³ на все требования справедливости и прогресса – этот Совет древних англо-индийцев был готов поддер-

¹³² Земледельцы, крестьяне.

¹³³ Дословно лат. «Не можем», иными словами, категорический отказ.

живать ее и «отстаивать свою власть». Но пусть только она – в промежутках ясности сознания – выступит за какие-либо меры, благоприятные для национального дела или интереса, и этот огр среди советов немедленно начинает подавлять их, так же, как валет червей – морских свинок на знаменитом судебном процессе¹³⁴. В итоге они кладут их в свои сундуки и садятся сверху.

Этот Совет был взвешен на весах и найден легким¹³⁵; он проверял только те меры, которые должны были получить поддержку, он был и остается совершенно бесполезным, даже хуже – агрессивно вредным. Он был и – увы! – мы вновь должны повторить это, остается очень дорогостоящим очагом сомнительных операций и использования служебного положения в личных целях. Поэтому Конгресс справедливо требует его упразднения в качестве предварительной меры любых настоящих реформ.

Но, желая отказаться от этой *фиктивной* проверки, Конгресс полностью осознавал, насколько необходимо, чтобы в будущем была проведена *настоящая* проверка капризов исполнительной власти, и именно такую проверку предлагает уже упомянутая резолюция.

Эта проверка должна быть отдана не в руки горстки престарелых чиновников, иностранцев, постоянно проживающих в шести тысячах миль отсюда, столь же незнакомых с условиями современной Индии, как лорд-мэр елизаветинских времен, который, возродись он внезапно, не разбирался бы в состоянии современной Англии, но в руки выходцев из Индии, избранных лучшими и мудрейшими из их соотечественников. В то же время Конгресс не упустил из вида, что при существующем состоянии страны исполнительная власть, обязанная выслушать голос народа, должна обладать *правом* не принимать во внимание и игнорировать этот голос, где сочтет это абсолютно необхо-

¹³⁴ Отсылка к «Алисе в стране чудес» Льюиса Кэрролла.

¹³⁵ Дан. 5:27.

димым.

Чтобы предотвратить серьезный вред от ненадлежащего и неразумного осуществления этого права и обеспечить, чтобы исполнительная власть не обращалась к нему без серьезного рассмотрения дела, была предусмотрена последняя просьба – о назначении особого постоянного комитета Палаты общин.

Управление Индией посредством британской Палаты общин было бы, конечно, абсурдом. Если члены комитета этой палаты, уже целиком занятые работой в своих партиях и со своими избирателями, станут разбирать малозначительные проблемы индийского управления, заниматься множеством случаев личных обид и тому подобного – это будет не меньшим абсурдом. Но для решения редких серьезных вопросов, связанных с важными принципами, по которым люди и правительство Индии не смогли договориться или прийти к компромиссу, удовлетворительному для обеих сторон, не может быть более компетентного и надежного трибунала, чем такой комитет.

Но когда даже противники этой схемы, заключенной в знаменитой ныне третьей резолюции, признали, что она обладает определенными достоинствами как теоретическая концепция того, к чему следует стремиться, подавляющее большинство англо-индийских писателей отрицало, что в нынешних условиях возможны какие-либо практические меры по включению необходимых выборных членов в такие реформированные и расширенные законодательные советы. Они пришли к общему заключению, что практическая схема регулирования отношений между представителями и правительством не может быть разработана. Однако месяц или два спустя был опубликован ряд условных правил, предварительно согласованных большинством представителей Конгресса, которые окончательно доказали, что, если правительство примет этот принцип, не составит никакого труда придать ему практический эффект. Могли существовать разногласия относи-

тельно того, *какой* именно путь был в целом *лучшим*, но эти правила предлагали *один* набор простых решений, не исключая других, альтернативных решений каждой проблемы.

Мы пришли к такой точке зрения. Страна точно узнала принцип, по какому желала получить уступки; она также осознала, по крайней мере, *один* простой метод, с помощью которого этот принцип мог быть приведен в действие, а затем жители Бенгалии увидели, что время пришло, и объединились в великую ЛИГУ, обещавшую агитировать и бороться непрерывно, всеми законными средствами, дабы обеспечить эту желаемую уступку.

Основание этой Лиги должно навсегда стать важной вехой в политической истории Бенгалии. Впервые лидеры каждой группы и класса населения Бенгалии объединились для достижения бескорыстной цели. Здесь можно встретить мусульман и индусов, принцев и крестьян, богатых землевладельцев и мелких арендаторов, юристов, банкиров, торговцев, медиков, преподавателей и директоров школ и колледжей, богословов и религиозных реформаторов, ученых, писателей, редакторов газет и поэтов – все взяли на себя обязательство заняться общественным делом.

Единственное, чего не доставало Лиге – хорошей примеси европейцев, не из числа чиновников, и евразийцев, которых, мы считаем, вступило в новое движение меньше, чем мы предполагали с самого начала. Индийское сообщество было крайне огорчено этим подчеркнутым отсутствием своих неиндийских братьев. Дело всего неофициального сообщества в том, что касается представительства, является общим и неделимым. Разумеется, европейские и евразийские общины были бы столь же успешными, как и индийцы, в достижении цели, к которой стремится Лига. В отличие от всех других политических ассоциаций в Индии, Бенгальская национальная лига нацелена только на реформы, что в равной степени отвечает интересам европей-

цев, евразийцев и индийцев. Другие цели, выдвигаемые другими ассоциациями, могут представлять в глазах одной из этих общин или обеих вместе некоторую опасность для их интересов или повлечь за собой ограничение их особых привилегий. Но запрос Бенгальской лиги на введение представительной проверки своевольного налогообложения и управления должен быть (там, где люди справедливо действуют в своих собственных интересах) дорог европейцам и евразийцам так же, как и индийцам. Возможно, индийские джентльмены, у которых впервые возникла концепция Лиги, не приложили достаточно усилий для установления сотрудничества с двумя другими значительными общинами, опасаясь, что их достижения не будут приняты; может быть, какая-то затяжная обида, наследие уже несуществующих споров о законопроекте Илберта¹³⁶ (наследие, как мы смеем надеяться, навечно похороненное искренним *сближением* трех общин в деле общего протеста против официального абсентеизма), временно мешало бесценному сотрудничеству с европейцами и евразийцами в этом великом начинании.

Но что бы ни было причиной, результат вызывает сожаление, и мы не можем не надеяться, что теперь, наконец, наши европейские и евразийские соотечественники присоединятся к нам и сыграют ведущую роль в крестовом походе против самодержавного и безответственного правительства, которую по праву дает им сыграть их положение, опыт, способности и – последнее, но не менее важное – наследственное пристрастие к политической свободе.

Опечаленная отсутствием двух значительных общин, Лига, тем не менее, приложила все усилия к тому, чтобы

¹³⁶ Законопроект (билль) Илберта 1883 г. был попыткой уравнивать перед судом индийцев и англичан, что вызвало волну критики со стороны англо-индийского сообщества, вследствие которой билль был принят в урезанном виде. Споры вокруг билля Илберта оказали определенное влияние на развитие национального движения в Индии.

совершить попытку в одиночку осуществить предприятие, в котором всем трем общинам *следовало бы* быть одинаково активными. Под председательством первого гражданина Бенгалии, сэра Джатиндра Мохана Тагора, они начали работу и подготовили призыв к стране, настолько лаконичный, убедительный, умеренный и вместе с тем столь серьезный, что он заслуживает того, чтобы быть приведенным здесь:

«Друзья и соотечественники! – Некоторые из нас, чьи имена вы найдете в сопутствующих документах, будучи глубоко озабоченными неотложной и первостепенной необходимостью введения представительного элемента в правительство нашей страны, основали Лигу, единственной целью которой будет добиться введения представительных учреждений в Индии всеми надлежащими и конституционными средствами.

Никто лучше нас не способен оценить те многочисленные блага, которыми мы обязаны британскому правлению; но мы чувствуем – и в этом нас поддерживают самые выдающиеся мыслители и многие лидеры общественного мнения в Англии – что хорошая и грандиозная работа, проделанная Великобританией здесь, не может быть полной, пока существующая форма правления не будет изменена и в управление страной не будет введен представительный элемент, который является великолепным отличием британских установлений почти во всем обитаемом мире.

Если представительные учреждения были признаны необходимыми в колониях, где тождество расы, веры и обычаев помогает правителям интуитивно понять потребности управляемых, то они вдвойне незаменимы здесь, где фундаментальные различия в национальности, религии и культуре лишают губернаторов возможности в достаточной степени понять реальные желания и чаяния своих людей!

Однако нельзя отрицать, что в настоящее время власти Индии, видимо, не желают признавать наших желаний, считая, как мы полагаем, эту уступку преждевременной. Как же мы можем заставить их и благородную британскую нацию, которую они представляют, понять реальное положение дел и тот факт, что то, чего мы ищем, не только не преждевременно, но уже сейчас

является необходимым в интересах управляющих и управляемых Индии и Великобритании? В одиночку или даже в малых организациях наша позиция привлекает мало внимания, но объединенное в одной огромной Лиге наше единодушное и зрелое мнение обязательно получит должное внимание. Поэтому мы просим *всех* вас, высших и низших, богатых и бедных, без различия расы, вероисповедания, касты или цвета кожи, присоединиться к нам в этой полезной работе. Каждый из вас глубоко заинтересован в мерах, конечными результатами которых станут устранение всех обид и восстановление на незабываемой основе первоизданного процветания нашей любимой страны. Каждый из вас, кто был рожден и вскормлен здесь, связан самым священным долгом – даже те, кто никогда не трудился на благо своих товарищей и страны – объединиться, по крайней мере, в *этот* раз, и совершить *это* великое усилие, дабы приобрести для Индии то утешение, то благословение, от которого зависят все прочие утешения и благословения, вся подлинная Свобода, Процветание и Прогресс.

Нет необходимости объяснять, что для того, чтобы эта Лига стала действительно успешной и достигла стоящей перед ней цели, потребуется широкое сотрудничество и достаточно средств, и мы призываем вас, во имя нашей страны, помочь нам именно этим сотрудничеством и необходимыми средствами. Пусть никто из вас не думает, что этот вопрос не заботит или не касается лично его. Среди вас нет никого, будь он богатым или бедным, скромным или великим, земледельцем в деревне или жителем города, кто прямо не заинтересован в этой важнейшей и всеобъемлющей реформе, чьим посредством закон, по которому вы живете, работа судов и образ действий властей в целом станут удовлетворительно отвечать вашим ежедневным и ежедневным потребностям и пребывать в гармонии с вашим врожденным чувством о том, что такое Право и Справедливость.

Все одинаково заинтересованы в ней; у *всех* мы просим помощи, но в той и *только* в той пропорции, что соответствует их состоянию и положению. От бедных и необразованных мы просим только *выражения* симпатии, которую они всем сердцем испытывают к нашей работе, открытого признания их верности делу и номинальной подписки, которая зафиксирует их членство. От бедных, но образованных мы просим только такой же

небольшой денежный взнос, но мы ожидаем не только открытого выражения симпатии, но и честного сотрудничества в популяризации идеи о пользе и необходимости представительных учреждений, а также в привлечении в Лигу новых членов. От состоятельных или богатых, будь они образованными или нет, мы ожидаем – вся страна ожидает свободного и искреннего участия в работе и помощи в деньгах. Со всех сторон мы ищем поддержку, и мы с полной уверенностью приглашаем всех присоединиться к нашей Лиге и эффективно помогать нам сообразно со своими средствами и способностями, людьми и деньгами».

Это послание, вероятно, вполне объясняет цели Лиги и дух, в котором она была основана, но вряд ли может быть неуместным воспроизвести здесь также и письмо, отправленное несколько позже сэром Джатиндра Моханом в один из ведущих лондонских журналов, которое, несомненно, получило бы больше внимания в Англии, если бы не всепоглощающий интерес, возбуждаемый борьбой по ирландскому вопросу.

«Я прошу передать с этим копию краткого отчета о создании Национальной лиги с целью содействия введению представительных учреждений в Индии, а также призыв, с которым Лига обратилась к стране, и смею надеяться, что вы предадите огласке это движение в Англии с помощью ваших колонок.

Являясь частью самоуправляющегося сообщества вы, боюсь, едва ли сможете понять тот пыл, с которым мы, лишенные всякого участия в управлении своей страной, желаем политической свободы и тех представительных институтов, которые Великобритания предоставила почти всем своим зависимым территориям, за исключением самой важной и многолюдной из них – Британской Индии.

Было бы прекрасно, если бы Англия осознала это, а также и глубокое чувство неудовлетворенности существующим характером управления – чувство, выражаемое открыто лишь самыми передовыми и независимыми представителями образованных классов, но понижающее, я полагаю, все слои и группы общества.

Я осознаю, что многие из тех, кто не способен поддержать

местные стремления, отрицают нашу солидарность, но позвольте мне заверить вас, что, как бы это ни было в прошлом, сегодня по всей длине и ширине Империи среди индийцев всех рас, вероисповеданий и каст существует общее стремление к реформе в управлении и общая решимость обеспечить ее всеми практически осуществимыми законными и конституционными средствами».

Теперь, когда мы проследили историю Бенгальской национальной лиги от первого робкого провозглашения того нового Евангелия, одним из плодов которого она является, и сделали наспех набросок предшествовавших обстоятельств, сделавших это Евангелие необходимым, может ли любой образованный, беспристрастный и мыслящий представитель любой из трех крупнейших общин Индии отрицать справедливость и разумность той молитвы, с которой наша Лига пытается проникнуть в уши и сердца британской нации? Более того, разве существующее положение дел здесь, в настоящий момент, не демонстрирует нам тысячи примеров того, как страна страдает только лишь из-за отсутствия тех более свободных институтов, о которых мы так искренне молимся?

Если существует что-либо более важное для благополучия страны, нежели все остальное, то это наличие хорошего взаимопонимания и доброжелательности между правящими и управляемыми. Но что же мы имеем здесь, в Индии? Что-то, к сожалению, более похожее на взаимное недоразумение, недоверие и неприязнь.

Возьмем случай с нашим нынешним вице-королем. День за днем Его Превосходительство становится все менее популярным среди индийской общины. Его с восторгом приветствовала вся страна, отчасти из-за его собственной высокой репутации, отчасти из-за хороших рекомендаций в его адрес, с которыми нас покинул любимый нами лорд Рипон; но ныне печальный факт заключа-

ется в том, что огромные массы людей видят в нем настоящего инкуба¹³⁷, настоящего «морского старика»¹³⁸, в извращении от которого лежат главные надежды Индии на процветание и прогресс.

Это, конечно, не только плачевное, но и почти неслыханное положение дел.

Совершенный, любезнейший джентльмен с безупречным характером, обладающий высокой интеллектуальной культурой, доброжелательной натурой и самыми благородными чувствами и порывами, он любим в личной жизни всеми, кто имеет честь и счастье наслаждаться его знакомством. Политик, имеющий огромный опыт, глубоко разбирающийся во всех фазах и деталях европейской национальной политики, его взгляды на все вопросы международной дипломатии пользуются уважением европейских государственных мужей. К своим личным достоинствам он добавляет счастье быть связанным с супругой, чьи благородные и неустанные усилия по продвижению благосостояния женщин Индии вызвали почтительный и ласковый ответ по всей стране.

И все же этот замечательный человек, вместо того, чтобы быть, как и ожидалось *a priori*¹³⁹, идолом и любимцем страны, неделю за неделей не только все больше попадает в немилость у индийцев всех классов, но и все чаще расценивается как величайшее из существующих препятствий для исполнения лучших надежд каждого истинного патриота Индии. И все же народ Индии не является ни неблагоприятным, ни глупым; индийцы ни в коем случае не являются нацией глупцов, но, напротив, очень ценят как качества своих правителей, так и сферы, в которых лежат их собственные интересы и интересы своей страны.

¹³⁷ Демон.

¹³⁸ Морской старик – персонаж древнегреческой мифологии. См. Гомер. Одиссея. 4: 383–424.

¹³⁹ «От предшествующего» (лат.); на основании известного ранее.

Сейчас совершенно очевидно, что в значительной части непопулярность Дафферина является полностью незаслуженной и исходит исключительно из неправильной интерпретации его слов, действий и взглядов. Удивительно, сколько ложных заявлений распространялось – *из лучших побуждений* – нашей прессой, и все из них основывались на информации, которой редакторы, первыми разместившие их в колонках своих изданий, не имели оснований не верить. Факт заключается в том, что в большинстве случаев эти заявления исходили от европейских чиновников, которые добросовестно пересказывали то, что слышали от других, однако, по сути это были лишь мнения, высказанные англо-индийскими чиновниками, но не лордом Дафферинем.

Возьмите известную статью в «Пионире», которая, как полагали – на том основании, будто ничто индийское не может *prima facie*¹⁴⁰ подвергаться сомнению – была вдохновлена лордом Дафферинем, тогда как она почти точно воспроизводила мнения, которые нашли место в полуофициальных сообщениях из резиденции генерал-губернатора¹⁴¹ властям в Англии, что было доказано.

Теперь мы прилагаем большие усилия, чтобы разобратся в этой ситуации. Сложилось впечатление, будто лорд Дафферин был очень рассержен критикой со стороны туземной прессы и хотел задушить ее. Он с опаской смотрел на политическую активность страны и желал подавить ее суровыми мерами. Но есть ли факты? Лорд Дафферин очень сильно высказался в полуофициальном послании не о критических замечаниях, а о прямых искажениях, допускаявшихся в местной прессе – не в качестве личной жалобы, а как о серьезном препятствии правильному управлению и о досадном источнике недопонимания между людьми и правителями, и он настоятельно взывал к

¹⁴⁰ «По первому виду» (лат.); на первый взгляд.

¹⁴¹ Government House.

тому, что в интересах страны чрезвычайно важно предотвратить распространение таких искажений. Читатель вполне мог прийти к выводу, что он желает подавить прессу; но, к сожалению, или, вернее, *к счастью*, после этих пассажей в письме были изложены трудности, в которые подобные искажения ввергают правительство, и предложение *не* налагать на прессу ограничения, но лучше ее информировать, и в связи с этим создать какой-либо признанный канал или особый механизм, с помощью которого можно было бы опровергать все ложные заявления, а также разъяснять затронутые в них вопросы.

В другом письме, не высказывая возражений против политической активности нашего народа в целом и придерживаясь того, что обычные общественные собрания и открытые политические ассоциации являются большим подспорьем для правительства в такой стране, как эта, лорд Дафферин упомянул и о массовых митингах райятов, которые, по его опасениям, основанным на ирландском опыте, могут нести в себе серьезную угрозу в недалеком будущем. Возможно, он преувеличил или переоценил эту опасность, но главное – каким же образом он предлагал подавить эти опасные собрания? Какие «более суровые меры» (слова, которые никогда не употреблял ни сам лорд Дафферин, ни г-н Маккензи Уоллес¹⁴² – это нам достоверно известно) были указаны? Просто, что с разрешения правительства Ее Величества местное правительство должно откровенно решать этот вопрос, внимательно изучив «ни необоснованные, ни вызывающие тревогу» требования индийской партии реформ, и рассматривать, не является ли возможным пойти навстречу ее желаниям в значительной степени. Это сделано, и действительные уступки приняты и одобрены, но следует понимать, что новым установлениям должно быть позволено существо-

¹⁴² Дональд Маккензи Уоллес (1841–1919) – личный секретарь Дафферина в бытность его вице-королем Британской Индии.

вать (без дополнительных требований о внесении изменений) в течение разумного периода (десять или пятнадцать лет), достаточного для того, чтобы проверить их на практике.

В то же время, хотя в Бенгалии даже в самых крупных массовых собраниях низших классов не было никакой опасности, необходимо провести некоторую проверку, так как в случае, если система начнет распространяться на более воинственное население Северо-Западных провинций, Ауда и Пенджаба, невежественные люди, пусть и с благими намерениями, могут в состоянии возбуждения внезапно пойти на преступление – не против правительства, но, как в Ирландии, против высших классов своих соотечественников, помещиков и их представителей.

Рассмотрев эти письма целиком, мы не сомневаемся в том, что лорд Дафферин заслуживает благодарности, а не брани, которую он навлек на себя.

Существует еще дюжина подобных случаев, в которых вице-король подвергся яростному нападению в силу опубликованных заявлений, насколько нам известно, абсолютно безосновательных. Было бы неблагодарной и утомительной задачей заниматься этим сейчас, когда большинство из них благополучно забыто, но мы не можем не отметить хотя бы еще один недавний пример абсолютно ложного заявления из тех, какие попадают в самые респектабельные издания.

В «Стейтсмене», прибывшем на днях, мы находим, что шимльский корреспондент этой газеты умышленно делает следующее заявление:

«Мне сообщила персона, которая часто контактирует с вице-королем, что он видит в собрании в городской ратуше¹⁴³ попытку давления на правительство и не намерен подчиняться приказам любой части индийского общества, сколь бы ни была велика эта

¹⁴³ Town Hall.

часть. Принуждение рубит под корень хорошее правительство, и если вице-король и другие ответственные должностные лица государства не могут спокойно и беспристрастно обдумать манеру, в которой должно идти государственное судно, но должны формировать свой курс согласно диктату мятежной команды, то государственное управление становится невозможным, а страна уподобляется земле, которую посетил капитан Гулливер¹⁴⁴, где правили животные, а люди подчинялись. Так, по крайней мере, думает вице-король, который, я полагаю, был крайне раздражен выступлениями в ратуше и решил изобразить бесплодной тактику, вынудившую правительство отказаться от билля Илберта».

Во-первых, любой, кому известно хоть что-нибудь о том, каким образом работает правительство, знает, что вице-король настолько перегружен, что никогда не смотрит бумаги, связанные с любым незавершенным случаем, пока дело не созреет для решения. Мы рискуем утверждать, что до сих пор лорд Дафферин не сформировал даже тени вывода по этому вопросу. Когда все будет готово и все документы (в число которых, конечно, будет включен и полный отчет о митинге) будут собраны, вице-король возьмет их и зафиксирует свое мнение. Это только простое незнание *modus operandi* заставляет некоторых предполагать, будто на данном этапе вице-король *может* прийти к какому-либо определенному решению по вопросу. Во-вторых, для любого, кто действительно *знает* вице-короля, утверждение, будто он смотрит на публичные собрания как на попытку давления на правительство, не менее абсурдно, чем ложно. Время от времени в беседах с людьми всех рангов лорд Дафферин замечал, что при настоящей системе управления ему практически не известен другой способ, с помощью которого общественность могла бы эффективно извещать правительство о своих взглядах и желаниях, за исключением публичных собраний и посланий или резолюций, принятых на них. Без-

¹⁴⁴ Персонаж из серии романов Дж. Свифта.

условно, не гневаясь на неприятие или неодобрение любого из подобных митингов, вице-король прямо смотрит на них, особенно когда они (как в данном случае) проводятся рассудительно и обладают влиятельным составом, как на наиболее ценную и значимую помощь правительству в его тяжелых и трудоемких обязанностях, которые эти собрания призваны разгрузить. Однако абсолютно абсурдное, лживое заявление на полном серьезе появляется на страницах самой лучшей из наших калькуттских газет безо всяких комментариев! Мы далеки от того, чтобы обвинять корреспондента «Стейтсмен» в преднамеренной лжи. У нас нет сомнений, что эту чудовищную историю ему рассказал чиновник, который мог сказать правду, *и сделал это*. Это обычный трюк некоторых чересчур консервативных чиновников, которые усиливают собственные атаки на любое народное движение, выдавая свои слова за высказывания вице-короля.

Нет сомнения, что так случилось и в данном случае, и бедный корреспондент согрешил из лучших побуждений, но отнюдь не просто сделать так, чтобы корреспонденты и редакторы были настороже и не принимали каждую *утку*, вылупившуюся даже у высокопоставленного чиновника, за собственного утенка вице-короля.

Мы можем продолжать часами, наполняя страницу за страницей подобными ложными заявлениями, но *сui bo-po*¹⁴⁵; нужно понять, что эти заявления препятствуют управлению, наносят вред каждой организации и никому не делают добра, и что этот благодатный источник недоверия и неприязни между правителями и управляемыми абсолютно иссякнет даже при самом малом приближении к представительным учреждениям, к которым стремится Бенгальская национальная лига.

Нельзя думать, что эти грубые искажения только восстанавливают народ против правительства. Они также

¹⁴⁵ Кому на пользу? (лат.).

настраивают правительство против индийской прессы, которая есть глас народа, и незаметно и постепенно – против самого народа. Лорд Рипон и лорд Дафферин – исключительные люди, и могут относиться к клевете (а то, что постоянно появляется в наших колонках, зачастую именно она и есть) с чувством разочарования и сожаления, но без ожесточения. Однако подавляющее большинство чиновников (которые всегда склонны к автократии, но главным образом – к благожелательной деспотии) начнут все более раздражаться и все меньше верить в благие намерения нашей прессы, которые, говоря широко, ей, безусловно, свойственны. Мы вполне можем понять их чувства. Они говорят: «Однажды кто-то преподносит, сначала с опаской, лживое измышление. Через три дня он повторяет его уверенней. Через несколько дней он пишет серию статей, основанных на этой оригинальной лжи, которую теперь рассматривает как тщательно установленный факт. А вы говорите о благих намерениях туземной прессы! Тьфу!». И мы понимаем его гнев, но вопрошаем доброго чиновника: кто виноват? Редактор, совершивший ошибку или невыносимая форма правления, одним из столпов которого вы являетесь? Бедный редактор получает свою информацию от того, кого он имеет право считать авторитетным источником, часто от одного из ваших братьев-чиновников; он вряд ли верит ему, но ведь не мог же он полностью пренебречь им. Он не мог написать: «Послушайте, лорд Дафферин, г-н Бланк¹⁴⁶ говорит мне, что distinguished г-н Нудл¹⁴⁷ заверил его, будто вы сказали, что если туземная пресса не будет знать меру, вы преподадите ей урок – скажите, мой лорд, правда ли это?». Поэтому он преподносит информацию довольно осторожно. Он ждет три или четыре дня. Никто не противоречит. Затем он снова повторяет ее. И вновь никаких поправок и возражений; и мы гово-

¹⁴⁶ Пустое место (англ.).

¹⁴⁷ Олух, болван, дурень (англ.).

рим, что бесхитростный редактор, не осведомленный о поразительных традициях нашей автократии, которая считает ниже своего достоинства оповещать его о таких ошибках, препятствуя их исправлению, совершенно справедливо уверен, что его информация правильна и пишет о ней отныне как об историческом факте.

Но даже вам, о добрый чиновник, должно быть очевидно, что если бы наши законодательные органы содержали хорошую долю выборных и, следовательно, независимых членов с правом интерpellации, вся эта мерзкая паутина была бы сметена почти сразу, и все взаимные обиды, порождаемые такими ложными заявлениями, исчезли бы.

В общем, мы утверждаем, что крайняя непопулярность лорда Дафферина совершенно незаслуженна и что в отношении внутреннего управления у нас, вероятно, нет более искреннего или разумного доброжелателя, чем он, и мы показали, что большая доля его непопулярности никогда не могла бы существовать даже при такой мягкой форме представительства, во имя которой трудится Бенгальская национальная лига.

Но мы пойдем дальше. Мы вовсе не безоговорочные защитники лорда Дафферина, и считаем, что некоторыми своими действиями он заслужил непопулярность. Наше мнение заключается в том, что все афганские дела, от Дарбара в Равалпинди¹⁴⁸ до предлагаемого увеличения армии и последовавшего за этим налога, вторжение и, тем более, аннексия Бирмы, и то обращение, с которым на практике столкнулось всеобщее национальное желание записаться в волонтеры, были ошибкой. Мы не можем вдаваться в вопрос об ответственности; возможно, правительство в Англии разделяет ответственность за неверные действия; возможно, именно оно является главным виновником; мы не претендуем на знание этого, но до тех пор, пока не бу-

¹⁴⁸ Следует только отметить, что встреча с эмиром [1885 г.] была организована в соответствии с рекомендациями лорда Рипона (прим. авт.).

дут опубликованы депеши, доказывающие обратное, мы должны считать вице-короля (и мы совершенно уверены, что он никогда не заявлял об обратном) ответственным за все важные действия его правительства, и если некоторые из таких мер будут, по мнению страны, ошибочными и неоправданными, и, сверх того, вызовут открытые и единодушные протесты индийской прессы (единственного голоса, который пока еще разрешен стране), он должен ожидать — и это непременно случится — что станет непопулярным.

Он может быть прав, а страна неправа. Но если это так, то он должен искать утешение в сознании того, что его тягостный долг честно исполнен, и в вердикте потомков.

Но, как мы сказали, мы хотим приводить аргументы и дальше, и потому утверждаем, что, в любом случае, большей части даже этой — *заслуженной* — непопулярности можно было бы избежать, если бы Индия обладала такой несколько видоизмененной формой представительных институтов, за которую мы ратуем.

В случае, например, с Бирмой мы сомневаемся, произошло бы вторжение или был бы когда-либо принят политический курс, сделавший — без сомнения, *в последний момент* — это вторжение необходимым, если бы страна имела представителей, которые лицом к лицу, авторитетно дали бы понять правительству те бурные всеобщие чувства, охватившие нацию. Случись *так*, мы совершенно уверены, что перед лицом такой конституционной оппозиции вторжение в Бирму не было бы начато. Английское правительство никогда не решилось бы санкционировать его, зная, что даже в Англии не только большая часть общества, но и члены Палаты полностью не одобряют такие меры. Опять же, в вопросе волонтерства, обида, возникшая из-за молчаливого презрения, которым, как показалось, были встречены самые серьезные устремления страны, не появилась бы, если бы мы имели представителей, уполномоченных задавать вопросы. Как стало известно

сейчас, в последний момент, правительство здесь ни в коем случае не рассматривало этот вопрос с презрением, но уделило ему самое пристальное внимание и доложило государственному секретарю. Но государственный секретарь до последнего, несмотря на напоминания, не направил никакой депеши в ответ, и поэтому правительство продолжало следовать этикету, неспособное дать какой-либо удовлетворительный ответ или каким-то образом показать, что оно действительно придавало самое большое значение чаяниям людей. Если бы правительство в течение трех месяцев – что оно могло и хотело сделать, если бы не *lâche*¹⁴⁹ государственного секретаря – отвергло бы это предложение, опубликовав одновременно депешу, излагающую причины такого решения, мы осмелимся утверждать, что даже десятой части обиды, порожденной этим вопросом, не могло бы возникнуть, и мы еще раз повторяем, что ни одна подобная неудача или *невезение* (а это было именно оно) не могла бы случиться с нами, обладай мы подлинным и признанным представительством.

Мы очень подробно остановились на вопросе о непопулярности вице-короля, потому что нет ничего более желательного для интересов Индии, чем доверенность и доброжелательность между главой правительства и народом, и нам не хватит места, чтобы подробно показать, как почти любую жалобу, любое неудобство, возникшее вследствие ошибок правительства (многие из трудностей связаны с социальными злоупотреблениями, которые должны реформировать *сами* люди), можно немедленно свести к вопросу о прямом и эффективном представительстве, которому так много места отведено в наших сердцах.

Англичане не единожды говорили нам, что не могут представить, как может быть реальной неспособность понять подлинные чувства людей, учитывая, что все чиновники, не исключая самого вице-короля, постоянно встре-

¹⁴⁹ Трусость, низость, подлость (фр.).

чаются и разговаривают с индийской знатью и джентльменами. Но, во-первых, большинство должностных лиц *никогда не разговаривает* ни с одним индийцем; они видят таковых время от времени, обмениваются избитыми формальными приветствиями, величественно высказывают некоторые пожелания и мнения, которые считают самыми важными, отпускают замечания, что г-н Гладстон¹⁵⁰ – сумасшедший или предатель (единодушные англо-индийских чиновников по этому вопросу является поистине удивительным), и встреча подходит к концу. И даже то меньшинство, которое действительно пытается выяснить взгляды своих посетителей – это неопытные моряки¹⁵¹, кокни-хочет-быть-яхтсменом из Рамсгита и Маргита¹⁵², которые знают столь же много (и так мало) о чудесах и опасностях этого великого моря – сердца нации – как и о политике Китая.

Прямых, честных, культурных людей, которые действительно знают и могли бы сказать правду, обычно нельзя встретить среди прихлебателей, что серебрят ладони чупрасси¹⁵³ в красных мундирах. Справедливости ради нужно сказать, что такие люди, как лорд Дафферин и лорд Рий¹⁵⁴ в самом деле видят и пытаются узнать мнение лучших людей страны. Теперь пусть наш англичанин представит (как самое исключительное из исключений) ради-

¹⁵⁰ Уильям Гладстон (1809–1898) – английский государственный деятель, премьер-министр Великобритании (1868–1874, 1880–1885, 1886, 1892–1894).

¹⁵¹ Fair-weather sailor – «моряк в хорошую погоду», также «ненадежный друг».

¹⁵² Прибрежные города в Англии.

¹⁵³ Посыльный.

¹⁵⁴ Дональд Джеймс Маккей, 11-й лорд Рий (Reay) (1839–1921) – чиновник колониальной администрации, политический деятель (либерал). Губернатор Бомбея (1885–1890), заместитель государственного секретаря (министра) по делам Индии (1894–1895).

кального члена парламента на приеме у нашей Милостивой Государыни, и представит, что в это время циркулируют слухи, будто Корона плела интриги, чтобы увековечить существующую конституционную аномалию путем назначения другого королевского герцога, дабы сделать герцога Кембриджского главнокомандующим. Может ли кто-нибудь представить, чтобы даже самый радикальный парламентарий рискнул высказать Ее Величеству свои соображения по этому поводу? Конечно, *он* никогда не станет ссылаться на этот вопрос, и даже если бы Королева (что было бы в высшей степени невероятно, если бы только она не вызвала нашего радикала именно с этой целью) обратилась к этому делу, мы можем быть совершенно уверены, что даже самый независимый радикал не пошел бы дальше того, чтобы высказать в предельно осторожной и вежливой манере свои соображения о целесообразности этой меры. И совсем иным будет его тон, когда, публично представляя своих избирателей, он будет будоражить Палату разоблачениями «алчности королевской власти и прислужничестве премьеров-тори».

Так же и здесь. Ни один из индийских джентльменов, кто часто удостоивается бесед с вице-королем, не может «ворваться в логово ко льву, к Дугласу в его зале»¹⁵⁵ и осудить его высказывания, действия и политику. Деликатные намеки, вежливые советы, легкие сомнения и сожаления – это все, что мы можем принести на вице-королевский алтарь.

Но наш англичанин говорит: «Но у вас есть пресса, что в любом случае может откровенно судить о грубости и злоупотреблениях всех и вся». Наша пресса и в самом деле временами кричит до хрипоты, но лишь потому, что пока она не начнет реветь, правительство не уделит никакого внимания ее призывам к справедливости и реформам. И, говоря откровенно – каково ваше неизменное замечание,

¹⁵⁵ Вальтер Скотт. Мармион. Песня 6, 14.

когда высказывания прессы противоречат вашим собственным мудрым представлениям о том, что должно и правильно? «Пресса? Редакторы? Подлые школьники и безвестные адвокаты, пустословящие в обезьяньем подражании Бруту¹⁵⁶ и Берку¹⁵⁷ – это *они* представляют взгляды страны? Что *они* знают о мирских проблемах? Толпа крикливых самонадеянных хвастунов!»

Мы никогда не отрицали, что официальное сообщество *имеет* под рукой все возможности для изучения желаний, нужд и мнений страны, но мы утверждаем, что, как правило, оно игнорирует эти возможности, и что, когда в редких случаях *некоторое* знание о думах нации прорывается через упорную убежденность чиновников, они смотрят на это знание с тем, что на деле является презрением. «Из Назарета может ли быть что доброе?»¹⁵⁸ Эти жалкие индийцы собираются учить Нас тому, что Мы должны делать?»

Нет, пусть наш англо-индиец, который не хочет видеть наши руки меж своих на браздах правления, говорит, что угодно, но только расширением базиса правительства путем включения сильного представительного элемента мы обеспечим адекватное, полное и свободное выражение настроений страны в той форме, которая не оставит сомнений в их реальности ни здесь, ни в Англии, и в то же время будет требовать того уважительного отношения к осознанному выражению своей воли, которого вправе требовать великая нация.

Если и теперь мы не смогли разъяснить цели Бенгальской национальной лиги и желание всей нации, если не смогли дать понять всем честным сердцем и умом справедливость и разумность наших требований в этом вопро-

¹⁵⁶ Марк Юний Брут (85–42 гг. до н. э.) – римский сенатор, убийца Гая Юлия Цезаря.

¹⁵⁷ Эдмунд Берк (1729–1797) – британский политический деятель, родоначальник идеологии консерватизма.

¹⁵⁸ Иоан. 1:46.

се, то мы теряем надежду сделать это когда-либо вообще. Пусть кто-нибудь иной произнесет победную песнь¹⁵⁹; мы не можем сказать ничего больше.

Но есть те среди наших оппонентов, кто скажет: «Нам хорошо известно, чего и почему вы хотите, и мы не спорим, что – с вашей точки зрения – в ваших утверждениях есть смысл; но будьте добры, покажите нам, как мы, как Англия станут лучше, если вам позволят постепенно монополизировать львиную долю всех хороших назначений, занятых сейчас англичанами, или дадут возможность предотвращать действия, которые мы желаем совершать с ресурсами завоеванной нами огромной страны, где мы правим по собственной воле и в свое удовольствие? Эти так называемые реформы могут быть удобны вам, но чем они будут хороши для Англии? Англия станет лучше, потому что впервые сможет управлять Индией СПРАВЕДЛИВО! А теперь, хотите ли вы править Индией справедливо, так, чтобы на Божьем суде с невозмутимым сердцем ответить на вопрос: «*Чем ты оправдал надежды, что Я возлагал на тебя?*» Не надейтесь, что вы сможете сбежать, потому что тысячи участвовали с вами в этом преступлении! Каждый человек в толпе, совершившей убийство, лично несет ответственность за это преступление, и каждый отдельный англичанин, который может влиять (а какой англичанин не может?) на действия Англии в отношении Индии, должен будет лично отвечать за несправедливость и угнетение, голод и страдания, которые происходят из-за неправильного управления Индией. Отбросьте это прочь *здесь*, если хотите; но в ином месте сбежать не получится. Ведь не зря вы поставлены править многими вещами. Велика слава, но еще больше ответственность.

Но мы вновь спрашиваем, хотите ли вы править Индией СПРАВЕДЛИВО, хотите ли вы, чтобы ее потребности, процветание, прогресс и счастье ее людей стали первосте-

¹⁵⁹ Ис. 14:4.

пенным делом? Или вы в самом деле желаете, возможно, чтобы ее высшие интересы и дальше приносились в жертву партийной войне в Англии, а ее благосостояние служило увеличению части ваших привилегированных классов? Если вы *вправду* хотите этого, то вы не истинный англичанин, а мерзкий вампир, оживший труп того, кто, возможно, когда-то был честным британцем, вампир, продолжающий отвратительное существование, высасывая кровь и жизненную силу из обеих стран, и мы молимся за то, что достойные англичане найдут вас и похоронят на ближайшем перекрестке, забив кол в ваше гнилое сердце. Но мы обращаемся к тем, кто, будучи хотя бы и невежественным, беспечным и слишком ленивым для того, чтобы исполнить свой долг, обратив внимание на дело, за которое несет ответственность, сохранил в глубине своих сердец любовь к истине и справедливости и кто *хочет (кто-то кроме)* править Индией СПРАВЕДЛИВО. Мы просим, по меньшей мере, рассмотреть вопрос о том, насколько возможно, что маленькая группа иноземцев, не осведомленных обо всех жизненно важных условиях и обстоятельствах жизни страны, сумеет СПРАВЕДЛИВО управлять ей (иным образом, кроме как наудачу), имеющей население более чем в двести миллионов человек, чьи слова, желания, мнения они либо полностью игнорируют (даже когда слышат их), либо смотрят на них с неизменным высокомерным презрением? Понятно, что такое правительство может только попытаться достичь даже слабого подобия справедливости, лишь связав себя на условиях чего-то схожего с равенством и независимостью, с большим числом способнейших, лучших, наиболее представительных из этого населения, что сумеют навязать притупившемуся слуху и черствым сердцам наших иностранных правителей знание о желаниях страны, и заставят обратить внимание на эти желания и (в конечном счете история показывает, что всегда происходит именно так) ВОЛЕ страны.

Да, для Англии будет лучше, чтобы было так, потому

что тогда она могла бы расти в сестринской любви к Индии, поддерживая ее и помогая ей, получая, в свою очередь, такую же помощь и поддержку. Было бы лучше, если бы она исполнила свой долг, ибо велика будет ее награда, но еще больше будет кара Немезиды¹⁶⁰, если она пренебрежет им.

Мы уже оглянулись на серьезный, хотя и скрытый, кризис, через который мы прошли в конце правления лорда Литтона, и показали, как путем отвлечения потаенных обид разгневанной нации в безопасные каналы конституционной агитации при благотворном влиянии правления лорда Рипона все опасности были на какое-то время предотвращены, а доверие и *надежда* вновь восстановлены. Но те, кто ради мира и прогресса создали эти каналы, уже понимают, что наступит время, когда их будет недостаточно для того, чтобы безопасно отводить усиливающийся поток национального чувства. Они видят, что имперская политика, которая до сих пор была ключевой нотой правления лорда Дафферина, аннексия Бирмы, значительное увеличение наших военных расходов, введение новых непопулярных налогов, особенно в условиях сложностей в обеспечении достаточного пропитания, испытываемых массами – эта политика сеет семена, которые в дальнейшем дадут страшный урожай, если только не будет принято единственное средство – честное и смелое введение народного элемента в управление. У них нет серьезного беспокойства относительно ближайшего времени, поскольку, вопреки растущему широкому недовольству существующей системой управления, страна по-прежнему лояльна британской Короне и все еще верит в конечный успех своих призывов о справедливости британской нации. Но они ясно видят и то, что если нация позволит своим лидерам и представителям слишком долго поддерживать свое *non possumus* отношение к самым справедли-

¹⁶⁰ Богиня возмездия.

вым молитвам Индии, то наступит время – может, раньше, может, позже, но совершенно точно, и, возможно, *слишком* скоро – когда люди, потеряв свое затянувшееся доверие к Королевской Прокламации и всякую веру в справедливость и добрые намерения британской нации (как они уже потеряли веру в показные заявления британских государственных мужей и индийских управляющих), разочаруются и в любой справедливости, кроме той, что они смогут добыть сами, и той свободы, что завоюют своими руками. Когда это время придет – хотя Господь в своей милости не позволит этому случиться – пусть ни один англичанин не думает, что какой-нибудь индийский солдат окажется на его стороне. Когда сформировался дух Парижа, была ли Национальная гвардия против народа? Пусть никто не воображает, будто индийцы станут поддерживать правительство, как в 1857 году; что индийцы будут прислуживать или кормить врагов своей страны; что сколь-нибудь значительная часть евразийцев будет стоять за ними. Нет; когда наступит этот скорбный судьбоносный день (ибо он должен наступить, если Англия после всех своих колониальных экспериментов не перестанет цепляться за самоубийственную политику времен короля Георга), англичане будут стоять в одиночестве; и тогда только Господь поможет им, и только Господь простит им всю кровь, что прольется, бесконечные несчастья, что падут ядовитой росой на Индию и Англию, ущерб, нанесенный обоим странам, и политический, моральный, социальный упадок, что постигнет половину мира.

Не дай Бог, чтобы случилось так! Наши сердца кровоточат, ибо страшная картина, написанная огнем и бойней и обрамленная плачем сирот и безутешных вдов, встает перед нами, и мы были бы рады не причинять другим эту боль. Но сейчас лишь немногие, если таковые имеются, думают о том, чтобы заглянуть на шесть месяцев вперед – только насущный вопрос, часто тривиальный до известной степени, доходит до слуха – и единственная надежда на то,

чтобы побудить тех, в чьей это власти, предпринять, пока еще не слишком поздно, практические шаги, дабы предотвратить грядущую опасность, заключается в том, чтобы заставить их разум осознать масштабы этой опасности. Будь, что будет, и мы молимся всем сердцем, ради нас и ради нее самой, что Англия, предупрежденная, еще докажет свою мудрость, а Индии, с Бенгальской национальной лигой и множеством подобных политических ассоциаций, что трудятся умом и сердцем, чтобы устранить любыми конституционными средствами устаревшие барьеры на пути национального прогресса, прежде чем растущий поток сметет единым натиском все – и дамбу, и инженеров, и рабочих, и урожай – Индии будет не в чем себя упрекнуть (хотя обе страны – увы! – разделят страдания), но позор и бесчестье падут на Англию, и только на Англию, навеки и навсегда.

Развитие либеральных институтов в британских владениях¹⁶¹

Рассматривая цели, которые поставила перед собой Бенгальская национальная лига, мы, естественно, обращаемся и к другим владениям Великобритании, чтобы выяснить, как они жили под руководством нашей общей Королевы и Императрицы, и какова степень политических прав, которых им удалось добиться. Игнорируя незначительные различия, соответственно которым эти владения могут быть разделены на шесть или семь классов, мы можем грубо разделить их на две больших группы, а именно: те, что практически управляют всеми своими делами, и те, в которых все более или менее важные вопросы решаются британским правительством через представителей на местах и их выдвигенцев.

Колонии, относящиеся к первому классу, обычно описываются как имеющие ответственное правительство, и являются, что касается их внутреннего управления, практически независимыми. Эта группа включает в себя: 1) Доминион Канада с семью провинциями (Квебек, Онтарио, Манитоба, Нью-Брансуик, Остров Принца Эдуарда, Британская Колумбия и Новая Шотландия), каждая из которых имеет законодательные органы для управления существенно местными делами, а доминион в целом обладает двухпалатным Парламентом Канады, который собирается в Оттаве и занимается как общими вопросами государственной политики, так и теми, что затрагивают более крупную часть доминиона, нежели одна провинция; 2)

¹⁶¹ В связи с предметом, обсуждавшимся в приведенной выше работе, было сочтено желательным (чтобы показать, *inter alia*, разумный дух, в котором работали до сих пор наши индийские реформаторы) воспроизвести здесь серию статей, появившихся недавно в калькуттской «Миррор» (ведущей индийской газете), о росте и развитии политических свобод в других владениях Великобритании (прим. автора, представляющее настоящую статью).

Ньюфаундленд; 3) Капская колония; 4) Тасмания; 5) Новая Зеландия; 6) Квинсленд; 7) Виктория; 8) Новый Южный Уэльс; 9) Южная Австралия.

Административное устройство доминиона Канада, несомненно, больше похоже на то, чего мы в итоге желали бы достичь, нежели таковое в любом другом британском владении, и было бы разумно немного подробнее (чтобы дать полное описание, потребуется целый том) рассказать, каким именно является это устройство в действительности.

Весь доминион возглавляет генерал-губернатор, назначаемый от имени Королевы на срок в несколько лет (как вице-король здесь) британским министерством. Для доминиона генерал-губернатор является тем же, чем и Королева для Великобритании – конституционным сувереном, обладающим небольшой реальной прямой властью, но большим косвенным влиянием; он вынужден двигаться вслед за настроениями дня, но не является лишь пенистым гребнем, беспомощно отмечающим вершину волны общественного мнения, а обладает – при благоприятных обстоятельствах, когда пост занимает персона известных способностей и такта – значительной властью (действительной, хотя и незаметной) в изменении формы и курса этой волны. Каждую из семи провинций возглавляет вице-губернатор, которого назначает генерал-губернатор, и каждый из них для своей провинции является тем же, что и генерал-губернатор для всего доминиона.

Парламент доминиона собирается каждый год в Оттаве; по образцу Соединенных Штатов, он состоит из двух палат (обе из которых ныне являются выборными) – верхняя палата, или Сенат, где спикера назначает генерал-губернатор, и нижняя, или Палата общин, избирающая спикера из своих рядов. Далее, во всех семи провинциях существуют местные парламенты; в большинстве случаев они состоят из двух палат, за исключением парламентов Онтарио и Британской Колумбии.

Парламент доминиона занимается всеми вопросами, которые мы здесь называем имперскими, провинциальные парламенты имеют дело исключительно с местными вопросами. Парламенты провинций, например, не рассматривают законы о браке и разводе, уголовное право, законы в отношении натурализации, авторского права, патентов, банкротства и т. д. Помимо рассмотрения подобных общих вопросов, парламент доминиона решает также все остальные, включая вопросы государственного долга и имущества, военной и морской службы, налогообложения, навигации, судоходства, торговли, денежного обращения, почтовой службы, рыболовства, аборигенов и т. п.

Довольно долгий опыт показал, какие вопросы предпочтительно передавать в ведение провинциальных законодательных органов, а какие нет; и хотя условия двух стран различаются во многих и существенных вещах, это разделение, эффективное в Канаде, может быть полезным примером того, как провести аналогичное разделение здесь, когда придет время. На практике, хотя небольшие заминки и имели место, система работает, и работает превосходно, подобно – вопреки всем оскорблениям, сыпавшимся на нее в последние годы – своему прототипу в Соединенных Штатах.

Номинально, чтобы помогать и давать советы генерал-губернатору, существует тайный совет Королевы по образцу Британского тайного совета. Его члены назначаются генерал-губернатором (председателем, как и в Англии, становится один из министров), но в том, что касается политической работы, этот совет является марионеточным¹⁶² и не имеет никакого прямого влияния.

Действительная власть сосредоточена в руках Кабинета из четырнадцати министров, получающих свои посты аналогичным с Англией способом, а именно в силу поддерж-

¹⁶² Figure-head.

ки большинства членов Палаты общин; подобным же образом, при отрицательном вердикте последней их смещают с должностей.

Премьер-министр, которого там называют министром внутренних дел – лидер партии, имеющей на текущий момент большинство в канадской Палате общин. Генерал-губернатор призывает его сформировать администрацию, подобно тому, как Королева призывает маркиза Солсбери¹⁶³ или г-на Гладстона; канадский премьер-министр так же, как и британские, формирует ее из своих самых известных и влиятельных политических приверженцев и сторонников.

Министры, конечно, более или менее контролируются (это зависит от яркости личности) той партией, чья широкая спина обеспечивает их высокое положение, но на практике являются полными хозяевами ситуации, равно как и в Англии. Генерал-губернатор, представляющий суверена, исполняет многие функции, связанные с королевской властью в Великобритании, издает постановления о выборах представителей, созывает, откладывает или распускает законодательные палаты и т. д. и т. д., но делает он это согласно «совету» премьер-министра. Несомненно, он имеет право отклонять законопроекты, принимаемые Палатой общин, или приостанавливать их, но практически это происходит только в исключительных обстоятельствах; например, в случае спорных мер, принимаемых незначительным большинством голосов, это право может быть реализовано.

Далее, в каждой провинции есть свой законодательный орган; в большинстве провинций он состоит из двух палат – Законодательного собрания, эквивалентного Палате общин, и Законодательного совета, представляющего собой

¹⁶³ Роберт Артур Талбот Гаскойн-Сесил, 3-й маркиз Солсбери (1830–1903) – премьер-министр Великобритании (консерватор; 1885, 1886–1892, 1895–1902).

Сенат или, несколько отдаленно, Палату лордов. В некоторых провинциях, однако, есть только одна палата. Повсюду на местном уровне вице-губернатор представляет генерал-губернатора и назначается им, и ему помогает (как его еще называют) Исполнительный совет, который является Кабинетом, пользующимся поддержкой большинства в Законодательном собрании на данный момент.

В некоторых бедных и отсталых провинциях (как Синд у нас), например, в Британской Колумбии, существует всего одна палата, и число должностных лиц там было сокращено до минимально возможного предела. Законодательное собрание Британской Колумбии состоит из двадцати четырех членов, среди которых четыре министра – главный комиссар по земле и труду, министр финансов и сельского хозяйства, генеральный прокурор, провинциальный секретарь и министр шахт – составляют Исполнительный совет, или кабинет министров. Люди там сами управляют своими делами, и потому, будучи небогатыми, имеют дешевое правительство, не так, как в Индии, где даже беднейшие провинции имеют исключительно дорогие правительства, в некоторых случаях стоящие больше, чем дает вся провинция, прямо или косвенно.

Квебек, далее, который больше похож на Северо-Западные провинции и Ауд, располагает двухпалатным органом – Законодательным собранием из 65 членов и Законодательным советом из 24 членов, все из которых, безусловно, являются выборными, а при них – Исполнительный совет, поддержанный большинством Собрания. Он состоит из членов обеих палат, но преимущественно из членов нижней палаты.

Однако, бедная или богатая, каждая провинция управляет своими собственными внутренними делами так, как представляется лучшим для большинства населения, и через своих представителей она принимает участие в управлении всеми более крупными вопросами, затрагивающими доминион в целом. Практически во всех вопросах, за-

трагирующих их собственные интересы, люди Канады полностью независимы, и именно они, люди, одни понимают, чего хотят, и чего они не хотят, и как какая-либо мера будет влиять на них и их интересы; только они решают, что должно быть сделано, и как. Вот то, чего мы хотим достичь. Борьба за справедливость может быть долгой и суровой, но мы не должны ослаблять усилий и унывать. Мы должны готовить себя к тому, чтобы «страдать и быть сильными»¹⁶⁴, и идти, если понадобится, сквозь тьму и шторм, терпеливым трудом и непоколебимой стойкостью добывая победу на пути к единственной цели, ради которой стоит бороться любой цивилизованной нации.

Но большие свершения должны достигаться малыми начинаниями. Мы не можем получить все, что хотим, или все, чего заслуживаем, сразу. Мы должны шаг за шагом идти долгой и утомительной дорогой к ответственному правительству. Мы понимаем все это, но мы никогда, *никогда* не сможем достичь этой цели, если не начнем, не сделаем эти шаги; и первый немедленный практический шаг, который может предпринять каждый человек, который каждый образованный индеец, если он не предатель, сделает и должен будет сделать – присоединиться к Бенгальской национальной лиге или другой похожей ассоциации и поддерживать ее не только деньгами в соответствии со своими возможностями, но личными усилиями по расширению ее влияния и усилению ее организации, помогая сгладить путь ее триумфального прогресса.

Кто-нибудь из вас все еще спит? Пробудитесь! Пришло время, чтобы проявить себя; только глупая голова или сердце, только непросвещенный, робкий и эгоистичный человек уклонится. Есть целая бездна того, что предстоит сделать; и это причина для того, чтобы начать работу немедленно. Мы не можем ожидать каких-либо больших результатов даже от самых напряженных усилий в ближай-

¹⁶⁴ Лонгфелло Г. У. Свет звезд.

шем времени – мы должны быть терпеливыми и ждать их, и чем скорее мы возьмем на себя всю работу, тем меньше придется ждать. Нельзя колебаться в нерешительности; в конце концов, мы точно знаем, чего хотим.

Встань же смело на работу,
Отдавай все силы ей
И учись в труде упорном
Ждать прихода лучших дней!¹⁶⁵

Обсуждая политическое положение, достигнутое некоторыми из британских владений, мы перечислили те из них, которые обладают тем, что называется ответственным правительством, т. е. те, что являются практически независимыми от Великобритании в вопросе ведения внутренних дел. Взяв доминион Канада как образец, к которому мы, хоть и не сразу, стремимся, мы постарались вкратце дать некоторое представление о том, как управление в нем осуществляется на практике. Другие колонии, имеющие ответственное правительство – Ньюфаундленд, Капская колония, Тасмания, Новая Зеландия, Квинсленд, Виктория, Новый Южный Уэльс и Южная Австралия – устроены схожим с этим доминионом образом, с тем исключением, что их устройство не осложнено вторичными или местными законодательными органами и правительствами, необходимо сопутствовавшими той федерации¹⁶⁶, которой доминион обязан своим рождением. Все они возглавляются губернаторами, назначаемыми на срок в несколько лет из Англии, как наши губернаторы и вице-король, которые представляют британского суверена, в то время как в целом реальная власть принадлежит Исполнительному совету – кабинету министров, пользующемуся поддержкой большинства Законодательного собрания на тот момент.

¹⁶⁵ Лонгфелло Г. У. Псалом жизни. Пер. И. А. Бунина.

¹⁶⁶ Канадская конфедерация.

Сами же законодательные собрания без исключения являются выборными, хотя процедура отличается в разных колониях.

Во всех этих колониях существует вторая, верхняя, менее *народная* палата, обычно называемая Законодательным СОВЕТОМ, которая играет (или должна играть) такую же роль и занимает такую же позицию в отношении нижней, и более народной палаты (как правило, называемой Законодательным СОБРАНИЕМ), что и Палата лордов и Сенат в Англии и Америке соответственно в отношении Палаты общин и Палаты представителей. Безусловно, эти вторые палаты играют в правительственной карете роль «тормоза». На народные собрания могут находить внезапные и яростные порывы страсти, вспышки добродетельности и т. п., которые, следовательно, могут привести их на неразумный или даже губительный путь. Вторые палаты предназначены, в силу более консервативного состава, чтобы возражать и противостоять в таких случаях, а их оппозиция дает время людям в народных палатах остыть и взглянуть на проблемы с позиции здравого смысла. Разумеется, в верхней палате обнаруживается иной класс людей, нежели в нижней. В Англии этот класс представлен наследственным пэрством, но сейчас он постепенно утрачивает доверие страны в целом, и, несомненно, существующую Палату лордов придется несколько изменить, чтобы привести ее в большую гармонию с народными настроениями нынешнего дня. Но в колониях, где не существовало знати и не проводилась политика Короны по ее созданию (что было, безусловно, ошибкой), нужно было применять иной способ обеспечения более консервативного, стабильного и осторожного набора людей для Совета, чем тот, что обычно проходит в Собрание (во многих случаях благодаря избирательному праву для всех взрослых мужчин¹⁶⁷).

¹⁶⁷ Manhood suffrage.

В Новом Южном Уэльсе, Квинсленде и Новой Зеландии члены Совета получают место пожизненно и назначаются, время от времени, когда возникают вакансии, губернатором (в большинстве случаев, по нашему мнению) по рекомендации министерства.

В других колониях советники избираются на многолетний срок, но во всех случаях избирателями, обладающими собственностью, а в некоторых местах (например, в Тасмании) по образовательному цензу, в то время как члены собраний в некоторых из этих колоний избираются на основе избирательного права для всех взрослых мужчин. Более того, почти во всех случаях сами члены Совета должны обладать собственностью или другой квалификацией, не требуемой от членов Собрания.

Едва ли было бы полезным углубляться в изучение деталей, отличающих устройство каждой из этих восьми колоний; достаточно, чтобы мы получили представление о самых основных чертах управления ими и отметили, что, различаясь в других моментах, они сходятся в том, что в *каждом* случае речь идет о людях из самих колоний, понимающих желания и чаяния своих товарищей, а не о группе чужеземцев из отдаленных частей Империи, слишком невежественных даже для осознания потребности в знаниях; повторим, люди из колоний, а не чужаки, сами управляют всеми внутренними делами.

Но, как мы полагаем, ни для кого из наших читателей не секрет, что отнюдь не все из владений Великобритании добились этого великого благословения – ответственного правительства. Помимо группы, в состав которой входят Доминион Канада и другие восемь колоний, которые уже перечислены, с совокупной численностью населения примерно девять миллионов человек, есть еще одна меньшая группа, обычно называемая колониями Короны, которые населяет, вероятно, семь миллионов человек.

Сейчас эти колонии Короны делятся на три класса: те, в которых под тем или иным именем сохраняются две пала-

ты, одна (меньшая) верхняя, подобная нашему Исполнительному или Верховному совету, члены которого либо избираются (как на Багамских островах), либо назначаются (как на Барбадосе или Бермудских островах), и вторая, значительно более крупная, Палата собрания или Представительная палата, члены которой во всех случаях избираются теми, кто преодолел имущественный ценз. В случае с Багамами может показаться, что форма правительства вплотную приблизилась к «ответственной», но по сути их разделяет огромная пропасть, поскольку во всех этих трех колониях Исполнительный совет, иными словами, Кабинет или министерство, вместо того, чтобы практически руководить губернатором, на деле являются его скромными помощниками, более или менее ему подчиненными, и этот Кабинет не зависит от поддержки большинства нижней палаты, но состоит частично из министров *ex-officio* и частично из выдвинутых Коронай или губернатором, которым, теоретически, достаточно лишь щелкнуть пальцами, чтобы получить большинство в обеих палатах. Но хотя эта форма управления менее удовлетворительна, во всех трех колониях обеспечивается значительный контроль над исполнительной властью, и ни в одной из них невозможен тот произвол и злоупотребления властью, что слишком часто характеризуют государственное управление в Индии.

Во-вторых, у нас есть группа колоний, где существует законодательное собрание, частично выборное, частично назначаемое Коронай, и являющееся, таким образом, «*Составным советом*». В эту группу входят Западная Австралия, Наталь, Британская Гвиана, Подветренные острова и Мальта. Именно к этой группе в первую очередь стремится Индия (как видно из третьей резолюции Национального конгресса), и поэтому может быть полезным взглянуть на главные особенности административных механизмов в одной из двух наиболее важных среди них. Правительство Западной Австралии непосредственно управляется, сред-

ни Индии, Исполнительным советом под председательством губернатора, состоящим из пяти членов-чиновников, назначаемых Короной – колониального секретаря (соответствующего приблизительно члену, ответственному за департамент внутренних дел), колониального казначея (нашего ответственного за финансы), генерального прокурора (совмещающего обязанности нашего члена по юстиции и генерального адвоката), директора общественных работ (в лице которого совмещены наш министр общественных работ и многие главные инженеры) и – в силу особых условий колонии – генерального инспектора.

Сейчас этот Исполнительный совет, теоретически, во многих аспектах, абсолютен и не несет ответственности, как наш вице-король и его совет. Две причины приводят к тому, что правительство Западной Австралии действует почти так же свободно, как и в любой другой колонии австралийской группы, имеющей ответственное правительство.

Первая из них заключается в том, что население Западной Австралии, хотя и редкое и разбросанное по огромной протяженности береговой линии, представляет собой такое население, которое не понимает никакой чепухи и вполне способно бросить своего губернатора и его совет в море, если те начнут чересчур угнетать и запугивать его. Любой губернатор и Совет Западной Австралии, которые в своих IPSE DIXIT¹⁶⁸ вопреки ясно выраженным пожеланиям всего населения, решат внезапно наложить на них дополнительные налоги в два миллиона фунтов стерлингов в течение недопустимо малого срока, тотчас же обнаружат себя ведущими в высшей степени неприятный разговор и неприятную прогулку «по морскому пляжу»!¹⁶⁹ Но, поми-

¹⁶⁸ «Сам сказал» (лат.). Выражение, характеризующее позицию безоговорочного преклонения перед авторитетом.

¹⁶⁹ Отсылка к «Алисе в стране чудес» Л. Кэрролла, стихотворение о

мо этого непризнанного, но самого мощного контроля за излишествами автократии со стороны губернатора и совета, есть еще законный и признанный. Западная Австралия имеет Законодательный совет, который не является фикцией и фарсом, как наш индийский. Этот совет состоит из семи назначенных и четырнадцати избранных членов; избиратели, равно как и избираемые, должны соответствовать значительному имущественному цензу. На деле, так или иначе (вопрос этот слишком объемён, чтобы рассматривать его в этой краткой статье) почти каждый вопрос приходит, или может прийти, если избранные члены того пожелают, в той или иной форме, на рассмотрение совета, и это делается таким образом, чтобы позволить большинству официально заявить о своем неодобрении любого предлагаемого или уже доведенного до конца мероприятия правительства. Разумеется, Исполнительный совет теоретически может игнорировать любые выражения мнения, но на практике это, мы считаем, неслыханно. Насколько мы можем судить (в отсутствие гораздо более подробной информации относительно существующего положения правительства, которое сравнительно недавно подверглось изменениям в некоторых важных аспектах, чем та, что можно получить из книг), тот путь, которым идет управление Западной Австралией, есть именно то, чего хотела бы видеть страна в управлении Индией в качестве первого шага к ответственному правительству, которое необходимо является конечной целью всех наших политических устремлений.

Следующей, после Западной Австралии, важной колонией среди тех, что имеют однопалатные составные советы, является Наталь. Здесь, как и в Западной Австралии, существует большая реальная свобода, и на практике гу-

Морже и Плотнике.

бернатор не может дать по зубам единодушному мнению колонии, равно как и премьер-министр в Англии не может пойти против британского *Vox Dei*¹⁷⁰ (!), как некоторым нравится называть *Vox populi*¹⁷¹.

В Натале есть неизменный губернатор (здесь он именуется вице-губернатором), которому помогает необычно большой Исполнительный совет, состоящий из девяти членов, а именно колониального секретаря, секретаря по делам коренных народов, генерального прокурора, казначея, главного инженера, главного судьи, коменданта войск и двух выборных членов, назначаемых из Законодательного совета.

Первые пять членов из перечисленных имеют *ex-officio* места в Законодательном совете, который помимо них включает 23 выборных члена, из которых два должны также заседать в Исполнительном совете. Они избираются сроком на четыре года, если вице-губернатор не распустит совет досрочно. Избиратели должны обладать существенным имущественным цензом. В большинстве вопросов Исполнительный совет может, настояв, отменить решение большинства Законодательного совета, но, по сути, почти во всех внутренних делах исполнительная власть придерживается мнения значительного большинства законодательного органа, во всяком случае, если не сразу, то после того, как это мнение будет подтверждено новым большинством после роспуска совета.

Правительство Британской Гвианы довольно странное и громоздкое, оно является видоизменением предшествовавшего голландского правительства, и нам не следует беспокоиться о нем как об образце для Индии. При всем том, однако, оно может похвастаться представительным элементом, достаточно сильным, чтобы сделать невозможными грубейшие ошибки в отношении взглядов и же-

¹⁷⁰ Глас Божий (лат.).

¹⁷¹ Глас народа (лат.).

ланий людей, что, можно сказать, составляет *правило*, а не исключение, когда речь идет об индийском правительстве.

Нужно четко понимать, что мы, говоря так, не возлагаем вину на каких-либо личностей; мы пытаемся обвинить *систему*, а не людей. Здесь, у нас, эти несчастные сидят в заоблачной выси и пытаются принимать законы и различные меры для страны и населения, о которых они ничего не знают, от которых они полностью изолированы, которые абсолютно невидимы для них, когда речь идет о практических целях. Они делают ошибки? Что ж! и *que voulez vous*¹⁷²? Чего вы еще можете ждать? Очень хорошо сравнивать их с богами:

Там где-то далеко под ними свищут стрелы,
Пред ними – нектар золотой¹⁷³

Но те боги, во всяком случае, *ex hypothese*¹⁷⁴, имеют первоклассный мозг, в то время как наши правители часто бывали ниже среднего уровня, и, хоть и были в плохих условиях, улыбались тогда, когда следовало бы плакать (как и некоторым из наших небеснорожденных), они все еще *могли* смотреть вниз и *могли* видеть, что происходит внизу, тогда как наши несчастные «губернаторы и советы» видят облака, только облака и ничего, кроме облаков.

Нет! Не позволяйте нам злиться или оскорблять наших бедных правителей – их намерения хороши; но система, в рамках которой они работают, делает невозможным использование даже тех средств, которыми Всемогущий по милости своей наделил их, для любой доброй цели. Они, как нам кажется, постоянно делали то, чего не должно делать, и не делали того, что должно. Мешать и путать, говоря их собственными, достойными апостолов, определени-

¹⁷² Чего вы хотите? (фр.).

¹⁷³ Теннисон А. Вкушающие лотос. Пер. К. Бальмонта.

¹⁷⁴ Предположительно (лат.).

ями – вот итог всех их трудов, но это результат злодейской системы управления, которая разделяет правителей и управляемых так же эффективно, как если бы они находились на разных планетах, и если мы станем обвинять наших правителей по отдельности, то главным образом за то, что они настолько тупы, что не осознают абсурдность своего положения и не присоединяются к нам в попытках добиться реформирования существующих дряхлых и вредных установлений.

Вернемся к рассматриваемой теме. Британская Гвиана управляется губернатором, Политическим управлением¹⁷⁵ и объединенным советом¹⁷⁶. Губернатор, конечно, назначается действующим министерством в Англии, когда появляется вакансия. Он может быть хорошим, плохим или посредственным, но, поскольку часты случаи предоставления должностей «братьям, кузенам и дядюшкам», нужно признать, что плохие и посредственные также «получают их». Исполнительная власть состоит из губернатора, которому помогает Политическое управление, состоящее из пяти официальных членов и пяти выборных, избираемых совместно электоральным колледжем из семи членов и Политическим управлением в его составе на данный момент, когда все вакансии заполнены. В случае возникновения вакансий электоральный колледж избирает двух кандидатов, из которых Политическое управление отбирает одного. Далее, шесть финансовых представителей, избираемых по нескольким округам, вместе с Политическим управлением составляют объединенный совет, который рассматривает все вопросы финансов и налогообложения.

Таким образом, все подобные вопросы рассматриваются собранием из 16 членов, из которых 11 являются избранными, но путем вмешательства электорального колледжа и права отбора Политического управления (в кото-

¹⁷⁵ Court of Policy.

¹⁷⁶ Combined Court.

ром, когда бы ни возникла вакансия, всегда должно быть пять чиновников и до четырех выборных членов) пять из этих одиннадцати наверняка будут более или менее консервативными. Было бы довольно легко разработать схему для Индии в соответствии с устройством Британской Гвианы, но мы считаем, что мы должны стремиться к устройству, аналогичному Западной Австралии, более простому и легкому для введения.

Подветренные острова являют собой тип конфедерации, напоминая нам о Канаде, однако не обладают ответственным правительством, а только составным советом. В состав колонии входит шесть территорий – Сент-Китс, Доминика, Антигуа, Виргинские острова, Монсеррат и Невис. На каждом из этих островов есть президент, который, как и члены Исполнительного совета при нем, назначается Короной, и Законодательный совет, состоящий частично из чиновников, частично из неофициальных членов; в случаях Антигуа и Доминики – наиболее важных островов – этот совет является частично выборным.

На Антигуа Законодательный совет состоит из четырех чиновников *ex-officio*, восьми назначаемых и двенадцати членов, избираемых людьми со значительным имущественным цензом. В законодательном органе Доминики всего четырнадцать членов, половина из них назначаемые, половина – избираемые. Что касается членов законодательных органов других четырех малых островов, то все они назначаются, однако половина из них чиновники, а половина – независимые (или *должны быть* таковыми!). Все острова в целом возглавляет губернатор, действующий при помощи исполнительного и законодательного совета. Первый из них состоит из четырех президентов островов, трех *ex-officio* членов, колониального секретаря, генерального секретаря, генерального ревизора и десяти неофициальных членов. Законодательный совет состоит из восемнадцати членов, половина из которых

назначается, половина избирается. Среди назначенных членов – уже упомянутые три чиновника, президент, который должен состоять членом одного из островных советов, и пять неофициальных членов, по одному от каждого из островов, исключая Антигуа. Очевидно, что так или иначе каждая часть из этой разбросанной группы островов представлена в управлении. Острова отнюдь не являются развитыми; любой хороший по размеру субдивизион Бихара превысил бы их в десять раз по численности населения, богатству, интеллектуальным и любым другим ресурсам для обеспечения *prima facie*¹⁷⁷ успеха представительных учреждений, но они были введены и обеспечили важное развитие для этих отсталых и незначительных островов, а великий континент лишен их, хотя он полон людьми, *столь же*, если не более умными, чем огромное число избирателей в Великобритании.

Можно было бы ожидать, что на Мальте, представляющей собой территорию чуть большую, чем громадная крепость, как и в Гибралтаре, будет править только военный губернатор со всей полнотой власти. На деле же там имеется такой же составной совет, как и в колониях, описанных выше. При губернаторе есть исполнительный совет из трех чиновников, а также совет правительства, куда входят офицер, командующий войсками, восемь других гражданских чиновников и восемь избираемых на пять лет неофициальных членов. Их избирают люди со значительным имущественным цензом.

Таким образом, даже здесь, в этой бесплодной островной крепости, населенной иностранцами, значительная часть из которых пользуется худшей репутацией, чем любая другая раса в Европе, представительные учреждения добились определенного прогресса.

¹⁷⁷ На первый взгляд (лат.).

Теперь нам остается вкратце описать те небольшие крепости и селтльменты, что составляют третий класс колоний Короны, единственную группу, за исключением Индии, где в настоящее время отсутствует представительный элемент.

Некоторые из них населены сущими дикарями. Достаточно разумно, что, например, на Фиджи представительные учреждения еще не в моде. Масса населения еще остается дикарями, людьми низшей и неарийской расы, все еще питающими пристрастие к «длинной свинье»¹⁷⁸, и результатом преждевременного введения представительных учреждений на этих островах может стать Его Превосходительство губернатор, жаренный с гренками вместе со своими европейскими коадьюторами и искусно *сервированный*, к вящему неудовольствию означенных лиц. Мы полагаем, что сможем убедить лорда Дафферина, если он решит помочь нам достичь той скромной, умеренной формы представительных учреждений, к которой мы стремимся, что ни у одного из его даже самых юных, самых жирных и мягких помощников не будет и малейшего риска такого бездумного и неучтливового обращения!

Пенанг, Перак, Малакка, Сингапур, Гонконг — лишь точки на картах даже крупнейшего масштаба — естественно, не имеют представительства; условия этих селтльментов, с их чрезвычайно большим числом поселенцев низшей четвертой (неарийской) расы, пережитками времен, предшествовавших той эпохе, когда идея о представительстве посетила человеческий разум, сделали бы введение представительного правительства (кроме той его формы, в которой избирательный ценз свел бы число избирателей к номинальному) практически невозможным.

На Маврикии, большой и более важной, однако все еще несущественной колонией, правящий Совет хотя и не име-

¹⁷⁸ Человечина.

ет выборных членов, состоит из значительной части выдвинутых, не являющихся чиновниками. Мы не сомневаемся в том, что здесь должны быть введены представительные учреждения. Они бы сдерживали класс плантаторов от дальнейшего угнетения и плохого обращения с огромным большинством населения, которое имеет индийское происхождение. В настоящее время не является ни необходимым, ни желательным давать индийским эмигрантам, составляющим три четверти населения, преобладающее положение в управлении. Но многие из них уже выросли умственно, обрели благосостояние, и они должны обладать потенциальным голосом в управлении, чтобы иметь возможность защищать своих бедных товарищей от угнетения, жестокости и бесстыдного и эгоистического классового законодательства доминирующего класса плантаторов и их друзей-чиновников. Если бы это было сделано, то позорное варварство, так долго характеризовавшее обращение с нашими людьми на Маврикии и потребовавшее назначения королевской комиссии¹⁷⁹, чтобы привести его хоть в сколь-нибудь приличные пределы, никогда не могло бы иметь места. Однако отношение к нашим индийским братьям все еще далеко от того, каким должно быть, и действующие законы в высшей степени несправедливо благосклонны к плантаторам, а потому справедливость не будет восстановлена до тех пор, пока наши люди – в какой-то степени, по меньшей мере – не будут представлены в управлении островом.

Сейшелы, остров Святой Елены, Хельголанд и другие крошечные океанские пятнышки, селтльменты западного побережья Африки, а именно Золотой берег, Сьерра-Леоне и река Гамбия, в которых все население есть низшая раса неарийских дикарей, крепость Гибралтар – все они естественно и разумно не имеют представительных учрежде-

¹⁷⁹ Королевская комиссия расследовала положение индийцев на Маврикии в 1872–1875 гг.

ний. Вероятно, они могут быть введены на Кипре, если, в чем мы очень сомневаемся, остров будет долго удерживаться Англией.

Ямайка и Тринидад, несмотря на свою известность в мире – небольшие острова с очень незначительным населением, и, хотя в исполнительные советы обоих островов назначается большое число неофициальных членов, в наши дни там нет никакого представительного учреждения – факт, который можно объяснить их историей и нынешним состоянием.

На Фолклендских островах, если не предоставить право голоса морским львам и пингвинам, сложно будет составить избирательный округ, численно подходящий для проведения голосования.

Сент-Винсент, Гренада, Тобаго, Санта-Люсия – места из той же категории, что и их более крупные собратья, Тринидад и Ямайка. Познакомившись с местной политикой, никто не удивится, что представительные учреждения, существовавшие здесь до освобождения рабов, позже добровольно капитулировали. В этом есть и урок для нас. Когда негры были отпущены на волю, было принято как нечто само собой разумеющееся, что они (люди более низкой расы, полностью необразованные) обладают правом голоса. Они преобладали на большинстве островов и начали проводить людей своей расы и *калибра* в законодательные органы, которые, сформированные таким образом, вскоре пришли в противоречие с исполнительной властью. Ситуация стала невыносимой, и представительные институты были упразднены или, точнее, капитулировали на всех вест-индских островах, кроме Барбадоса и Багам. Безусловно, ошибка кроется в том, что избирательное право не было ограничено цензом, который отстранил бы *не* негров как *таковых*, а *всех* безграмотных и бедных, белых и черных, от участия в делах, с которыми они не в состоянии справиться. Если теперь, в настоящий момент, когда наша политическая организация все еще несовершенна и

незрела, в Индии были бы введены полноправные представительные институты на основе всеобщего избирательного права для мужчин или подобного ему низкого ценза, то страна подверглась бы вредному воздействию и, возможно, пришла бы к состоянию, когда потребовалось бы повторное завоевание масс высшими и образованными классами, действующими заодно с британцами, и временное восстановление военной деспотии, как после гражданской войны в Южных штатах или в Верхней Индии после мятежа. Но можно было бы ввести представительный элемент в наше правительство на основе высокого имущественного и образовательного ценза хоть завтра, не только без тени опасности, но с бесконечной выгодой для европейцев и индейцев, высших и низших, правителей и управляемых, и лишь грубое незнание реального состояния страны и общественного мнения в ней может заставить любого отрицать или сомневаться в этом факте.

Вернемся. Британский Гондурас находится в той же категории, что и Ямайка, а потому нам остается рассмотреть только Цейлон, последнюю, и в то же время самую большую и важную из этой группы колоний Короны, где представительный элемент полностью исключен из управления. Правительство Цейлона по форме очень похоже на правительство Индии. На самом деле, его близость к Индии и страх создать на индийском пороге правительство более либеральное, чем власти были когда-либо намерены уступить нам, удерживают Цейлон в его сегодняшнем отсталом состоянии. Нет никаких сомнений в том, что, как все колонии, приближающиеся к нему по размеру и значению, Цейлон давно мог бы перейти во второй класс колоний — колоний с составными советами.

Но, несмотря на эту непризнанную и, вероятно, никогда не высказываемую причину исключения либерального элемента из управления Цейлоном, и на то, что жители его, как общность, гораздо менее развиты, чем в Индии, мы все же обнаруживаем, что даже в этой колонии третье-

го класса сингалы¹⁸⁰ занимают лучшие политические позиции, нежели мы.

Как и Индией, Цейлоном руководит губернатор с исполнительным и законодательным советом; Исполнительный совет состоит из колониального секретаря, также являющегося заместителем, или вице-губернатором, королевского адвоката, казначея, генерального ревизора и командующего войсками. Данный совет, на первый взгляд, похож на наш вице-королевский, но на самом деле этот орган в меньшей степени контролируется губернатором, обладает большей степенью независимости и испытывает большее влияние общественного мнения. Законодательный совет, как и в Индии, состоит из Исполнительного совета и двух *провинциальных* вице-губернаторов (которых называют агентами), генерального инспектора, коллектора таможен и пяти назначенных неофициальных членов. Это не *обещает* большей свободы от деспотии и произвола правительства, чем в Индии, но на деле *дает* ее. Во-первых, на Цейлоне существует действительное равенство между сингалами и европейцами; не фикция и видимость, как у нас в Индии, а *bona fide* равенство. Здесь никогда не было законопроекта Илберта; на протяжении многих лет сингальские магистраты отправляли европейских негодников¹⁸¹ в тюрьмы, точно так же, как и европейские магистраты – сингальских бадмашей, и, как следствие этого и других фактов, европейские джентльмены относятся к сингальским как почти к равным, и власти уделяют внимание мнениям и желаниям народа острова, что, как правило (конечно, и у нас бывали исключения – такие, как лорд Рипон и лорд Рий), неизвестно здесь. Далее, неофициальные члены совета вовсе не являются нолями, как здесь. У них есть право интерpellации, и они могут получить полное разъяснение от Исполнительного

¹⁸⁰ Народность, составляющая на Цейлоне большинство населения.

¹⁸¹ Ne'er-do-weels.

совета, и осознание этого заставляет последний сохранять хорошее поведение – стимул, которого так часто не хватает индийской исполнительной власти.

Итак, мы коротко описали характер управления во всех владениях Великобритании, и находим, что более половины из них абсолютно свободны, с ними поступили честно и в строгом соответствии с британскими национальными теоретическими взглядами на гражданскую свободу и т. п., а почти все оставшиеся обладают мерой представительства равной или превосходящей ту, за которую готовится вступить в борьбу Бенгальская национальная лига. Даже в небольшом остатке мелких сеттльментов среди дикарей, военных крепостей и «океанической пыли», что составляют крошечную и неразвитую группу третьего класса колоний Короны, управляемых правительством своевольно, единственное место заметного размера и важности – хотя и сдержанно, и с меньшей степенью свободы, чем та, которая могла бы быть, если бы не близость к нам, хотя население там развито гораздо меньше, чем наше – обладает правительством, превосходящем наше собственное и более совершенным, чем наше собственное, и отчетливо характеризуется более справедливым, либеральным и внимательным отношением к народу страны.

И все же – все же находятся люди, которые удивляются всеобщему недовольству, преобладающему среди нас, и тем усилиям, что мы начинаем предпринимать, чтобы завоевать любыми достойнейшими средствами улучшение нашего унижительного политического *статуса*!

Когда мы рассматриваем наше собственное жалкое положение в деле предоставления политических прав, являющихся правом каждого свободного человека по рождению, а затем обращаемся к завидному положению, в которой находятся наши подданные в доминионе Канада, Капской колонии, австралийских колониях и т. д., у нас воз-

никает желание узнать, что мы сделали, чтобы таким образом оказаться за бортом, или напротив, что сделали они, чтобы достичь того, в чем отказывают нам.

Изучение прошлого этих колоний дает окончательный ответ на этот вопрос. Можно подумать, что Великобритания, даровав им ту свободу, которой они пользуются, сделала это из-за любви, поскольку они населены в основном англичанами, и отказала в свободе нам как индийцам. Но история показывает, что ничего подобного не было.

Великобритания угнетала и злоупотребляла своими американскими колониями в политическом смысле, пока они не поднялись на сопротивление несправедливости, похожей на ту, от которой страдаем сейчас мы, взяли за оружие и завоевали независимость, которая *в те дни* была невозможной для владений британской Короны.

Подобным же образом Великобритания обращалась и с канадскими колониями, пока те не восстали, и лишь тогда, и ни днем раньше, им была предоставлена политическая свобода. В течение десяти лет австралийцы так кричали о контроле над своими делами, и их протест так усиливался, что стало очевидно даже лорду Пальмерстону¹⁸², что если не принять то, о чем они просят, колонисты последуют примеру создателей Соединенных Штатов, и лишь тогда, и ни днем раньше, австралийцы получили политическую свободу.

На мысе Доброй Надежды было то же самое. Там, как и здесь, жителями управляли как детьми, они не имели реального голоса в управлении своей страной и были лишены всех политических прав. С 1841 года они подавали ходатайства о представительном правительстве, но только когда они взяли в руки оружие чтобы противиться произволу властей, глаза Джона Буля¹⁸³ открылись, и то, чего

¹⁸² Генри Джон Темпл, 3-й виконт Пальмерстон (1784–1865) – премьер-министр Великобритании (1855–1858, 1859–1865).

¹⁸³ Джон Буль – традиционная персонификация образа Британии.

они так долго просили и требовали, было им даровано.

Дело в том, что упомянутый Джон Буль, добрый и честный, как он есть, принадлежит к старой школе родителей, и, будь его воля, он оставил бы своих детей в нагрудничках на всю жизнь. Он отказывается воспринимать, что они растут, им требуются, следовательно, приспособления для более развитого периода жизни, и, пока сын не учинит настоящий хороший скандал и не сделается совершенно неприятным, пока не покажет, что может стать более, чем просто неприятным, г-н Дж. Б. не понимает, что времена поменялись; и лишь с тех пор он относится к ребенку-бунтарю как к взрослому и *ответственному* человеку.

Если история учит нас чему-нибудь, она учит нас тому, что, вероятно, нам тоже удастся получить ответственное правительство, но только если мы сделаем себя неприятными, так или иначе. Но делать любую вещь можно правильным способом, а можно и неправильным, а потому было бы хорошо поближе познакомиться с историей освобождения колоний, описанных выше, поскольку мы можем узнать то, чего следует *избегать*, и то, чему следует подражать.

И здесь мы предлагаем процитировать несколько отрывков из «Колоний и владений» г-на Дж. Пейна¹⁸⁴. Объяснив, что Канада предлагает меньше стимулов колонистам, чем Соединенные Штаты, он говорит:

Чтобы сохранить лояльность Канады британской Короне и позволить ей конкурировать с Соединенными Штатами в качестве области для эмиграции, было сочтено правильным придать ей некоторое подобие свободного правительства.

Затем, описав, какие приготовления были сделаны, он говорит:

Таким образом, канадцы были вовлечены в тот же пустой спектакль

¹⁸⁴ Cotton J. S., Payne E. J. Colonies and Dependencies. London, 1883.

представительных институтов, которые существуют ныне в Германии. Советы и Собрания действительно могли голосовать за новые законы, но на их действия могла наложить вето не несущая ответственности исполнительная власть. Советы и Собрания голосовали за поставки, но управляла ими исполнительная власть. Ни один член исполнительного органа не мог быть лишен должности Советом и Собранием; и каким бы продажным и непопулярным ни было все правительство, оно могло быть снято только британским правительством, действовавшим через колониальное ведомство. Более эффективной системы для деградации и раздражения растущего сообщества нельзя было придумать. *Эта система существовала в Канадах*¹⁸⁵ *полвека; она, вероятно, существовала бы и по сей день (г-н Пейн пишет в 1883 году!), если бы канадцы не восстали против нее с оружием в руках.*

Сейчас все это применимо к Индии в еще большей степени; с нами обращаются еще более несправедливо, чем с канадцами. Им разрешалось какое-то подобие представительных учреждений, у них фактически были некоторые политические права, тогда как мы, говоря в политическом смысле, просто рабы. Давайте же учтем урок истории освобождения Канады, но не позволяйте нам слепо подражать этим пионерам на пути колониального освобождения.

Мы не должны винить *их*; мы не можем понять трудности на *их* пути. Возможно, *им* было необходимо обратиться к оружию. Но теперь, по прошествии почти пятидесяти лет, после того, как была проторена широкая дорога в неисследованных джунглях колониального гнета, потребность в оружии не может возникнуть, ибо мы можем – конечно, обладая некоторым терпением – мирным путем добыть все, чего хотим. И раз так, было бы преступлением самого худшего свойства прибегнуть к насилию даже в случае еще больших провокаций, чем мы знали до сих пор. Позвольте объяснить: мы считаем, что в такой стране, как Россия, где нет свободы прессы, нет свободы мнений, нет каналов для конституционной агитации, насилие со сто-

¹⁸⁵ Верхняя и Нижняя Канада.

роны угнетенного населения совершенно оправдано. Люди не должны восставать, пока не будут к этому готовы, пока не заручатся достаточной поддержкой для того, чтобы сделать свой успех вероятным, ибо в противном случае придется бессмысленно рисковать многими жизнями. Но они имеют право на свободу. Нет другого пути для людей, находящихся в таком положении, и вооруженный путь для них полностью оправдан. Но в нашем случае, со свободной прессой, с полной свободой мнений, со всеми каналами конституционной агитации, что открыты для нас, было бы чудовищным преступлением даже мечтать о том, чтобы прибегнуть к грубой силе.

Ибо нельзя выделить одного, двух, десять человек, которые ответственны за то, что мы обвиты пеленой самовольного правительства. И лорд Дафферин, и его совет – не те люди, на кого можно возлагать всю вину. Все – и чиновничий аппарат здесь, и гигантское число отставных англо-индийских чиновников в Англии, и огромная масса недобросовестных политиков в Великобритании – слишком ленивы, чтобы узнать правду об Индии из первых рук. Именно эта огромная масса, возможно, в миллион человек, несет совместную ответственность за позор и бесчестье политического рабства, которое осуждает нас, граждан хваленной *«Земли свободных»*, на гниение и увядание. Если бы была дюжина человек, которых можно назвать даже *зловредными*, сохранявших этот несправедливый порядок вещей, мы должны были бы схватить их и держать в заключении, пока они не раскаются в своих грехах и не будут готовы к иным поступкам. Но их сотни и тысячи; и более того, мы знаем, что большая часть из них, которая хоть сколь-нибудь разбирается в вопросе, помогает другим сидеть на наших головах (как свора пьяных извозчиков на бедной павшей лошади) с *благими намерениями!* Тем *грешны* они, что позволяют предрассудками, самонадеянностью и корыстью затмить свой взор, пока другие пытаются узнать для себя истинную правду дела. Но в бу-

дущем неизбежно свершится истинное воздаяние за добро и зло, и каждого из них постигнет достойное возмездие. Но этот грех имеет такую природу, что ни один земной судья не может позволить себе определить наказание, и ни один торопливый страдалец не должен и мечтать о том, чтобы самому вершить этот суд.

Но дело не только в этом. Даже если бы мы могли выбрать (чего не можем) сотни тысяч человек, в той или иной степени ставших преступниками в нашем случае, даже если бы было справедливо (а мы только что показали, что это не так) использовать насилие, чтобы наказать их, мы все равно не стали бы ближе к оправданию любого применения оружия, ибо среди тех людей, кого мы собираемся убить или ранить, не будет ни одного преступника, а будут лишь невинные и, вероятно, невежественные люди. Не зная ничего о достоинствах нашего дела, они только преданно исполняют приказы начальства. Навредить хоть одному из них тогда, когда наша цель достижима (медленно и гораздо большей ценой, это правда, *но все же достижима*) мирными средствами – это, по нашему убеждению, непростительное преступление.

Нет! Если более жесткий курс, предложенный на днях ведущей англо-индийской газетой, будет принят, будет когда-либо неразумно принят правительством, мы также сможем задуматься о более жестких мерах отстаивания своих прав. Но пока свобода нашей прессы и свобода нашего мнения остаются нетронутыми, пока все каналы для конституционной агитации открыты для нас, мы считаем человека, предлагающего любые жесткие меры, подобные тем, к каким вынуждены были прибегнуть канадцы, предателем не только Королевы-Императрицы, который мы все верны, но равным образом и предателем дела Индии, радетелем которого он притворяется.

В прошлый раз мы начали беспристрастное исследова-

ние обстоятельств, приведших к политическому освобождению канадцев, около пятидесяти лет пребывавших в египетском рабстве, схожем, хотя и не столь вопиющем, с тем, которое железной рукой губит Индию. Мы объяснили, что, хотя канадцы прибегли к оружию и, возможно, в сложившихся обстоятельствах это было оправданно, в нашем случае и при нынешних условиях в этом нет необходимости, и потому любое применение силы с нашей стороны было бы преступлением. Мы остановились на этом, ибо очень важно, чтобы все поняли – мы воздаем канадцам должное за решимость, с которой они вступили в борьбу за свои политические права, и поддерживаем эту решимость, как пример, которому должен следовать наш народ, но не разделяем метод их действий и без колебаний осуждаем их как ненужные и, следовательно, неоправданные сегодня.

Позвольте нам вернуться к истории освобождения Канады, как рассказывает ее наш автор:

Когда в 1837 году Королева Виктория вступила на трон, в церквях по берегам Святого Лаврентия пели «Te Deum»¹⁸⁶ в честь этого события. Конгрегации оставили свои места и ушли. К концу года в провинции вооружилось несколько повстанческих организаций. Недовольство Нижней Канады достигло точки кипения. Собрание направило в Англию жалобы колонии, воплощенные в «Девяносто двух резолюциях»¹⁸⁷, и большинство в британском парламенте приостановило действие Закона о Канаде, введя в провинции военное управление. Ситуация была такой же, как в Новой Англии шестьдесят лет назад, когда парламент приостановил действие Массачусетской хартии. Положение Верхней Канады было немногим лучше. Правительство попало в руки чиновничьей клики, величавшей себя британской партией. Огромное число людей было объявлено мятежниками, и в Великобритании в них видели тех, кто стремится разорвать связь с ней и присоединить Канаду к Соединенным Штатам.

¹⁸⁶ «Тебя, Бога, славим» – христианский гимн.

¹⁸⁷ Законопроект, подготовленный Партией патриотов Нижней Канады в 1834 г., предполагавший проведение значительных политических реформ в Нижней Канаде.

Воистину «mutato nomine de te fabula narratur»¹⁸⁸; может ли какая-нибудь историческая параллель быть более точной? У нас есть «Пионер», орган чиновничьей клики, величающей себя британской партией, который, несомненно, только вторит чувствам большей части англо-индийских чиновников, публикуя статью, бесстыдно рекомендуя «более жесткие меры», иными словами, аналог приостановления Закона о Канаде¹⁸⁹ и Массачусетской хартии¹⁹⁰. Может ли слепота чиновников зайти еще дальше? Неужели судьба уготовала им разрушать, и, как говорится, сначала лишила их разума? Это слишком абсурдно – в Индии *можно* найти идиотов, которые станут обдумывать такие шаги, но, безусловно, даже Джон Буль не попадет *трижды* подряд в одну и ту же ловушку! Продолжим:

Верхняя Канада, хотя не восстала, созрела для этого. Мятеж в Нижней Канаде был подавлен, но Канада и ее дела вызывали так мало интереса, что сам факт восстания был вообще неизвестен, пока в 1839 году в Ливерпуль по пути на Землю Ван-Димена¹⁹¹ не прибыли двенадцать канадцев, осужденных на ссылку за государственную измену. Англичане были поражены, некоторые возмущенные сочувствующие апеллировали к habeas corpus¹⁹², и в конечном итоге заключенные были освобождены. Этот инцидент вызвал расследование, и оно рассеяло облако незнания. В конце концов, сила общественного мнения заставила британских государственных мужей понять ситуацию и применить верное средство.

¹⁸⁸ «Басня сказывается о тебе, изменено только имя». Гораций. Сатиры. I, 1, 69–70.

¹⁸⁹ Конституционный акт 1791 г. (Constitutional Act). Действие закона было приостановлено в 1838 г.

¹⁹⁰ Массачусетская хартия 1691 г. провозгласила создание коронной колонии Великобритании Массачусетс-Бей. В 1774 г., после «Бостонского чаепития» британским парламентом был принят Акт об управлении Массачусетсом, который фактически отменил Хартию и ограничил политические права населения колоний.

¹⁹¹ Тасмания.

¹⁹² Понятие английского права, гарантирующее личную свободу.

Затем автор приступает к подробному объяснению системы представительного правительства, введенной в соответствии с Законом о союзе 1840 года¹⁹³, и заключает:

Подчинение исполнительной власти законодательной, как и в метрополии, которое было достигнуто, было названо «ответственным правительством». Это было освобождение колонии, и она предстала почти такой же свободной, как и Соединенные Штаты. Это было также и освобождение империи, ибо она смогла победить болезнь. Эти перемены являются главным событием в нашей современной колониальной истории.

Отлично сделано, канадцы! Разве мы недавно не сказали, что не будем их винить? За нас так же, как и за самих себя, ради жарких царств Индии так же, как и ради ледяных канадских степей была пролита их кровь. Но то, что они сделали и на что осмелились, делает необязательным для тех, кто следует за ними, повторять их способ действия, хотя он и показывает тот дух, в котором нужно бороться с любой несправедливостью и злом, и побеждать их во все времена.

Мы могли бы описать этот исторический эпизод гораздо более подробно; очерк этот неполон, и необычайный параллелизм Канад и Индии в политических вопросах можно выразить гораздо сильнее, если бы мы рассказали эту историю своими словами; но мы предпочли независимого свидетеля, и потому процитировали *verbatim*¹⁹⁴ из работы англичанина, не имеющего ни знаний об Индии, ни симпатий к ней – и его слова, таким образом, будут иметь больший вес в глазах наших противников.

Давайте рассмотрим более подробно случаи австралийских владений и Капской колонии:

¹⁹³ British North America Act 1840 (или Act of Union 1840) объединил Верхнюю и Нижнюю Канаду в одну колонию – Провинцию Канада (Соединенная Канада).

¹⁹⁴ Дословно (лат.).

До 1842 года, то есть в течение полувека, Новый Южный Уэльс управлялся так же, как Канада до принятия закона 1791 года – неограниченной властью губернатора. Затем он получил фиктивную конституцию, подобную той, что Канада обрела полвека назад. Австралийцев, как и канадцев, долго раздражало плохое управление колониального министерства¹⁹⁵ [как и нас долго раздражало аналогичное управление министерства по делам Индии], и может показаться странным, что многие ныне живущие австралийцы когда-то отрицали тиранию и гнет метрополии и громко призывали к отделению.

Здесь, как и везде, можно увидеть еще один урок для наших правителей. Некоторым из них, во всяком случае, следовало бы увидеть откровенные подстрекательские памфлеты, распространявшиеся по Новому Южному Уэльсу – памфлеты, перед которыми сильнее из наших призывов не более, чем лунный свет пред светом солнца или вода пред вином. Дела шли от плохих к худшим; в течение сороковых годов ропот усиливался. Великобритания начала понимать, что ей предстоит сражаться за Австралию или потерять ее, и в 1850 г. были сделаны необходимые уступки. Далее, когда австралийцы достигли положения, позволившего им отделиться от метрополии, слышал ли кто-либо об угнетении и тирании? Разве кто-либо из «сиднейских мятежников», как окрестили их консерваторы и бюрократы, сказали хотя бы слово об отделении? Как далеко от этого тот факт, что на днях из Сиднея для поддержки британского дела в Верхнем Египте был отправлен волонтерский корпус. Это было совершенно дурным делом. Бомбардировка Александрии¹⁹⁶ была моральным преступлением и ошибкой, большей, чем преступление, говоря в политическом смысле. Нападение на Махди¹⁹⁷ –

¹⁹⁵ Colonial Office.

¹⁹⁶ Бомбардировка Александрии (11–12 июля 1882 г.) – первое сражение англо-египетской войны 1882 г.

¹⁹⁷ Махди (Мухаммад Ахмад ибн ас-Сайид ибн Абдаллах) (1844–1885 г.) – вождь освободительного движения в Судане, основатель и

британская интервенция в любой форме – это чистой воды *деменция*; однако это только усиливает наши доводы, ибо мы видим, что даже в дурном деле общество мчится с поддержкой к той стране, которую менее сорока лет назад оно клеймило как угнетателя и тирана, и от которой собиралось отделяться силой, если бы потребовалось; и все это просто потому, что в то время люди были несправедливо лишены политических прав, от природы данных каждому рожденному свободным гражданину Британской империи, которые, наконец, были милостиво дарованы им. Теперь мы, со сводящими с ума мозолями, натертыми железными башмаками чужеземного производства, которые даже примерно не подходят нам по размеру, жалуемся в мягком и тактичном тоне. «Пионир», правда, говорит о нашем жестоком языке. Пусть «Пионир» вспомнит пожилого джентльмена, который, сидя в омнибусе, мягко заметил кондуктору: «О, г-н Кондуктор, я был бы крайне благодарен вам, если бы мы тронулись, ибо мне необходимо сохранить важный пост», после чего кондуктор, в стиле «Пионира», кричит водителю: «Поспеш, Билл, тут какой-то старикан ругается так, что аж дымится». Действительно, подобным образом и мы «ругаемся так, что дымимся», но если теперь, испытав жалость к нашим страданиям, Джон Буль любезно разрешит нам отказаться от этих нелепых и невыносимых железных башмаков, и позволит изготовить нам самим или помочь ему изготовить для нас пару пригодных для носки сапог, соответствующих нашему размеру, тогда тут же придет конец всем жалобам, и вместо недовольной, несчастной, страдающей нации, половина которой постоянно сомневается, не лучше ли будет отдать концы¹⁹⁸, Англия найдет в Индии доброжелателя, поклонника, друга и союзника, лучше какого нельзя найти на нашей круглой земле.

руководитель Махдистского государства (1882–1885 г.).

¹⁹⁸ To slip the cable.

Мы вновь цитируем г-на Пейна:

Следующей из тех, кто получил ответственное правительство, была Капская колония. Пока единственный морской путь в Индию лежал через Мыс¹⁹⁹, считалось необходимым поддерживать ее как коронную колонию с гарнизоном британских войск. Управление колонией не удовлетворяло колонистов так же, как канадцев или австралийцев [так же как нас – наше правительство]. Советы Короны, исполнительный и законодательный, были созданы в 1835 году, до которого Мыс рассматривался только как военный пост и управлялся военным губернатором. Поселенцы ходатайствовали об установлении ответственного правительства в 1841 году, но их просьба была отклонена [они не приняли никаких мер к тому, чтобы стать неприятными], и их мнению уделялось так мало внимания, что, когда австралийцы отказались принимать новых осужденных, министерство внутренних дел решило сделать Мыс селтльментом для заключенных, и в 1849 году отправило в Кейптаун судно с осужденными. Колонисты решили оказать сопротивление и взялись за оружие, не дав тем высадиться на берег. Этот инцидент обратил внимание общественности к их требованиям, и в следующем году (1850) губернатор был наделен правом созывать учредительный совет с целью урегулирования более приемлемой формы правления.

Впоследствии было признано полноправное ответственное правительство, и, хотя путь колонистов был усеян шипами, это стало концом их проблем с правительством.

Может ли что-либо иное показать более ясно, нежели эта простая, неподдельная история, что секрет получения реформ из рук нашего доброго Господа и Хозяина Джона Буля кроется в том, чтобы сделать себя неприятным? Очевидно, что вы можете жаловаться и просить *ad infinitum*²⁰⁰; так делали Канады, Австралия и Мыс, но это не привело ни к чему, и они могли бы продолжать кричать до хрипоты, но пока они не начали брыкаться, сражаться или выражать к этому готовность, пока, по сути, не стали неприятными, никто не обращал на них не малейшего внимания.

¹⁹⁹ Мыс Доброй Надежды.

²⁰⁰ Бесконечно (лат.).

Вполне очевидно, что и мы должны стать неприятными, и – даст Бог – со временем мы сделаем это и не пропадем. Но есть разные пути; мы не одобряем оружия. Мы не нарушим законов господних или человеческих. Мы будем работать как в рамках конституционного, так и общего права и местных законов, но мы, тем не менее, надеемся в итоге стать настолько неприятными, чтобы обратить внимание общественности на наши требования и защищать те изменения в существующей форме правления, которые важны для процветания Индии и благополучия ее ныне угнетенного и страждущего населения.

И вот, взглянув на всю прошлую борьбу (и мы предлагаем нашим правителям изучать ее очень прилежно) – борьбу, богатую уроками для них и для нас – что же говорит наш автор?

Такова история обретения «ответственного правительства» основными колониями. Итогом стало политическое освобождение нескольких миллионов колонистов, населяющих заморские владения. Инциденты, которые привели к этому, не имеют большого значения; его глубокой фундаментальной причиной стало наделение избирательными правами английских средних классов по Закону о реформах 1832 года.

И все-таки даже после Закона о реформах 1885 года, наделившего избирательными правами *нижние* классы в Англии, находятся люди, достаточно безумные для того, чтобы предполагать, будто изменение нашей деспотической и самовластной формы правления в направлении ответственного правительства (заметим – мы говорим только о *направлении*) нужно оттягивать как можно дольше!

Возможно, в какой-то степени это наша собственная ошибка. Если бы мы бушевали и произносили громкие речи, и прибегали к тактике, благосклонно принятой крупными колониями, это, вероятно, сделало бы положение простым для всех сторон, переведя наши жалобы в сферу практической политики, как говорит г-н Гладстон. Но поскольку мы спокойны, организованны и не желаем

запятнать чистые одежды нашей страны кровопролитием или иным преступлением, поскольку мы настаиваем, что надеемся на успех только посредством настойчивых усилий в тех пределах, что предписаны законом Господним и человеческим, то наши противники, кажется, не могут поверить в нашу серьезность и предпочитают видеть в нашей твердой решимости смутные фантазии непослушных детей.

Ах! Мы можем «работать и ждать»; пусть смеется победитель. Есть люди, которые в прошлом не видят уроков, а в будущем – мечты. Но то, что какой-нибудь развитый и непредвзятый человек может усомниться в том, что конечный итог стремления обеспечить политическое освобождение является достижимым – это действительно чудо.

Что же до нас – мы лишены сомнений и иллюзий. Мы знаем, что работа, строго ограниченная конституционными методами, будет долгой и утомительной. Мы предвидим проблемы и даже, возможно, страдания некоторых из наиболее выдающихся работников. Мы ждем оскорблений и хулы, искажений, лжи, клеветы и всего остального зла, к которому уже прибегали наши противники. Мы готовы к частым разочарованиям в том, что касается английских политиков, ибо уже имели опыт с парламентскими расследованиями. Мы знаем, что и там, и здесь мы столкнемся не с честными и откровенными публичными персонами, чьи слова не расходятся с делом, но с профессиональными политиками, чья публичная совесть никак не связана с личной, кто честен и правдив в частной жизни, но в общественной жизни становится таковым лишь тогда, когда уход с этой прямой и узкой тропы не кажется более целесообразным. Мы понимаем, что будем долго сбивать кулаки о тупую стену эгоизма, алчности, расовых предрассудков и невежества, и этот опыт отсроченных надежд будет отзываться болью в наших сердцах. Да! Мы знаем, что задолго до того, как наступит тот счастливый день, задолго

до того, как освобождение воссияет над нашей любимой страной, те руки, что пишут эти строки, и голова, и сердце сгорят в погребальном костре; и все же в конечном и полном торжестве нашего священного дела нет и тени сомнения, что могла бы омрачить наш взор или затмить мечту о свободной и счастливой Индии, которая будет радоваться и вознаградит нас за то, что ее грядущая реальность утешит и благословит всех, кто идет за нами. Как древний Моисей, мы стоим, оглядывая землю обетованную, что воздаст каждому утомленному странствием в пустыне деспотизма – не для нас эта земля с реками молока и меда, эта добрая земля, где индийские дети будут радоваться и веселиться; но дни их избавления совсем рядом, и, хотя мы не разделим их радостей, наш народ войдет в эту страну и насладится – и это так же несомненно, как восход солнца, когда алеет на Востоке рассвет, так же несомненно, как извечная людская глупость и так же несомненно, как Божья истина.

Прощание Индии с лордом Рипоном²⁰¹

TREU UND FEST²⁰²

Прощай, о верный друг, прощай! Минует сладость сна.
Нам будет не хватать любви твоей. Грустит страна.

Прощай, любимец всей страны, мольбой ее храним!
Векам не вырвать из сердец того, кто верен им!²⁰³

Пришел ты – расцвела земля; и души вслед за ней.
Но тает этот сладкий миг в стремительности дней...

Свобода – вот великий дар! Но, верно, не для нас...
Не суждено нам видеть свет ее лучистых глаз.

Прекрасны помыслы твои, но мир наш так жесток.
Твоих благих идей, увы, растоптан был росток.

Свобода-мать! Твой светлый щит запятнан был детьми,
И дело благородное забросили они.

И болью порожден был шторм и горькие слова,
И зло прорвалось в нашу жизнь, как сорная трава.

Не в благе для себя – для всех была твоя мечта,
И цель твоя вовек, наш друг, священна и чиста.

²⁰¹ Перепечатано из «Индиан Миррор» за 14 декабря 1884 года (прим. авт.).

²⁰² Верный и непоколебимый (нем.)

²⁰³ Первая строка этой строфы повторяется после всех строф с припиской «и т. д., и т. д., и т. д.».

Ведь праведной была борьба – иного нет пути.
Цветы Надежды и Мечты всегда должны цвести!

Твой не был тщетным труд – отнюдь! Придет черед побед,
Лишь станет сильным тот, кто был бессилен много лет.

Священ огонь твоей любви! Так пусть же он горит,
Покуда справедливость над страной не воцарит!

«Придет еще наш век златой», – надеется поэт.
О, будет сладостным тот миг блистательных побед!

Запишет Индия в скрижаль глашатая мечты,
И твою мудрость, и любовь, и всё, чем славен ты!

Прощай, бесстрашный друг, прощай! Проходит все, но верь –
В индийском сердце для тебя всегда открыта дверь.

Прощай, любимец всей страны, мольбой ее храним!
Векам не вырвать из сердец того, кто верен им!

**Беседа²⁰⁴ между моулви²⁰⁵ Фаридаддином,
магистром искусств, бакалавром права,
вакилом²⁰⁶ Высокого суда, практикующим
в окружном суде²⁰⁷ Хакикатабада²⁰⁸, и
Рамбакшем, одним из мукаддамов²⁰⁹
Камбахтпура²¹⁰**

(Сцена: Чопал²¹¹, Камбахтпур, зилла²¹² Хакикатабада)

Рамбакш: Моулви-сахиб²¹³, сегодня много говорят о «пред-ста-ви-тель-стве» и «пред-ста-ви-тель-ных уч-реж-де-ни-ях²¹⁴», но что это означает? На прошлой неделе бен-

²⁰⁴ Перевод осуществлен по изданию: A Conversation between Molvi Fariduddin, M. A., B. L., vaquil of the High Court, practising in the Zillah Court of Hakikatabad; and Rambaksh, one of the mukaddams of Kambakhtpur. [Calcutta]: Calcutta Central Press Co., [s. a.]; сверен по публикации: A Conversation between Molvi Farid ud din, M. A., B. L., vaquil (barrister) of the High Court, practising in the Zillah Court of Hakikatabad, and Rambaksh, one of the mukaddams (chief villager) of Kambakhtpur // Report of the Third Indian National Congress held at Madras on the 27th, 28th, 29th and 30th December, 1887. London : Talbot Brothers, 1888. P. 205–214.

²⁰⁵ Мусульманский доктор права.

²⁰⁶ Адвокат.

²⁰⁷ Zillah Court.

²⁰⁸ «Город истины». Хакикат в исламе (суфизме) – постижение божественной истины.

²⁰⁹ Староста райятов.

²¹⁰ «Невезучая деревня».

²¹¹ Поднятая земляная платформа, где собираются жители деревни, чтобы обсудить деревенское управление в частности, и все остальное в целом. Своего рода ратуша (прим. авт.).

²¹² Округ.

²¹³ «Господин». Вежливое наименование.

²¹⁴ Здесь и далее в тексте выделено капиталью.

гальский джентльмен останавливался на ночь в Сарае²¹⁵, и, когда кое-кто из нас сидел и вел беседу у огня возле ворот, он подошел и заговорил с нами. Мы рассказали ему, какие плохие времена пришли, как полиция избивала нас, как суровы заминдар²¹⁶ и ростовщик, и что все это кажется неправильным. Тогда он сказал, что это наша собственная ошибка, и, раз уж мы решили пройти через это, и через все беды, которые постигли страну, то это наш выбор; *никто не поможет нам, если мы не поможем себе сами*. Но он сказал: «Как вы можете себе? Кто может противиться Сиркару (правительству), и разве не Сиркар держит полицию, и не гражданский суд Сиркара поддерживает заминдаров и сахукаров (банкиров) и весь их гнет?» Он сказал: «Это правда, что повиновение правительству – долг хороших подданных, но вы бы могли, если бы хотели, так поменять систему (дастур) правительства, чтобы оно делало вещи, приятные и полезные для вас, а не то, что вам не нравится и вредно, как это часто происходит сейчас». Мы ответили ему: «Мы меняем Сиркар; да разве мы Рустамы²¹⁷? Разве мы дэвы²¹⁸? Это глупый разговор; что могут сделать бедные люди?» Он же ответил: «Сами по себе вы слабы и не можете ничего; вы крайне невежественны и не видите ничего дальше своих полей, но при всем этом, если все вы, райяты, со всей страны присоединились бы к образованным соотечественникам в призывах к правительству дать нам «представительные учреждения», тогда хорошие люди в Англии настояли бы на этом, и многое изменилось бы к лучшему, а причины для ваших жалоб исчезли бы». Вместе с нами был сахиб, тоже остановившийся в Сарае. Чота²¹⁹-сахиб, надзиратель канала, но хороший человек,

²¹⁵ Гостиница, постоялый двор.

²¹⁶ Феодалный землевладелец.

²¹⁷ Вероятно, речь идет о герое персидского эпоса.

²¹⁸ Демоны, полубоги из индийской мифологии.

²¹⁹ Малый, меньший, юный (хинд.).

тогда подошел и сказал: «Это все чушь, бабу, эти бедные ребята – просто скот, что они могут понимать в таких делах? И что хорошего, думаете вы, могут дать «представительные институты» таким, как они?» И тогда он с бабу начал спорить по-английски, и больше мы ничего не слышали. Я, конечно, думаю, что сахиб был прав, и все это глупость. Но мы все же хотим знать, что это «представительство» значит. Что это такое?

Моуливи Фаридаддин: Ну, Рамбакш, я не думаю, что все это вздор. А что до «представительства» – разве ты не помнишь, как в прошлом году, когда вы с Матадином, Рампершадом и еще тремя десятками человек судились против раджи Харбансрая, как раз во время посева, в самое плохое время, чтобы покидать деревню, а все дела были совершенно одинаковыми, и вы знали все о них и имели самые светлые головы среди всех, остальные выбрали вас и послали ко мне в саддер²²⁰, чтобы объяснить их дела и просить меня писать ходатайства за *них* и за себя? Вот, это и было «представительство», а вы были их «представителями». Слово может быть новым для тебя, но само дело старо, как мир. Разве не наш это обычай, что при императорах, что при королях, когда любая деревня или город, паргана²²¹ или округ, имеющие просьбу или жалобу от всех уважаемых людей, собирали панчayat²²², и там выбирали мудрейших и самых длиннородых мужей, самых лучших ораторов, и отправляли их к властям, или Сиркару, чтобы сообщить наши просьбы? Вот, это опять было «представительство», а люди, отправленные, чтобы про-

²²⁰ Окружная контора (прим. авт.).

²²¹ Налоговое территориальное подразделение (субдивизион) (прим. авт.).

²²² Совещательный совет (изначально состоящий только из пяти человек) – какая-либо организация мужчин, избранных для рассмотрения и принятия решения по любому вопросу (прим. авт.).

силь за тех, кто послал их, были «представителями».

Рамбакш: Ну, это я понимаю; как вы говорите, слова новые, и очень длинные, а дело старое и простое. Но какое отношение это имеет к правительству, и что означает: «представительные учреждения»?

Моулви Фаридаддин: Во всех странах есть правительства; без правительства не будет мира, безопасности жизни и имущества. Правительства необходимы, и если они хороши, то являются великим благом. Но некоторые правительства лучше, чем другие; один правитель – хороший человек, а другой – плохой; один – умный, другой – дурак или безумец. Но я не *это* имею в виду; я имею в виду, что есть два главных вида правительства, один из которых лучше другого. Ты ведь знаешь, что в Шамшпуре есть старший добрый ламбердар (или старший хозяин)²²³ Каур Дхарам Сингх. В деревне живет около двухсот дольщиков, но за пять лет, пока я там был вакилом, я не смогу вспомнить ни единого иска из этой деревни, и всем известно, что в округе нет более цветущего места.

Рамбакш: Это правда, и все потому, что ламбердар, хотя он в десять раз богаче и умнее, чем любой из хиссадаров (дольщиков), никогда не делает ничего, не посоветовавшись с ними. Нет ни единого пая²²⁴ из деревенских расходов (гаон кхурч), по которому не мог бы высказаться любой арендатор; и что бы ни было сделано, все обсуждается на чопале, и все споры разрешаются там. Конечно, там есть Дживан Сингх и Раджарам, которых ламбердар, смеясь, называет своими советниками (дарбари), которые больше всего говорят, но это потому, что они являются ли-

²²³ Деревенский староста.

²²⁴ Самая мелкая медная монета, ценность которой в настоящее время примерно равна трети фартинга (прим. авт.).

дерами нескольких патти (основных подразделений деревни), и все их хиссадары смотрят на них как на лучших и мудрейших людей. Эх! Вот это способ управлять деревней. Если бы только наши были такими!

Моулви Фаридаддин: Я вижу, ты понимаешь больше, чем я думал. Управление Шамшпуром – это лишь небольшой пример того, что мы называем «конституционное правительство»²²⁵. Если правитель действует, как этот добрый ламбердар, и во всех своих действиях и приказах прежде советуется со своими подданными, и управляет так, что лучшие и самые мудрые из них, в которых остальные видят лидеров, одобряют и соглашаются с тем, что делается, тогда мы называем это «конституционным» видом правительства. И это, конечно, единственный неизменно безопасный вид правительства, ибо, как говорится: *Панч панч миль, киджай кадж – Хар джит авай нахин ладж* (работай вместе с пятью другими, и тогда в победе или поражении ты не будешь одинок).

Рамбакш: А каким видом вы назовете правительство нашего раджи Харбансрая? Он живет в саддере и никогда не подходит к нам, и не читает наших ходатайств, и никогда не советуется с нами; на самом деле, он никогда не видит нас, а приказывает нам говорить с наибом²²⁶ или гомаштой (посредником²²⁷), что живет в доме раджи здесь. Что же до гомашты, то он не знает ничего о нас или нашей деревне, приезжает на шесть месяцев и уезжает, потом опять приезжает на пару лет и опять уезжает, опять приезжает и уезжает и так далее. И, кроме старого доброго Рай Сачарамы, не было наибо или гомашты, который бы не думал, будто знает все обо всем лучше, чем мы вместе взя-

²²⁵ Здесь и далее в тексте выделено капитально.

²²⁶ Его заместитель или главный управляющий, агент (прим. авт.).

²²⁷ Клерк, конторский служащий.

тые. Все они такие, эти гомашты. «Джау, Чупрахо!» (Поди прочь! Прикуси язык!), «делай то, не делай это, плати здесь, плати там!».

Моулви Фаридаддин: Ну, когда правительство ведет себя так, как это делает раджа Харбансрай, мы называем это «деспотическим²²⁸» правительством. А твоя деревня процветает?

Рамбакш: Как же процветает? Вы ведь знаете, моулви-сахиб, не бывает дня, чтобы в суде не было иска из Камбахтпура, мы становимся беднее и беднее, земля перестает обрабатываться, а у нас едва хватает волов, чтобы продолжать вспахивать то, что еще осталось. Взгляните на улицу – половина домов чуть ли не в руинах, а два магазина абкари²²⁹, которые установил тут Сиркар, всегда полны. Даже этот чопал, построенный предками, такой нужный для наших встреч и для гостей, лежит в развалинах. Гляньте на Шамшпур: там вдвое больше людей, чем в этой бастии (деревне), но там нет магазина абкари, и ламбердар говорит, что никогда не будет, и все скажут так же. Действительно процветает! Из всех жалких мест зиллы²³⁰ Камбахтпур чуть ли не хуже всех.

Моулви Фаридаддин: Боюсь, это чистая правда. Но почему так? Раджа Харбансрай не плохой человек. Я живу в саддере и часто вижу его. Он довольно добрый и хороший человек, хотя он так занят своим большим домом здесь и полками слуг, что не имеет времени позаботиться о делах в мофуссиле²³¹.

²²⁸ Здесь и далее в тексте выделено капиталью.

²²⁹ Винные магазины. Публичные дома (прим. авт.).

²³⁰ Округ (прим. авт.).

²³¹ Сельская часть страны, в отличие от городской, называется мофуссил; также часто мофуссилом называют провинциальные районы, в

Рамбакш: Именно так. Я не говорю, что он плохой человек, но мы его никогда не видели. Мы посылаем ему ходатайства, но он не замечает их. Что касается пользы для нас, так уж лучше бы он умер – ведь ему нужны деньги, и почти каждый год все больше, больше денег, пока от нас, бедняков, не останутся лишь кожа да кости. Эх! Если бы мы были просто скотом, как сказал сахиб, мы могли бы получить рупию или две с наших шкур; это почти все, что у нас есть.

Моулви Фаридаддин: Ах! Рамбакш, боюсь, ты так говоришь, потому что не заплатил мне то, что должен, за это дело!

Рамбакш: Нет, моулви-сахиб. Вы всегда были мне другом, и деньги для вас всегда в безопасности; разве я когда-нибудь был бесчестным? Но то, что я говорю – чистая правда; теперь мы все очень бедны.

Моулви Фаридаддин: Как же такое возможно? Раджа, несомненно, не заботится о вас, но он всегда держит своего наиба или гомашту здесь, и мне кажется, он пытается нанимать хороших людей. Мне известно много исков от ваших людей против них, но я увидел в большинстве из них уважаемых людей, куда лучше, чем наибы, которых нанимают следить за деревнями мофуссила другие раджи.

Рамбакш: Это правда. Они не берут взяток, не лезут к нашим женщинам, не пьют, но они – люди из города; они ничего не знают о мофуссиле, не понимают нашего деревенского образа жизни, они торопятся с рентой и заставляют нас продавать урожай ниже его стоимости тогда, когда могли бы подождать и дать нам время хорошо потор-

отличие от столицы (прим. авт.).

говаться; они не знают разницы между урожаем за 6 анна и за 16 анна²³², и в плохие времена так насаждают с рентой, что мы вынуждены продавать скот; они не знают, кто надежен (матбир), и дают ссуды, когда их давать не следует, всяким негодьям, и теряют свои деньги, а потом говорят, что все мы – бадмаши (негодяи, жулики) и не дают даже ни единого зерна на посев лучшим из нас в те времена, когда мы действительно в этом нуждаемся. Они суеверны и самонадеянны, они совсем не слышат наших слов. У нас был древний резервуар, Сурадджкунд²³³, который из поколения в поколение снабжал водой половину деревни; он лопнул лет пятьдесят назад, когда я был мальчиком. Ну, мы хотели, чтобы раджа восстановил его. Это не стоило бы много сотен рупий, и вся деревня знала от своих предков, насколько хорошо он работает. Но нет! Набисахиб знал лучше, он не захотел слушать нас. «Что вы, скот, можете знать? А ну молчать!» Он был за новомодные планы; он хотел провести кул (канал) от канала Сиркара, чтобы орошать деревенские земли. Мы говорили ему, что вода в канале холодна, а наши земли лежат в низине, и этого делать не нужно. Но какой прок? «Что вы, скот, можете знать? А ну молчать!»; кул провели, и в первый же год он переполнился и затопил половину урожая, а потом, когда вода высохла, люди с канала пришли, измерили нашу землю и потребовали денег «за один полив». Прекрасно, если учесть, что канал стубил наш урожай. Но мы были вынуждены платить, и теперь на всех наших лучших землях рех (эффлоресценция соли)²³⁴. У меня было пятибигховое поле²³⁵, которое мои предки возделывали столе-

²³² 16 анна равны одной рупии. Урожай за 16 анна, таким образом – это весь урожай, тогда как урожай за 6 анна – это лишь шесть шестнадцатых или три восьмых от полного урожая (прим. авт.).

²³³ «Озеро Солнца».

²³⁴ Соляной налет.

²³⁵ Бигх (бига) – мера площади, существенно отличающаяся в различ-

тиями; такое хорошее поле, оно никогда не давало мне меньше пятидесяти рупий в год чистой прибыли, а сейчас – сейчас оно все белое, и с него не выплатить даже ренту. Я не хочу бросать его. Столетиями мои предки работали на нем; но что я могу сделать? Я просил гомашту понизить ренту, и все, что он сказал, было: «Понизить ренту? Ты или сам дурак или меня таким считаешь; придержи язык». И так во всем. Раджа не обращает на нас внимания; его наибы ничего не понимают в наших делах. Они приказывают то и это, требуют денег в сезон и в несезон, они ничего не знают о деревенских делах и не станут слушать никого из нас, потому что они думают, что они мудры, а мы дураки. Как при такой системе (дастур) деревня может не разориться? Какая разница, что раджа неплохой человек или что его наибы не нарочно вредят нам; больше того, временами по-своему пытаются нам помочь – плоха та дастур, что разоряет нас.

Моулви Фаридадин: Ах, Рамбакш, Чота-сахиб может думать, что вы скот, но вы мудрее него. Эта злая дастур, что разоряет вас, ваших соседей и деревню – «деспотическая» (Ичад муктияр) дастур. И когда правители управляют своими подданными таким образом, мы называем такое правительство «деспотическим», и оно всегда разоряет страну, если существует в ней очень долго. Оно может быть необходимо в младенчестве нации, дабы предотвращать преступления, сопровождающие ее рост. Теперь ты знаком с обеими системами; ты видишь, как Шамшпур процветает при «конституционной» системе, и ты знаешь, к чему пришел Камбахтпур при «деспотической» системе. Есть ли сомнения, какая из двух систем лучше?

Рамбакш: Разве я идиот? Кто может сомневаться в том, что бандобаст (управление) ламбердара, который вы

ных местах. В Пенджабе четыре бигха равны одному акру.

называете «конституционной» системой, лучше всего?

Моулви Фаридаддин: Хорошо, а теперь как ты, простой деревенский житель, но думающий человек, назовешь наш Сиркар, да не уменьшится никогда тень его (*дам ик-балаху!*)? Назовешь ты его «конституционным» или «деспотическим»? Не торопись; подумай, прежде чем ответить.

Рамбакш: О, не спрашивайте меня! Что я знаю о правительствах? Я только бедный райят!

Моулви Фаридаддин: Ты только бедный райят, но, тем не менее, ты не дурак. Напротив, ты (и ты знаешь это и гордишься этим) мудрейший человек в этой деревне. Возьми на себя труд подумать; сравни управление нашей страной при нынешних правителях с тем, как управляет Шамшпуром Каур Дхарам Сингх и как раджа Харбансрай и его наибы управляют Камбахтпуром, и скажи, на что оно больше похоже.

Рамбакш (после некоторого размышления): Ну, наша добрая Королева-Императрица, конечно, никогда не приходит сюда, и мы никогда не видим ее, и я слышал, что в прошлом году люди из Хакикатабада отправили ей петицию, и, как говорят, почти лакх²³⁶ человек подписали ее, но она не обратила на нее никакого внимания. Но они сказали, что она так занята там, в Валайяте (Англии), и ей принадлежит так много стран, что у нее нет времени приехать к нам, индийцам. Но когда я начинаю думать об этом – пусть Бог хранит ее, но я не знаю, *так ли* много значит для нас, *кто* сидит на Гадди²³⁷ там, в Валайяте. Я должен сказать, что это все довольно похоже на дастур раджи Хар-

²³⁶ Сто тысяч.

²³⁷ Буквально: подушка. Трон (прим. авт.).

бансрая. Совершенно точно, я никогда не слышал, чтобы она обращалась к кому-нибудь из нас, индийцев, по любому вопросу, а что касается гаон кхурч (деревенские расходы) – ну, я слыхивал в Хакикатабаде, что кроры и кроры²³⁸ денег каждый год тратятся сахиб лог (европейцами) безо всяких советов! Нет! Это совсем не похоже на дастур Шамшпура.

Моулви Фаридаддин: А теперь посмотри на тех наибов и гомашт, которых она отправляет сюда. Разве они не похожи на наибов и гомашт раджи Харбансрая? Очень уважаемые люди, в том нет сомнения, не берут взятку, не пытаются навредить нам – но что они знают о нас и наших настоящих нуждах? Разве они не отмахиваются от наших обычаев, и *хар ке амад* (каждый, кто приходит)²³⁹ настаивает на том, чтобы ввести какое-то новшество для улучшения состояния страны, но нередко это заканчивается тем, что стране причиняется лишь вред? Советуются ли они с нами? Разве они когда-нибудь разговаривали с нами? Беспокоятся ли они о том, чтобы мы одобряли и соглашались со всем, что они намерены сделать? Не так ли и с вашими камбахтпурскими наибами? «Что вы, скот, можете знать? А ну молчать!», «Делай то», «Не делай это». Это больше похоже на конституционное управление Шамшпуром или на «деспотическое» правление Камбахтпуром?

Рамбакш: Ах, моулви-сахиб, вы ученый человек, но теперь я понимаю, что вы имеете в виду, и я считаю, что наше правительство – это то, что вы называете «деспотическим», и, возможно, именно поэтому вся страна сейчас недовольна (такого не было, когда я был ребенком), и почему все кажется неправильным, и почему джамма²⁴⁰ пра-

²³⁸ Десять миллионов (100 лакхов).

²³⁹ Отсылка к хорошо известным строкам Саади (прим. авт.).

²⁴⁰ Налог.

вительства всегда растет, и наша рента, и налоги, и...

Моулви Фаридаддин: Да, конечно, наше правительство – «деспотическое», а «деспотическое» правительство всегда, когда оно существует слишком долго, вредно для страны, и наша страна страдает во всех отношениях. Но не думай, что я говорю злое о наших правителях, многих из которых знаю лично. Я знаю, что они хорошие и благонамеренные люди, во многих вопросах разбирающиеся гораздо лучше, чем любой из нас. Не чиновников, не членов правительства, не вице-губернаторов или вице-королей я виню. Я ненавижу ту дурацкую страсть к поиску виноватых, которой злоупотребляют наши газеты, ошибочно приписывающие плохие мотивы тем, кого я *знаю*, как хороших людей. То, что я проклинаяю, то, против чего я протестую – это система. Против системы (дастур) управления, а не против джентльменов, ведущих это управление и связанных этой системой (дастур), как и мы сами – вот против чего я протестую.

Рамбакш: Это верно, моулви-сахиб. Наш коллектор-сахиб – очень хороший человек, и, когда год назад началась лихорадка, он сам пришел и своими руками давал хинин, а его леди помогала выхаживать мою маленькую девочку (вы знаете, ту, которую я в этом году выдал замуж за сына Райнруттона); и он оставался здесь целую неделю, хотя шли дожди, и говорил со всеми очень любезно. Да, он хороший человек! Но какое отношение это все имеет к «представительным учреждениям»?

Моулви Фаридаддин: Конечно, господин Сидхер – хороший человек, но помимо всего, что ты слышал о нем, он в своем сердце согласен (хотя и не говорит об этом, потому что правительство не разделяет эту идею) с идеей, которой держимся мы, образованные индийцы – те самые «представительные учреждения», о которых ты спрашиваешь.

Что они такое? Ты уже сам понял, что нынешняя форма правления является «деспотической», и напоминает форму управления Камбахтпуром, и от такой формы правления страдают те, кто подчиняется ей. С другой стороны, в Шамшпуре ты видишь пример «конституционного» правления, и ты видел, как люди процветают при нем. То, чего мы хотим – постепенно превратить наше «деспотическое» правление в «конституционное».

Рамбакш: Но как вы можете сделать это?

Моулви Фаридаддин: С помощью «представительных учреждений», то есть, с помощью большого числа «представителей» страны, которые будут во всех советах и, таким образом, начнут принимать настоящее участие в управлении страной.

Рамбакш: Под «представителями» вы понимаете людей, взятых из каждого города и района, которые сказали бы правительству, чего мы хотим и как мы хотим, и чего не хотим, и все такое?

Моулви Фаридаддин: Да, но не совсем так. Скорее люди, которых «представители» выберут сами из своих рядов (как жители твоей деревни выбирают тебя, чтобы ты представлял их интересы в делах), будут сидеть в советах, и голосовать за меры правительства, и задавать правительству вопросы, а если сочтут, что что-то делается неправильно, смогут настаивать на том, чтобы правительство разъяснило вопрос или провело расследование.

Рамбакш: Но я слышал, что в советах сидят раисы и раджи. Почему они не делают ничего для нас?

Моулви Фаридаддин: Очень правильный вопрос. Как правило, джентльмены, которых нынешнее деспотическое

правительство избирает советниками, не относятся к классу людей, которые могут принести пользу стране. Они, опять же, как правило, люди средних способностей, избранные главным образом потому, что они богаты и всегда соглашаются с европейскими чиновниками. Некоторые хорошие люди, без сомнения, тоже избираются подобным образом, но их меньшинство. Однако даже если бы там собрались одни только хорошие люди, при деспотическом правлении они не смогли бы ничего сделать, потому что все, что им разрешено – говорить и голосовать за конкретные новые законы, которое правительство уже решило принять и примет в любом случае. Они, конечно, могут, и временами даже принимают поправку здесь, поправку там, но как полезная сила, что может повлиять на правительство в сколь-нибудь заметной степени – это чистый фарс. То, чего мы хотим – гораздо большее число индийских членов, и не просто выдвиженцев правительства, способных сказать только «*Бхот ачха*» (очень хорошо) или «*джо хуки*» (как прикажете) по любому предложению чиновников; но самые способные и самые независимые люди страны, избранные самими людьми, смогут говорить, что думают, независимо от того, нравится это кому-то или нет. И это лишь малая часть дела. Как я сказал, индийские члены могут голосовать только за новые законы, которые правительство уже решило принять. Но мы хотим, чтобы с нашими «представителями» советовались по всем государственным расходам, и они имели то, что называется правом «интерпелляции»²⁴¹, то есть имели право задавать вопросы правительству и получать на них подробные ответы, по всем вопросам, связанным с управлением. «Почему сделано это? Почему не сделано то? Почему этому чиновнику позволяют злоупотреблять властью?», и так далее. Ты, конечно, помнишь господина Забардаста; он был задолго до меня. Но я слышал о его ма-

²⁴¹ Выделено капителью.

нере работать в округе.

Рамбакш: Помню его. Рам²⁴², Рам, *уска нам мут ло* (не упоминайте его!), я до сих пор ношу его отметины там, где не могу вам показать, моулви-сахиб, хотя прошло двадцать лет. Его лашкар (лагерь) стоял в нашей деревне; тот старый злодей Мартезар-шах, которого вы, хвала Господу, сослали четыре года тому назад по делу о пытках, был тахсилдаром (главой субдивизиона). Когда сахиб въехал, около десяти часов, его люди пожаловались, что для лошадей нет травы. Я стоял рядом. Он закричал: «Где тахсилдар?», тот даже дрожать начал. «Защитник бедных», – говорит, – «Это не моя вина; вот те бадмаши (негодяи), которым я поручил найти все необходимое, и они заверили меня (я сам был у стремени вашей милости), что все готово. «Кто отвечал за траву?», – спросил коллектор. «Этот человек», – сказал тахсилдар, схватив меня за руку, – «Он мукаддам (староста райятов)». «Ах ты, сын свиньи, ублюдок (*сур ка бача, харамзада*)!» – и сахиб ударил меня хлыстом. «Я научу тебя, как исполнять приказы! Эй, хласси (те, кто ставят палатки), а ну свяжите его и всыпьте ему тридцать бент (ударов палкой) пониже спины, и хорошенько!» А ведь тахсилдар ничего не говорил мне; в тот год была засуха, и вокруг не было ни травинки, много нашего скота умерло, а остальной отогнали в дхаковые²⁴³ джунгли за Саламабадом, где Лаик Сингх позволил нам его пасти. Я попытался объяснить, но сахиб ударил меня хлыстом по лицу, крича: «Молчать! Я тебя научу, а ну, вяжите его, вяжите, выбейте из него весь дух!» Меня утащили прочь, и пороли, пока я не лишился чувств. Прошел месяц, прежде чем я смог ходить. Да, плохим он был; многих коллекторов я знал – кто хороший, кто – так себе, но только этот был сущим дьяволом.

²⁴² Боже!

²⁴³ *Butea frondosa* (Бутея односеменная).

Моулви Фаридаддин: Да, и я слышал о нем истории похуже этой, гораздо хуже. А теперь подумай: если бы у нас были представители в местных советах, смог бы такой бахадур²⁴⁴ хотя бы месяц продержаться на службе? Нет! Его проступки были бы доведены до сведения правительства, и его карьера угнетения и насилия тут же оборвалась. Как это было несколькими годами позже, когда правительство узнало о некоторых его проступках, и он был вынужден уйти в отставку; на самом деле, я слышал, вице-губернатор хотел уволить его со службы (какими бы ни были их недостатки, ни один из сотни наших высших чинов не будет терпеть такого поведения), но у него были связи повыше, и генерал-губернатор счел, что отставка будет для него достаточным наказанием. Я думаю, теперь на службе *нигде* нет ни одного столько же плохого человека, как господин Забардаст. Но до сих пор в любой провинции есть те, кто злоупотребляет служебным положением, кто повинен в самом несправедливом произволе. И ничто из этого не было бы возможно при той форме «представительных учреждений», за которую мы выступаем. Это лишь одна сторона вопроса. Правительство будет улучшено по всем направлениям, и это принесет пользу стране. Большой недостаток нынешней формы правления состоит в том, что наши правители никогда не знают фактов, не понимают желаний и нужд народа. Наши «представители» обеспечили бы это, и в то время сохранили бы превосходное знание методов, которым их научит огромный европейский опыт управления. Не надо думать, что я против европейцев; у меня нет лучшего друга, чем господин Сидхер. Чего я хочу, так это того, чтобы поменять систему так, чтобы предотвратить вред, который наносят самые некомпетентные и недоброжелательные из них, предоставить хорошим

²⁴⁴ «Богатырь, герой». Почетный титул, употребляемый здесь в саркастическом тоне.

более справедливое поле для осуществления своих талантов и добродетели, использовать на пользу страны способности и знания наших людей, и постепенно тренировать их на этой административной работе, в которой лишь немногие из них сегодня были ли бы компетентны без помощи европейцев.

Рамбакш: Моулви-сахиб, все кажется правильным, но когда вы говорите о том, чтобы выбрать лучших и мудрейших людей, я теряюсь. Всю свою жизнь я не знаю, за кого голосовать. Если этим чего-нибудь можно будет добиться, раджа Харбансрай, конечно, захочет, чтобы его избрали, и заставит нас голосовать за него. Не то, чего бы я хотел. Но я точно не знаю, кого в нашем тахсиле (субдивизионе) мы могли бы выбрать.

Моулви Фаридаддин: А что, ты думаешь, люди всего тахсила скажут о Каур Дхарам Сингхе?

Рамбакш: Я забыл. Конечно, любой скажет, что он мудрый и хороший человек. Да, я хотел бы голосовать за него – вся паргана хотела бы. Все организации хотят, чтобы он был сарпанчем (председателем третейского суда), когда бы ни возник повод.

Моулви Фаридаддин: А что ты скажешь про моего мамуна (дядя по матери) моулви Аманата Али? Разве все жители Хакикатабада не доверяют ему и не ходят к нему за советом? Тридцать лет он был ведущим адвокатом в этой провинции – может ли кто-нибудь сказать о нем хоть одно плохое слово?

Рамбакш: Я не знаю его, моулви-сахиб, но слышал о нем только хорошее. Да, он был бы справедлив; как он держался на посту председателя муниципалитета! Много хорошего я слышал о нем.

Моулви Фаридаддин: Хорошо, а если Каур Дхарам Сингх, моулви Аманат Али и еще полдюжины таких же хороших, известных людей со всей округи, которым все доверяют и которые почти наверняка были бы избраны, соберутся в саддере (окружная контора), смогут ли они выбрать одного человека, подходящего для того, чтобы говорить от имени жителей района и от имени всех индийцев этой части страны? Того, кто способен и хочет рассказать правительству правду (которую оно никогда не получает) обо всем, что происходит, о поступках каждого чиновника, обо всех наших неприятностях и обидах, наших нуждах и желаниях?

Рамбакш: Конечно, конечно, и то же в других районах. Но если каждый округ пошлет одного человека, получится целая армия. Правительство никогда не примет так много.

Моулви Фаридаддин: Скорее всего, правительство не допустит столь много людей; хотя мы надеемся увидеть день, когда каждый округ будет отправлять, по меньшей мере, двух человек в местный «парламент», как они зовут такие советы в Англии. Но, для начала, наши пятьдесят лишних районных «представителей» могут собраться и выбрать меж собой двенадцать хороших человек, которые будут «представлять» их всех. И правительство, если позволит все в целом, должно разрешить, по крайней мере, двенадцать таких членов в каждом местном совете, так как без этого числа невозможно никакое достаточное «представительство» всех интересов, которое требуется в местном совете. Далее, есть большой совет – вице-королевский, и в него «представители» в нескольких провинциальных советах будут выбирать двоих, троих или четверых из своих рядов – как решит правительство – чтобы они представляли их и провинцию в правительстве Индии.

Рамбакш: Все это было бы очень хорошо, моули-сахиб, если бы мы были твердо уверены в том, что получим вашего мамун-сахиба, Каур Дхарам Сингха и других лучших людей. Но люди станут считать избрание честью, и некоторые захотят извлечь из этого какую-то прибыль, а такие люди, как раджа Харбансрай, или, что еще хуже, шейх Залим, имеют много деревень и десятки тысяч райятов. Они прикажут голосовать за них, и хотя я бы этого не сделал, и Матадин, большинство из них являются бедными людьми, и они будут вынуждены так сделать.

Моули Фаридаддин: Это правда, и именно поэтому (хотя мы с нетерпением ждем времени, когда каждый честный райят будет голосовать за «представителя» своей парганы, или тахсила, или таппы²⁴⁵) мы не предлагаем сразу давать право голосовать за «представителей» тем классам людей, кто неспособен понять, какое серьезное дело эти выборы, или кем можно управлять таким образом, что они проголосуют не так, как считают правильным. Нет! Сначала мы должны дать право голоса всем образованным и обеспеченным людям, членам всех местных управ и муниципальных комитетов, лидерам, или панчам, всех ведущих классов или доминирующих каст, и так далее. В каждой провинции, вероятно, условия будут немного различаться, и в каждом округе, возможно, будут некоторые незначительные специальные правила, но все это детали, которые можно будет разработать только тогда, когда правительство согласится принять «конституционную» систему вместо «деспотической».

Рамбакш: Но я не очень высокого мнения о некоторых из нашей местной управы; и взгляните на чунгивалла (

²⁴⁵ Различные территориальные субдивизионы (прим. авт.).

буквально «люди октруа²⁴⁶», т. е. муниципальные комиссары) из Маттинагара, где живет Рамратта. Двое из них совершенные дураки, а что до обеспеченных – некоторые из них, как Лала Субхата Рам, хуже полиции!

Моулви Фаридадин: Конечно, в каждом тюке хлопка есть черные семена, и в каждом собрании людей есть и мошенники, и дураки. Все пять пальцев не равны (*панчон ангальян, барабар нехин*). Но возьми высшие и средние, довольно образованные классы – среди них, ты хорошо знаешь, большинство довольно разумных и достаточно честных людей. И даже если в нашем округе будут избраны один или два плохих и два или три глупых, большинство все же составят люди, на которых смотрят все соседи, такие, как Каур Дхарам Сингх, и потому тот, кто будет избран, чтобы представлять округ, почти наверняка будет хорошим человеком. И, опять же, если случайно один или два, пусть даже шесть округов отправят недостойных (хотя это никогда не будет *возможно*), что смогут они среди пятидесяти? Какие у них будут шансы на то, чтобы быть избранными большинством совета? Нет! Даже в самом начале не было бы серьезных трудностей, а через несколько лет каждый действительно достойный человек был бы известен не только в своем округе, но по всей провинции, и его личная жизнь и публичные действия будут известны всем.

Рамбакш: Да! Я вижу, что это не так сложно, как я думал, и думаю, что с такими советами со временем состояние страны улучшилось бы, стало бы больше того, что нам по нраву и было бы удобно. Но скажите, пожалуйста, что хорошего это даст нам, бедным людям из Камбахтпура? А это еще не самая плохая из деревень раджи-сахиба. По-

²⁴⁶ Форма средневекового европейского налога; ввозная пошлина.

смотрите на тех несчастных в Сатьянас Кхейра²⁴⁷! Что смог бы сделать совет там? Что они могли бы сделать для бедного народа шейха Залима?

Моулви Фаридадин: Ты ведь не думаешь, что такое бесчестное управление, такой постыдный гнет и мошенничество, что свойственны этим двоим, смогут долгое время оставаться незамеченными нашей новой системой? Нет! Один или двое представителей выступают в совете и обратят внимание правительства на плачевное положение дел, сложившееся в ста деревнях района. Они расскажут обо всех случаях, представят все факты и потребуют расследования. Об этом расскажут в ахбар (прессе), общественное мнение восстанет в одном случае против отсутствия способностей, в другом против зла, что отравило жизни десятков тысяч бедных честных душ. Их друзья и родственники начнут избегать их, общественное давление *вынудит* их перевернуть эту страницу в своей жизни; кроме того, правительство, располагая фактами, авторитетно изложенными перед ним, *сможет* проводить расследование и косвенно усиливать давление со стороны общества, даже если не найдет повода принимать какие-либо юридические меры, хотя я вполне уверен, что в случае с шейхом такой повод найдется. И помни, что правительство хочет предотвратить такое зло – оно действительно хочет, чтобы вы все были счастливы и благоустроены, насколько это возможно; его несчастье заключается в том, что при существующей «деспотической» системе оно никогда не знает, что происходит, или что нужно сделать для достижения того, чего оно хочет, но, не зная ничего о нас, наших обычаях и образе жизни, совершает грубые ошибки, пытается делать добро, но нередко наносит вред.

Но не нужно думать, что когда мы получим «представительство», вся несправедливость и весь гнет, вся бедность

²⁴⁷ От хинд. «проклятая».

и все страдание прекратятся. Оно никогда не сможет это сделать, пока все люди не станут хорошими, добрыми и мудрыми, и это будет не на нашем веку, мукаддамджи²⁴⁸. Все, что мы можем обещать – то, что этих страданий станет существенно меньше, и что злые деяния таких людей, как раджа-сахиб и шейх, будут строго проверены.

Рамбакш: О, это я понимаю. Я знаю, что некоторые будут бедствовать, пока стоит мир, но сейчас слишком много бед, и мне вполне понятно, что с помощью бандобаста (устроения), который вы предлагаете, положение дел станет куда отраднее. Но, увы, моулви-сахиб, есть одна вещь хуже, чем раджа-сахиб, такая же плохая, как шейх, такая же плохая, как смерть, и это – полиция. Что ваш бандобаст сможет сделать с ней? Нет! Пармешар²⁴⁹, небесное божество, создал тигра для охоты на оленей, а наше правительство здесь, на земле, создало полицию, чтобы охотиться на нас.

Моулви Фаридаддин: Что наша новая система сможет сделать с полицией? Реформировать ее; превратить из проклятия в благословение. Воистину, Рамбакш, ты затронул одно из тех национальных проклятий, для реформирования которых, прежде всего, и необходимы «представительные институты». Ты слышал много разговоров об этом вопросе; люди говорят об этом так, как если бы это было большой трудностью, но на самом деле – это самый простой вопрос в мире; без сомнения, полиция – это проклятие, но только по двум простым причинам. Во-первых, полицейских гораздо больше, чем это необходимо, а платят им недостаточно. А вторая причина возникает отчасти из-за этого, отчасти же из-за того, что европейские полицейские невежественны. Полиция действует, как враг всей

²⁴⁸ Джи – приставка, означающая «уважаемый».

²⁴⁹ Парамешвара – Бог в монистических индуистских течениях.

общины, а не как друг; но почему? Во-первых, потому что из-за низкого жалования полицейские вынуждены вымогать деньги и брать взятки, и запугивают людей ради этого; и это, естественно, заставляет все сообщество не любить и бояться их. А во-вторых, потому что их европейские офицеры – люди, как правило, очень средних способностей, имеющие дело почти исключительно с отбросами общества, думают, что все мы воры и подлецы, и относятся к нам соответственно – ненавидят или презирают нас. Я знал многих суперинтендантов полиции, но лишь у одного из них не было необоснованно плохого мнения об индийской общине. Они, как правило, рассматривают нас всех как преступников, которых еще не поймали, как врагов, с которыми нужно бороться, как животных, которых нужно держать под контролем, и единственные люди, которым они оказывают малейшее расположение – жалкие льстецы, которые отравляют их умы ложью обо всех своих соседях. Это не вина бедных суперинтендантов, это их беда. Многие из них очень усердно работают, но все делается неверно и, как правило, приносит больше вреда, чем пользы. Они очень заботятся о том, что касается снаряжения, оружия и выправки, и обо всем внешнем лоске (нумайш), но разве хоть один из них попытался поднять моральный уровень своих людей, убедить их быть хорошими, правдивыми и справедливыми во всех отношениях, побудить их быть добрыми и мирными со всеми, внушить им, что единственный шанс на настоящий успех состоит в том, чтобы подружиться со всеми классами, что не являются преступниками (а это на самом деле огромная масса народа)? Нет, этого не сделал ни один из тех, кого я видел или о ком слышал. Напротив, в соответствии со своей выучкой, по указанию ли, по примеру ли, они заставляют полицию, уже ненавистную всем уважаемым людям за ее злодеяния, смотреть на всю общину как на своих естественных противников. Весь вопрос о реформе полиции заключается в этих двух причинах. Правительство этого не понимает и не

сможет понять, пока каждая палата совета не будет разбавлена значительной примесью независимых индийских «представителей», но поверь мне – за пять лет с нашей помощью полицейские силы страны были бы полностью реформированы, и страна начала бы смотреть на них как на своих естественных защитников и сторонников.

Рамбакш: Эх, моулви-сахиб! Что за вещь учение; недаром народ говорит: *бидья бари чиз хай*²⁵⁰. То, что вы говорите сейчас, просто и точно, но мне это никогда не приходило в голову. Теперь я кое-что знаю об этом, и полностью поддерживаю «представительство». «Представительные учреждения» *ки джай*²⁵¹! Но, моулви-сахиб, вы похожи на человека, который держит наверху, вне досягаемости, чашку восхитительной воды для иссушенного жаждой. Я вижу, насколько это хорошо. Я думаю, что если бы мы достигли этого, то страна снова, как в старые времена, когда я был ребенком, стала бы счастливой. Но как можно добиться этого? Увы, мы бедные люди, и не можем помочь, но вы очень умны и мудры, возможно, вы и такие, как вы, сможете справиться. Попробуйте, и мы благословим вас и будем молиться.

Моулви Фаридаддин: Нет, Рамбакш, я и другие образованные люди делаем все возможное, но успех невелик. Нам требуется ваша помощь, ваша поддержка и поддержка таких, как вы, если мы хотим добиться успеха.

Рамбакш: Наша помощь? Что можем мы, слабые существа, сделать? Кому мы нужны? Вы ведь помните поговорку: *гхуре пай совен, махалон ке супне декхен* (спят на навозных кучах и видят сны о дворцах).

²⁵⁰ Знания – великая вещь.

²⁵¹ «Да победят», или «пусть будет победителем» (прим. авт.).

Моулви Фаридаддин: Ты связал большой тюк стеблей – он, наверное, очень тяжелый и прочный? Сможешь ли ты сломать его через колено?

Рамбакш: Через *мое* колено? Нет, и хатхи (слон) раджи-сахиба не смог бы, даже если бы постарался. Но что вы имеете в виду?

Моулви Фаридаддин: А я могу! Смотри: я вытаскиваю один стебель, и *легко* ломаю его через колено, затем другой, и третий, и четвертый. Смотри! Хватит десяти минут, и – хотя я не хочу портить твой тюк – я могу переломать его весь. Ничто не может быть слабее, чем отдельный стебель, но когда они связаны вместе – смотри, как они сильны, как поддерживают и укрепляют друг друга! Пусть это научит тебя, что даже слабые и немощные, объединившись ради доброго дела, будут настолько сильны, что даже хатхи раджи-сахиба не сможет их сломать.

Рамбакш: Но, конечно же, вы не хотите, чтобы мы объединились и сражались с Сиркаром. Что мы будем делать, если уьем всех европейцев? Начнется анархия (гхадер), так уже бывало, когда я был молод. Вы не можете так думать.

Моулви Фаридаддин: Не дай Бог! Это был бы грех. Почему мы должны убивать бедных европейцев? Многие из них действительно хорошие люди, большинство из них хотят нам добра. Они, конечно, не разбираются во многих вопросах, что волнуют нас. Они ошибаются, они причиняют нам страдания, но делают это из-за невежества – из-за невежества, неизбежного в системе, где они работают и где даже при большом желании не смогут ничего изменить без нашей помощи. Кроме того, хотя мы, новое поколение, растем, чтобы помочь им и сделать многое для страны, мы все вместе не имеем достаточного опыта и уве-

ренности в себе для того, чтобы управлять самим, без их помощи. Убить европейцев? Нет, Рамбакш, мы, скорее, скажем: «Да хранит Бог всех из них (а таких много), кто в сердце хранит доброжелательность к нам и хорошо относится к нам, и да простит Бог тех (и будем надеяться, что их *не* так много), кто не любит и презирает нас, и не волнуется о том, что с нами будет».

Рамбакш: Это очень хорошо, моулви-сахиб; вы настоящий риши²⁵². Но тогда что вы имеете в виду?

Моулви Фаридаддин: Уже поздно, и я должен идти. Но попытаюсь объяснить вкратце. Хотя правительство нашей страны деспотично, правительство Англии конституционно, и там каждый достойный человек, даже земледелец или ремесленник, обладает правом голосовать за представителей, как ты помнишь; люди не любят деспотизм, но сохраняют его здесь, потому что не понимают, как страна изменилась за последние двадцать пять лет (главным образом благодаря образованию, железным дорогам, почтовым отделениям и всему остальному, что *они* дали нам), и думают, что мы все еще дети, которыми *нужно* управлять, как отец малыми юнцами – приказами или, иными словами, «деспотично». Но если бы мы дали английской нации (у которой нет таких предрассудков по этим вопросам, которые заставляют хмуриться европейцев, долго живущих здесь) понять, что уже не все из нас – дети, что благодаря их образованию многие из нас, имеющие также и превосходные местные знания, не только готовы заполнить подавляющее число мест, которые сейчас занимают европейцы, и выполнять их гораздо лучше, чем они (возможно, по причине того, что они иностранцы), но даже давать указания и рекомендации по большинству вопросов внутреннего управления, то они через своих «предста-

²⁵² Мудрец.

вителей» настояли бы на нашем участии (в большей степени, чем сейчас) в работе по управлению страной и уступили бы нам какую-то форму «представительных учреждений». Для многих лучших из них тот факт, что правительство Индии до сих пор является «деспотичным», является источником глубоких сожалений, и они с радостью согласились бы с любыми разумными доказательствами того, что сохранение такой системы больше не нужно. Более того, даже менее либеральные и менее благородные мыслят разумно. Практический здравый смысл является главной характеристикой британской нации; они прекрасно знают, что лучше править довольным народом, чем недовольным, и в одной из их священных книг говорится, что обед из трав там, где мир, лучше грандиозного банкета там, где идет борьба²⁵³; и если они однажды увидят, что мы все, высшие и низшие, объединились и решили получить эти «представительные учреждения» – у них слишком много здравого смысла, чтобы не позволить нам их иметь. Теперь, наверное, ты понимаешь, что я имел в виду под тюком стеблей, а именно, что СОЮЗ – ЭТО СИЛА.

Рамбакш: Хорошо, моулви-сахиб, я всей душой с вами. Но что мы должны делать, и что делаете вы, образованные джентльмены?

Моулви Фаридадин: Первое, что нужно сделать – это разъяснить всем своим наиболее разумным товарищам то, что я рассказал тебе сегодня. Пусть они научат всех своих друзей, а те – своих, пока не останется ни одного думающего человек во всем округе, кто не понимал бы сути дела и не был уверен в желании обрести «представительные учреждения». Другие друзья расскажут то же самое райятам, торговцам, ремесленникам в других округах, и если вы поймете, что в этом деле заинтересованы вы все –

²⁵³ Ср. Притч. 15:17.

высшие и низшие, богатые и бедные, то не пройдет много времени, как страна, словно один человек, объединится в подлинной истине – в стремлении к этой великой реформе.

Рамбакш: Я понимаю и сделаю все возможное. Я буду объяснять это каждый вечер на чопале, пока каждый, кто имеет голову (а безголовые сделают так, как мы скажем), не поймет так же хорошо, как я. А если кто-нибудь изложит это в небольшой книге, я буду заставлять их читать ее в школе. Не бойтесь, скоро в окрестностях все начнут призывать к созданию «представительных учреждений». Но что *потом*, и что делаете *вы*?

Моулви Фаридадин: Я основал в Хакикатабаде политическую ассоциацию, и позже ты и другие главы райятов, кто имеет ум и честность – не скот, как думает Чота-сахиб – должны присоединиться к ней. Эта ассоциация будет ветвью более крупной, что находится в столице, и станет работать с ней вместе. Затем и в этом округе, и других местах, где есть такие же умные райяты, как ты, или торговцы, или ремесленники, должны быть созданы небольшие отделения нашей хакикатабадской ассоциации.

Сейчас перед этой системой ассоциаций, которая вскоре распространится на каждую паргану или тахсил, стоит двойная задача. Во-первых, учить людей тому, чему я сегодня учил тебя, давать им разумные идеи об их правах и обязанностях как свободных граждан, и, во-вторых, вырабатывать национальное соглашение по этому вопросу, чтобы дать понять и правительству здесь, и английской нации, что это решение и *есть* то, к чему мы пришли. Обе задачи требуют денег. Мы должны печатать, публиковать и распространять книги и газеты. Ты хочешь, чтобы кто-то написал небольшую книгу об этих вопросах, о которых я говорил? Ну, если бы такая книга была написана, нам нужно было бы как минимум пять тысяч экземпляров

только для этого района, поскольку в каждой деревне должна быть хотя бы одна копия, а в больших селениях должно быть 2, 3, 5, 10, 20 копий, в зависимости от их размера, и это стоит денег. И это только одно; а вопросы, информацию о которых нужно распространять, возникают постоянно. Далее, мы должны поддерживать связь друг с другом – вы в отделениях в мофуссиле с нами в саддере и мы с другими районными ассоциациями и штаб-квартирами; также, книги, брошюры и документы, о которых я говорил, нужно отправлять, большей частью почтой, а почтовые отправления стоят дорого. Далее, совместно с другими ассоциациями мы должны подготовить меморандумы, излагающие наши взгляды и пожелания, и отправлять людей на значительные расстояния, чтобы представлять эти меморандумы вице-королю или вице-губернатору и говорить от нашего имени. Опять же, у нас есть Национальный конгресс, созываемый ежегодно, куда каждый округ должен отправить как минимум одного «представителя», но иногда бывает так, что человек, которого мы знаем, как способного выполнить любую задачу, не может совершить долгий путь без посторонней помощи. Кроме того, простое распространение книг не сможет в разумные сроки разъяснить ту истину, которая отпечаталась в *твоей* голове, всему населению. Нам нужно, чтобы убежденные и умные люди ездили из деревни в деревню и рассказывали о ней, но, хотя некоторые из нас делают это, как только появляется свободная минута, такая работа ведется постоянно, и мы хотим, чтобы люди не делали ничего другого, кроме каждодневного выполнения этой обязанности. Но, хотя такие люди делают свою работу из любви к стране, они все же должны на что-то жить; ведь таких людей мы скорее найдем не среди богатых и счастливых, а среди бедных и страждущих, ибо они чувствуют все страдания, которые мы испытываем. Им, конечно, мы тоже должны предоставить необходимые средства. И затем, когда развивается работа ассоциации, становится необходи-

мым иметь секретаря для управления делопроизводством, которому нужно платить жалование. Это всё небольшие суммы, но в совокупности для успешной работы необходима значительная часть денег, даже для той работы, которую можно назвать сугубо провинциальной. Но, совместно с другими ассоциациями и лигами, мы ведем и национальную работу. Мы должны печатать некоторые из наших воззваний и распространять их в Англии не сотнями, а сотнями тысяч. Нам также необходимо выбирать серьезных и способных людей, таких, как делегаты, которых мы отправили недавно в Англию, и отправлять их туда не на неделю или две, а, по меньшей мере, на год, чтобы объехать все крупные города, посещать публичные митинги и говорить на них, объяснять наши жалобы и средства, которые требуются для их исправления, и в целом информировать общественное мнение о реальном положении дел здесь, и постепенно вселять в умы людей то убеждение, что нам, как нации, необходимы «представительные учреждения». Кроме того, необходимо также, чтобы некоторые из наших соотечественников получили места в парламенте и могли защищать авторитетное дело нашей страны, настаивать на слушании наших жалоб и меморандумов. И все это будет стоить очень больших денег, и хотя другие ассоциации будут платить большую их часть, мы тоже должны отдать свою долю. Старая поговорка «деньги – это мускулы войны» верна, как ты видишь, даже в этой бескровной кампании против «деспотических учреждений», и потому нам *нужны* деньги, много денег.

Рамбакш: И как их получить? Есть, конечно, богачи, которым ничего не стоит отдать 10000 рупий на починку какого-нибудь старого резервуара или даже построит корт для игры в рэкетс²⁵⁴ для сахиб лог, чтобы завоевать их благосклонность или чтобы их имена напечатали в газете. Но

²⁵⁴ Разновидность тенниса.

от них мы ничего не получим, ведь то, скажем, что нравится вам, моулви-сахиб, не понравится чиновникам. Я не говорю о господине Сидхере, но где другие такие же? Но что сахиб Унчанак и господин Бахадур, судья-сахиб, подумают об этом? Нет, вы не получите многого от богачей, а бедные почти ничего не дадут, и, боюсь, вы *не* получите столько денег, сколько, как вы сказали, вы *должны иметь*.

Моулви Фаридаддин: Что касается некоторых из богатых, скупых эгоистов и приспособленцев, думающих только о себе, а не о стране и соотечественниках – мы, конечно не получим от *них* ничего. Но среди зажиточных и богатых есть, несмотря на эти жалкие исключения, много хороших людей, которые *уже* помогли нам и кто нам *еще* поможет. Без сомнения, немногие из них считают целесообразным присоединиться к нам открыто. Некоторые думают, что они могут принести больше пользы нам и стране, поддерживая дружеские отношения с чиновниками, какими бы предвзятыми и ограниченными они ни были, потакая их предрассудкам, чтобы они не обращали большого внимания на наше движение; некоторые действительно боятся последствий. Они дают средства конфиденциально, они хотят помочь делу и помогают, а мы заботимся, чтобы никто не знал об этом, и у них не возникало проблем. Но придет время, когда битва будет выиграна, и они будут гордиться тем, что их имена огласят в числе первых жертвователей на нашу схему.

Рамбакш: Но покроют ли эти частные пожертвования ваши нужды? Я так не думаю.

Моулви Фаридаддин: Конечно, нет, и главным образом мы зависим от вас и ваших товарищей – от масс. В этом округе живет двенадцать лакхов человек, и если бы хотя бы два лакха из них дали нам по четыре анна каждый, в среднем, в течение года, мы бы получили 50000 рупий –

это *намного* больше, чем нам сейчас нужно. Мы думаем, что хорошие люди вроде тебя, кто заинтересует людей нашим делом, смогут на праздновании дуссеры²⁵⁵ или хо-ли²⁵⁶ собрать пайсу²⁵⁷ или две с каждого деревенского жителя для ассоциации. Готовясь к свадьбе, человек может вместо двадцати рупий потратить девятнадцать, а одну отправить ассоциации. Торговцы и менялы, подводя годовой итог, могут решить отказаться от одной каури²⁵⁸ с рупии в пользу ассоциации, так же, как сейчас они откладывают намного больше для других общественных и священных целей. В конце концов, какая цель может быть более общественной и более священной, чем там, что обещает принести облегчение и отраду всем классам во всей империи? Каждый райят может дать лишь пайсу, но, как мы говорим – *пхуй, пхуй карке, талао бхарта хэй* (Много небольших сумм, собранных вместе, становится большой суммой).

Рамбакш: Это основательный план, и я обещаю вам, что вы получите что-то даже от Камбахтпура на следующей дуссере. А с этого дня – будьте уверены – я буду делать все, что в моих силах, для развития этого благого дела. Вам пора идти, моулви-сахиб. Возьмите, пожалуйста, 4 рупии и 12 анн за то дело, что вы выиграли за меня, за марки и пошлины. За ваши волнения вам следовало бы дать больше, но это как раз то, о чем вы сказали в своей руква (заметке).

Моулви Фаридаддин: О, я беру деньги с тех, кто может себе это позволить; все мы должны жить. Спасибо! Теперь

²⁵⁵ Индусский фестиваль Виджаядашами, символизирующий победу добра над злом.

²⁵⁶ Индусский фестиваль весны.

²⁵⁷ Мелкая монета.

²⁵⁸ Мелкая монета. В 1821 г. 1 рупия равнялась 2650 каури.

ты мне ничего не должен, и я записываю тебя членом нашей ассоциации и вношу эти деньги от твоего имени в нашу скудную казну. Еще одно слово, дорогой друг. Ты сказал, что я настоящий риши. Надеюсь, что, будучи хорошим мусульманином, я никоим образом не отстаю от истинного брахмана или истинного христианина в своей любви ко всему, что хорошо, и в моем желании служить моим ближним. Не беспокойся о том, как люди называют себя – индусами ли, мусульманами или христианами. Смотри на то, что они собой представляют, и если они добры, помни, что они могут носить разные ливреи, но являются покорными слугами одного Господа. И добавлю еще: мы должны получить «представительные учреждения», но если мы хотим извлечь из них все хорошее, мы должны не только побуждать других держать ответ перед нами, но и *сами* обязаны воздавать должное. Не одним политическим освобождением растут люди; они должны расти в добродетели, как и во власти, а не то придет зло; и пока мы собираемся вместе, чтобы бороться с «деспотическими учреждениями», каждый из нас в глубине сердца должен хранить решимость впредь жить лучше, больше любить соотечественников и постепенно топить наш всепоглощающий интерес к эгоистичным заботам в широком и благородном интересе – в благосостоянии и прогрессе нашей страны и наших соотечественников. *Супхал камай судх ки джо лагр хур ке хет* (Благословенна прибыль добродетельных, что идет на службу Богу).

О происхождении, целях и задачах Индийского национального конгресса²⁵⁹ *(Речь, произнесенная в Аллахабаде 30 апреля 1888 г.)*

Н. В. Эта речь опубликована в том же виде, как ее записал стенографист. Она могла стать еще лучше благодаря некоторым дополнениям, однако в силу множества причин было решено воспроизвести ее так, как она была произнесена. Речь была воспринята с наибольшим воодушевлением, однако мы не сочли необходимым отмечать восклицания и аплодисменты, которые постоянно прерывали оратора.

Дж. Э. Ховард,
адвокат,
председатель митинга

Леди и джентльмены!

Я очень рад, что по возвращении с солнечного Юга – честно сказать, он уже становился слишком солнечным для меня, особенно в сравнении с моим прохладным северным домом, который недоброжелатели, обреченные жить на равнинах, клеймят как «Капую в Индии» – обстоятельства вынудили меня остановиться на несколько дней на этой очаровательной (по меньшей мере, в некоторые сезоны) станции.

Я действительно весьма этому рад, ибо ничто иное не могло бы доставить мне большего удовольствия, чем встретиться с вами сегодня ночью и получить счастливый шанс выступить перед способной и подготовленной ауди-

²⁵⁹ Перевод осуществлен по изданию: Hume A. O. A Speech on the Indian National Congress: its origin, aims and objects, delivered at a great public meeting held at Allahabad, N. W. Provinces, on the evening of the 30th April, 1888, by Allan O. Hume. [Calcutta]: Calcutta Central Press Co., [1888].

торией по вопросу, к которому я испытываю глубокий и неизменный интерес – я имею в виду Индийский национальный конгресс.

Я могу сказать, что в исторические времена ни одно движение за столь короткий срок не захватывало умы Индии; ни одно из них, по моему скромному мнению, никогда не обещало таких масштабных и благотворных результатов; и ни одно из них – с той удивительной порочностью, которая охватывает все мирские дела – не подвергалось более упорным и даже нелепым искажениям и недопониманию.

Возможно, здесь присутствуют те, кто еще не знаком с этой великой развивающейся силой, действующей во благо. Смотришь лишь на фактически достигнутые результаты, они могут утверждать, что я слишком высокопарно говорю об этом благоприятном движении; но пусть подобные люди останутся со мной еще некоторое время.

Я всецело признаю, что во многих частях Индии, и в особенности в этих провинциях, организация Конгресса еще несовершенна. Конгресс все еще находится в зачаточном состоянии, но принципы, лежащие в основе его – и я надеюсь доказать вам это чуть позже – вечны. Они – горсть дрожжей, спрятанных во многих бушелях муки, и, хотя это семя брошено пока лишь в определенные слои социальной структуры, оно растет тихо и уверенно, и наступит день, когда оно охватит всю массу, и вся нация, как следствие, вступит в более высокую и *pro tanto*²⁶⁰ лучшую жизнь.

Не надо думать, будто я делаю преувеличенные заявления о Конгрессе, как он есть, требуя от малыша-Геркулеса потрясающей мир божественной мужественности героя. Я признаю, в соответствии с нашими статистическими данными и изысканиями, что во время последнего Конгресса не более десяти процентов взрослых мужчин из тех двух-

²⁶⁰ Соответственно (лат.).

сот миллионов, которые наше доброе британское правление защищает и пестует, знали что-либо о Конгрессе. Однако я рискну предположить, что прежде чем еще один год прокатится по земле, число его приверженцев удвоится, и что задолго до того, как этот памятный девятнадцатый век уйдет в прошлое, во всей огромной империи не останется ни одного умного и доброго человека, кто бы не понимал и не разделял, в большей или меньшей степени, целей и задач нашего пока еще юного учреждения, не желал бы сотрудничать с ним в его священной миссии.

Столкнувшись лицом к лицу с величием предмета, с которым мне приходится иметь дело, я впечатлен собственной неспособностью оценить его должным образом – особенно за то время, в течение которого вы, я надеюсь, будете терпеливо слушать меня. Безмерно жаль, что в защиту столь великого и благородного дела перед вами стоит слишком слабый и неопытный адвокат. Однако я сделаю все возможное – и никто не сделает больше того – и, отдав себя на суд вашей снисходительности, прошу вас поверить в то, что моя неудача в этом деле будет следствием моей неспособности оценить все величие этого предмета, а не врожденных слабостей того высокого и святого движения, искренним защитником и преданным тружеником которого я являюсь.

Прежде всего, мне хотелось бы объяснить, что конгрессистское движение является лишь одним из результатов, хотя на данный момент наиболее заметным и осязаемым, деятельности образованных людей, главным образом, уроженцев Индии, которые объединились несколько лет назад для того, чтобы работать вместе на благо страны. Чтобы полностью понять Конгресс, необходимо, в первую очередь, понимать, каковы были основные принципы, принятые этой организацией (превратившейся с тех пор в Национальную партию) в качестве руководящих – принципы, из которых Конгресс и многие другие общественные и, если можно так выразиться, более духовные движения

(о которых мы еще услышим с течением лет) берут свое начало.

Я возьму на себя смелость зачитать вам эти фундаментальные принципы, и мне хотелось бы, чтобы в этом деле, из которого следуют пока еще малозаметные, но крайне важные вопросы, не было ни единой ошибки. Итак, фундаментальные цели того, что мы, следуя определению, данному его создателями, можем назвать национальным движением, представляли собой три пункта:

«Во-первых, слияние в единое национальное целое различных и, до недавнего времени, противоречащих друг другу элементов, составляющих население Индии; во-вторых, постепенное умственное, нравственное, социальное и политическое возрождение нации, и, в-третьих, укрепление союза между Англией и Индией путем исправления тех условий, которые могут быть несправедливыми или вредными для последней».

Полагаю, все вы готовы признать, что эти цели, во всяком случае, не могут быть названы низкими. Их можно осуждать как утопические и невыполнимые. Взгляды людей, которые видят несколько дальше своих собратьев, всегда осуждаются последними; но хотя бы никто не сможет отрицать, что эти цели были высокими и благородными, и, поскольку лучше обладать высокими идеалами, чем не иметь их вовсе, и лучше стремиться к высокому и потерпеть неудачу, нежели не стремиться вообще – конгрессиистское движение, являющееся всего лишь ветвью более масштабного первоисточника, было достойно симпатии, уважения и поддержки всех хороших людей.

Я сказал, что лучше потерпеть неудачу, но разве они потерпели ее? Думаю, что нет, и, когда конгрессиистское движение в его здоровом детстве вместе с сотней местных движений за социальное, нравственное, умственное и даже религиозное развитие страны всю работу рядом с нами, я должен признаться, что мне это кажется скорее успехом, нежели неудачей, и я не удивлюсь, если когда-

нибудь – хоть я и не доживу до той поры – многие из вас, кто присутствует здесь сегодня, будут считать удивительным тот факт, что основополагающие принципы Национальной партии прежде считались утопическими или неосуществимыми.

Принимая во внимание базовые цели более широкого движения, нам будет проще понять задачу конкретного аппарата – Конгресса, созданного, главным образом, для политического возрождения страны. Это нужно иметь в виду; хотя совершенно очевидно, что он будет косвенно способствовать достижению прочих целей, социальному умственному и нравственному прогрессу нации, в первую очередь Конгресс был основан непосредственно как политическая институция. Я специально останавливаюсь на этом, поскольку находятся люди, достаточно глупые для того, чтобы упрекать Конгресс в том, что он не вмешивается непосредственно в социальные вопросы. Человек, настаивающий на использовании, скажем, плуга, как транспортного средства для поездок по дороге из пакча²⁶¹, вместо того, чтобы использовать его надлежащим образом для вспашки полей, не более глуп, чем тот, кто стремится разрабатывать деликатные и тонкие вопросы социальной реформы при помощи грубого и уже запущенного двигателя Национального политического конгресса.

Итак, таковы были главные цели Конгресса, лежащие в его основании. Теперь же позвольте мне вновь процитировать то, что уже было записано прежде; но эта запись отражает идеи не одного или двух человек, а согласованный взгляд большого числа наиболее способных, самых передовых мыслителей нации.

Цель Конгресса означала: «встретиться лицом к лицу и познакомить друг с другом всех просвещенных людей со всех концов Империи; собираться таким образом ежегод-

²⁶¹ Пакча – кирпичи, покрытые цементом; материал для строительства дорог и домов.

но и устанавливать тесные дружеские связи между всеми видными и убежденными тружениками в деле политического возрождения Индии; дать всем заинтересованным в общественных вопросах возможность дополнить свои знания и корректировать свои взгляды в свете имеющейся информации, равно как и взгляды прочих, также заинтересованных в данных вопросах; устранить провинциальную зависть, предрассудки и заблуждения путем близкого персонального общения – не только членов Конгресса, но и ведущих жителей, и, насколько это возможно, в целом людей из тех провинций и президентств, в которых будет созываться Конгресс; преодолевать сектантские и классовые антипатии посредством совместной работы во имя общего блага приверженцев всех вероисповеданий, лидеров всех сект и классов; приучать – поскольку подобные собрания невозможны без больших вложений средств, времени и сил не только членов партии из той провинции, в которой собрание имеет место, но и всех членов Конгресса, делегированных от других провинций, которые вынуждены ехать от тысячи до четырех тысяч миль – приучать всех к личной жертве во имя общего блага».

Я хочу остановиться здесь на мгновение, чтобы обратить ваше внимание на тот факт, что более лакха рупий было потрачено страной на Мадрасском конгрессе²⁶², в частности, на прием и угощение делегатов, возведение временного конференц-зала, печать и распространение отчета, оплату проезда делегатов в Мадрас и обратно – хотя большинство из них преодолело три тысячи и больше миль в обе стороны, двоим фактически пришлось совершить путешествие длиной в четыре с половиной тысячи миль.

Продолжу. Конгресс, далее, предполагал «способствовать широкому альтруизму и подлинному общественному духу, сосредоточив все силы на великих национальных во-

²⁶² 1887 г.

просах, уменьшая влияние местных и сугубо эгоистических интересов; обучать всех принимающих участие не только искусству публичных выступлений и дебатов, развитию способности ясно мыслить и четко выражать свое мнение, не только привычкам аккуратности и исследовательского поиска, но и практике самоконтроля, умеренности, готовности брать и отдавать; воспитывать их в том, что можно назвать подлинным парламентским духом; познакомить страну с методами и работой представительных учреждений в больших масштабах, и, таким образом, по мере роста этого знакомства, продемонстрировать правительству и народу Англии, что Индия уже созрела для создания подобных институций, к которым искренне стремятся все умы страны».

Наконец, Конгресс был предназначен для того, чтобы «унифицировать общественное мнение путем переплетения взглядов всех классов во всех провинциях и устранения всех местных и провинциальных вопросов, чтобы прийти к определенным и единодушным выводам по всем общенациональным вопросам и настаивать на них перед правительством – не в качестве оппозиции, но как AMICI CURIAE²⁶³».

Из последнего положения сразу видно, насколько неуместны утверждения, будто одна часть сообщества, в силу численного превосходства, может доминировать и подавлять прочих в Конгрессе мерами, враждебными их интересам или противными их чувствам. Согласно своему уставу, Конгресс может принимать решения только в отношении тех вопросов, по которым имеется практическое единодушие между всеми, кто в нем участвует. С самого начала было понятно, что будут возникать вопросы, по которым бомбейское мнение будет отличаться от бенгальского, ев-

²⁶³ «Друзья суда» (лат.); лица, оказывающие содействие суду в предоставлении важной информации, не являясь при этом стороной процесса.

ропейское от туземного, индусское от мусульманского, а суннитское от шиитского; но такие вопросы исключаются из обсуждения Конгресса его фундаментальным правилом, согласно которому он должен проводить и принимать резолюции, единодушно одобряемые представителями всех классов и вероисповеданий ото всех провинций. Вопросы же, по которым нет такого согласия, могут рассматриваться, если это целесообразно, провинциальными, региональными и местными ассоциациями. Конгресс является национальным, и он касается только тех вопросов, с которыми практически согласна вся страна. Если все или почти все представители какой-либо провинции или какого-либо сообщества возражают, Конгресс должен отбросить этот вопрос.

Итак, это были основные цели Конгресса, заложенные его проводниками. Они предполагали и множество менее значимых целей, однако все они способствовали великому проекту объединения народов страны, воспитания характера развитой нации и укрепления союза между Англией и Индией.

Теперь я вновь спрашиваю: найдется ли хоть один добрый человек, любящий Англию и Индию, который сможет хотя бы в мелочах возражать против любой из этих целей? Напротив, все признают, что нет ничего более похвально, чем базовые принципы, разработанные основателями, или частные цели, сформулированные ими для Конгресса.

Если в этом движении есть что-либо, могущее вызывать возражения, то оно должно заключаться либо в его методах, либо в его действиях.

Каковы же эти методы? Во-первых, тихое, спокойное обучение и проповедь простых, элементарных политических истин на большей части территории страны. Людей учат осознавать многие выгоды, которыми они обязаны британскому правлению, и тот факт, что их надежды на мир и процветание страны зависят от мирного продолжения этого правления. Их учат тому, что многие трудности

и недостатки, на которые они жалуются, в конце концов, хоть и вполне реальны, малы в сравнении с тем благом, которым они наслаждаются, и все эти обиды могут быть и будут исправлены, если люди объединятся для того, чтобы единогласно, но умеренно напомнить о своих взглядах и желаниях правительству здесь и правительству и народу Англии. Греховность незаконных и анархических деяний стала для них очевидной, и зародилась уверенность в том, что благодаря единой и терпеливой конституционной агитации они в конечном счете наверняка получат всё, что справедливо просят; а любое обращение к поспешным и насильственным действиям неизбежно должно погубить их дело и повлечь за собой бесконечные страдания. И это обучение продолжалось столь тихо и ненавязчиво, что ни разу не привлекло даже серьезного внимания, и гораздо меньше – неблагоприятных комментариев.

Во-вторых, среди наших методов есть распространение простых брошюр, излагающих подобные доктрины и воплощающих учения подобного рода в отношении прав и обязанностей подданных. Две из них, а именно «Катехизис Конгресса» г-на Вирарагхавачарьяра и «Беседа между моулви Фаридаддином и Рамбакшем из Камбатхпура», в прошлом году были распространены в количестве 50 тыс. экземпляров, и, возможно, полмиллиона копий будет распространено в текущем году. Насколько мне известно, это единственные брошюры, которые уже разосланы. Хотя их можно прочесть на любом из двенадцати языков Индии, они публикуются и на английском языке, и каждый из вас может судить о них самостоятельно. Я утверждаю, что по прочтении не найдется никого, кто не согласится с тем, что они лояльны и доброжелательны как духом, так и буквой.

В-третьих, среди наших методов нужно рассмотреть публичные собрания, числом в сотни человек, а точнее, если мы возьмем двадцать восемь месяцев, прошедших со времени проведения первого Конгресса, публичные собрания с числом участников более чем в тысячу человек,

удивляющих своей организацией, поразительной даже для тех, кто ценит мирный и законопослушный характер нашего населения. Я не хочу сказать, будто на этой дюжине (или около того) собраний, на многих из которых присутствовало более пяти тысяч человек, не было более или менее шумных споров (почти исключительно, однако, в этих провинциях, но и здесь только из-за неудачного раскола, к которому я обращусь позже); но тем из нас, кто имел опыт подобных встреч в Англии, Франции и Америке, кажется просто поразительным необычайное мирное поведение миллионов, принявших участие в этих собраниях в том или ином месте, и мы понимаем, что в этом отношении состояние дел здесь и в других странах различается между собой как Небеса, скажем, с Джейкобабадом или Суккером в это время года.

Последними среди его методов являются большие собрания Конгресса. В их отношении мне нужно лишь сказать, что в последнем и крупнейшем собрании, прошедшем в Мадрасе, приняли участие не только многие ведущие европейские чиновники и неофициальные лица, но и несколько европейских путешественников, а также английские, французские, немецкие, евразийские, парсские и бенгальские леди, и все они выразили свое восхищение необычайным порядком и добрым нравом, которые были самыми яркими характеристиками этого собрания.

Итак, я думаю, мы можем утверждать, что сузили все разумные возражения до мер, которые защищал Конгресс, и поэтому я должен обратиться, по меньшей мере, к некоторым из них; но прежде чем это сделать, позвольте мне сказать следующее: я обращаюсь с вопросом ко всем, кто все еще стоит в стороне от Конгресса – если его принципы заслуживают восхищения, если его методы являются мирными и доброжелательными, а вы возражаете только против взглядов, которые Конгресс излагает, то почему бы вам не присоединиться к нему и с помощью корректного изложения фактов не обеспечить принятие мудрейшей

политики?

Но дело в том, что, если понимать правильно, среди пропагандируемых Конгрессом реформ нет ни одной – повторю, ЕСЛИ ПОНИМАТЬ ПРАВИЛЬНО – которая могла бы вызвать возражения любого здравомыслящего и доброго человека. Здесь, как и повсюду, имеет место то, что древние индийцы называли «авидья», т. е. незнание реальных фактов, и это мешает всеобщему согласию с резолюциями Конгресса.

Мне лучше проиллюстрировать то, что я имею в виду, на примере резолюции, которая в той или иной форме двигалась на каждом Конгрессе, к которой он настоятельно призывал – я говорю о так называемой резолюции о представительных институтах. Абсурдность вздора, написанного и высказанного по этому вопросу, практически потрясает. Нас всерьез уверяли, будто люди Конгресса хотят заполучить правительство в свои руки, тогда как именно сторонники Конгресса наиболее остро осознают и рассказывают всем людям, что туземцы никоим образом не подходят для этого, и, следовательно, они усердно работают во имя укрепления союза между Индией и Англией. Нам говорят, будто индусы, будучи в большинстве, станут попираť все прочие классы, и так далее – вереница нелепостей, исходящих от людей, говорящих о предмете, которым они не способны овладеть. В таких случаях нет ничего убедительнее конкретного примера, который покажет, для чего и каким образом это будет осуществляться. В следующем январе мы могли бы, при желании и с разрешения правительства, запустить в Мадрасском президентстве систему частично представительных институтов, за которую выступает Конгресс, за пределы которой он никогда не выходил и не будет выходить в течение многих лет. Позвольте разъяснить, как обстоит дело. Все президентство было разделено на электоральные подразделения, состоящие либо из районов большого города, из большого города и прилегающих к нему округов или горо-

да со всем округом, столицей которого он является; эти подразделения определяются при помощи консультаций с ведущими людьми каждой из местностей, составляющих в целом территорию президентства. Но помимо территориальных подразделений мы предлагаем то, что мы называем секционными электоральными подразделениями, чтобы обеспечить достаточное представительство меньшинств. Одно из них включает Англо-индийскую и Евразийскую ассоциации Мадраса, другое – две местных ассоциации мусульман, остальные – Торговую палату, Ассоциацию торговцев и университет. Должен отметить, что последние три были формально образованы, однако я не знаю, будут ли они действовать, поскольку не получил ответа, хотя две из них обещали ответить после детального рассмотрения нашего предложения. Но это не влияет на нашу схему, хотя в случае их отказа практическое представительство в Конгрессе будет менее совершенным; они, безусловно, присоединятся, если правительство одобрит схему, и это всё, что нас сейчас волнует. Что я хочу пояснить, так это то, что по этой схеме, уже фактически действующей, любые интересы и любые общины, любое значительное меньшинство, равно как и любое большинство может, если оно будет выбрано, быть представлено в числе делегатов, избранных на Конгресс, и, безусловно, в выборном органе, если правительство примет эту схему.

Но вы спросите – как организовать эти выборы на практике? Сейчас они устроены таким образом: в секционных, районных или городских округах в установленные согласно соответствующему уведомлению сроки проводятся публичные собрания, на которых, после должного обсуждения целей и задач Конгресса, избираются делегаты. В более крупных территориальных подразделениях проводятся предварительные собрания в малых городах и в группах деревень, и от каждого из них пять, десять, двадцать человек избираются на главное собрание, где происходят окончательные выборы делегатов от подразделения.

В настоящее время нет никакого избирательного права: любой человек, заинтересованный в вопросе и желающий проголосовать, может это сделать в местном округе, где он живет, или на собраниях – предварительных или окончательных – в территориальных подразделениях. Путем избрания делегат не достигает ни чести, ни славы; всё, что дают ему выборы – это необходимость совершить более или менее утомительное путешествие (обратите внимание, многие из наших делегатов проделали путь в три или даже более чем в четыре тысячи миль в обе стороны, чтобы посетить последний Конгресс), долгое и тревожное путешествие на свои собственные средства. Итак, в данный момент мы не испытываем потребности в кабинах для голосования и избирательном праве, но если бы правительство приняло нашу схему, было бы необходимо ввести возрастной ценз (наши юноши, не достигшие 25 лет, не допускались бы к голосованию) и некоторое образовательное испытание, исключаяющее людей, не умеющих читать и писать – символические условия, которые ради практических целей на долгие годы точно и справедливо разработали бы местные панчаяты; и хотя предварительные и окончательные собрания, вероятно, созывались бы и в дальнейшем, как в Европе и Америке, голоса фиксировались бы на регулярных избирательных участках.

Сейчас существует 43 электоральных подразделения, местных и территориальных, где, согласно существующим договоренностям, избираются 93 делегата на Конгресс – как минимум 3 человека на миллион жителей президентства. Приняв эту схему, правительство приняло бы и этих избранных; тщательно проверив список, оно выдвинуло бы еще 31 человека, тем самым ревностно защищая достаточное представительство любых интересов, которые, по его мнению, не представлены в этом списке в нужной степени, и затем призвало бы этих 124 джентльменов избрать 12 членов в местный совет. Очевидно, что введение этого электорального колледжа, как его называют, между фак-

тическими избирателями и советом устранил любую опасность того, что место в совете займут недобросовестные местные вельможи. Они могут быть большими людьми в своих районах, они могут попасть в электоральный колледж, но если они не обладают действительно выдающимися способностями и независимостью, то затеряются среди 124-х и никогда не займут места на скамьях совета, бесполезно обременяя его.

Далее, помимо 12 выборных членов там было бы 6 ex-officio членов – членов Исполнительного совета, а также двое или трое человек, которых правительство может включить в этот перечень по рассмотрении вопроса, и шесть членов, официальных или неофициальных, назначенных правительством²⁶⁴.

Сразу видно, насколько абсурдно говорить о том, что в таком совете индусы подавляют мусульман. Даже в Мадрасе, где мусульмане составляют очень малую часть населения, индусы не могли бы рассчитывать больше, чем на шесть человек из двенадцати против трех мусульман и трех евразийцев и англо-индийцев. Могут ли эти последние, могут ли официальные или назначенные лица присоединиться к подавлению мусульман? Все это абсурдно, кроме того, говорят не цифры, а способности, трудолюбие и характер. Гнусные заявления, будто мусульмане настолько уступают индусам, что у них не останется шансов, если все классы и секты будут в равных условиях, чудовищны. Я клянусь, что ни один добрый истинный мусульманин никогда не выдвинет такую клевету на своих единоверцев. Разве я не видел тысячи тех и других своими глазами? Разве у меня нет сотен друзей-мусульман? Я говорю вам, что мусульманин всегда мог и всегда сможет быть таким же способным. Посмотрите вокруг: уступал ли хоть в чем-то мой покойный друг сэр Салар Джанг²⁶⁵ мое-

²⁶⁴ См. резолюцию III Второй сессии ИНК (1886 г.).

²⁶⁵ Мир Тураб Али-хан, Салар Джанг I (1829–1883) – премьер-министр

му дорогому другу сэру Т. Мадхава Рао²⁶⁶, хвала Небесам, здравствующему? Неужели Бадруддин Тайбджи²⁶⁷ уступает любому индусскому или европейскому адвокату? Есть ли в любом из судов судья лучший, чем Саид Махмуд²⁶⁸? Или Мохсим Тайбджи²⁶⁹, возглавивший последнюю группу экзаменующихся, не доказал свою способность конкурировать с любым кандидатом, европейским или индийским?

Возьмите моего старого *eleve*²⁷⁰ моулви Мехнди Али, ныне министра доходов в Хайдарабаде. Может ли любое государство в Индии показать более способного чиновника? Возьмите моего старого друга Мир Шаджата Али Хан Бахадура из гражданской службы Мадраса. Отстает ли он хоть на йоту от лучших людей индусской гражданской службы, даже от таких, как мой юный друг г-н Дайярам Гидумал²⁷¹? Нет, как писал недавно мой друг шейх Раза Хусейн²⁷², всё это позорная клевета на мусульман, которые

Хайдарабада (1853–1883).

²⁶⁶ Танджур Мадхава Рао (Мадхаварао Танджаваркар) (1828–1891) – чиновник Индийской гражданской службы, диван Траванкора (1857–1872), Индора (1873–1875), Бароды (1875–1882). Член постоянного комитета ИНК (1887–1889).

²⁶⁷ Бадруддин Тайбджи (1844–1906) – юрист, первый мусульманин-президент ИНК (1887).

²⁶⁸ Саид Махмуд (1850–1903) – судья (Высокий суд, Аллахабад), сын Саида Ахмад-хана (см. примечание на с. 226).

²⁶⁹ Мохсим (Мохсин) Тайбджи (1866–1917) – судья (Бомбей). Первый мусульманский служащий Индийской гражданской службы. Сын Бадруддина Тайбджи.

²⁷⁰ Ученик (фр.)

²⁷¹ Дайярам Гидумал Шахани (риши Дайярам) (1857–1927) – социальный реформатор, ученый и поэт, активный сторонник женского образования в Индии.

²⁷² Вероятно, имеется в виду шейх Раза Хусейн Хан – член мусульманского просветительского общества «Анджуман-и-Ислам», делегат от Ауда на сессии ИНК 1888 г.

и в прошлом, и ныне не уступали и не уступят никому, и в любых преимуществах, вытекающих из улучшенного и постепенно развивающегося управления Индией, они, поверьте, получают полную и справедливую долю в силу своих потомственных способностей, энергии и смелости.

Джентльмены, я столь горячо высказываюсь по этому поводу потому, что обвинить меня в содействии любой схеме, вредящей интересам мусульман, которым в прошлом я был многим обязан, среди которых у меня по сей день много друзей – это оскорбление. Могу ли я забыть смелых друзей и сторонников, которые в черные дни опасности и беды стояли со мной рядом, защищали меня и сражались вместе со мной в 1857 году – постоянно, и было так много случаев, когда их дружба и верность заверялись печатью их собственной жизни и крови? НИКОГДА! Но, боюсь, я уделяю этим нападкам больше внимания, нежели требуется, и потому оставляю изобретателей этой неблагодарной выдумки на суд времени и их собственной совести – если таковая у них имеется.

А теперь (простите мне это отступление, но обвинение в легкомысленном отношении к интересам моих мусульманских друзей причинило мне боль гораздо большую, чем следовало, хотя я и осознаю его ложность; я в долгу перед мусульманами, а неблагодарность столь основательна, что даже святой – боюсь, что я, скорее, наоборот – восстанет против нее), теперь вы увидите, что я показал вам схему введения представительного элемента в наше правительство, которая не только возможна, не только осуществима, но уже фактически действует в Мадрасе и может вступить в силу через шесть месяцев, если правительство того пожелает.

Здесь я ожидаю множество возражений. Все наверняка согласится с тем, что эта схема безобидна, и я верю, что большинство сочтет ее даже желательной. Но некоторые скажут: если вы не пытаетесь взять управление из рук существующего правительства, то что конкретно вы получа-

ете, ведь с советом, созданным по вашему предложению, правительство почти всегда будет в большинстве? Конечно, так и будет. Разве может разумный человек желать чего-то иного? Но выгода, огромная выгода будет заключаться в следующем.

Во-первых, правительство как здесь, так и в Англии, и в особенности великая английская нация впервые получают возможность твердо и несомненно уяснить, что говорит и чувствует, о чем мыслит большинство образованных и разумных миллионов жителей Индии. В настоящее время ни правительство, ни его хозяин – народ Англии – не имеют такой возможности, а, следовательно, существующее правительство в большей или меньшей степени знакомо с ситуацией лишь умозрительно и, таким образом, является ненадежным. Во-вторых, неофициальная часть сообщества впервые получила бы признанную и влиятельную платформу, с которой могла бы без тени сомнения заявить о нуждах и чаяниях страны. И если они будут совершенно уверены в своей правоте, и народ Англии поддержит их, рассмотрев существо вопроса, ни одно правительство не сможет жестоко попрасть значительное меньшинство в совете.

Далее, наша схема предполагает, чтобы право интерpellации было дано всем членам совета, дабы не только обеспечить скорейшее устранение всех недоразумений между правящими и управляемыми, но и гарантировать удовлетворение всех бесчисленных жалоб путем полной проверки всех злоупотреблений и нарушений на местах. Немаловажно, что это практически проверило бы реформу, охватывающую все направления, и, несмотря на тихие и постепенные действия, это дало бы больше для счастья людей и укрепления нашего союза с Англией, чем любой другой шаг, который может быть предпринят.

Опять же, другие возразят, что всё это прекрасно, но у нас не было такой регулярной системы выборов, какую вы описываете: напротив, делегаты избирались на встречах,

где собирались 200-300 человек, в лучшем случае только частично представляющих отдельные города – у нас нет здесь никаких электоральных подразделений. Совершенно верно; эти провинции очень отсталые, и ни одна из них не продвинулась в этом деле, как Мадрас, но организация идет по всей стране; полным ходом – в Деккане, Конкане, Гуджарате, Бенгалии, в начальной стадии – в Бераре и Центральных провинциях; и, прежде чем закончится год, даже в этих провинциях и Пенджабе будут созданы электоральные подразделения, которые будут работать, хотя, возможно, не столь регулярно, как в Мадрасе. Но в этом и состоит метод Конгресса – постепенное развитие и распространение, сначала популяризация идеи, первый, грубо высеченный блок, а затем – из года в год – разработка более совершенной симметрии и деталей.

Но я вновь предвижу, что многие скажут, будто эта схема далека от совершенства. Ничто не может быть вернее этого; но все же, нет возражения столь же смехотворно бесполезного. Какое человеческое установление было или когда-либо будет совершенным? Совершенна ли нынешняя система представительства в Англии? Что же до совершенства, наша схема, при пристальном рассмотрении, по меньшей мере, в десять раз совершеннее той, которой пользовалась Великобритания в 1830 году, после 600 лет развития представительных институтов. Позвольте мне прочесть вам конституционную историю. В ней я нахожу, что в то время один пэр имел одиннадцать, другой – девять, и многие прочие – по шесть-семь представителей, которых они садили в Палату, *motu suo*²⁷³ как своих слуг, исполнявших их заветы, не более и не менее, за исключением того, что им дозволялось заработать немного денег для себя. Тогда города, такие, как Бирмингем, Манчестер, Лидс, не были представлены в парламенте, но дюжины мелких округов, числом избирателей от 60 до всего-

²⁷³ По своему усмотрению (лат.).

навсего шести в каждом, избирали членов Палаты общин. Наша схема, во всяком случае, по сравнению с той, представляет собой огромный прогресс и потому достаточно хороша, осмелюсь заметить, для первого опыта здесь. Мы довольны ей, а те, что хотят приблизиться к теоретическому совершенству, пусть радушно присоединяются к нам и помогают нам советами, чтобы достичь более высокого уровня развития.

Это, без сомнения, крепкая, практичная, осуществимая схема. Позвольте же нам с нее начать и улучшать ее по мере накопления опыта.

Еще один тип возражающих – друзья, которые приходят с торжественными лицами и говорят серьезным голосом: «вы предполагаете добро, но возбуждаете страсть, волнуете чувства и не можете предвидеть результат; вы освобождаете силы, которые не можете контролировать», – и они определенно чувствуют себя неуютно, воображая страшную революцию, к которой наш мирный труд, по их предположению, может привести – несколько неясным способом – в туманном будущем. К сожалению, а вернее, к счастью для Индии и Англии, к счастью для всего человечества факты свидетельствуют об обратном. Это британское правительство – и его благородный энтузиазм в деле освобождения великого народа (Господь верит в него!) из оков невежества – путем широкого распространения западного образования и западных идей свободы, прав подданных, общественного духа и патриотизма высвободило эти силы, которые при отсутствии разумного контроля и руководства могут, безусловно, привести к последствиям, слишком губительным, чтобы их можно было представить. И именно для того, чтобы ограничивать и направлять эти силы – пока еще есть время – в те русла, где они могут благоприятно течь и безопасно нести на своих волнах корабли прогресса и процветания, было задумано движение Конгресса. Правительство, в целом, никогда не осознавало огромных масштабов грядущего потока, по-

рожденного той благородной политикой, выдающимся представителем которой в 1833 году был лорд Маколей²⁷⁴. И это мы – Конгресс – широко или малоизвестные, беззаботно относящиеся к тому, что говорят о нас, если только Господь благословит наши усилия, мы, стоящие между страной и грядущим развитием, трудимся, трудимся почти неистово над тем, чтобы вовремя построить каналы, в которые этот прилив хлынет не с тем, чтобы нести разрушение и гибель, но с тем, чтобы удобрять и возрождать.

Повсюду под вашими ногами рассыпан порох, который от случайной искры, где и когда угодно, может стать причиной разрушения империи. Мы те, кто собирает этот порох в бочки и ответственно наблюдает за ними, таким образом, даже сейчас сводя к минимуму опасность, и мы обещаем сделать все таким же безопасным, как на нашей родной земле прежде, чем подойдет к концу следующее десятилетие. Разве вы не видите, что наши электоральные подразделения, за каждым из которых наблюдают лучшие и способнейшие люди на местах, связанные с наиболее влиятельными деятелями подразделений, руководствуясь советами самых способных людей провинции или президентства – это механизм, который создаст серьезную защиту от незаконных и неконституционных действий?

Разве вы не понимаете, что, охватив огромные массы низшего среднего класса прежде безрассудных демагогов, которых в противном случае неизбежно породит грядущая четверть столетия, и, прививая им мягкую и безвредную форму политической лихорадки, мы используем единственный надежный метод против неминуемых бедствий, несомых насильственными беспорядками, что вспыхнут подобно эпидемии? Я знаю, что и в Соединенных провин-

²⁷⁴ Томас Бабингтон Маколей (1800–1859) – британский государственный деятель (либерал), историк, писатель. Член Совета при генерал-губернаторе Индии (1833–1838), один из наиболее активных сторонников внедрения английского языка и образования в Индии.

циях, и в Пенджабе есть множество чиновников – хороших и верных, но недальновидных людей – публично и в частном порядке делающих все возможное, чтобы препятствовать прогрессу и счастливому развитию нашего великого и благотворного движения; но, джентльмены, это хорошие люди и они действуют исходя из благих побуждений, хоть и заблуждаются, а потому впоследствии они будут сожалеть о том, что вступили в противостояние, предварительно не взяв на себя труд полностью разобраться в нашем движении. Но то, что застигает их взгляд – лишь мимолетное облако, и пройдет совсем немного времени, прежде чем лучшие из них начнут осознавать, что организация Конгресса есть растущий источник, что усилит их и укрепит управление; и, как сделали уже многие окружные чиновники, они ненавязчиво встанут во главе местных движений благодаря своей мудрости, способностям, опыту и положению, обеспечив тем самым еще одну гарантию их успеха. Ах, мои дорогие друзья! Если бы вы знали Индию так же, как я, пусть бы вы знали всего половину того, что известно мне, вы бы поняли, каким великим могло стать грядущее бедствие, которое, благодаря Провидению, суждено было предотвратить нашему движению, и каждый из вас присоединился бы к радостному кличу ваших индусских братьев, услышанному нами в Мадрасе –

КОНГРЕСС ДЖИ КИ ДЖАЙ! КОНГРЕСС ДЖИ КИ ДЖАЙ!

Выступая в этих провинциях, я, однако, должен коснуться еще одного вопроса. Я делаю это крайне неохотно, потому что здесь с одной стороны стоит наша многолетняя дружба, а с другой – священный долг, обязывающий каждого человека говорить правду без страха и любезностей, когда на кону интересы его страны и его соотечественников. Я говорю, конечно, о неблагоприятном расколе, внесенном частью мусульман, который угрожает на некоторое время нарушить гармонию нашего движения и замедлить

осуществление благих стремлений лучших друзей Индии. Обращаясь к этому вопросу, я четко различаю, что есть проповедуемые доктрины, а есть люди, которые их проповедуют. Против тех джентльменов, которые, смею надеяться, из благих побуждений отстаивают – однако, неразумно и слепо – эти доктрины, я не могу сказать ни единого слова. Их совесть будет им арбитром, который оправдает или осудит их. Но учение, проповедуемое ими, я должен осудить со всей строгостью.

Ибо, как обстоит дело? На одной стороне мы – Конгресс, проповедующий единство, братство, доброту и терпимость ко всем, приятное соединение усилий в улучшении положения целой нации и осознание того факта, что, будучи подданными одного возлюбленного суверена, детьми и жителями одной и той же страны, мы все братья, чьи добрые и злые судьбы неразрывно связаны. Развитие одной части ведет к выгоде для всех, и ущерб одной части – к урону для всех. Это и есть, как я смиренно представляю себе, Господне Евангелие мира и доброты среди людей. По другую сторону находятся определенные противники этой хорошей работы, которые учат мусульман, что индусы им не братья, что они составляют другую нацию и у них разные интересы. Они всячески разжигают недоверие и религиозную враждебность в умах мусульманского населения против их индусских братьев. Я осуждаю это, как дьявольскую доктрину раздора и раскола. Да, и по плодам их узнаете их. Десять долгих лет мир царил во всех городах Верхней Индии. Даже низшие классы индусов и мусульман дружно жили вместе; старый демон религиозной ревности, зачавший при нашем добром и терпимом британском правлении, спал мертвым сном, но эти несчастные пробудили его к жизни, выкрикивая свои дурные догмы раздора, и за последние два года едва ли найдется хоть один город в Северной Индии от Джабалпура до Лахора, где не было более или менее серьезных трений между невежественными классами наших двух великих общин.

Таковы плоды пропаганды наших оппонентов; и эти новые доктрины раскола также прямо и непосредственно несут ответственность за все грехи и страдания, а в некоторых случаях даже кровопролития, как человек, добавляющий в пищу брата своего яд, ответствен за его смерть. Этот человек может подлить яд по невежеству и из самых благих побуждений, и только так некоторые из мусульман отравили умы своих единоверцев; но пока мы оправдываем этих людей – пока мы помним ту службу, которую они несли в другое время – мы, как честные люди, обязаны осудить и отвергнуть великое зло, причиненное их словами. Однако прежде чем покончить с этой темой, я хочу сказать несколько слов всем сторонникам Конгресса и просить их быть верными принципам нашего дела и поступать со своими оппонентами со всем милосердием. Если они бранят и оскорбляют нас, давайте не будем сопротивляться, но твердой рукой искоренять ошибки и пустословие, которые они навязывают обществу; но что касается людей – помните, что они тоже наши братья, братья, которые, быть может, нападают на нас и наше дело, но под воздействием неверных представлений той или иной природы; потому удовольствуйтесь чувством, что независимо от того, с нами они или противостоят нам, мы по-прежнему обладаем радостной привилегией равно служить и их благу, и общему благу всех, и рано или поздно насладимся блаженной местью расплаты добром за зло.

Я надеюсь, что все услышат мои слова и поймут, что ни один человек, смешивающий личную неприязнь с политическими действиями, ни один человек, лелеющий любую недоброжелательность по отношению к нашим оппонентам лично, ни один человек, с гневом, пусть и справедливым, отвечающий на злые и несправедливые атаки, не может быть верным сторонником нашего движения, лозунг которого:

МИР, ПРОГРЕСС И ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ КО ВСЕМ.

Но, опять же, существует немало тех, кто скажет: «Ваши заявления и принципы превосходны, но как вы относитесь к тем членам вашей партии, признанным сторонниками Конгресса, кто не только не воздерживается от брани в адрес своих противников, но хулит и оскорбляет лучших и самых дружелюбных из наших правителей, насмехается или брюзжит по поводу всех действий правительства – хороших ли, плохих или посредственных?» Ну, во-первых, я должен ответить, что их немного, и только неважные люди занимаются этим. Я признаю, что есть небольшое число приверженцев Конгресса, кто, как я говорю, пользуется плохим языком. Мне, однако, мучительно сознаваться в том, что в своей долгой жизни я встречался не с несколькими, а с большим количеством верующих христиан, кто также использовали плохой язык – слишком плохой, чтобы я мог передать вам – но должны ли мы осуждать и держаться в стороне от христианства лишь потому, что некоторые или многие из тех, кто называет себя христианами неспособны понять дух его божественных принципов? Осуждаете ли вы или держитесь в стороне от Конгресса потому, что некоторые из его приверженцев неспособны понять тот благородный дух, в котором он был задуман? Разве когда Господь сеял пшеницу, враг никогда не приходил и не сеял плевелы? Неистово переплетаются в сети жизни черные и белые нити зла и добра. Бесполезно предполагать, что любое человеческое начинание или движение, пусть чистое и благородное по замыслу и духу, будет всегда полностью свободно от небольшой бахромы низости и зла. Но в ваших руках есть средство против этого. Пусть каждый добрый человек присоединится к нам искренне, и мы в скором времени избавимся от большей части этой нежелательной бахромы.

Но остаются два типа возражающих, позиции которых более рациональны, чем те, которые мы рассматривали прежде. Один из них представлен выдающимся чиновни-

ком, который недавно писал мне: «Ваши принципы не вызывают возражений, ваши схемы в высшей степени искусны, но для меня это никуда не годится, поскольку кажется преждевременным». Сейчас, в некотором смысле, глядя только эти на отсталые провинции, автор вполне прав; для этих провинций, взятых отдельно, где нет никакого форс-мажора, мы вполне можем подождать дюжину лет прежде, чем попытаться ввести здесь избирательную систему. Но я попытался дать вам понять, что у нас нет лишнего времени. В разных концах империи эта мера не преждевременна, и мы не можем ждать, пока эти отсталые провинции медленно достигнут необходимого состояния, но должны прилагать особые усилия, чтобы ускорить этот процесс. Я не сомневаюсь, что в основе озвученного возражения лежит мудрая цель, поскольку те, кто выступает против нас в этих отсталых провинциях, без сомнения, благонамеренные люди, ибо это дает больше для популяризации Конгресса, для пробуждения политических инстинктов и созревания политического чувства здесь, нежели любая поддержка, которую они могли бы нам оказать.

Следующее и последнее возражение против нашей схемы законодательных советов похоже на предыдущее тем, что оно признает ее достоинства; те, кто возражает, говорят: «Схема должна начать работать снизу, а вы начали не с того конца, вам следовало дождаться, пока муниципальные и местные советы не достигнут превосходных успехов в вопросе представительства, и тогда мы бы дали вам окружные советы; и, наконец, когда последние тоже начали бы работать совершенно эффективно, мы дали бы вам советы президентств, о которых вы просите, более представительные, чем вы просите». Сейчас это выглядит очень правдоподобно, но на проверку едва ли окажется правдой. Прежде всего, работая так, как сейчас, по всей стране, благотворная схема местного самоуправления лорда Рипона никогда не достигнет совершенного успеха, просто потому, что во многих местах в нее вмешиваются

чиновники — так, что многие члены никогда не чувствуют никакой настоящей ответственности и лучшие люди исполняются отвращения и теряют к ней интерес. Не будет преувеличением сказать, что на данный момент местное самоуправление примерно на половине территории страны не более чем притворство, не потому, что люди некомпетентны, а потому, что чиновники излишне усердствуют в попытках сделать все наилучшим образом — даже дать людям играть по правилам. Нет абсолютно никакой надежды выстроить из этих советов провинциальную представительную систему. Но мы вновь должны отметить, что в Англии она строилась так же, как начинаем мы — от советов высшего ранга, и только когда те стали в высшей степени развитыми, начались попытки введения сколь-нибудь широкого местного самоуправления. Крайне сомнительно, что какое-либо малое и слабое местное представительное учреждение сможет выстоять перед лицом всесильной аристократии и бюрократии прежде, чем не появится сильный представительный орган, который сможет их контролировать.

Таким образом, я надеюсь и верю, я честно и полно раскрыл перед вами схему Конгресса по введению в управление страной представительного элемента, ответил, по мере сил, на главные возражения против нее, которые слышал, доказал, что она абсолютно приемлема и принесет много полезных результатов, если будет принята. Если бы только у меня было время, если бы я еще не злоупотребил вашим вниманием настолько, что, боюсь, вам будет трудно когда-либо простить меня, я мог и хотел бы шаг за шагом рассказать о каждой резолюции, принятой на трех Конгрессах, и, полностью изложив их и показав вам, как именно меры, рекомендованные ими, могли бы работать на практике, убедить вас в том, что (хотя вы можете не вполне согласиться со всеми из них) среди резолюций нет ни одной бессмысленной, и менее того — во что глупые люди притворно верят — нелояльной; ни по одной из них мудрый,

беспристрастный человек, любящий Англию или Индию, не выскажет ни единого серьезного возражения. Но уже глубокая ночь; и, подводя итоги, я могу заявить, что показал вам, что, равно как и в основных принципах его создателей, в особых целях, разработанных ими, которым содействует Конгресс, так и в наших методах, принятых для достижения этих целей, и в средствах, рекомендуемых Конгрессом, есть очень многое, за что можно рекомендовать наше движение всем добрым и мудрым людям, и ничего, абсолютно ничего, чтобы отвратить симпатию и самое сердечное сотрудничество в нашей благотворной работе любого из них.

Но я не могу задерживать вас больше. Как бы то ни было, я не могу найти слов, достаточных для того, чтобы выразить благодарность за вашу доброту и величайшее терпение, с которым вы выслушали меня; и если мои простые слова помогли любому из вас, кто до сего дня смотрел на Конгресс с неприязнью, понять, что это – великая растущая сила, трудящаяся во имя справедливости, столь великая, что даже грандиозные собрания и их резолюции составляют лишь часть его работы, и что это действительно гигантский образовательный механизм, предназначенный для того, чтобы улучшить умственное и моральное состояние и политический статус целой нации – тогда ваше величайшее терпение не было напрасным, и мои скромные усилия будут увенчаны успехом, которого (и я чувствую это особенно остро) я едва ли достоин.

Audi alteram partem²⁷⁵

(Два письма, посвященных отдельным аспектам движения Индийского национального конгресса)²⁷⁶

Найнитал, 18 октября 1888 г.

Мой дорогой Юм,

В своем письме 25 сентября я обещал вам, что отвечу на ваше письмо от 19 числа того же месяца, как только закончится моя поездка. Незамедлительно исполняю данное обещание.

2. Я должен поблагодарить вас за тот доброжелательный дух, в котором выдержано ваше письмо, и за информацию, которую вы мне дали относительно заявлений, затрагивающих мое отношение к партии Конгресса, которые дошли до вашего слуха. Вы пишете: «Если излагать дело максимально сжато, важнейшие пункты этих заблуждений таковы: что вы лично враждебно настроены в отношении Конгресса, что вы хотите краха всех, кто играет в нем важную роль, что вы будете покровительствовать и вознаграждать всех, кто противостоит ему, и что ни один человек не может рассчитывать на продвижение или рекомендацию от вас, если он не хочет тратить деньги на противостояние Конгрессу и публично или в частном порядке не осудил его».

3. «Теперь, хотя это может показаться чудовищным, в это не просто верят, но и я с трудом могу отыскать в душе желание высмеивать или ругать (как я делаю) тех, кто принимает такую абсурдную ложь, потому что, к сожалению».

²⁷⁵ Услышать другую сторону (лат.).

²⁷⁶ Перевод осуществлен по изданию: Audi alteram partem: being two letters on certain aspects of the Indian National Congress Movement. Simla : Station Press, [1888].

нию, она распространялась не только такими людьми, как сэра Саид Ахмад²⁷⁷, который говорил всем своим друзьям, будто одно из его смехотворных выступлений было сделано по вашему предложению, но и ответственными европейскими чиновниками, которые, как мне кажется, не могли верить в то, что говорили людям».

4. После описания того, какими, по вашему мнению, могут быть мои взгляды, вы добавляете: «Теперь, если ваша позиция действительно такова, расскажете ли вы об этом? Выступите ли по этому поводу? Напишите ли это в письме, которое я смогу опубликовать, или содержание которого смогу использовать, чтобы частным образом показать его всем тем, кто не верит, если вы не дадите разрешения на публикацию? Или вы предпримете иные шаги, чтобы прояснить ситуацию?»

5. Прежде чем говорить на эту тему дальше, я должен восстановить справедливость в отношении старого друга, сказав, что не только мои слова были искажены. Я знаю сэра Саида Ахмада последние тридцать лет, и нашел его (полагаю, так считают все, кто с ним знаком) в высшей степени правдивым человеком. У меня нет ни тени сомнения, когда я говорю, что такое заявление, какое приписали ему ваши осведомители, из уст Саида Ахмада абсолютно невозможно, поскольку иначе я должен был бы взять на себя ту безусловную роль, которую в то же время приписывают мне. То, что я должен сказать в этом письме, по существу совпадает с тем, о чем я говорил со всеми, с кем мог обсуждать этот вопрос. Это позволит вам судить о том, насколько взгляды ответственных европейских чиновников, о которых вы говорите, подвержены моей власти в отношении тех взглядов, которые, как вы говорите, они при-

²⁷⁷ Саид Ахмад-хан (Саид Ахмад бин Саид Мухаммад Мутаки) (1817–1898) – индийский мусульманский просветитель, реформатор и писатель. Один из основателей Алигархского университета. Создатель теории «двух наций», убежденный противник ИНК.

писывают мне.

6. Если я буду вынужден в какой-то значительной степени, в зависимости от того, что я должен сказать, разойтись с вами во взглядах или критиковать с позиции, которая может разочаровать вас, действия партии Конгресса, я надеюсь сделать это в духе умеренности и разумности, в котором и вы писали мне. Движение, которое привлекает внимание и тех, кто занимается управлением, и широкой общественности в целом, неизбежно должно быть серьезно взвешено и проверено всеми, кто живет в Индии, и особенно теми, кто несет ответственность за управление ее провинциями. Критикам правительства следует ожидать, что их, в свою очередь, также будут критиковать. В равной степени неизбежно, что выводы, полученные теми, кто подходит к этому вопросу с разных точек зрения, во многом должны различаться; и я должен просить вас (будучи совершенно уверенным в том, что вы с радостью мне уступите) предоставить мне, когда наши взгляды будут отличаться, такой же кредит доброжелательности и расположения, какой и вы могли бы требовать и получить из моих рук.

7. «Если в этом движении есть что-либо, могущее вызывать возражения, то оно должно заключаться либо в его методах, либо в его действиях». Вы вспомните эти слова из вашей речи в Аллахабаде 30 апреля²⁷⁸, и все, что я теперь должен сказать, вполне может следовать этим строкам.

8. Я могу сразу признать, что до недавнего времени, фактически, до тех пор, пока не был опубликован отчет о третьем «Индийском национальном конгрессе»²⁷⁹, прошедшем в Мадрасе, я мало что мог возразить, будь то по методу или по действиям. Сомнительно, чтобы в нынешнем зачаточном состоянии политической жизни в Индии

²⁷⁸ См. с. 203.

²⁷⁹ Report of the Third Indian National Congress, held at Madras on the 27th, 28th, 29th and 30th December, 1887. London, 1888.

такая агитация, которая вдохновляется действиями Конгресса, могла привести к какому-то подобию желаемых результатов. Этот эксперимент для Индии совершенно новый, и сопутствующие обстоятельства не вполне благоприятны для его развития. События также показали, что те, кто ожидал, что агитация вызовет ответную агитацию, и что мы должны вскоре увидеть страну, разделенную на два или более враждебных лагеря, были правы в своих догадках. Остается также неясным, возможно ли в стране, где управление осуществляется в условиях, какие мы имеем в Индии, разрешить соперничающим сторонам такую же свободу политических действий и неконтролируемую свободу организации, которая в Англии была достигнута сравнительно недавно, после долгих столетий и в самых различных условиях. Но, как бы это ни было, я, по крайней мере, не увидел ничего достойного серьезного возражения в методе, принятом на первых двух Конгрессах; многое, напротив, было для меня интересным и новым. Предпринятые действия казались мне не столь привлекательными для народа той части Индии, с которой я больше всего знаком, но любые возражения, которые они, возможно, вызывали у меня, были возражениями по форме, а не по содержанию. Я полагал, что людей этой провинции мало беспокоит упразднение Совета при государственном секретаре и абсолютно не заботит волонтерство. Но, с другой стороны, если мне казалось, что требование о сколь-нибудь значительной системе представительства не будет понято и поддержано значительным числом населения здесь, в силу нынешнего состояния его политического развития, я всецело был на стороне партии Конгресса в желании расширения Законодательных советов – о той мере, которая занимала умы высших властей страны задолго до того, как мы услышали о Конгрессе, и независимо от его инициативы.

9. Однако я с величайшим сожалением должен признать, что с выпуском отчета о собрании в Мадрасе, симпа-

тия, с которой я прежде смотрел на партию, прошла суровую проверку. В речи, на которую я ссылался выше, вы говорите: «Каковы же эти методы? Во-первых, тихое, спокойное обучение и проповедь простых, элементарных политических истин на большей части территории страны. Людей учат осознавать многие выгоды, которыми они обязаны британскому правлению, и тот факт, что их надежды на мир и процветание страны зависят от мирного продолжения этого правления. Их учат тому, что многие трудности и недостатки, на которые они жалуются, в конце концов, хоть и вполне реальны, малы в сравнении с тем благом, которым они наслаждаются.... И это обучение продолжалось столь тихо и ненавязчиво, что ни разу не привлекло даже серьезного внимания, и гораздо меньше – неблагосклонных комментариев. Во-вторых, среди наших методов есть распространение простых брошюр, излагающих подобные доктрины и воплощающих учения подобного рода в отношении прав и обязанностей подданных. Две из них, а именно «Катехизис Конгресса» г-на Вирагачавачарьяра и «Беседа между моулви Фаридаддином и Рамбакшем из Камбатхпура», в прошлом году были распространены в количестве 50 тыс. экземпляров, и, возможно, полмиллиона копий будет распространено в текущем году. Насколько мне известно, это единственные брошюры, которые уже разосланы. Хотя их можно прочесть на любом из двенадцати языков Индии, они публикуются и на английском языке, и каждый из вас может судить о них самостоятельно. Я утверждаю, что по прочтении не найдется никого, кто не согласится с тем, что они лояльны и доброжелательны как духом, так и буквой».

10. Я хотел бы согласиться с вами в том, что путем обучения, проповеди и элементарных уроков, или, по меньшей мере, тех из них, с которыми я познакомился, люди учатся осознавать многие выгоды, которыми они обязаны британскому правлению, и тот факт, что от мирного продолжения этого правления зависят все надежды на мир и

процветание страны; или что памфлеты, на которые вы ссылаетесь, лояльны и доброжелательны как духом, так и буквой. Я внимательно и несколько раз прочел их, и в то время как я нахожу частые отрывки, подобные тем, что я приведу ниже, выставяющие, к негодованию людей, британское правительство и английских чиновников в Индии как несправедливых, невнимательных, плохо информированных и не задумывающихся о последствиях своих действий, я не смог найти ни единого отрывка, где были бы упомянуты преимущества, дарованные Индии этим правлением. Кое-где некоторым из чиновников правительства Индии отдается дань уважения если не за хорошую службу, то, по крайней мере, за добрые намерения. Но все, что можно сказать по этому поводу, более чем скрыто за густыми темными тонами картины. Я не могу найти ни единого звука признания о сегодняшней Индии, как мы ее знаем: располагающей образованием, вынужденной подчиняться беспристрастному правосудию в интересах более слабых масс, связанной дорогами, как обычными, так и железными, входящей в число первых рынков мира, Индии религиозной терпимости, Индии, которая долгие годы, неслыханные в менее удачливой Европе, уверена в крепком и нерушимом мире, Индии свободной прессы, наконец, Индии, впервые познавшей, что цель и конечный итог правления – это благосостояние народа, а не возвеличивание суверена. Это брошюры, которые, как нам рассказывают в предисловии к последнему отчету Конгресса, рассылаются тысячами по стране, и за содержание которых критики Конгресса неизбежно считают ответственными лидеров партии. Я приведу некоторые из пассажей, иллюстрирующие критику, с которой я должен выступить. Я полагаю, что они грубо выставяют в ложном свете британскую администрацию в Индии и учат людей приписывать ей страдания и обиды, не определенные или даже не указанные; при этом они снова и снова настаивают, без принятия мер, диктуемых откровенностью и осто-

рожностью, чтобы невежественные и неграмотные люди – иными словами, чтобы большинство тех, кому адресовано их содержание – вменяли в вину этой администрации все то, что, будучи трудным и неприятным, является необходимым и неизбежным в обстоятельствах, обременяющих их жизнь. Сначала я приведу цитату из «Тамильского катехизиса»:

«Они никогда не осознавали наших лишений. Если бы наши обиды предстали их взору в истинном цвете, вы можете быть уверены, что они постепенно были бы исправлены. Английская нация в целом не имеет понятия обо всех трудностях и недостатках, при которых мы трудимся здесь при существующем управлении. Английские чиновники в Индии никогда не сообщают парламенту о том, что мы считаем подлинным состоянием нашей страны... Они непременно верят в то, что все, что они делают – правильно, и что все осуществляется наилучшим образом; наконец, они, естественно, не хотят сокращения своего жалования или полномочий, что неизбежно последует, если английская общественность поймет, как действительно обстоят дела в настоящее время».

Далее:

«Только упорствуя в агитации, мы можем сделать так, что о наших жалобах услышат в Англии. Если английская нация начнет проявлять интерес к делам нашей страны, то оппозиция англо-индийских чиновников, желающих сохранить текущее положение, вскоре перестанет быть эффективной... Правительство предлагает некоторым местным джентльменам занимать места в совете, просто чтобы создать видимость и убедить английский народ в том, что в управлении этой страной туземное мнение имеет должный вес... »

Далее:

«Правительство в основном выбирает не тех людей, которые будут бороться за наши права, но более или менее глупых “больших” людей, кто будет делать то, что им говорит правительство. Отсюда следует, что лишь очень немногие из туземцев, которые доселе сидели в совете, старались делать добро для нас.... Итак, вы видите, что даже если бы наши люди пытались сражаться за нас, что случается крайне редко, они ничего бы не смогли сделать, потому что эти советы – всего лишь фикция».

Далее:

«Прогресс и реформы в равной степени невозможны... Члены, обязанные своими местами в совете доброй воле правительства, естественно, как правило, голосуют в его пользу. Они не осмеливаются бороться за дело народа, боясь не быть переизбранными».

11. Для меня, кто был свидетелем дебатов по бенгальскому закону об аренде²⁸⁰ в вице-королевском Законодательном совете в 1885 году, кто содействовал принятию в 1886 году аудского закона об аренде²⁸¹, где правительство утвердило и поддержало права земледельцев, кто видел сильную оппозицию со стороны бенгальских заминдаров и аудских талукдаров²⁸², умело руководимую и последовательно проводимую их представителями в Законодательном совете, кто имел возможность, могу добавить, в то же самое время восхищаться способностями и тщательным анализом предмета, которые характеризуют заседания специального комитета, утверждение, содержащееся в этих пунктах, будто совет является бутафорией, что прогресс и реформа одинаково невозможны, что правительство не будет выбирать членов, которые борются за то, что, по их мнению, является их правами, что туземные члены совета никогда не выступают против правительства, что меры правительства препятствуют правам людей – это просто потрясающе. Ведь в интересах того самого класса, райятов, которым адресованы эти памфлеты, правительство боролось с оппозицией туземных членов законодательного совета в обоих случаях. Мне кажется невероятным, чтобы после нескольких месяцев оппозиции и общественных волнений, вызванных этими случаями, кто-то

²⁸⁰ Bengal Tenancy Act 1885 (Колвин называет его «Bengal Rent Act») определял права бенгальских заминдаров и их арендаторов.

²⁸¹ Oudh Rent Act 1886.

²⁸² Талукдар – владелец поместья (талуки) в Северной Индии.

мог написать пассажи, на которые я обращаю внимание. Они могут пройти в Англии, потому что, как весьма верно сказано в том же памфлете:

«Английская нация вовсе не осознает истинного положения вещей здесь.... Все, коротко говоря, отличается настолько, что англичанин, никогда не живший в Индии, должен *заниматься* регулярным изучением предмета».

Мы, однако, чье дело всей жизни – регулярное изучение предмета, должны глубоко сожалеть о том, что те, кто осведомлен не меньше, чем мы, приводят подобные примеры ради своих попыток изменить схему администрации в Индии. Мой собственный опыт в том, что касается туземных членов Законодательного совета, состоит в том, что они апатичны, когда обсуждаются вопросы, которые не заботят их непосредственно, но если они считают, что затронуты их интересы, они приходят в боевую готовность. Каким могло бы быть их отношение, окажись они в оппозиции к правительству в некотором большом политическом вопросе, ни вы, ни я не сможем сказать. Но если предположить, что они придали бы большое значение этому вопросу, они бы действовали в соответствии с тем, что мы знаем о них из опыта.

12. Я перехожу теперь ко второму памфлету. Здесь изображено отличие между счастливой жизнью поселенцев Шамшпура и тех, кто живет под властью раджи Харбансрая:

«Он (раджа Харбансрай) живет в саддере и никогда не подходит к нам, и не читает наших ходатайств, и никогда не советуется с нами; на самом деле, он никогда не видит нас, а приказывает нам говорить с наибом или гомаштой (посредником), что живет в доме раджи здесь. Что же до гомашты, то он не знает ничего о нас или нашей деревне, приезжает на шесть месяцев и уезжает, потом опять приезжает на пару лет и опять уезжает, опять приезжает и уезжает и так далее. И, кроме старого доброго Рай Сачарама, не было наибо или гомашты, который бы не думал, будто знает все обо всем лучше, чем мы вместе взятые. Все

они такие, эти гомашты. “Джау, Чупрахо!” (Поди прочь! Прикуси язык!), “делай то, не делай это, плати здесь, плати там!”

Моулви Фаридаддин: Ну, когда правительство ведет себя так, как это делает раджа Харбансрай, мы называем это “деспотическим” правительством. А твоя деревня процветает?

Рамбакш: Как же процветает? Вы ведь знаете, моулви-сахиб, не бывает дня, чтобы в суде не было иска из Камбахтпура, мы становимся беднее и беднее, земля перестает обрабатываться, а у нас едва хватает волов, чтобы продолжать вспахивать то, что еще осталось. Взгляните на улицу – половина домов чуть ли не в руинах, а два магазина абкари, которые установил тут Сиркар, всегда полны. Даже этот чопал, построенный предками, такой нужный для наших встреч и для гостей, лежит в развалинах. Гляньте на Шамшпур: там вдвое больше людей, чем в этой басти (деревне), но там нет магазина абкари, и ламбердар говорит, что никогда не будет, и все скажут так же. Действительно процветает! Из всех жалких мест зиллы Камбахтпур чуть ли не хуже всех.

Моулви Фаридаддин: Боюсь, это чистая правда. Но почему так? Раджа Харбансрай не плохой человек. Я живу в саддере и часто вижу его. Он довольно добрый и хороший человек, хотя он так занят своим большим домом здесь и полками слуг, что не имеет времени позаботиться о делах в мофуссилье.

Рамбакш: Именно так. Я не говорю, что он плохой человек, но мы его никогда не видели. Мы посылаем ему ходатайства, но он не замечает их. Что касается пользы для нас, так уж лучше бы он умер – ведь ему нужны деньги, и почти каждый год все больше, больше денег, пока от нас, бедняков, не останутся лишь кожа да кости. Эх! Если бы мы были просто скотом, как сказал сахиб, мы могли бы получить рупию или две с наших шкур; это почти все, что у нас есть».

Раджа Харбансрай, очевидно, является правительством Индии, а губернаторы провинций, я полагаю, его наибы; и памфлет просит невежественных людей поверить, что именно из-за его правления они становятся все беднее и беднее, что земля не обрабатывается, что у них едва хватает волов, чтобы продолжать вспахивать то, что еще осталось, что половина домов чуть ли не в руинах, что винные магазины всегда полны, что из всех жалких мест на земле Индия едва ли не хуже всех, и что шкуры ее жителей – это

все, что у них осталось. Памфлет продолжается.

«Моулви Фаридаддин: Ах, Рамбакш, Чота-сахиб может думать, что вы скот, но вы мудрее него. Эта злая дастур, что разоряет вас, ваших соседей и деревню – “деспотическая” (Ичад муктияр) дастур. И когда правители управляют своими подданными таким образом, мы называем такое правительство “деспотическим”, и оно всегда разоряет страну, если существует в ней очень долго. Оно может быть необходимо в младенчестве нации, дабы предотвращать преступления, сопровождающие ее рост. Теперь ты знаком с обеими системами; ты видишь, как Шамшпур процветает при “конституционной” системе, и ты знаешь, к чему пришел Камбахтпур при “деспотической” системе. Есть ли сомнения, какая из двух систем лучше?

Рамбакш (после некоторого размышления): Ну, наша добрая Королева-Императрица, конечно, никогда не приходит сюда, и мы никогда не видим ее, и я слышал, что в прошлом году люди из Хакикатабада отправили ей петицию, и, как говорят, почти лакх человек подписали ее, но она не обратила на нее никакого внимания. Но они сказали, что она так занята там, в Валайяте (Англии), и ей принадлежит так много стран, что у нее нет времени приехать к нам, индийцам. Но когда я начинаю думать об этом – пусть Бог хранит ее, но я не знаю, так ли много значит для нас, кто сидит на Гадди там, в Валайяте. Я должен сказать, что это все довольно похоже на дастур раджи Харбансрая. Совершенно точно, я никогда не слышал, чтобы она обращалась к кому-нибудь из нас, индийцев, по любому вопросу, а что касается гаон кхурч (деревенские расходы) – ну, я слыхивал в Хакикатабаде, что кроры и кроры денег каждый год тратятся сахиб лог (европейцами) безо всяких советов! Нет! Это совсем не похоже на дастур Шамшпура.

Моулви Фаридаддин: А теперь посмотри на тех наибов и гомашт, которых она отправляет сюда. Разве они не похожи на наибов и гомашт раджи Харбансрая? Очень уважаемые люди, в том нет сомнения, не берут взятки, не пытаются навредить нам – но что они знают о нас и наших настоящих нуждах? Разве они не отмахиваются от наших обычаев, и хар ке амад (каждый, кто приходит) настаивает на том, чтобы ввести какое-то новшество для улучшения состояния страны, но нередко это заканчивается тем, что стране причиняется лишь вред? Советуются ли они с нами? Разве они когда-нибудь разговаривали с нами? Беспокоятся ли они о том, чтобы мы одобряли и соглашались со всем, что они намерены сделать? Не так ли и с вашими камбахтпурскими наибами? “Что вы, скот, можете знать? А ну молчать!”, “Делай то”, “Не делай это”. Это больше похоже на конституционное управление Шамшпуром или

на “деспотическое” правление Камбахтпуром?

Рамбакш: Ах, моулви-сахиб, вы ученый человек, но теперь я понимаю, что вы имеете в виду, и я считаю, что наше правительство – это то, что вы называете “деспотическим”, и, возможно, именно поэтому вся страна сейчас недовольна (такого не было, когда я был ребенком), и почему все кажется неправильным, и почему джамма правительства всегда растет, и наша рента, и налоги, и...

Моулви Фаридаддин: Да, конечно, наше правительство – “деспотическое”, а “деспотическое” правительство всегда, когда оно существует слишком долго, вредно для страны, и наша страна страдает во всех отношениях. Но не думай, что я говорю злое о наших правителях, многих из которых знаю лично. Я знаю, что они хорошие и благонамеренные люди, во многих вопросах разбирающиеся гораздо лучше, чем любой из нас. Не чиновников, не членов правительства, не вице-губернаторов или вице-королей я виню. Я ненавижу ту дурацкую страсть к поиску виноватых, которой злоупотребляют наши газеты, ошибочно приписывающие плохие мотивы тем, кого я знаю, как хороших людей. То, что я проклинаю, то, против чего я протестую – это система. Против системы (дастур) управления, а не против джентльменов, ведущих это управление и связанных этой системой (дастур), как и мы сами – вот против чего я протестую».

13. Правительство Индии здесь описывается как деспотическое, что не верно, если только не злоупотреблять термином. Здесь утверждается, что после определенного периода существования все деспотические правительства пагубны. Предполагается, что этот период пришел и в Индию, и нынешнее правительство Индии обвиняется в плохом управлении и страданиях общества, которые могут быть устранены только путем постепенного и прогрессивного введения представительного правительства. Из этих четырех предположений следует итоговый вывод. Что касается всех четырех, то бремя доказывания лежит на партии Конгресса, и до тех пор, пока не будут предприняты серьезные усилия к нему, я думаю, вы должны ожидать, что значительная часть общества будет колебаться в своих выводах.

14. Я нахожу, в остальном, что в вышеупомянутых пунк-

тах есть много учений о трудностях и недостатках, на которые люди должны жаловаться. Однако я не могу найти какое-либо определенное или даже неопределенное утверждение о характере этих трудностей или недостатков за пределами утверждения (ценность которого они могут определить), что у них ничего не остается, кроме собственной шкуры. Я совершенно не понимаю, как картина материального упадка Камбахтпура (Невезучей деревни) может хоть в чем-то отражать Британскую Индию современности, подобно тому, как равным образом я не могу найти ни единого доброжелательного абзаца, по духу или по букве, в этой страшной и тяжелой картине голодной, угнетенной и ожесточенной Индии, стонущей от черствого и гнетущего правления, ограбленной людьми, которые, выражаясь словами памфлета, хотя «не столь плохи, как г-н Забардаст, злоупотребляют служебным положением и повинны в самом несправедливом произволе». Злоупотребление служебным положением и акты произвола не были редкостью в Индии в прошлые времена, при прошлых династиях, и многие годы должны пройти, вероятно, прежде чем они полностью исчезнут. Но я осмелюсь вам напомнить, что они, как таковые, являются исключением, а не правилом у наших английских чиновников; и что, основываясь на исключительных случаях, обвинения в отношении существующего в настоящее время порядка с целью его ниспровержения путем всеобщей аккламации не согласуется с тихим учением и проповедью простых элементарных политических истин. С другой стороны, навязывание народу этих отвратительных карикатур на британское правление в Индии вступает в жестокое противоречие с утверждением о том, что «людей учат, что многие трудности и недостатки, на которые они жалуются, в конце концов, хоть и вполне реальны, малы в сравнении с тем благом, которым они наслаждаются». Как их можно так научить, одновременно с темой, которая должна еще быть доказана, а именно бедой деспотического правитель-

ства? В газетах, вы увидите, эти памфлеты вызвали самые серьезные нарекания со стороны различных туземных авторов. Легко сказать, как обычно делают газеты «Национального конгресса», что эти авторы наняты или своекорыстны. Я, со своей стороны, чувствую со всей остротой крайнюю неразумность и несправедливость статей и распространения среди невежественных и легко возбудимых людей, чуждых нам по крови и отличающихся религией, таких обвинений против нынешнего правительства Индии, как это, и я не могу согласиться с тем, что туземные джентльмены, которые разделяют ту же точку зрения, движимы чувствами, отличными от моих собственных. Я вполне понимаю человека, говорящего себе: «Это крадущееся малечо, это значит “злодейство”»²⁸³. Я думаю, что в злой час для интересов партии Конгресса были написаны и опубликованы эти брошюры. Отсутствие места не позволяет мне обратиться к ним более подробно, но я хотел бы указать вам на них в духе самого доброжелательного возмущения, поскольку, на мой взгляд, их характер абсолютно не согласуется с тем, который, судя по ремаркам в вашей апрельской речи, вы им приписываете. Им, и это очевидно, не достает той «доброжелательности ко всем», которую вы сделали своим девизом.

15. Еще один из методов Конгресса, который кажется мне открытым для серьезных возражений, заключается в том, что он идентифицирует себя с большинством народа Индии и предполагает, что имеет право выступать от имени этого большинства. В своем вступительном слове к мадрасскому отчету вы были осторожны, указав, что Конгресс пока еще далек от того, чтобы представлять народ или «сколь-нибудь широко выражать волю народа, как это предполагалось и утверждалось». Действительно, единственно возможная основа, на которой можно было бы выдвигать любые претензии на общее представительство в

²⁸³ Шекспир У. Гамлет. Действие 3, сцена 2 (пер. М. Лозинского).

соответствии с тем, что вы сказали в своем предисловии, заключается в том, что «если бы вопрос был тщательно разъяснен им, 90% взрослых мужчин – членов всего сообщества – одобрили бы и выразили согласие с выводами Конгресса». Так и есть. У вашего «если» много достоинств. Но я не могу примирить это заявление с обращением Дабхая Наороджи, который, как я полагаю, является «представителем Национального индийского конгресса в Великобритании», в котором он предполагает прибыть от «двухсот миллионов британских подданных в Индии к британскому народу»²⁸⁴. Вы допускаете в своем предисловии, что «мы не можем, делая все допущения, найти основания, чтобы предполагать, что более десяти процентов из них (из почти двухсот миллионов), в самом лучшем случае, поддержали Конгресс хотя бы косвенно и пассивно». Я не знаю, что подразумевается под косвенной и пассивной поддержкой. Но я хотел бы попросить вас рассмотреть вопрос о том, должно ли вам, с учетом такого допуска, разрешать публиковать своему представителю воззвание *urbī et orbī*²⁸⁵ в качестве представителя всего населения Индии. В качестве второстепенной иллюстрации этого возражения вы, возможно, позволите мне сослаться, попутно, на отрывок из вашего предисловия, где вы говорите о «притворном отступлении мусульманского сообщества от этого национального движения». Мне не кажется, даже принимая во внимание факты, которые были известны общественности в то время, что использование слова «притворство» оправдано.

16. Я ничего не скажу о зачастую чрезмерно грубом языке некоторых из конгрессиистских газет, поскольку я вижу, что вы сами в своей речи в Аллахабаде осуждаете его. Я могу только сожалеть о том, что у них может возникнуть соблазн обратиться за поддержкой к таким от-

²⁸⁴ См. примечание на с. 289.

²⁸⁵ Городу и миру (лат.).

рывкам, как те, что я извлек из брошюр, санкционированных Конгрессом. Стилль – это, конечно, дело вкуса; и если бы вы в своем выступлении в апреле не выразили неодобрение бранных обвинений и не попросили сторонников Конгресса «поступать со своими оппонентами со всем милосердием», я не отважился бы обратить ваше внимание на фрагмент в вашем собственном предисловии, где вы пишете: «В отношении тех, кто упорствует в осуждении нашего политического Конгресса, поскольку он является не просто социальной конференцией, мы можем сделать только тот вывод, что Божественное Провидение в своей непостижимой мудрости сочло разумным отказать им либо в честности, либо в уме, *либо и в том, и в другом*». (Курсив не мой). Говорить о человеке, который отличается от вас, что он должен быть, говоря простым английским языком, негодяем или дураком, или и тем, и другим – это, осмелюсь напомнить ваши слова, отнюдь не «милосердие», с коим следует «поступать» с ним, или надежда на возможность «рано или поздно насладиться блаженной местью расплаты добром за зло». То, что те, кого вы так энергично критиковали, имеют некоторые основания, которые нельзя назвать недостаточными, для ошибки, за которую вы преследуете их, очевидно для меня из трех основных целей движения, указанных на страницах 2 и 3 вашей речи, а именно:

«Во-первых, слияние в единое национальное целое различных и, до недавнего времени, противоречащих друг другу элементов, составляющих население Индии; во-вторых, постепенное умственное, нравственное, социальное и политическое возрождение нации, и, в-третьих, укрепление союза между Англией и Индией путем исправления тех условий, которые могут быть несправедливыми или вредными для последней».

Постепенное социальное возрождение считается одной из целей того, что называется национальным движением. Через несколько строк я читаю, что есть

«Люди, достаточно глупые для того, чтобы упрекать Конгресс в том, что он не вмешивается непосредственно в социальные вопросы. Человек, настаивающий на использовании, скажем, плуга, как транспортного средства для поездок по дороге из пакча вместо того, чтобы использовать его надлежащим образом для вспашки полей, не более глуп, чем тот, кто стремится разрабатывать деликатные и тонкие вопросы социальной реформы при помощи грубого и уже запущенного двигателя Национального политического конгресса».

По-моему, люди возражают не против того, что Конгресс не занимается социальными вопросами, а против того, что с социальными вопросами, столь срочно требующими решения, организация, имеющая главной целью политические изменения, бросается на путь реформ. Если я правильно понимаю, то ваши критики говорят о том, что не ждут, будто Конгресс поведет тяжелую телегу социальной реформы, но обнаруживают, что вы ставите свой политический *char-a-banc*²⁸⁶ впереди их лошади социальной реформы с тем результатом, что ни вы не двигаетесь вперед, ни они не могут сделать ни единого шага. Они опасаются, что народ Индии найдет бесконечно более приятным требовать должностей и власти, громко кричать каждому проходящему мимо, что его (вопреки многочисленным свидетельствам об обратном) обижают и игнорируют, драться за хлеба и нырять за рыбами²⁸⁷, чем подчинить себя строгой дисциплине социальной реформы и посвятить время почетной, но губительной деятельности. Они просят их лишь о том, чтобы люди слушали тех, кто обращался к врачу, прежде чем начать лечить себя самим.

17. В своих ремарках в Аллахабаде вы сравнили партию Конгресса с младенцем-Геркулесом. Давайте будем последовательны в наших сравнениях; и вспомним, в связи с

²⁸⁶ Шарабан – открытая конная повозка.

²⁸⁷ Иными словами – добиваться определенных предпочтений. Отсылка к евангельскому сюжету о чудесах, совершенных Иисусом Христом.

этим, что чудеса ребенка ограничивались его домашним кругом и состояли в уничтожении смертельно опасных ядовитых рептилий, что кишели вокруг и угрожали задушить его. Очистка Авгиевых конюшен (и, смею добавить, стремление к золотому плоду) была оставлена до зрелых лет.

18. Вот то, что касается методов, о которых вы говорили в прошедшем апреле. Я надеюсь, что честно справился с ними и объяснил, со всей умеренностью и доброжелательностью, причины, которые, к глубокому сожалению, привели меня к неодобрению действий вашей партии. Если вы позволите мне сослаться на мое личное мнение, я отважусь заявить, что я тоже состою в либеральном лагере, но это не обязывает меня соглашаться со всеми методами нападения или одобрять все орудия войны, используемые волонтерами.

19. Что касается мер, то, как я уже сказал, я считаю, что стремление увеличить индийский элемент в советах предшествовало любым действиям партии Конгресса и совершенно не зависит от нее. Судя по вашим резолюциям и вашему последнему отчету, мне кажется вероятным, что вы предложите идти дальше, чем я, член правительства Индии, и мне нужно будет следовать за вами. Однако мне трудно точно определить, какую конкретно схему партия Конгресса хотела бы видеть принятой. Например, в «Тамильском катехизисе» я читаю:

«Наши соотечественники должны прилагать все усилия к тому, чтобы создать в Индии представительный совет, схожий с британским парламентом, чтобы рассматривать вопросы, касающиеся нашего благополучия. Мы должны получить разрешение британского парламента избирать членов этого совета. Ее Величество Королева-Императрица должна сделать резолюции этого совета обязательными для генерал-губернаторов и губернаторов».

Представительный совет, решения которого ограничивают генерал-губернатора и губернаторов, фактически яв-

ляется правящим органом. Однако в других местах, когда вы обращаетесь не к жителям деревни, а к более информированной аудитории, я нахожу предложения менее амбициозными: «Абсурдность вздора, написанного и высказанного по этому вопросу, практически потрясает. Нас всерьез уверяли, будто люди Конгресса хотят заполучить правительство в свои руки». Я цитирую вашу аллахабадскую речь, и позвольте мне добавить, что, если говорить об абсурдном вздоре, то он, по меньшей мере, есть и в приведенном отрывке из катехизиса. Настоящий представительный совет при нынешнем состоянии Индии будет включать в себя, как вы увидите, очень немногих из класса, занимающего сегодня конгрессиистские скамьи. Люди такого рода могут добиться успеха энергией или манипулированием необходимыми методами, но, вступив в совет как представители большинства, они займут ложную позицию. Все, что они могли бы заявить для представительства (и правительство в решении этого вопроса должно поступать так, как поступает всегда, решая, что внесет наибольший вклад в правильное управление Индией) – небольшая группа людей, получивших образование по нашей системе; юристы, адвокаты, редакторы газет – классы, которые на мадрасском собрании составляли более двух пятых от числа присутствовавших и являют собой фрагмент индийского народа, обязанный своим существованием британскому мастерству. Они могут, в лучшем случае, претендовать на то, чтобы представлять свои собственные взгляды, а если скорректировать их представительство относительно чисел, то численно они не будут даже заметны. Их работой в настоящее время, по видимому, должно стать, скорее, стремление передать своим соотечественникам просвещение, которое получили они сами, нежели попытки представлять в советах государства либо самих себя, либо тех, кто еще не просвещен. Я думаю, одним словом, что они, если я посмел бы порекомендовать им, были бы более полезными в обучении

людей, чем в обучении властей. Я бы искренне распространил на них такую меру признания, которая (если они скинут личину восхваляемых медиумов, в которую неразумно облачились) может потребовать их образования, их лояльности и всего, что есть ценного в их взглядах; но, безусловно, я бы не стал расстраивать всю структуру индийской администрации с ее доселе мирным прогрессом и ее многочисленные дворцы, чтобы разместить их под этими крышами. Мне кажется необоснованным просить, чтобы широкая система представительства была введена по требованию крайне маленькой и специфической части населения; или что существование класса, созданного правительством, следует назвать достаточной причиной для изменения (в очень серьезной степени) методов управления, знакомых и в целом приятных для тех огромных масс людей, которые живут в традициях правления их предков, чьи представления о государстве уходят в глубину веков, которые так же далеки от гармонии с политической атмосферой, которой мы, англичане, дышим с рождения, как слон далек от своей стихии в шотландских туманах или баньян на Парламент-стрит – от своей. Правительство англичан в Индии является правительством людей, гораздо более передовых, чем те, среди которых оно существует, и оно подходит к общественным вопросам с позиций, которых, в значительной степени, индийцы и сегодня, и спустя многие годы не смогут принять. Конгресс должен показать, как такое правительство может, не жертвуя почти ничем из того, что делает его присутствие полезным, согласиться подчинить свою политику народному вердикту. Эти люди находятся *in statu pupillari*²⁸⁸; можно ли их с пользой для дела пригласить управлять своими опекунами?

20. Судя по резолюциям последнего и предыдущих Конгрессов жалобы и обиды людей далеки от тех, которые

²⁸⁸ Под опекой (лат.).

можно было бы предположить, исходя из языка памфлетов и вашей апрельской речи. Цели Конгресса часто упоминаются в конгрессиистской литературе как «Дело». Отложив в сторону расширение Законодательных советов, которое совсем не является исключительным детищем Конгресса, я нахожу в протоколах мадрасского собрания резолюции, воплощающие последнее выражение «Дела». Именно к этим резолюциям обращаются, естественно, те, кто хочет найти некоторые из излагаемых жалоб и обид, являющихся драгоценными камнями в короне Конгресса. Если Представительный совет требуется для того, чтобы отменить закон об оружии²⁸⁹, отдав, в соответствии с законодательством, в руки людей оружие, неограниченное количество которого при прежних династиях уродовало свитки индийских летописей, а в нашей англо-индийской истории создало самую страшную и кровавую главу, то я не могу не думать о том, что, коль скоро это касается людей, такой Совет было бы гораздо менее полезным, чем те не реформированные законодательные органы, которые приняли законы о налогах и аренде, например, для всех провинций Верхней Индии, которые разработали индийский уголовный и процессуальный кодексы, которые приняли множество мер для выгод торгового сообщества, создали муниципалитеты и сократили детоубийство²⁹⁰, которые тысячью мер обратили внимание людей на мирные искусства с целью заставить их отказаться от своих старых хищнических привычек. Разделение исполнительной и судебной власти – вопрос управления, который отнюдь не столь легко иницируется, и успешность его не безусловна; это вопрос, чуждый понятию и противоположный обычаям всех восточных стран, где власть централизована,

²⁸⁹ Indian Arms Act 1878.

²⁹⁰ В 1870 г. в Северо-Западных провинциях был принят закон о предотвращении убийства младенцев-девочек (Female Infanticide Prevention Act 1870).

а не рассеяна. Более того, это, в основном, вопрос о путях и средствах. Заявка на участие в качестве добровольцев, выдвинутая как «национальная» претензия, выглядит немного натужно, не так ли? Если резолюции по этим четырём пунктам составляют суть «Дела» в его высшей форме, то позвольте мне сказать, что я не вижу в «Деле» ничего такого, ради чего раджпут²⁹¹ или брахман из Верхней Индии пожертвовал бы волоском со своих усов.

21. Подводя итог вопросу о мерах: вы поймете, исходя из того, что я сказал, что требование партии Конгресса ввести новый порядок идей в Индии, как мне кажется, отнюдь не покоится на фактах. Она ухватилась за идею, уже знакомую правительству, как свидетельствует юбилейная речь лорда Дафферина²⁹², но толкает ее к таким крайностям, которые, по-моему, нельзя защищать, особенно с учетом того обстоятельства, что партия заявляет, будто выступает от имени миллионов, у которых не спрашивала совета и от которых не получала наказов. Список требований, которые составляют «Дело», кажутся мне крайне далекими от того, чтобы представлять хоть какие-либо значительные народные чувства. Она представляет интересы класса, и это исключительный и очень незначительный класс. Думается, что вымышленные и разрозненные претензии партии играют малую роль для неблагоприятной критики. Однако мне кажется возможным, что нападки, которые вызваны расширением ее естественных границ, будут дискредитировать многое, что в противном случае могло бы быть полезным, и что агрессивный тон, принятый органами партии, может скорее помешать, чем помочь правительству, когда тому покажется, что пришло время действовать.

²⁹¹ Раджпуты – кшатрийская этно-сословная группа в Северной Индии.

²⁹² Речь к юбилею королевы Виктории 16 февраля 1887 г. (Marquis of Dufferin and Ava. Speeches delivered in India, 1884–8. London, 1890. P. 156-161.).

22. Я высказался в этом письме совершенно свободно и, надеюсь, абсолютно честно, поскольку думаю, что вы хотели бы этого, и тон вашего письма требует того же. Я прошу вашего снисхождения, чтобы не быть отнесенным в категорию тех, кто стал жертвой «непостижимой мудрости Провидения». Мое мнение, как таковое, сформировалось после внимательного изучения предмета, с которым я столкнулся в этом письме, и с чувством глубокого разочарования я пришел к выводу, что ответ на вопрос, поставленный вами – есть ли хоть какие-то возражения относительно методов и действий движения – состоит в том, что подобных возражений множество. Я старался показать то, что мне кажется нежелательным в том или ином отношении. Я считаю в высшей степени неуместным, что для внесения изменений в администрацию правительства Индии чиновников нужно подталкивать ненавистью народа к ним, как к стоящим между людьми и благоволением правительства Ее Величества, как к стремящимся, в своих собственных интересах, препятствовать мерам, имеющим целью благосостояние людей, как к воплощающим традиции и практику угнетения и пренебрежения к народным требованиям, которые давно были бы удовлетворены, если бы не влияние и самое существование чиновников. Я возражаю против этого отчасти потому, что – не воспринимайте это как оскорбление – это неверно. Я возражаю, главным образом, потому, что, будучи неверным, это поспособствует развитию и продвижению целей тех туземцев, что не меньше противостоят Конгрессу, чем недовольны английским правлением в Индии, но которые с радостью воспользуются столь полезным механизмом для возбуждения недовольства и столь безопасной пропагандой доктрины о том, что британское правление в Индии является бедой. Мне кажется, мы можем вносить изменения, необходимые в конкретный момент, без того, чтобы настраивать массы против правительства, прежде принимаемого ими. В еще большей степени это возможно, если не выставять в ис-

каженном свете характер наших соотечественников и мотивы, которые ими руководят. Я возражаю, наконец, потому, что считаю, что сами действия, насколько я могу судить о них, выходят за рамки того, к чему в настоящее время подготовлена страна, или ведут (если применяются так, как того желают их инициаторы) к отрицанию подлинного представительства. Если мы хотим иметь таковое, мы должны подготовиться к тому, чтобы вернуться к архаическому порядку идей, от которого – в этом состоит великая цель правительства – нужно постепенно отучить людей. Если, с другой стороны, мы приглашаем, как представителей подавляющего большинства, класс, который немногим меньше отделен от этого большинства, чем мы сами, мы добавляем пятое колесо к телеге. Если, наконец, мы признаем представительство «Новой Индии», мы не должны придавать этим людям больше веса, чем оправдывает их число. Никто не хочет больше меня признать, поощрять и найти место под зонтом правительства Индии для молодых людей, которые за последние двадцать пять лет стали, как вы выразились, новым фактором в стране. Но я не могу, в этой связи, признавать за передовым духом политическую зрелость всей Индии или рассматривать даже этот, самый продвинутый элемент, иначе как находящимся в стадии политического детства. Ибо я не могу закрывать глаза на то, что ни одной нации, и менее всего нации Востока, нельзя доверить (в срок меньший, чем человеческая жизнь) принятие и реализацию на практике концепции политической жизни, ограниченной в настоящее время англо-саксонской расой, разрабатывавшейся одной только ей в течение долгих и трудных столетий.

23. Вы можете опубликовать это письмо, но в полном объеме. Я бы хотел иметь в его отношении аналогичную свободу действий. Боюсь, что мои взгляды не оправдали ожиданий, изложенных в вашем письме. Однако вы, вернувшись к своему письму на мгновение, не сможете в этой связи думать обо мне как о человеке, способном преследо-

вать любого, чье мнение не совпадает с моим. С другой стороны, вы, несомненно, поймете, что я не должен позволять себе отступать от сознательно сделанных выводов лишь из-за опасений, что они возбуждают оппозицию или даже недоброжелательность некоторых из подданных правительства этих провинций. Я был бы рад, если бы увидел, что те, кто руководит собраниями Конгресса, вернулись к тому, что в ранние дни характеризовало его, и отказались от враждебного и агрессивного тона их поздних публикаций. Я считаю, что это неизбежно должно спровоцировать оппозицию, оттолкнуть от них многих, которые, как и я, ждали от них лучшего. Между тем, я лично буду наблюдать за их работой с интересом, которого они заслуживают, и следить за последствиями их работы в этих провинциях с бдительностью, которую я, как их глава, стараюсь сохранять в отношении всех общественных движений, что появляются в наших пределах.

С уважением,
О. Колвин²⁹³.

Ротни-касл,
Шимла, 13 октября 1888 г.

Дорогой сэра Окленд,

Вчера я получил ваше любезное и очень выразительное письмо и сразу же с благодарностью ознакомился с ним. Сегодня я сажусь, чтобы написать ответ, и, дабы облегчить задачу, я взял на себя смелость пронумеровать ваши пункты и ссылатся на них под номерами.

2. Однако прежде чем обсуждать какие-либо подробно-

²⁹³ Окленд Колвин (1838–1908) – вице-губернатор Северо-Западных провинций и Ауда (1887–1908).

сти, я хочу с самого начала выразить свою убежденность в том, что ваше письмо является одним из самых ценных вкладов, каковых прежде не было, в правильное понимание этого действительно важного вопроса. До сих пор все, заслуживающее внимания, было написано полностью в пользу Конгресса. Антикongрессистские высказывания, правда, изобиловали, однако все они, без исключения, были выдержаны в более или менее ребяческом и жестокоем тоне, были нелогичными в методе и испорченными либо полным незнанием, либо серьезным искажением подлинных фактов. Спокойное и вежливое изложение ваших взглядов, хотя они основаны на несовершенном знании фактов, открывает новую эру в обсуждении, и хотя я, как вы ожидали, несколько разочарован вашими выводами, у меня нет сомнений в том, что ваше письмо заслуживает самого тщательного рассмотрения со стороны всех, кто заинтересован в движении Конгресса, и воплощает в себе уроки, которые будут полезны всем.

3. Я не буду тратить впустую ваше время, обсуждая ту роль, которую взял на себя сэр Саид Ахмад в вопросе о Конгрессе. Я, как и вы, долгое время ценил и уважал его как друга; почти тридцать лет минуло с тех пор, как я впервые оценил и поверил в него. Но я с сожалением констатирую, что факты, связанные с его недавними действиями, не позволили мне сохранить веру в его правдивость, за исключением гипотезы, которую я с радостью принимаю, что с возрастом его явные способности угасли, и он больше не несет полной ответственности за то, что он говорит и делает в том, что касается Конгресса.

4. Обращаясь теперь к вашему восьмому пункту, я рад обнаружить (что, действительно, я фактически знал, исходя из общего тона вашего письма ко мне в Мадрас, где вы обещали, что Конгресс получит от вас в Аллахабаде такой же любезный прием, как и от лордов Дафферина и Кон-

немары²⁹⁴ в Калькутте и Мадрасе) – повторяю, я рад обнаружить, что до недавнего времени у вас не было возражений по поводу методов и мер Конгресса. Я рад, потому что это дает основания надеяться, что, частично благодаря более полному разъяснению вопросов, о которых вы едва ли знали все факты, частично благодаря более строгому соблюдению принципов, на которых вы настаиваете, и с которыми мы полностью согласны (хотя, как все смертные, мы не *всегда* можем им полностью следовать), наше движение может еще восстановить полную вашу симпатию.

5. Я признаю абсолютную истину ваших замечаний о том, что, когда работа была начата, было сомнительно, что «в нынешнем зачаточном состоянии политической жизни в Индии такая агитация, которая вдохновляется действиями Конгресса, могла привести к какому-то подобию желаемых результатов», и что «эксперимент был совершенно новым в Индии и сопутствующие обстоятельства не благоприятствовали его развитию»; и если бы это было возможно, я, например, был бы рад видеть, если бы основание движения было отложено на несколько лет. Но, как неоднократно объяснялось, выбора у тех, кто дал основной импульс этому движению, не оставалось. Фермент – продукт западных идей, образования, изобретений и устройств – действовал с быстро растущей интенсивностью, и чрезвычайно важно было найти для его плодов открытый и конституционный канал для разрядки, чтобы они не гнили под поверхностью, как уже было начали. Я всегда признавал, что в некоторых провинциях и с определенных точек зрения движение было преждевременным, но с самой важной точки зрения – поддержания целостности Британской империи в будущем – перед Конгрессом с самого его начала стоял вопрос *не* о том, что еще

²⁹⁴ Роберт Бурк, 1-й барон Коннемара (1827–1902) – британский политический деятель (консерватор) и чиновник колониальной администрации. Губернатор Мадрасского президентства (1886–1890).

преждевременно, а о том, не слишком ли поздно – примет ли его страна *сейчас*? Благодаря благоволению Господа страна ответила утвердительно, и явная опасность, которая несколько лет назад, как было очевидно для всех, способных заглянуть под поверхность, грозила стать ужасающей в недалеком будущем, теперь почти, если не полностью, ушла с глаз долой. Самому Конгрессу и его базовым принципам не нужно оправдание ни перед кем; действительно, вы сами возражаете лишь против отдельных его методов и мер, но если, как вы предполагаете, требуется обоснование для того, что движение было начато «в нынешнем зачаточном состоянии политической жизни в Индии», то его можно найти в том, что даже в этом состоянии требовался предохранительный клапан для великих и растущих сил, порожденных нашими собственными действиями, и что едва ли может быть создан более эффективный клапан, чем наше конгрессистское движение. Я добавлю – как бы то ни было, политическая жизнь в Индии сегодня, если мы возьмем империю в целом, хотя и находится во младенчестве, далеко ушла от зачаточного состояния.

6. Но когда вы говорите, что те люди, которые ожидали, что мы вскоре увидим страну разделенной на два или более крайне враждебных лагеря, были правы в своих догадках, я должен возразить вам и заключить, что вы были дезинформированы по этому вопросу. В настоящий момент нет двух враждебных лагерей. Вся культура и интеллект страны, за исключением неощутимой части, благосклонна к Конгрессу. Как сказал мне на днях хорошо образованный туземный джентльмен с положением в обществе: «Разве может хоть один индиец избежать симпатии к Конгрессу?» Без сомнения, существует крохотная группа англо-индийцев, в основном, чиновников, чьими органами выступают «Инглишмен», «Пионер» и «Сивил энд Милитери Газетт»; несколько индийских ископаемых, честных, но с недостатком понимания; несколько таких, кто в душе ненавидит британское правление или тайно

состоит на службе у врагов Англии; и большое число (хотя и совершенно незначительное по сравнению с общей численностью населения) приспособленцев, людей, что, будучи не против Конгресса как такового, взяли на себя труд быть в оппозиции к нему, потому что им кажется, что это принесет выгоду. Они очень шумны и активны; они направляют телеграммы о своих подвигах своему покровителю, «Пиониру», но на деле они незначительны числом и не имеют влияния среди соотечественников. Вы скажете, что это немилосердно, что это необоснованное предположение с моей стороны; но это правда, и как я могу сказать иначе? Это истина, которую вскоре мы докажем статистикой. Итак, мы знаем всех этих людей, их предшественников, репутацию, которую они имели прежде, чем кто-либо услышал о Конгрессе; мы не говорим, что они являются приспособленцами постольку, поскольку они идут против Конгресса, но только потому, что они всегда принадлежали к этому типу и полагали, что могут таким образом завоевать расположение чиновников (большая клевета, по меньшей мере, на некоторых из последних), они, естественно, теперь выступают и против Конгресса, и против собственных убеждений.

7. Просто немного посмотрите вокруг. Возьмите бедного старого махараджу Бенареса²⁹⁵, что не так давно выступил в оппозиции к Конгрессу²⁹⁶. Вы знаете этого милого старика не хуже меня; ни вы, ни какой-либо честный английский джентльмен, который знает его, не сможет представить, будто у него есть умственные способности для того, чтобы продумать даже самый простой вопрос самостоя-

²⁹⁵ Его высочество Махараджа Бахадур Шри сэр Ишвари Прасад Нарайян Сингх (1822–1889) – махараджа Бенареса (1835–1889), известный противник ИНК.

²⁹⁶ Showing the seditious character of the Indian National Congress and the opinions, held by eminent Natives of India who are opposed to the movement. Allahabad, 1888. P. 38–50.

тельно; в интеллектуальном плане он – абсолютный ноль; любезный и обходительный, но совершенно неспособный составить собственное мнение по любому мирскому вопросу. Разумеется, речь, приписываемая ему, была вложена в его уста доверенным слугой и главным управляющим, раджей Шивой Прасадом²⁹⁷. А кто *этот* джентльмен? Представитель класса старых амла²⁹⁸, в прошлом состоявший в подчинении на службе у правительства, он много лет снимал мерку с ног бедного старого махараджи, настоящий «малик»²⁹⁹ обширных областей Бенареса – как таковой, наделенный самыми приятными манерами и проницательным взглядом на собственное продвижение; как действительный раздатчик королевского гостеприимства махараджи европейским чиновникам и путешественникам, он получил титул раджи и приобрел определенный статус среди европейцев. Но какой туземный джентльмен, от Калькутты до Пешавара, имеет хоть йоту уважения к нему? Я не отрицаю, что лично и частным образом он – самый приятный компаньон. Даже мне самому, вопреки всему, что я знаю о нем, он не может не нравиться; более того, когда вся страна проклинала его и сжигала его портреты, я думал, что с ним несправедливо обращаются, и приехал в Бенарес, проведя там пару дней в надежде исправить заблуждения его соотечественников. Мне казалось, что было слишком суровым отрицать его право на собственное мнение по поводу билля Илберта, и я думал, что лишь его позиция по этому вопросу даровала ему столь

²⁹⁷ Раджа Шива Прасад (1823–1895) – индийский историк, чиновник колониальной администрации. В 1874 г. получил титул раджи, в 1887 г. титул стал наследственным. Активный противник ИНК.

²⁹⁸ Прослойка клерков, чупрасси, секретарей и т. п., занятых на службе в колониальной администрации или британских агентствах в индийских княжествах. Подробнее см.: Journal of East India Association. 1870. Vol. 4, iss. 1. P. 39.

²⁹⁹ Преемник, наследник.

дурную славу. Но я обнаружил, что его выступление по этому вопросу просто дало людям возможность для выражения чувств, порожденных ранее более глубоким знанием его характера, чем обладал я.

8. Возьмите так называемого раджу Бхинги; разве он не известен всей стране? Джентльмен, которому удалось получить личный титул раджи; он не больше раджа Бхинги, чем я³⁰⁰; джентльмен, очень стремящийся стать заметным человеком, кто заставил кого-то написать показную «историю своей семьи и дома»³⁰¹, представленную им всем высшим чиновникам, кто, неспособный написать и страницу на действительно хорошем английском, заставляет кого-то писать для него письма в «Таймс», которые подписывает сам (впрочем, я бы бросил ему вызов – перевести их без предварительной тренировки на свой родной язык), кто докучал редакторам газет, чтобы они восхваляли его, дабы получить место в совете. Итак, есть ли хоть один независимый индеец, в чьих глазах то, что он говорит, или то, что другие люди говорят за него, имеет даже малейший вес?

9. Возьмите Мунши Навал Кишора³⁰²; я не хотел бы быть суровым к нему, поскольку, как он объяснял мне, существовали обстоятельства, оправдывающие его, а его положение было своеобразным. Но какова была его репутация в туземном обществе перед Конгрессом? Разве кто-нибудь из местных жителей верил в него, доверял ему, уважал его? Как тогда даже «Пионер» характеризовал его?

10. Я мог бы продолжить и перечислять одного за дру-

³⁰⁰ Конечно, он всего лишь недавно наделенный титулом номинальный раджа Удай Пратаб Сингх [1850–1913], который, похоже, приобрел часть поместья настоящих старых раджей Бхинги (прим. авт.).

³⁰¹ Raja of Bhinga. A history of the Bhinga raj family. Allahabad, 1883.

³⁰² Мунши Навал Кишор (1836–1895) – книгоиздатель, основатель старейшего в Азии издательства «Навал Кишор Пресс»; противник ИНК.

гим лидеров так называемой оппозиции, и я знаю, что, за исключением, быть может, сэра Саида Ахмада (о нем я ничего не скажу, поскольку считаю, что он несколько безумен в вопросе о Конгрессе), ни один из них *никоим образом* не обладал ни уважением, ни доверием своих соотечественников еще до того, как возник конгрессистский вопрос. Но, в самом деле, вы должны знать это так же хорошо, как и я, и, кроме того, я полагаю, что вы станете считать меня немилосердным или напомните мне, что этот откровенный разговор не рассчитан на продвижение того согласия и братских чувств, которые являются моей целью. Однако, затаил ли я злобу после всего этого? Сказал ли я хоть слово об этих джентльменах, которое вы могли бы опровергнуть в суде под присягой? И я не *играю* в этом деле. Я в высшей степени серьезен; ради этого я оставил все научные поиски, доставлявшие мне удовольствие, этому я посвящаю все время и состояние и почти отдаю свою жизнь – ибо считаю, что от успешного развития движения зависит не только счастье миллионов, но и, в немалой степени, счастье и процветание как Индии, так и Британской империи. И могу ли я, дабы избежать боли откровенного разговора, позволить горстке (потому что на деле их не больше) людей, которые не обладают и не заслуживают доверия или уважения большей части своих соотечественников, навязываться вам и другим добрым людям, таким как вы, с претензией на то, что они являются оппозиционной партией, сильным оппозиционным лагерем? Если бы я сделал это, я должен был бы уклониться от своей обязанности; более того, для меня это жизненно важный пункт, поскольку, если бы Конгресс разделял или мог разделить страну на два противостоящих лагеря, я не имел бы с ним ничего общего. И это факт, несмотря на безумные и беспринципные попытки (опять же, поскольку вы не знаете фактов, то можете сказать, что я немилосерден, но я говорю правду) некоторых, в особенности ваххабитских последователей сэра Саида Ахмада, встать и драться, чтобы,

таким образом, придать нашему движению дурную славу из-за их собственных дурных дел. Я повторяю – несмотря на все это, Конгресс не разделяет, а объединяет, перевязывает старые раны и собирает в гармоничном сотрудничестве людей, которые прежде не встречались, кроме как для того, чтобы ссориться или, время от времени, даже сражаться. Только на днях мусульманский джентльмен, просвещенный, хотя и не получивший английского образования, написал мне из Салема, до недавних пор бывшего очагом индуско-мусульманских религиозных противоречий, письмо, где благословлял Конгресс и утверждал, что даже если бы он не принес ничего больше, благодаря ему все люди Салема – индусы и мусульмане – теперь находятся в хороших отношениях друг с другом, Конгресс сделал совершенно невозможным повторение тех ужасных сцен, свидетелем которых Салем был несколько лет назад³⁰³, так как люди начали понимать кое-что о своих правах и обязанностях как граждан, кое-что о своих реальных интересах, и начали осознавать, что они должны не враждовать между собой, а объединяться, чтобы убедить правительство удовлетворить их общие жалобы. Вся так называемая оппозиция – пустая внутри, она делает отличный спектакль, основанный на искажениях, но не имеющий никакого содержания. По большей части, только европейцев и обманывают эти пустые зрелища. Возьмите рассказанную англо-индийскими газетами абсурдную историю о том, что сэр Саид Ахмад является лидером мусульман. Почему же ни один ортодоксальный мусульманин вовсе не признает в нем мусульманина? Они могут и будут объединяться в светских делах с христианами, индусами, парсами, с любым другим набором неверных, которые не проявляют неуважения к их религии, но они не могут и не будут ни объ-

³⁰³ Салем – город в Мадрасском президентстве (ныне – штат Тамилнад), где в 1882–1884 г. проходили индуско-мусульманские столкновения, которые вызвали широкий резонанс во всей Индии.

единяться, ни следовать за ним, поскольку в их глазах он – отступник. Дело в том, что его религиозные взгляды, изложенные в его комментариях к Библии³⁰⁴ и т.д., связаны, в их глазах, с атеизмом, и, следовательно, фетвы осуждают его и его мнение. Прошу вас, не думайте, что я приписываю ему какую-либо вину за это, напротив, я всегда восхищался им за мужество его убеждений, и я сам стою на такой же позиции. Ибо, когда я называю и признаю себя христианином, веря в главное учение Христа, что на любви Бога и любви человека «утверждается весь закон и пророки»³⁰⁵, признавая его совершеннейшим типом богочеловеческой жизни, стремясь – смиренно, но безуспешно – отдаленно подражать этой жизни, то я понимаю, что большая часть ортодоксальных христиан вовсе не признает меня таковым, потому что я не могу принять многие фундаментальные догматы большинства церквей *в том виде, в каком они ныне понимают и проповедуют их*. Таким образом, я последний, кто станет обвинять сэра Саида Ахмада в этом отношении; но в то же время я не иду к индусам с заявкой на то, чтобы быть лидером христиан. Идея о том, что сэр Саид Ахмад *может* быть в какой-либо степени лидером сколь-нибудь значительной фракции ортодоксальных мусульман, есть чистое заблуждение, и заблуждение, почти полностью ограничивающееся европейцами, хотя, без сомнения, антиконгрессиистская группа туземцев, глядя на то, как оно побеждает чиновников, действует ему с максимально возможной силой.

11. Я подробно остановился на этом вопросе (хотя и не сказал половину того, что можно было бы сказать по этому поводу), потому что действительно важно, чтобы вы поняли, насколько несущественной и эфемерной является так называемая антиконгрессиистская партия. Она почти пол-

³⁰⁴ Ahmad Khan S. The Mohomedan commentary on the Holy Bible : in 2 vol. Ghazeepore, 1862.

³⁰⁵ Мф. 22. 37–40.

ностью обязана своим существованием побуждению и поддержке небольшой, но влиятельной части англо-индийской партии. Она не имеет искренней поддержки и пяти человек на миллион, и, вопреки ее позе и чванству, а также постоянным фальсификациям, публикуемым «Пиониром» и его клиентурой, *et id genus omne*³⁰⁶, изумительным пожертвованиям от индийских принцев, которые, в силу того, что сэр Саид Ахмад остается в Найнитале, считают, что он – ваш глашатай, и вы будете действовать в согласии с вице-королем (чистая клевета на вас обоих, однако, широко распространенная), в течение трех лет всем станет известно, чем эта партия является на самом деле, и ее постигнет крах.

12. С большинством комментариев в восьмом пункте я вполне согласен. Несомненно, что, когда состоялся первый Конгресс, жители Соединенных провинций не знали и не заботились о представительных учреждениях, об упразднении Совета при государственном секретаре, волонтерстве и т. д. Но вместе с этим, если мы хотим понять все правильно, мы должны рассмотреть три других факта. Во-первых, Соединенные провинции, вместе с Синдом, были самыми отсталыми провинциями в империи (в политическом смысле слова), и всю страну, повсеместно требовавшую движения, нельзя было сдерживать из-за отсталости одной или двух ее частей. Во-вторых, несмотря на то, что не было абсолютно никакого представления о конкретных мерах, на которые вы ссылаетесь, или вообще каких-либо общих или абстрактных предложений, было широко распространено ощущение, что все идет не так, что времена становятся трудными – ощущение, которое могло бы вылиться в недовольство, если бы людям не стало ясно, что существуют законные конституционные методы, посредством которых они могут вносить такие изменения в управление, которые позволят им увидеть, что их жалобы,

³⁰⁶ И прочее того же рода (лат.).

трудности и не оправдавшиеся ожидания тщательно рассматриваются и обсуждаются. В-третьих, хотя четыре года назад дела и обстояли так, как вы утверждаете, теперь едва ли сможете найти деревню в 500 жителей на всей этой территории, где нет никого (а во многих случаях счет идет на десятки), кто не разбирался бы в том, что такое Конгресс и что введение некоторого представительного элемента в администрацию было бы благом для них и для страны.

13. Опять же, ничто не может быть более верным, чем то, что идея (которой, как вы говорите, вы полностью сочувствуете, и вы обязательно должны ей сочувствовать, исходя из ваших либеральных взглядов) распространения законодательных советов на более народной и широкой основе рассматривалась высшими властями здесь задолго до того, как кто-либо услышал о партии Конгресса и независимо от ее инициативы. Без знания того, что многие из самых широко мыслящих англо-индийских государственных деятелей одобряют эту точку зрения, Конгресс никогда не смог бы проводить ее с той уверенностью, с какой делает это сейчас. Но здесь также следует иметь в виду, что если есть чиновники, обладающие широтой мышления, то есть и такие, кто мыслит узко; если некоторые из лучших людей одобряют идею, то великое множество других лучших – не одобряет; благородные взгляды в таких обстоятельствах могут не достигать какого-либо практического, видимого воплощения в течение долгого времени, и великая услуга, оказываемая партией Конгресса, состоит в том, чтобы укрепить руки этих пионеров мысли, научая большие части общества ценности этих взглядов, а затем донести до сведения влиятельных людей здесь и в Англии, что значительная часть населения искренне желает и с благодарностью примет те реформы, которые эти высшие власти давно считали правильными или целесообразными. Никакая политическая мера в сфере практической политики никогда не сохраняет аромата оригинальности; но не

кажется ли вам, после пересмотра вопроса, что несколько нелогично насмехаться, любезно и мягко, как делаете вы, над отсутствием оригинальности, тогда как любая оригинальность в наших предложениях будет осуждаться самым серьезным образом? Нет, партия Конгресса не претендует на оригинальность, и меры, которые она преследует, годами не только существовали в умах, но и откровенно обсуждались лучшими и мудрейшими людьми; только такие меры, одним словом, которые после долгого зачаточного состояния созрели для практического существования.

14. Вернемся. Вы говорите, что до недавнего времени рассматривали движение Конгресса без какой-либо неприязни и даже сочувствовали одному из его основных предложений, но после публикации отчета о мадрасской сессии Конгресса ваша симпатия прошла серьезную проверку. Вы цитируете мою речь в Аллахабаде и говорите, что в памфлетах, напечатанных в качестве приложений к отчету, вы не находите никаких следов того, о чем я заявляю, а именно, что «людей учат осознавать многие выгоды, которыми они обязаны британскому правлению, и тот факт, что их надежды на мир и процветание страны зависят от мирного продолжения этого правления. Их учат тому, что многие трудности и недостатки, на которые они жалуются, в конце концов, хоть и вполне реальны, малы в сравнении с тем благом, которым они наслаждаются». Всего этого, как вы говорите, вы не смогли обнаружить в памфлетах.

Это, безусловно, самый несправедливый аргумент, который только можно выдвинуть. Я говорю об устных лекциях, некоторые из которых я слышал; почти все они смоделированы по речи г-на Дадабхая Наороджи в Калькутте³⁰⁷. Вы цитируете, что я говорю о них, но обходите мол-

³⁰⁷ Вероятно, Юм имеет в виду президентское послание Дадабхая Наороджи на сессии Конгресса в Калькутте в 1886 г. (Report of the Second Indian National Congress, held on the 27th, 28th, 29th and 30th December,

чанием большой отрывок, необходимый для правильного понимания, и после этого вы применяете к памфлетам то, что я говорил о лекциях, и упрекаете меня (да, именно упрекаете, хотя и деликатно) в том, что вы не находите в памфлетах того, что, как я сказал, сформировало основной материал лекций, хотя я тщательно разграничил памфлеты и лекции, сказав, что памфлеты обращаются только к правам и обязанностям поданных. Вот мои слова:

«Во-вторых, среди наших методов есть распространение простых брошюр, излагающих подобные доктрины и воплощающих учения подобного рода в отношении прав и обязанностей подданных».

И что же представляют собой подобные доктрины и учения подобного рода *в отношении прав и обязанностей подданных*? Чтобы показать это, я должен процитировать отрывок, о котором вы умолчали. «Их учат тому», — говорю я там, — «что многие трудности и недостатки, на которые они жалуются, в конце концов, хоть и вполне реальны, малы в сравнении с тем благом, которым они наслаждаются, и все эти обиды могут быть и будут исправлены, если люди объединятся для того, чтобы единогласно, но умеренно напомнить о своих взглядах и желаниях правительству здесь и правительству и народу Англии. Греховность незаконных и анархических деяний стала для них очевидной, и зародилась уверенность в том, что благодаря единой и терпеливой конституционной агитации они в конечном счете наверняка получают всё, что справедливо просят; а любое обращение к поспешным и насильственным действиям неизбежно должно погубить их дело и повлечь за собой бесконечные страдания».

Неужели эти пункты недостаточно разъяснены в памфлетах? Позвольте мне процитировать лишь некоторые отрывки:

«Если мы продолжим стойко проводить Конгрессы и добиваться того, что все больше и больше людей повсюду начнут понимать их, интересоваться ими и поддерживать их, то мы довольно скоро будем иметь столь сильный голос, что даже народ Англии услышит его, и однажды люди там услышат его все вместе (не просто две или три тысячи здесь или там, как мы имеем сейчас), и все наши разумные требования будут исполнены». (Катехизис Конгресса)

«Но если бы мы дали английской нации (у которой нет таких предубеждений по этим вопросам, которые заставляют хмуриться европейцев, долго живущих здесь) понять, что уже не все из нас – дети, что благодаря их образованию многие из нас, имеющие также и превосходные местные знания, не только готовы заполнить подавляющее число мест, которые сейчас занимают европейцы, и выполнять их гораздо лучше, чем они (возможно, по причине того, что они иностранцы), но даже давать указания и рекомендации по большинству вопросов внутреннего управления, то они через своих “представителей” настояли бы на нашем участии (в большей степени, чем сейчас) в работе по управлению страной и уступили бы нам какую-то форму “представительных учреждений”. Для многих лучших из них тот факт, что правительство Индии до сих пор является “деспотичным”, является источником глубоких сожалений, и они с радостью согласились бы с любыми разумными доказательствами того, что сохранение такой системы больше не нужно. Более того, даже менее либеральные и менее благородные мысли разумно. Практический здравый смысл является главной характеристикой британской нации; они прекрасно знают, что лучше править довольным народом, чем недовольным, и в одной из их священных книг говорится, что обед из трав там, где мир, лучше грандиозного банкета там, где идет борьба; и если они однажды увидят, что мы все, высшие и низшие, объединились и решили получить эти “представительные учреждения” – у них слишком много здравого смысла, чтобы не позволить нам их иметь». (Беседа)

Рамбакш: Но, конечно же, вы не хотите, чтобы мы объединились и сражались с Сиркаром. Что мы будем делать, если убьем всех европейцев? Начнется анархия (гхадер), так уже бывало, когда я был молод. Вы не можете так думать.

«Моулви Фаридаддин: Не дай Бог! Это был бы грех. Почему мы должны убивать бедных европейцев? Многие из них действительно хорошие люди, большинство из них хотят нам добра. Они, конечно, не разбираются во многих вопросах, что волнуют нас. Они ошибаются, они причиняют нам страдания, но делают это из-за невежества – из-за невежества, неизбежного в системе, где они работают и где даже при

большом желании не смогут ничего изменить без нашей помощи. Кроме того, хотя мы, новое поколение, растем, чтобы помочь им и сделать многое для страны, мы все вместе не имеем достаточного опыта и уверенности в себе для того, чтобы управлять самим, без их помощи. Убить европейцев? Нет, Рамбакш, мы, скорее, скажем: «Да хранит Бог всех из них (а таких много), кто в сердце хранит доброжелательность к нам и хорошо относится к нам, и да простит Бог тех (и будем надеяться, что их не так много), кто не любит и презирает нас, и не волнуется о том, что с нами будет». (Беседа)

И все же вы пытаетесь сделать вид, будто памфлеты не содержат того, о чем я говорил. Я знаю вас слишком хорошо, чтобы не понимать, что вы не собирались быть столь несправедливым ко мне, но, тем не менее, мысленно вы были жестоко несправедливы ко мне, обратив мои слова, сказанные в отношении одного предмета, на другой предмет, и вычеркнув отрывок, который делал все ясным.

15. И, конечно же, аудитории, к которым обращаются лекторы и памфлеты, различаются. Первая включает в себя, в основном, невежественных и неграмотных лиц, на которых необходимо произвести впечатление достижениями британского правления, тогда как памфлеты могут охватить только тех, кто знает все об образовании, железных дорогах, почтовых отделениях, телеграфах, каналах и *Rex Britannica*³⁰⁸, и кому было бы пустой тратой времени объяснять все те вещи, которые они уже полностью осознали.

16. Поэтому многое из того, что вы говорите в отношении памфлетов, ошибочно, но в десятом пункте вы делаете общий вывод, будто они *не* «доброжелательны и лояльны как духом, так и буквой». Здесь я вынужден возражать вам, но различие мнений в этом случае основано не на памфлетах как таковых, а на разнице во взглядах на достоинства и недостатки существующей формы управления. Вы, как я ясно вижу из вашего красноречивого *exordium*³⁰⁹,

³⁰⁸ Британский мир (лат.).

³⁰⁹ Вступление (лат.).

сопровождающего ваши ремарки, на которые я только что сослался, до сих пор смотрите на правительство страны сквозь те розовые чиновничьи очки, которые так долго застилали мой взор. Но оставьте службу, станьте никем, свободно смешайтесь с людьми, послушайте, что они говорят, когда не боятся говорить то, что думают, изучите обратную сторону щита – и, зная вас, я думаю, что вы полностью измените свои взгляды. Отбросьте в сторону самые прекрасные *замыслы*, которыми мы гордимся, образование, свободу прессы, железные дороги, телеграфы, почтовые отделения, каналы и мир, который мы принесли стране. Незначительно ли это все? Нет! это великие и грандиозные вещи, но, несмотря на все это, Индия в некоторых отношениях по-прежнему является страной, которая плохо управляется. На практике, кроме тех великих кодексов (налогового, гражданского и уголовного), о которых вы с гордостью говорите дальше, здесь очень мало настоящей справедливости, и за нее нужно дорого платить. Несмотря на все суды и кодексы, бедные вряд ли когда-либо получают возмещение против богатых, а не чиновники – против чиновников. У нас есть сотни судов по закону и величайшая из когда-либо созданных систем для вытягивания денег у всех, глупых или неудачливых, кто входит туда, но судов справедливости, за исключением пяти или шести Высоких судов, немного, и они далеки друг от друга.

Наша полицейская система – это позор для нас, и я искренне считаю, что постоянное, ежедневное, всепроникающее притеснение, которое позволяет себе полиция повсюду, еще страшнее для людей, чем набег пиндари³¹⁰ или маратхов³¹¹ в былые времена, с которыми деревенский

³¹⁰ Пиндари – иррегулярные войска в княжествах Северо-Западной Индии в XVIII – начале XIX в., не получавшие жалования, а существовавшие за счет грабежей населения.

³¹¹ Маратхи – народ в Индии, ныне в основном компактно проживающий в штате Махараштра. Во второй половине XVIII – начале XIX в.

житель сталкивался, быть может, лишь раз или два в жизни. Несомненно, для богатых ростовщиков ситуация стала превосходной, но что касается масс, они, я думаю, теперь живут хуже, чем их прадеды.

Значительная часть наших европейских чиновников совершенно непригодна для ответственных должностей, которые они занимают; они не только черствы с людьми и совершенно не заботятся об их комфорте и счастье, полностью погруженные в собственные эгоистические схемы, но, в силу существующего неконституционного и алогичного смешения исполнительных и судебных функций, нередко виновны в актах угнетения и несправедливости, что должны были бы привести к изгнанию их с государственной службы. Однако этого не происходит.

Способ, которым применяются положения закона об оружии и закона о лесах³¹², во многих провинциях привел к широкому и незаслуженным страданиям.

Законы о доходах, несмотря на усилия, направленные на справедливое отношение к крестьянам, которые характеризуют последние принятые из них, в силу легкомысленного и жестокого характера влекут за собой несчастье миллионов не в одной провинции, их непригодность относительно типа почвы, климата и народа довела огромную массу земледельцев от сравнительного процветания до почти абсолютной нищеты.

Воинственная политика правительства и его экстравагантная деятельность за пределами страны повлекли за собой тяжесть долга и налогообложения, почти превосходящую ее силы. В результате этого, а также постоянной

оказывали активное сопротивление британскому вторжению в Индию, однако в ходе трех англо-маратхских войн (1775–1782, 1803–1805, 1817–1818) государство маратхов – Маратхская конфедерация – было уничтожено, а англичане захватили обширные территории Западной и Центральной Индии.

³¹² Indian Forest Act 1878.

утечки доходов в условиях всеобщей потребности в адаптации управления к действительным нуждам страны, эта последняя становится все беднее с каждым годом, и из года в год растет число миллионов нашего полуголодного пролетариата.

Мне кажется, что это позор для Англии – что в ее самом большом владении все еще существует деспотизм, который она так настойчиво проклинает там, где дело касается иных наций, и что десятки тысяч образованных и опытных людей – европейцев, евразийцев и уроженцев страны – по-прежнему отстранены от политических прав, дарованных от рождения каждому свободнорожденному британскому подданному, и по-прежнему, словно безгласный скот, облагаются налогами и живут под действием любого рода законов, не имея права голоса ни в одной из этих сфер.

17. Великие свершения сделали мы для Индии, но почти столь же великие дела, *выходящие за пределы наших, никем не поддерживаемых сил*, еще предстоит делать. Дело в том, что наша администрация выглядит лучше на бумаге, чем на практике; она всегда напоминает мне перевязь Портоса³¹³, великолепно расшитую золотом спереди, но на деле кожаную и довольно потрепанную. Ее внутреннее бедное содержание прикрывается внешним декором. Никто из нас не испытывает большего восхищения, чем я, добрым и полным сочувствия порывом, побудившим леди Дафферин открыть Ассоциацию для оказания медицинской помощи женщинам Индии, однако эта милая попытка всегда напоминает мне, когда я думаю о нашем полуголодном пролетариате числом в сорок или пятьдесят миллионов человек ту нежную жертву предыдущего бюрократического, плохого управления (не так уж сильно отличного от нашего), что хотела дать пирожные народу, воюющему о хлебе³¹⁴. Это всего лишь щепоть мяты и тмина³¹⁵, а мы

³¹³ Персонаж серии романов Александра Дюма-отца.

³¹⁴ Юм имеет в виду Марию-Антуанетту, королеву Франции (1755–

должны смотреть, в первую очередь, на более сложные вопросы. Мы хотим справедливости – дешевой, надежной и быстрой, близкой к двери каждого дома; нам нужна полиция, на которую люди могут смотреть и полагаться как на друзей и защитников, ибо сейчас они ненавидят ее и опасаются, что полицейские будут врагами и разбойниками. Мы хотим качественной реформы нашего европейского органа, тщательного отсева непригодных, разделения исполнительных и судебных функций; мы хотим гораздо более либерального и разумного применения законов об оружии и закона о лесах, с тем, чтобы без ущерба для общественного спокойствия или благополучия потомства люди сегодняшнего дня могли быть освобождены от суровых ограничений на осуществление необходимых прав, предшествовавших нашему правлению, чтобы их урожай, их семьи и они сами были защищены от уничтожения дикими зверями. Нам нужна более эластичная и сочувственная система сбора земельных налогов, основанная больше на систематических третейских судах среди самих людей, чем на кодексах и судах и их жесткой механической процедуре; мы хотим неагрессивной внешней политики, абсолютного воздержания от аннексии Бирмы, Тибета³¹⁶ и подобных войн, экспедиций против пограничных племен³¹⁷ и т. п.; мы хотим освободиться от многих несправедливых

1793), которой традиционной приписывается высказывание «Если у них нет хлеба, пусть едят пирожные», в ответ на требования голодного народа. Однако сегодня существуют определенные сомнения в авторстве этой фразы.

³¹⁵ Мф. 23:23.

³¹⁶ Речь идет о военной экспедиции 1888 г. против тибетских войск, занявших в 1886 г. северную часть Сиккима. В результате экспедиции тибетцы были отброшены в долину Чунби, в дальнейшем ставшей плацдармом для британского вторжения в Тибет в 1903–1904 г.

³¹⁷ В частности, во время переписки Колвина и Юма проходила экспедиция против племен Черных Гор (в Хазаре, ныне пакистанская провинция Хайбер-Пахтунхва).

английских поборов, часть из которых должна быть отменена, а остальное должна платить британская нация, как признают ее самые благородные представители; мы хотим значительного сокращения иностранцев, занятых на службе, и замены, по меньшей мере, половины из 70000 европейских солдат, которым мы теперь обречены платить, национальной силой – частично милицией, частично добровольцами; и, не утомляя вас полным списком наших обид, мы желаем, чтобы каждое неофициальное лицо, без различия расы, вероисповедания или касты, достаточно разумное, чтобы разбираться в подобных делах, могло, посредством представителей, иметь голос в отношении всех вопросов, касающихся благосостояния его самого, его страны и его соотечественников.

18. Здесь, я чувствую, вы спросите, почти с негодованием – разве во многих из этих проблем мы не делаем постоянно все, что в *наших* силах, чтобы обеспечить стране то, что я обозначил сейчас как ее нужды? Я без колебаний отвечаю утвердительно. Я верю, что многие из нас делали все возможное, и если где-то мы потерпели неудачу, причина этого лежала не в недостатке хороших намерений у части наших лучших и способнейших чиновников, но исключительно в том, что, будучи чужеземцами и иностранцами, отличающимися нравами, привычками, способом мысли, традициями и всем, что составляет национальность, от людей, которыми мы правим, без сотрудничества с ними мы полностью некомпетентны и не можем формировать администрацию и управлять нашими институтами здесь в соответствии с реальными потребностями страны. Только в этом и есть *raisons d'être*³¹⁸ движения Конгресса.

19. Теперь, если двое сидят за обеденным столом, и один из них – повар, естественно, что он считает обед первоклассным, тогда как другой, непричастный к приготовлению, может думать, что в некотором отношении обед

³¹⁸ От фр. «raison d'être» – смысл существования.

отвратителен, то не менее естественно, что критика со стороны этого последнего, действительно мягкая и снисходительная, покажется творцу, полностью довольному результатом, не только злой и несправедливой, но и вообще гнусной. То, что значительная часть европейских чиновников может отрицать лояльность и доброту этих двух брошюр – естественно, но то, что *вы* находитесь в их числе – факт для меня удивительный и прискорбный, поскольку он показывает, что ваше восторженное описание того, что британское правление сделало для Индии, свидетельствует о полном непонимании того, насколько ущербной все еще остается наша администрация здесь. Вы скажете, что это вопрос мнения, но единственное мнение, стоящее в такой ситуации – это мнение людей, и весь интеллект страны одобрит каждое слово, которое я сказал в отношении каждого из указанных мной вопиющих дефектов нашего правления. Чтобы судить о пудинге, надо его отве-дать; и именно люди, которые вынуждены есть наш пудинг, в десять раз лучше, чем вы, или я, или лорд Дафферин, или любой другой европеец, знают, как велики и серьезны недостатки нашего управления на самом деле.

20. Таким образом, обрисовав индийскую точку зрения (абсолютно правильно и корректно, я считаю) на положение вещей, с коим имеют дело памфлеты, я хочу ответить непосредственно на вашу критику. Вы говорите, что они не лояльны, поскольку всякое слово, сказанное в пользу правительства, скрывается глубокими темными тонами картины, поскольку они грубо искажают британское правление в Индии, приписывая ему ошибки и страдания, без принятия мер предосторожности к тому, чтобы помешать невежественным и неграмотным людям впасть в соблазн приписывать администрации все, что трудно и неприятно в их жизни. Меня удивляет, что вы можете заявлять так перед лицом таких отрывков, как этот:

«Но не нужно думать, что когда мы получим “представительство”,

вся несправедливость и весь гнет, вся бедность и все страдание прекратятся. Оно никогда не сможет это сделать, пока все люди не станут хорошими, добрыми и мудрыми, и это будет не на нашем веку, *мукад-дамджи*. Все, что мы можем обещать – то, что этих страданий станет существенно меньше, и что злые деяния таких людей, как раджа-сахиб и шейх, будут строго проверены».

И еще:

«И добавлю еще: мы должны получить “представительные учреждения”, но если мы хотим извлечь из них все хорошее, мы должны не только побуждать других держать ответ перед нами, но и *сами* обязаны воздавать должное. Не одним политическим освобождением растут люди; они должны расти в добродетели, как и во власти, а не то придет зло; и пока мы собираемся вместе, чтобы бороться с “деспотическими учреждениями”, каждый из нас в глубине сердца должен хранить решимость впредь жить лучше, больше любить соотечественников и постепенно топить наш всепоглощающий интерес к эгоистичным заботам в широком и благородном интересе – в благосостоянии и прогрессе нашей страны и наших соотечественников».

Перед лицом явных и решительных предупреждений, подобных этим, я не вижу, как даже неграмотные и невежественные люди могут приписать все их бедствия ошибкам британской администрации. Но, как я уже объяснял, эти памфлеты не могут достичь невежественных и неграмотных, они обращаются к массам низшего среднего класса, большинство из которых умеют писать и читать, и очень умны, хотя у них и отсутствует западная культура. Вы, кажется, вместе со многими чиновниками недооцениваете умственные способности людей нашего лучшего класса, потому что они не осмеливаются открывать рот перед вами и стоят совершенно ошеломленные. Но сейчас, по крайней мере, есть десять миллионов человек, любой из которых (если бы он встретился с вами лицом к лицу, на равных, безо всякого страха перед последствиями), не зная иного языка, кроме родного и, возможно, не зная точно имени вице-короля, может в течение получаса заставить замолчать вас, великих и способных, благодаря

собственному опыту – опыту сложностей в достижении правосудия, жестокого угнетения полицией, сурового и несправедливого применения наших налоговых кодексов, бремени налогообложения, трудностей, связанных с нашими законами об оружии и лесах и т. д. Если вы думаете, что люди не знакомы с этими вещами и не чувствуют горечь от них, если вы думаете, что они не говорят о них меж собой куда более грубыми и не такими высокопарными выражениями, какими мы говорим о них в памфлетах, то вы все еще живете, я боюсь, в мечтах за пределами реальный нашего повседневного мира, принимая за реальность то, чего хотим все мы, едва ли в достаточной степени осознавая, что происходит повсюду под обманчивой поверхностью нашего официального лоска.

21. В том же отрывке вы обвиняете нас в том (я не стану цитировать), что мы нигде не определяем страдания, на которые ссылаемся. Но разве это разумно, когда мы обращаемся к людям, которые страдают? Если вы вдруг встречаете человека, на чьем лице написано страдание, и он говорит вам, что его ноги болят от туфель, и просит вас избавить от этого, разве вы сначала садитесь и определяете точно те места, где туфли жмут? Ему они прекрасно известны! Напротив, вы, видя, что причина кроется в твердости кожи, которая не может приспособиться к естественному контуру стопы, сразу скажете ему, что все, что он должен сделать – это смягчить ее, тщательно пропитав неким смягчающим средством, и тогда чрезмерное давление во многих точках прекратится, а смягченная кожа автоматически приспособится к ноге. Более того, если вы не совсем лишены разума, вы не начинаете с того, что говорите ему, будто обувь не причиняет вреда – наоборот, вы утешаете его: «Бедняга, вы так страдаете, но вам нужно сделать это, и будет легче, но вы должны понять, что нужно помочь себе самому». Такого же курса придерживаемся и мы в наших памфлетах. Мы не утомляем человека, перечисляя его обиды, которые он и так слишком хорошо зна-

ет, мы не делаем вид, будто он не испытывает боли, потому что мы оба знаем, что он *страдает*, но мы говорим ему правду, что его боль обусловлена жестким, негибким характером нашей администрации, и что это можно исправить, пропитав ее смягчающим индийским и национальным элементом, и мы расскажем ему, как приступить к работе, чтобы добиться этого. Таким образом, мы не только ставим его на путь спасения, но и оставляем его с надеждой в сердце – единственным истинным противоядием от горечи (которая может привести к тому, что самые тривиальные обстоятельства породят еще более опасное чувство), возникающей от страданий, которые, похоже, нельзя устранить иным способом, кроме искоренения.

22. Я утверждаю, что это – истинная мудрость; мы не закрываем глаза и не претендуем на то, чтобы игнорировать существующее зло – сделать это, в соответствии с нашими идеями, было бы не лояльностью, а чем-то совершенно иным, хотя оба слова начинаются на «л». Мы не рисуем нашу картину *couleur-de-rose*³¹⁹, потому что это не было бы правдой, а люди так хорошо знают суть дела, что стали бы просто насмехаться над нами. Но мы обрисовываем все более мягким языком, чем тот, который они используют в беседах с товарищами, а толщина и глубина более темных оттенков нашей картины являются самыми малыми из тех, что они или кто-то еще, кто понимает, что наши люди действительно страдают, могут принять как истину. Возможно ли, чтобы вы не понимали того, что, несмотря на наши благие намерения, несмотря на славные достижения класса, который проложил дорогу для многих материальных благ, внутреннее управление страной, где правосудие, полиция, налогообложение и бедность (а это основное для среднего и низшего классов) – это почти безнадежная путаница, «просто *призрак* и притворство».

23. Мы стоим лицом к лицу с нищетой и плохим управ-

³¹⁹ В розовых тонах (фр.).

лением по всем направлениям, нищетой и плохим управлением, о которых говорят меж собой авторитетные люди в любой деревне. Они, безусловно, благодарны за то прекрасное, что мы сделали для них, но это – не совсем невежественные и безграмотные массы, как вы воображаете себе, и в каждом селении есть люди, естественные лидеры, которые распознают многие плохие вещи и ворчат по их поводу, ибо вынуждены терпеть их из-за нашего незнания, исполненного самых благородных чувств, того, как правильно уместить этот груз на их спинах. В наших памфлетах мы с симпатией подходим к этим умным людям, мы признаем их обиды, но облачаем их в более мягкую форму, чем они сами; мы говорим им, что «правительство Англии превосходит все прочие правительства в мире своим основополагающим принципом – формированием политики согласно пожеланиям народа», – говорим им решительно (в одном отрывке, который вы цитируете в конце 12-го пункта), что в недостатках администрации повинны не отдельные губернаторы или чиновники, но система, форма этой администрации; и мы также показываем им, как посредством лояльных и конституционных усилий они могут обеспечить улучшение этой системы и получить средство от многих из тех зол, с которыми вынуждены бороться. Я считаю, что в Англии, во всяком случае, подавляющее большинство мыслящих людей согласится со мной в том, что это *единственный* мудрый и лояльный курс. Но если вы действительно все еще можете убедить себя, что внутреннее управление страной в целом остается очень удовлетворительным, хотя я *знаю*, что во многих аспектах, которые касаются большей части населения, недостатки правосудия, полиции и налогообложения и их последствия в какой-то степени являются прискорбными, как же мы можем договориться о том, что является лояльной манерой действия в такой ситуации?

24. Тон памфлетов не доброжелателен? Я считаю, что тон моей последней цитаты в одиннадцатом пункте доб-

рожелателен в высшей степени, и полагаю, что следующий отрывок, иллюстрирующий, какими хорошими могут быть окружные офицеры и их жены (понимая, что таких прекрасных людей меньшинство), выдержан в таком же тоне:

Рамбакш: Это верно, моулви-сахиб. Наш коллектор-сахиб – очень хороший человек, и, когда год назад началась лихорадка, он сам пришел и своими руками давал хинин, а его леди помогала выхаживать мою маленькую девочку (вы знаете, ту, которую я в этом году выдал замуж за сына Райнруттона); и он оставался здесь целую неделю, хотя шли дожди, и говорил со всеми очень любезно. Да, он хороший человек!

Но, к несчастью, в настоящий момент во всем вашем огромном правительстве Соединенных провинций найдется не более шести чиновников, о которых люди между собой отзываются так же высоко, как Рамбакш о своем коллекторе. Есть некоторые иные, что нравятся, но они обладают широко известными недостатками, которые препятствуют этой симпатии, и есть большее число тех, кого люди презируют даже сильнее, чем боятся; основная же часть чиновников не знает ничего о людях, а люди ничего не знают о них. И в этом мы находим ключ не только к основным недостаткам неправильного управления, от которого страдают люди, но и к полной неспособности осознать это страдание, овладевшей чиновничьим разумом; она, возможно – я не могу догадаться из тона вашего письма – частично овладела и вами. Серебряный аккорд симпатии, когда-то связывавшей правителей и управляемых, оборвался. Наши окружные офицеры в целом больше не любят и не опираются на своих людей, и люди больше не любят и не полагаются на них; вследствие этого, несмотря на их энергию, усердие и умения, платных *мокбиров* (информаторов) и неизбежной клики лизоблюдов, у которых всегда наготове рупия для зудящих рук ха-

зура³²⁰, наши окружные офицеры (и вышестоящие чиновники, которые только их посредством и могут что-то узнать) так же не знают ничего о том, что люди думают, чувствуют и от чего страдают, как если бы они имели палаты в Олбани и жили там же. Я не уверен, что администрация пострадает, если половина из наших окружных офицеров действительно так и поступит. Они начнут жить в более здоровой нравственной атмосфере и теперь уже не будут, как это часто происходит, бессознательными инструментами в руках той или иной маленькой и злой клики.

25. Я с удовольствием прочел в вашем десятом пункте цитаты из «Катехизиса» об отношении многих из англо-индийских чиновников и общего характера существующих законодательных советов. Я прочел их опять очень внимательно и не могу найти ни единого слова, которое требовало бы исправлений. Мне кажется (и, позвольте заметить, я не имел к ним никакого отношения, поскольку они были написаны г-ном Вираарагхава Чарьяром из Мадраса и одобрены комитетом, когда я был в Шимле, а потому я не видел их прежде, чем они были опубликованы), что они воплощают правду, только правду, и ничего, кроме правды – столь полно, сколь это возможно для человека.

26. Но когда в одиннадцатом пункте вы начинаете выражать этим отрывкам – простите мне это разговорное выражение – мне кажется, что вы немного путаете. Разве, скажите, мы когда-либо говорили о том, что большие бесполезные люди, так часто попадавшие в былые времена в совет (после выступления на первом Конгрессе distinguished С. Субраманья Айяра этому вопросу стало уделяться гораздо больше внимания повсеместно) не будут сопротивляться, если вы попытаетесь вмешиваться в вопрос их личных прав и привилегий? Но всякому терпению

³²⁰ «Ваша милость» или «ваша честь»; почтительное наименование высокопоставленного лица.

приходит конец³²¹, и даже доброй памяти дядя³²² раджи Рампал Сингха³²³ не поднял бы руку вместе с вице-королем, если бы ему было ясно, что то, что защищал последний, повлечет за собой серьезные потери для него, раджи, лично. Я согласен с вашими свидетельствами о том, что бенгальские раджи и аудские талукдары не пытались сделать для страны что-либо хорошее (за это, как мы говорили, такие люди борются крайне редко), а боролись исключительно за свои личные интересы; разве мы когда-либо обвиняли их в отсутствии готовности к этому? И когда, опять же, мы говорили, будто меры правительства, по большей части, препятствуют правам человека? Так бывало во многих случаях, я не стану отрицать, но общий тон памфлетов показывает, что это, как правило, возникает из-за невозможности осознать все факты дела.

27. Вы называете эти два закона триумфальным оправ-

³²¹ Even the worm when trodden on will turn (ср. Шекспир, Генрих 6, часть 3).

³²² Сурендранат Банерджи вспоминал: «Порой люди, назначаемые в советы, совершенно не знали английского языка, хотя заседания велись именно на нем. Однажды произошел примечательный случай. Джентльмен, дядя раджи Рампал Сингха, был назначен в вице-королевский совет. Он не знал ни единого слова на английском языке. Раджа Рампал Сингх горел желанием узнать, как его дядя принимает там участие, не зная языка, и, когда тот вернулся после отправления своих законодательных функций, племянник спросил: «Дядя, как вам удалось справиться? Вы не владеете английским, а заседания ведутся на нем». «О, - ответил тот, - я справился довольно хорошо. У меня была простая обязанность. Я обязан своим местом милости и благосклонности вице-короля, поэтому я внимательно следил за ним, и, когда я видел, что он поднимал свою руку, я поднимал руку вслед за ним, а когда опускал – опускал и я; и он был так доволен мной, что, когда я уходил, пожал мне руку и сказал: «Вы были самым полезным членом этого совета». (India. 1890. 4th July).

³²³ Рампал Сингх (1849–1909) – правитель Калаканкара (Ауд), сторонник ИНК, участник первых сессий Конгресса.

данием советов как дееспособных – но они являются доказательством нашего утверждения о том, что советы – лишь бутафория. По деталям этих законов, конечно, было много споров, и в бенгальский законопроект об аренде было внесено много нелогичных дополнений, которые сделали неуклюжим и противоречивым вариант, внесенный в статутную книгу. Как было сказано, в нем содержатся абсолютно непримиримые разделы, и если они еще не приняли поправки (я не слежу за деятельностью совета в таких незначительных вопросах), они вскоре должны это сделать. Если вы не верите *мне*, спросите г-на Макдоннелла³²⁴ или любого другого жителя Бенгалии, кто практически знаком с предметом. Но я говорю, что, несмотря на так называемые напряженные усилия и сильную оппозицию (что несколько не повлияло на основной результат), принципы законопроектов и реальные вопросы были предопределены Исполнительным советом. Что касается основных вопросов, то представление законопроектов в Законодательный совет, а также все комитеты и дебаты были притворством. Все напряженные усилия, вся оппозиция заминдаров и талукдаров не изменила взглядов исполнительной власти в заметной степени.

28. Вы торжествуете, говоря об этих законопроектах, но я отнюдь не уверен, что люди разделяют ваше хорошее мнение о них. Что касается бенгальского закона об аренде, мне сообщили, что подавляющее большинство земледельцев всех классов не одобряет и не любит его в большей или меньшей степени. Что касается аудского законопроекта, я все еще ничего не знаю о том, что думают о нем заминдары и райяты; вероятно, он едва ли дошел их до сведения. Но на днях один из крупнейших талукдаров сказал мне,

³²⁴ Энтони Патрик, 1-й барон Макдоннелл (1844–1925) – чиновник колониальной администрации. В 80-х гг. XIX в. занимал посты главного бухгалтера (Accountant-General) и секретаря по доходам (Revenue Secretary) в правительстве Бенгалии.

что это — чистой воды конфискация, и что законопроект создает право владения³²⁵, чего, широко говоря, никогда не было в Ауде. Я знаю, что бесконечное количество честного труда было вложено в оба законопроекта, но я знаю и то, что до тех пор, пока английские исполнительные власти, не смягченные в значительной степени туземным элементом, определяют принципы законопроектов такого рода, а английское большинство практически определяет их форму, такие труды никогда не вызовут благодарности у людей.

29. Заключительные пассажи вашего одиннадцатого пункта, не опровергая ничего, полностью подтверждают все, что говорится о многих назначаемых туземных членах совета. Никто, ни на один момент, не поставил под сомнение их готовность выступить против правительства в случаях, если их карманам грозит опасность; это исключительные случаи, которые происходят один раз в жизни. Вы согласны с тем, что во всех вопросах, которые не затрагивают их личных интересов, они апатичны (как вы их называете), раболепны перед правительством и совершенно не заботятся о благосостоянии своих соотечественников. Мы же считаем, что в случае выборности членов они бы отказались от напряженных усилий там, где дело касается их карманов, и от апатии там, где на карту поставлено благосостояние всех, потому что в противном случае мы, их избиратели, захотели бы узнать причины такого положения вещей.

30. Обращаясь к вашему 12-му пункту, я испытываю большую трудность в обсуждении «Беседы», потому что я являюсь ее автором, и потому не могу быть уверенным в своей беспристрастности, думая о ней очень хорошо и готовясь защищать и отстаивать каждое содержащееся в ней слово.

Но позвольте мне сразу указать на то, что раджа Хар-

³²⁵ Occupancy rights.

бансрай является не правительством Индии, но правительством Англии, персонификацией, если хотите, Палаты общин. Прочитывая отрывок, как мне кажется, исполненный правды, вы замечаете, что «невежественных людей» (не столько невежественных, прошу вас, сколько умных людей, которые своим практическим опытом по рассматриваемым вопросам могут опозорить любого из нас), «просят поверить, что они становятся все беднее» из-за «правления» (чиновников здесь, которые занимают свои должности в силу полномочий, делегированных им прямо или косвенно правительством Англии). А разве не так? Разве это происходит не из-за нашего, как иностранцев, незнания того, как лучше отрегулировать детали нашей внутренней администрации? То, что мы более искренно и настойчиво желаем людям блага (хотя благо, которого мы желаем – это *наша* идея блага, а не их), чем, возможно, любой из предшествовавших правителей – это нужно признать. То, что нашим образованием мы возвышаем их, а нашим практическим применением западной науки мы смогли наделить их средствами коммуникации и т. д., недоступными в прошлом – это невозможно отрицать. Почему же тогда люди, в целом, живут все хуже? Почему все сложнее добиться настоящей справедливости? Почему полиция все больше угнетает и вымогает? Почему земля дает меньше, чем во времена Акбара³²⁶? Просто потому, что вся структура нашей администрации стала, особенно в течение последних тридцати лет, слишком централизованной, слишком европеизированной, слишком чуждой духу людей; потому что во всех наших усилиях, даже самых благородных, даже в образовании, мы просчитались, упирая на собственные установки, игнорируя мнение людей и не опираясь на их помощь. И теперь уже поздно возвращаться, мы практически уничтожили старую систему, опромет-

³²⁶ Акбар (Абуль-Фатх Джалаладдин Мухаммад Акбар) (1542–1605) – падишах империи Великих Моголов (1556–1605).

чиво приведя в действие силы, рост которых будет неодолимым, и все, что мы можем сделать для руководства ими во благо Индии и для славы Англии, а также для исправления того неправильного управления, что стало результатом наших хорошо продуманных, но непригодных систем, заключается в том, чтобы как можно скорее и в максимально возможной степени связать себя с самыми лучшими из туземцев, как в законодательной сфере, так и в управлении.

31. Au reste, ни один разумный человек никогда не претендует на то, чтобы довести иллюстрацию до ее предельного словесного выражения. Камбахтпур, Шамшпур, Сатьянас Кхейра и ведущие персонажи взяты из жизни, представлены как конкретные иллюстрации абстрактных положений. Более того, сама беседа не выдумана полностью – хотя и переделанная, разбавленная замечаниями Рамбакша, которые могут вызвать разумные возражения, она довольно точно соответствует беседе, состоявшейся около трех лет назад в одной из деревень вашей провинции. Но из того, что в основных чертах эти деревни точно иллюстрировали разницу между деспотическими и конституционными системами, что Рамбакш наполовину шутливо, наполовину серьезно и с грустью говорит о том, что если бы жители деревни были скотом, то могли бы получить рупию или две за свои шкуры – последнее, что у них осталось – было бы чрезмерным сделать вывод, будто памфлет учит, что все жители Индии не имеют ничего, кроме своих шкур, хотя, к несчастью, это относится к сорока миллионам из них.

32. Далее вы продолжаете цитировать памфлет и после говорите (пункт 13): «Правительство Индии здесь описывается как деспотическое, что не верно, если только не злоупотреблять термином». Хорошо, если я заблуждаюсь, по крайней мере, я делаю это в хорошей компании. Я помню, как минимум, трех вице-королей, в разных случаях напоминавших мне, что «наше правительство – деспоти-

ческое», и – воистину необыкновенное совпадение – когда я писал предшествующий пункт, довольно неожиданно пришел вице-губернатор Пенджаба³²⁷ (он намерен отбыть в понедельник, чтобы поговорить со мной о движении Конгресса, в отношении конечных результатов которого он также имеет некоторые сомнения, хотя и по совершенно иным основаниям, нежели вы. В ходе беседы он сказал: «Без сомнения, наше правительство – это деспотизм». Я ответил: «Конечно». «Но, – продолжил он, – как и все остальные, терзаемые страхом». Я возразил ему: «Не думаю, что *это* справедливо для нашего правительства, исполненного, я бы сказал, добрых намерений». Тогда он сказал: «Что касается добрых намерений, не может быть никаких сомнений, но я все же полагаю, что если вы внимательно исследуете прошлое, то согласитесь с тем, что мое определение более верно». Итак, независимо от того, он или я ближе к истине в этом последнем пункте, он, во всяком случае, не больше сомневался в том, что наше правительство является деспотическим, чем я или любой другой мыслящий человек, с которым мне доводилось обсуждать этот вопрос. Признавая, что я ошибаюсь в описании правительства Индии как деспотического, вы, я полагаю, окажетесь почти в одиночестве среди разумных и верно мыслящих людей (я всецело признаю, что вы должны быть в их числе), и я могу только сделать вывод, что в этом конкретном случае вы позволили себе включить в концепцию деспотизма жестокость и преднамеренное угнетение, которые в некоторых странах сопровождали эту форму правления. Наш не является ни злым, ни жестоким, это доброжелательный деспотизм, деспотизм из самых лучших побуждений, *но*, тем не менее, деспотизм.

33. Дальше вы говорите, что наши конечные выводы основаны на четырех предложениях, которые вы (возмож-

³²⁷ В 1888 г. вице-губернатором Пенджаба был Джеймс Броудвуд Лайалл (1838–1916).

но ли это?) считаете предельно сомнительными, объясняя, что бремя доказательства лежит на нас, и до тех пор, пока в этом деле не будут предприняты серьезные усилия, мы должны ожидать, что значительная часть общества будет колебаться в своих выводах. Позвольте мне сначала сказать, что я ожидаю того, что непросвещенная консервативная часть человечества, добрые люди, кричащие *super antiquas vias stare*³²⁸, будут не только сомневаться, но и откажутся принять наши выводы. Какая из обсуждавшихся реформ никогда не вызывала сопротивления? В искусстве и литературе, в науке и политике, с тех времен, когда Галилея (не будет углубляться далеко) преследовали за идею о вращении Земли – какой новый или квази-новый отход от прошлого не вызывал отрицания и осуждения людей, боящихся прогресса?

34. Признаюсь, я не больше ожидал от вас, истинного друга прогресса и стойкого либерала, требования какой бы то ни было демонстрации первого предложения (а именно, что после определенного периода существования все деспотические правительства становятся вредными), чем схожего требования в отношении восхода и захода солнца. В обоих случаях у нас есть весь жизненный опыт всех мыслящих людей и вся история земного шара, чтобы засвидетельствовать этот факт, и, отбросив в сторону бесконечно малую часть извращенно мыслящих людей, как Фроуд³²⁹, я думаю, вы не найдете в Европе и Америке человека с интеллектуальным потенциалом, что станет оспаривать это безобидное утверждение. Что касается того, когда этот конкретный период наступил или наступит в каждом конкретном случае, то здесь возникнут широкие разногласия,

³²⁸ Твердо стоять на старых путях (лат.).

³²⁹ Джеймс Энтони Фроуд (1818–1894) – британский историк. В своей книге «The English in the West Indies» («Англичане в Вест-Индии», 1888) с расистских позиций выступал против предоставления самоуправления владениям Великобритании в Вест-Индии.

однако то, что рано или поздно это произойдет, будет, мне кажется, общепризнанным, поскольку рано или поздно смерть должна настигнуть любое живое существо.

35. Второе предложение, а именно, что сейчас настало время, когда деспотическая форма нашей администрации стала во многих отношениях вредной для этой страны, конечно же, вполне открыто для дискуссии, хотя я едва ли могу понять, как может истинный либерал, как вы, ставить под вопрос этот факт.

Исходя из первых принципов, мы можем сформулировать общие правила (допуская некоторые исключения, которые, однако, не затрагивают настоящего случая и требуют многих мелких дополнений, чтобы сделать их универсальными).

1-е. То, что образованные туземцы любой страны, чья жизнь проходит в этой стране, чьи интересы и вся ответственность сосредоточены там, будут знать больше о том, чего хочет эта страна и ее народ, будут лучше понимать, как обеспечить эти желания, и будут более заинтересованы, серьезны и настойчивы в их обеспечении, чем образованные иностранцы, которые только приезжают в эту страну в качестве посетителей на несколько лет, чьи жизненные интересы сосредоточены в отдаленной области, где также находится основная часть их собственности, и а *fortiori*³³⁰, чем такие иностранцы, чье знание языка, обычаев, образа мысли и вообще гения людей этой страны оказывается крайне несовершенным, а большинство из них не имеют никакого реального сочувствия к этим людям.

2-е. То, что во множестве советников есть здравый смысл и что для общих целей повседневной администрации решения, принимаемые в результате свободной дискуссии органами, состоящими из большого числа людей, полностью знакомых со всеми обстоятельствами, будут более сильными, чем те, что принимаются после несколь-

³³⁰ Тем более (лат.).

ких консультаций *in camera*³³¹ несколькими людьми, чье знание обстоятельств несовершенно.

3-е. Чем шире базис любого правительства, т. е. чем больше доля образованных или разумных людей из числа управляемых, которые прямо или косвенно участвуют в управлении, тем более стабильным оно будет.

36. Теперь наш деспотизм в Индии пришел к тому периоду, когда, вопреки тому, что существуют десятки тысяч хорошо информированных уроженцев страны, способных оказать помощь в этой работе, он на практике дискриминирует их и нужды страны и народа (в отношении рассматриваемых вопросов) в пользу плохо информированных иностранцев; когда, вопреки тому, что существует огромное количество неофициальных лиц всех рас, хорошо знакомых с практической работой среди людей, он на практике оставляет все решения в области внутреннего управления за крошечными группами чиновников, которые в высшей степени несовершенно знакомы с результатами такой работы; когда, вопреки существованию огромных организаций думающих и образованных людей, он ставит под угрозу стабильность правительства, практически полностью исключая их из него. Я мог бы написать пятьдесят страниц, показывающих в деталях, как нынешняя деспотическая бюрократическая система – отделение за отделением, департамент за департаментом – тормозит прогресс и влечет за собой трудности для людей, но я утверждаю, что даже в краткой абстрактной форме, в которой я обрисовал это, я достаточно показал, что наш деспотизм подошел к тому времени, когда он становится вредным для наилучших интересов Индии. Я решительно отказываюсь рассматривать вопрос о том, может или нет продолжающееся нанесение ущерба Индии принести какие-либо уравнивающие преимущества Великобритании и ее народу; я считаю, что в конечном счете это не-

³³¹ При закрытых дверях (лат.).

возможно. Но я решительно отказываюсь даже рассматривать подобный вопрос, поскольку придерживаюсь – и знаю, что вы тоже – как аксиомы (в отношении которой я не стану выслушивать аргументов, подобных тому, что оправдывают порок перед добродетелью) утверждения, что единственным оправданием нашего присутствия здесь является благо Индии и ее народа.

37. Третье утверждение состоит в том, что в результате слишком продолжительного существования деспотической формы правления преобладают злоупотребления и страдания, и это не требует дальнейших разъяснений, как я уже сказал в предшествующих пунктах. Вы, как и любой другой, свободны в том, чтобы отрицать то, что я заявлял в отношении прискорбно постоянных ошибок юстиции, особенно в криминальных делах, притеснений со стороны полиции, утомленностью людей нашей налоговой системой, крайней нищеты огромного их числа и т. д., но это простая истина, и все, кому известны пути народа этой страны, признают ее; хотя вы и гораздо умнее и мудрее меня, я нахожусь в гораздо лучшей позиции для того, чтобы познать истину, и намного ближе к тому, чтобы быть правым, нежели вы. Я также утверждаю, что не только не преувеличиваю, но и говорю гораздо меньше, чем мог бы. Если бы я решил написать индийскую «Хижину дяди Тома», я мог бы разбудить бурю негодования в Англии, немногим меньше той, что работа миссис Стоу³³² вызвала в Америке. Г-н Забардаст был человеком, которого ваш отец с радостью выставил бы со службы, и его действия в этом случае были бы точно такими же, как указано. Я мог бы привести множество дел, связанных с равной несправедливостью и угнетением, хотя и разного характера, с комментариями Верховного суда к ним; несмотря на невероятную трудность, существующую в том, чтобы объяснить

³³² Гарриет Элизабет Бичер-Стоу (1811–1896) – американская писательница, аболиционистка, автор романа «Хижина дяди Тома» (1852).

проступки окружным офицерам, один случай, подобный этому (или подобный недавнему случаю, когда офицер перед завтраком жестоко избил сорок мужчин и мальчиков, а Высокий суд не нашел в его действиях вины), был в Высоком суде успешным, что вызвало порицание его решений в двадцати аналогичных случаях, о которых никогда не слышало ни правительство, ни широкая публика в целом. Но я никогда не останавливался на таких случаях, потому что знаю, что, несмотря на то, что многие наши современные офицеры не общаются со своими людьми, черствы и действуют в их отношении механически, лишь некоторые из них злы и преднамеренно угнетают людей, и придавать большое значение *их* действиям так же несправедливо в отношении наших офицеров в целом, как несправедлива «Хижина дяди Тома» в отношении всех владельцев.

38. Последнее утверждение заключается в том, что плохое управление и страдания, которые являются результатом неприспособленности нашей судебной, полицейской и фискальной системы к индийской среде, могут быть устранены только постепенным и прогрессивным введением *не* представительного правительства, как *вы* выразились, а представительного элемента в правительство. Поистине, после того, что я сказал, это последнее утверждение не только не требует отдельного разъяснения, но и является закономерным выводом. Мы уже пятьдесят лет делаем все возможное. Мы с вами согласны в этом, но, тем не менее, факты по всей стране говорят о том, что во многих вопросах внутреннего управления мы допускаем ужасающие ошибки. Мы самые умные люди на земле – по крайней мере, мы так думаем, – и даже самые ожесточенные наши горькие хулители не откажут нам в наличии мозгов, способностей и желания работать, и все же мы терпели и терпим неудачу, и для меня, по крайней мере, это так просто и *осязуемо*, потому что со всеми нашими качествами нам не хватает еще одного, но наивысшего –

чтобы мы были едины умом и сердцем с людьми, чьи дела стремимся регулировать; ибо мы в значительной степени не сведущи в этих делах и совершенно не сведущи в том, что касается способов, которые лучше всего подошли бы (и угодили людям) для их ведения; потому что, одним словом, мы являемся иностранцами и, вопреки нашим самым горячим стремлениям поступать правильно, неспособны постичь такие способы для этих, так сказать, внутренних дел без руководства и всестороннего сотрудничества с людьми страны, а это мы *можем* обеспечить только методом, указанным в последнем утверждении.

39. Я уже ответил на большую часть вашего 14-го пункта, но, когда вы говорите, что я, должно быть, видел в газетах, будто памфлеты подверглись суровой критике со стороны туземных авторов, я должен напомнить вам, что если в трех или четырех газетах (характер которых столь хорошо известен, что никто, исключая определенный узкий круг лиц, не обращает внимания на то, что они говорят) я *видел* множество атак туземных, *по собственному их признанию*, авторов, то газет, одобрявших все содержание памфлетов, я видел в десять раз больше, и отзывы были написаны авторами, чья принадлежность к Индии в сотни раз более *несомненна*. Лично я не придаю большого значения ни тому, ни другому набору фактов, но если вывести из них какой-либо аргумент, он будет безусловно благоприятным для памфлетов, а не наоборот. Опять же, когда вы говорите: «Я чувствую со всей остротой крайнюю неразумность и несправедливость статей и распространения среди невежественных и легко возбудимых людей, чуждых нам по крови и отличающихся религией, таких обвинений, как это, против нынешнего правительства Индии, и я не могу согласиться с тем, что туземные джентльмены, которые разделяют ту же точку зрения, движимы чувствами, отличными от моих собственных», я должен напомнить вам, что классы, которым адресованы памфлеты, классы, которые способны понять (а именно, в первую

очередь, люди с английским образованием, во-вторых, различные классы торговцев и лавочников, в-третьих, состоятельные райяты, и, возможно, в *пяти* местах во всей Индии, ремесленники – все эти люди не являются невежественными в подлинном смысле слова, не возбуждены, а, напротив, являются самыми спокойными и законопослушными людьми в целом свете), что различия по крови и религии не имеют никакого реального отношения к вопросу, поскольку возражения вызывает система, а не личности, как было четко провозглашено, а системы, как общности, не имеют ни телесности, ни духовности; что наши обвинения (как зовете их *вы*), или признание тех фактов, на которые невозможно закрыть глаза (как называю их *я*), даже вполнину не столь резки, как те, что в течение многих лет люди в разговорах между собой выдвигают в адрес правительства; *и что в сочетании с признанием фактов есть и знание того, как законными и лояльными средствами можно смягчить зло, вызывающее сетования повсеместно.* В этом все отличие вашей точки зрения. *Вы думаете*, что все эти люди, не получившие английского образования – невежественная масса, вполне довольная правительством, и, думая так, вы, конечно, говорите, что это позор – идти и сеять недовольство, проповедовать людям об обидах, которых они не осознавали, и что эти памфлеты отвратительны. Но *факты* состоят в том, что эти люди проникательны и разумны, на свой восточный манер, и что они, признавая, насколько хороши многие из наших установлений, сильно *недовольны* правительством в отношении всех тех вопросов, которые мы затрагиваем, и мы, не подливая масла в огонь, даем увидеть им всю картину в целом, и, полные надежды, даем народу законную цель и канал для устранения их недовольства. Все сводится к этому. *Вы* все еще *верите*, что туфли впору – но вся округа *знает*, что это *не так*, и когда вы говорите, что не можете понять, почему туземные джентльмены не разделяют ваших взглядов, наш ответ –

потому что каждый действительно умный туземный джентльмен слишком хорошо знает, как обстоят дела, потому что ни один честный и просвещенный туземный джентльмен, который лично связан с низшими и высшими средними классами и знает, с чем им приходится мириться, особенно в вопросах судебной (не?)справедливости и полиции, не в состоянии отрицать, что Конгресс делает хорошую работу как для страны, так и для британского правления. Я повторяю (хотя вы саркастически обращаете это против меня) все, что когда-либо было сказано мной о желании поддерживать гармонию и доброжелательность между всеми классами, но я должен просить вас подумать – если в нашей обуви есть острые гвозди, что колют нам ноги, не будет ли лучшим честно обратить на это внимание и указать организованный метод для их устранения, чем закрывать глаза на этот неприятный факт? Больше того, я просил бы вас подумать – может ли появиться что-либо, кроме настоящего добра, из простой истины, высказанной беспристрастно? Этого я требую для памфлетов; и, конечно, в них нет злобы, хотя я *не могу* утверждать, что они ничего не смягчают. Но вы, с вашими возвышенными взглядами,ставляете меня безнадежным пессимистом. Я сожалею об этом, но это ошибка, потому что я вижу зло, но вижу и много хорошего и большие надежды на лучшее будущее. Но нужно иметь в виду – и это истина, в которой время убедит вас – что в тех вопросах, в которых мои взгляды кажутся вам сейчас пессимистичными, их разделяют девяносто девять из сотни индийцев, способных правильно рассуждать о том, что они видят и слышат, хотя половине из них не достает морального мужества, чтобы признаться в своих убеждениях, и можно обнаружить небольшой процент тех недобросовестных, кто отрицает их.

40. В 15-м пункте вы говорите мне, что серьезные возражения вызывает метод Конгресса, состоящий в том, что он идентифицирует себя с большинством индийского народа и считает, что имеет право говорить от имени этого

большинства. Но, мой дорогой друг, как иначе мы можем поступить с истиной? Совершенно верно, что во время последних выборов не более десяти процентов взрослого населения знали что-либо о Конгрессе, но совершенное взаимодействие, в котором мы посредством этих десяти процентов находились с остальным населением, позволило нам убедиться в том, что взгляды Конгресса разделяют, по меньшей мере, девять десятых разумных членов всего сообщества. Мы никогда не отрицали, что существует около 12 миллионов взрослых мужчин, представляющих около пятидесяти миллионов населения, которые совершенно неспособны осмысливать такие вещи, которые умственно и морально немногим превосходят уровень скота. Однако ни один разумный человек и не думает о том, чтобы включить их в число тех индийцев, что должны быть представлены. Члены от Йоркшира, хотя и представляют графство, не должны представлять своих лошадей, и мы, представители этой страны, не будем представлять наш скот, людской или бычий.

41. Ваша ссылка на воззвание к британской нации³³³, подписанное тремя президентами Конгресса – В. Ч. Бонерджи, Дадабхаем Наороджи и Бадруддином Тайбджи (хотя оно было *опубликовано* в Лондоне нашим представителем там) неверна. В нем нигде не подразумевается то, что призыв *исходит* от двухсот миллионов человек. Оно просто констатирует, что то и это является жалобой огромного населения, и что выходцы из всех классов народа встречались на представительных Конгрессах год за годом в течение трех лет и сформулировали свои запросы, каждое слово которых строго истинно. Воззвание лежит прямо передо мной, и вам достаточно перечитать его, чтобы увидеть свою ошибку. В полном согласии с ним г-н

³³³ Воззвание представляло собой циркулярное письмо, опубликованное в мае 1888 г.

Бредлоу³³⁴ объяснял людям в Нортгемптоне, что, когда он называет представителями Индии г-д Дадабхая, Нортон³³⁵, Бонерджи и т. д., он не имеет в виду, что они избраны всем народом. Даже в Англии, где регулярная избирательная система существовала и существует столетиями, из населения в 60 тысяч человек за г-на Бредлоу голосовало около четырех тысяч человек, однако никто не станет сомневаться в том, что он представляет Нортгемптон. Насколько я знаю, ни г-н Дадабхай, ни любой другой из наших представителей ни говорил и не писал ни единого слова ни в Англии, ни где-либо еще, которое шло бы в разрез с фактом, что во время последних выборов число знавших о Конгрессе не превышало десяти процентов, хотя это не означает, что остальные не знали ничего о жалобах, за исправление которых выступает Конгресс. Безусловно, *сейчас* уже нельзя сказать, что не больше десяти процентов знают хоть что-то о Конгрессе. По *самым низким* оценкам, в настоящее время пятая часть из 38 или 40 миллионов умных взрослых мужчин хорошо знают о Конгрессе и (за небольшим исключением) благосклонны к нему.

42. Вы говорите, что не понимаете, что подразумевается под косвенной и пассивной поддержкой. Если старейшины деревни расскажут о деле на чопале и решат, чтобы один из их числа посетил митинг, где избирают делегатов, тогда мы говорим, что эти старейшины и те люди, что следуют их указаниям, косвенно поддерживают движение.

³³⁴ Чарльз Бредлоу (1833–1891) – британский политический деятель (радикал), основатель Национального секулярного общества (1866), член парламента от Нортгемптона (1880–1891). Присутствовал на сессии ИНК 1888 г. Автор законопроекта об индийских советах, принято-го (в урезанном виде) в 1892 г.

³³⁵ Эрдли Нортон (1852–1931) – барристер, один из активных проводников конгрессиистской агитации в Англии.

Если на каком-то собрании берадери³³⁶, гильдии или касты один или двое из присутствующих скажут: «Братья, мы собираемся на следующей неделе в саддер, чтобы посетить митинг Конгресса и избрать делегатов», а другие скажут: «Да, Конгресс – это хорошо, у нас нет возражений», тогда мы считаем такие берадери, гильдии или касты пассивными сторонниками.

43. Вы возражаете против выражения «притворный отход мусульманской общины от национального движения». Сейчас я могу использовать это выражение с еще большей уверенностью. Подождите и увидите! В этой стране большие меры требуют времени, чтобы созреть, но у меня есть все основания полагать, что в недалеком будущем мы сможем обеспечить безупречную статистику, доказывающую то, что мы знаем уже сейчас, а именно, что из примерно восьми миллионов разумных взрослых мужчин-мусульман восьмая часть полностью на стороне Конгресса, а число тех, кто по-настоящему противостоит ему, не достигает и одного процента.

44. В 16-м пункте вы говорите: «О чрезмерно грубом языке газет Конгресса я ничего не скажу, поскольку вы сами осуждаете его в своей аллахабадской речи». Конечно, я осуждаю его в самых сильных выражениях, и так поступает любой, имеющий какое-либо влияние в Конгрессе. Но что вы имеете в виду под «газетами Конгресса»? Опуская правительственные газетеры и мадрасские окружные газеты, издаваемые коллекторами, из газет и периодических изданий общим числом в 371 наименование, о которых нам известно, 309, включая «Мадрас Мейл» и «Бомбей газетт», являются проконгрессистскими. Если из этого огромного числа есть некоторые, которые унижают наше благородное дело глупыми или неверными высказываниями, разве этому можно удивляться? В некоторых лондонских газетах я вижу немало чрезмерного и грубого языка,

³³⁶ «Братство», клан у мусульман.

даже в тех изданиях, что составляют литературную *rabulum*³³⁷ сливок английского общества, и если вы в самом деле ожидаете, что наши газеты здесь будут свободны от пятен, свойственных самой значительной и важной части лондонской прессы, вы наверняка должны думать, что наши люди превосходят лондонских, в силу чего трудно примириться с вашим утверждением относительно их невежества и неграмотности. Кроме того, если некоторые из этого огромного числа изданий грубы и некорректны, вы должны помнить, что пример был подан антиконгрессистскими газетами. Во всей Индии «Инглишмен», «Пионир» и «Милитери энд Сивил Газетт» являются самыми грубыми и некорректными, хотя «Лакхнау Экспресс» (номинально орган талукдаров, фактически – конкретных антиконгрессистски настроенных чиновников) и еще одна или две приближаются к ним. И хотя я присоединяюсь к вам душой и сердцем в осуждении грубых статей туземных проконгрессистских газет, их немного, и они, главным образом, ведомы полуобразованными людьми без какого-либо положения в обществе, я хотел бы видеть, что вы еще больше готовы осуждать грубость английских газет, руководимых людьми, по своему положению и образованию являющимися джентльменами (и их издания должны были бы быть таковыми), чей дурной пример сбивает с пути некоторых слабых членов нашего флота. Почему бы вам не проповедовать легкое воздержание от грубости «Пиониру», например, на который вы имеете большое влияние, который недавно честил Мунши Навал Кишора, велеречивого бабу, за то, что его угораздило родиться индийцем, хотя сейчас поет ему хвалу, поскольку он позиционирует себя как антиконгрессиста? Не могли бы вы посоветовать «Лакхнау Экспресс» (номинально органу тех туземных джентльменов, с которыми, по вашему мнению, вы можете поделиться своими взглядами на состояние страны) не

³³⁷ Пища (лат.).

распространять бесчестную клевету, такую, например, как на днях, когда газета писала, что индусы якобы платили г-ну Бхимджи³³⁸ десять рупий в день, чтобы он ездил по стране и читал лекции о Конгрессе. Но любой из смертных знает, что индусы не платили Бхимджи ни фартинга, он отказался от хорошего назначения и взялся за дело исключительно из любви к нему, а также потому, что (как он сказал) всю жизнь он работал ради себя и своей семьи, но хочет сделать что-то и для страны прежде, чем умрет. Все в порядке, извлекая соринки из наших глаз, вы помогаете нам – но разве вы не думаете, что иногда можете по очереди вынимать и бревна из глаз наших оппонентов?

45. Я полностью согласен с вами в том, что тот отрывок, который вы цитируете из предисловия, может быть опущен. Но вы ошибаетесь практически во всем, что говорите о нем. Во-первых, совершенно неверно говорить: «Ваше собственное предисловие». Я – генеральный секретарь, я обязан составлять все важные документы, но мое отношение к Комитету³³⁹ является примерно таким же, как отношение секретаря к правительству Индии, вице-королю и совету. Если я пишу памфлет, такой, как «Беседа», я лично отвечаю за каждое слово, а также и за издание текста; но если я готовлю какое-либо письмо, предисловие или манифест для Комитета, моя ответственность прекращается, и проект отнюдь не всегда выходит в свет в том виде, в каком он был составлен. Я останавливаюсь на этом, потому что европейцы, которые не знают, сколько более способных людей, чем я, помогают руководить движением Конгресса, воображают, что я есть Альфа и Омега, тогда как я

³³⁸ Али Мухаммад Бхимджи – мусульманский активист ИНК, член просветительской организации «Анджуман-и-Ислам». В сентябре 1888 г. Бхимджи выступал в Дели с целью привлечь в ряды ИНК мусульманскую общину.

³³⁹ Орган ИНК, руководящий его деятельностью в промежутках между сессиями.

просто скромный, хотя и ревностный член большой партии.

46. Разъяснив этот общий момент, я, несмотря на это, в данном конкретном случае принимаю на себя ответственность. Позвольте мне повторить, что полностью согласен с вами в том, что он грешит против наших первых принципов; действительно, некоторые английские друзья тоже возражали против этого. В то же время мы простые смертные и не делаем вид, будто способны всегда и во всех мелочах строго следовать нашим принципам. Можете ли вы? И мы должны признать, что, хотя это не очень милосердно, это очень верно. Если одолжить ваш весьма неблагодарный язык³⁴⁰ – люди, которые *после* объяснений г-да Дадабхая и Тайбджи могли бы упорствовать в том, что наш политический Конгресс должен быть также социальным Конгрессом, со всей необходимостью *должны* были бы *быть* либо глупцами, либо негодьями. Говорить о различии мнений в этом случае – это злоупотребление термином, как могло бы быть в случае человека, объявляющего черное белым. Это не вопрос мнения, это голый факт. Ибо вы заметите, что люди, о которых мы говорим, не те, о ком вы упоминаете в конце 16-го пункта – большей частью анонимы, чьи взгляды, по-вашему, *могут* рассматриваться как вопрос мнения. Это только те лица, которые после того, как был продемонстрирован совершенно непримиримый характер двух работ, настаивают на том, что было ошибкой не объединить их в едином начинании. Мы все будет стараться получить выгоду от ваших упреков; милосердный способ борьбы с негодьями и глупцами состоит не в том, чтобы заставить их, несчастных, краснеть, называя их верным именем, а, скорее, в том, чтобы с сожалением улыбнуться и идти дальше. Но, как вы знаете, упорные негодяи – временами, как и упорные глупцы – начинают раздражать настолько, что и самые мудрые из

³⁴⁰ Kakophuistic.

нас отходят от философских идеалов. Humanum est errare³⁴¹, nemo mortalium semper³⁴² и т. д., но я полностью согласен с вами, что отрывок, о котором вы говорите, не соответствует нашим стандартам милосердия, и его было бы лучше опустить.

47. Вы ошибаетесь и в цитировании трех главных целей национальной партии, как указания того, к чему *Конгресс* должен стремиться. Поскольку Конгресс является лишь одним из многих национальных движений, начатых этой партией, и, как недвусмысленно сказано на странице, с которой вы взяли цитату, Конгресс был создан для того, чтобы выполнять лишь одно из направлений, предполагаемых второй целью – а именно, политическое возрождение нации. Текст говорит об этом совершенно ясно, и мне непонятно, как вы могли совершить такую ошибку. Другие направления не игнорируются; помимо тех, что возникли независимо, более двухсот школ и ассоциаций того или иного рода, содействующие умственному, моральному и социальному прогрессу, обязаны своим происхождением тому же импульсу, который породил движение Конгресса, и в любой из них вы найдете главные движущие силы, которые если не принимают *также* участия в Конгрессе, во всяком случае твердо стоят на его стороне. И это подводит меня к тому, что вы говорите в конце 16-го пункта – будто некоторые социальные реформаторы возражают против движения Конгресса. Но кто эти критики? Европейцы, которые являются реформаторами *другого народа*, реформаторами на бумаге. Нет ни одного настоящего реформатора любого ума или образования, трудящегося по линии умственного, морального или социального возрождения, который когда-либо выдвигал подобные нелепые аргументы: потому что, во-первых, всем известно, что после

³⁴¹ Человеку свойственно ошибаться (лат.).

³⁴² Начало латинского крылатого выражения «nemo mortalium semper sapit» («Никто из смертных не бывает всегда разумен»).

того, как возник Конгресс, активность по всем этим линиям была бесконечно умножена, а во-вторых, потому что, не имея прямого отношения к социальным и нравственным вопросам, Конгресс косвенно помогает решению всех сложнейших проблем, с постоянно растущей силой разрушая барьеры местных или провинциальных предрассудков путем расширения кругозора людей, собирая вместе и проводя бесплатные *консультации* для большинства населения, заинтересованного в этих вопросах. Ибо образованные люди в Индии не слепы, они хорошо знают: чтобы завоевать для своей страны позиции, которые они поставили своей целью, они должны хорошо продвигаться (вместе с разумной частью соотечественников) *pari passu*³⁴³ по всем линиям, и люди, наиболее заинтересованные в политическом возрождении Индии – это те же самые, за редким исключением, люди, что усердно трудятся ради возрождения по иным направлениям. Здесь, как и везде, реальные факты были неизвестны вам, иначе вы были бы всецело на нашей стороне.

48. В 17-м пункте вы вновь совершаете ошибку; вы говорите, будто я сравниваю Конгресс с младенцем Геркулесом. Прошу прощения, но я сравнил его с горсткой закваски, спрятанной во многих бушелях; все, что я сказал о младенце Геркулесе – это то, что ожидать от нашего Конгресса великой работы, на которую он нацелен, в настоящий момент есть не больше, чем ожидать от Геркулеса в младенчестве подвигов, прославивших его зрелость. Но наитие не подвело вас – нашему Конгрессу, пусть он и в младенчестве, суждено стать Геркулесом, и, верный своему прототипу, сейчас он в своем детстве ставит целью лишь реформирование внутренней администрации, внутренних дел нации, хотя несомненно, что с течением лет, когда реформированные и расширенные советы, за которые он выступает, превратятся в парламент, в своей зрелости он

³⁴³ Параллельно (лат.).

вычистит и Авгиевы конюшни нашей внешней политики. Но к чему вам или мне волновать себя вещами, которые касаются нас не больше, чем следующий переход Венеры³⁴⁴?

49. Нет нужды следовать за вами в вашем 18-м пункте; ничто не может быть более умеренным или любезным, чем ваше обсуждение наших методов. Учитывая то, сколь мало вам, похоже, известно о реальном положении страны и народа в этих частных вопросах, я удивляюсь, что вы не выражаетесь сильнее, и целиком понимаю вашу сдержанность. У меня нет никаких сомнений, однако, что, узнав больше правды, вы начнете все больше соглашаться не только с нашими методами, но и с нашими мерами, и что когда-нибудь вы скажете: «В конце концов, они были почти правы, и я не понимал, как далеко зашло дело».

50. В 19-м пункте вы говорите, что у вас есть сомнения относительно того, какова на самом деле конгрессистская схема реформирования и расширения советов, поскольку резолюции говорят одно, а отрывок из катехизиса г-на Вирараахавы – нечто иное! Неужели вы шутите? Кобден-клуб³⁴⁵ печатает и распространяет огромное количество книг и брошюр о свободной торговле; вы полагаете, что клуб или партия свободной торговли несет ответственность или каким-либо образом одобряет каждый пассаж в любой из этих публикаций? Конечно нет. Издательский комитет просто бегло просматривает книгу, удовлетворяется тем, что главная линия книги совпадает с принципами свободной торговли, и публикует ее. Каждый автор несет ответственность за свою работу. Так и с нашими комитетами; они убеждаются, что брошюры и листовки, представленные им, в целом согласуются с принципами движения, и только. За все детали несет ответственность

³⁴⁴ Астрономическое явление; переход Венеры через Солнце.

³⁴⁵ Политический клуб фритредеров (сторонников свободной торговли), основанный в 1866 г. Назван по имени Ричарда Кобдена.

автор. Когда составлялся последний отчет, «Катехизис» и «Беседа» были единственными циркулировавшими памфлетами, и потому они были воспроизведены как *образец*, а вовсе не в силу того, что партия Конгресса одобрила в них каждое слово. Почти каждый круг имеет свои собственные памфлеты, листовки и речи, многие из которых вовсе никогда не были предоставлены комитетам, а публиковались за свой счет добровольцами, но за все высказанные мнения и заявленные факты в каждом и всех из них несут ответственность авторы и ораторы. Если вы когда-нибудь обнаружите в них что-то, идущее вразрез с резолюциями Конгресса, вы можете быть уверены, что именно последние, а не мнения, высказанные отдельными авторами, выражают зрелые взгляды конгрессистской партии, другими словами – если вас не *слишком* возмутит – нации. Мне, пока я не узнал, что у вас также были сомнения по этому вопросу, казалось «абсурдной глупостью» то, что мнение отдельного писателя может иметь вес или ценность в определении целей и задач партии перед лицом официальных четких формулировок на сей счет, данных уполномоченными представителями всей партии на Конгрессах. Вы бы могли, как мне кажется, взять любую речь какого-либо парламентария из Хансарда³⁴⁶ и заявить, что не уверены в том, что именно имеет в виду Палата общин, потому что, хотя она приняла официальную резолюцию по данному вопросу, вы нашли в речи члена, опубликованной в собственных материалах Палаты, отрывок, в котором совершенно точно сказано что-то иное. Однако если вы разделяете это предположение, то выражение «абсурдная глупость» было неуместным, я снимаю его и буду говорить только, что это предположение содержит самое замечательное заблуждение, с которым я когда-либо встречался.

³⁴⁶ Hansard – официальный отчет о заседаниях парламента Соединенного Королевства.

51. И это не единственное недоразумение, которое удивляет меня в этой части вашего письма. В том же 19-м пункте вы говорите: «Настоящий представительный совет при нынешнем состоянии Индии будет включать в себя, как вы увидите, очень немногих из класса, ныне занимающего конгрессистские скамьи». Мое, возможно, ограниченное, предвидение, должен сказать, не позволяет мне прийти к такому выводу. На наших Конгрессах были ремесленники, земледельцы, средние держатели владений³⁴⁷, мелкие и крупные землевладельцы, знать, лавочники, торговцы, ростовщики, банкиры, купцы, фабриканты, юристы (всех отраслей профессии), инженеры, доктора, миссионеры, педагоги всех ступеней, литераторы, редакторы газет, люди, зарабатывающие хлеб свой в поте лица своего, миллионеры, люди из всех провинций и из каждого важного округа, всех конфессий и национальностей (исключая евреев) Индии, и это были самые просвещенные и разумные люди тех классов и конфессий, которые они представляли. Воистину, ваше утверждение, что лишь немногие из них найдут место в настоящем представительном совете, кажется непонятным. Но разъясните – считаете ли вы английскую Палату общин действительно представительным советом? Обратите внимание, я говорю не о теоретически совершенном представительном собрании, а – ваши собственные слова – о настоящем представительном совете. Если нет – *cadet quaestio*³⁴⁸, ибо мы не претендуем на то, чтобы превзойти наших учителей; и, совершенен он или нет, настоящий он или ненастоящий, мы будем полностью удовлетворены, если мы *когда-нибудь* приблизимся к такому «настоящему представительному совету», каким обладает Великобритания. Но если вы признаете, что Палата общин является действительно представительным советом, тогда я должен сказать, что все

³⁴⁷ Tenure holders.

³⁴⁸ Вопрос отпадает (лат.).

ваши аргументы против Конгресса в Мадрасе, бывшего также действительно представительным советом, несостоятельны. Анализируя «Палату общин Дебретта»³⁴⁹ за 1888 год, при помощи кратких биографий членов, представленных там, я нахожу, что не две пятых, как в Мадрасе, а две третьих членов принадлежат к той «небольшой части людей», тому «фрагменту английского народа», что «обязан своим происхождением» образованию и культуре, и хотя эти люди преуспели «энергией или манипулированием необходимыми методами» при вступлении в Палату, я сомневаюсь, что найдется пятьдесят умных англичан, согласных поддержать ваше утверждение, что члены, таким образом, «занимают ложные позиции». Говорить об этих джентльменах, как и о наших мадрасских людях, что они «могут, в лучшем случае, претендовать на то, чтобы представлять свои собственные взгляды» – это, по меньшей мере, позиция, как я считаю, какую еще никогда не занимал никакой разумный англичанин. «Представлять свои собственные взгляды»? Весьма вероятно, но если эти взгляды не будет разделять большинство их избирателей, они вскоре вообще перестанут представлять что-либо. Конечно, как в Англии, люди здесь, *как правило*, избирают и будут избирать тех, кому больше доверяют или тех, кого больше любят, и естественно, что здесь, как и в Англии, большая часть избранных будет высокообразованными людьми. Да, наша избирательная система пока находится в младенчестве, но даже сейчас она не столь уж презренна. В этом году два с половиной миллиона взрослых мужчин примут участие в выборах. В некоторых подразделениях и провинциях, откуда идут отчеты, цифры гораздо больше, но другие провинции, как ваша, так отстают, что, хотя здесь число участников может превысить два с половиной миллиона, я буду считать так. Обратимся к английскому

³⁴⁹ Debrett's House of Commons – ежегодный справочник, издававшийся с 1837 по 1931 г.

списку и посмотрим, как обстоит дело там; будет достаточно взять два первых боро и графства в списке, потому что Абердин с его древним университетом в политическом и образовательном смысле идет вполне наравне с лучшими боро и графствами Великобритании.

Название боро и графства	Население	Численность взрослых мужчин (по оценкам)	Зарегистрированные избиратели	Голосовали на последних выборах
Абердин Север	55893	13973	8383	5865
Абердин Юг	49110	12277	7885	6003
Абердиншир Вост.	83295	20824	12522	7496
Абердиншир Запад.	66834	16708	10500	5511
	255132	63782	39290	24875

Таким образом, в этой наиболее предпочтительной местности непосредственное участие в выборах принимали 63% зарегистрированных избирателей и менее десяти процентов населения. Но если вы обратитесь к опубликованному анализу по Великобритании в целом, который, к сожалению, я не могу проверить, то увидите, что в последних выборах приняло участие менее половины³⁵⁰ зарегистрированных избирателей и менее восьми процентов населения. Теперь посмотрим на относительные условия двух стран. Совершенно очевидно, что даже если бы английская система существовала здесь, *mutatis mutandis*³⁵¹, право голоса было бы урезано в соответствии с более низким уровнем богатства, и мы бы не могли получить, самое

³⁵⁰ Трудно поверить в это, но я взял эти цифры из английской газеты, вышедшей вскоре после выборов (прим. авт.).

³⁵¹ С учетом соответствующих различий (лат.).

большее, свыше двадцати миллионов зарегистрированных избирателей, и из них, я полагаю, почти или полностью одна восьмая часть будет в этом году принимать участие в выборах представителей, т. е. четвертая часть пропорции в Великобритании. Это правда, что наши избиратели составляют $1\frac{1}{4}\%$ от населения против менее, чем десяти процентов на Британских островах, но гораздо меньшее количество высокообразованных политически активных людей в Индии полностью это объясняет. Признаюсь, я не в силах увидеть возможные основания, на которых вы можете утверждать, что мадрасский Конгресс не был таким же *настоящим* (хотя и не таким *совершенным*) представителем индийского народа, как Палата общин – народа английского.

52. Вы, думаю, опять-таки совершаете двойную ошибку, когда говорите, что если скорректировать представительство относительно чисел, то «численно они (высокообразованные классы) не будут даже заметны». Во-первых, Конгресс всегда выступал за английскую систему, которая приспособливает представительство к числам так же, как к интеллекту и собственности, и всегда отвергала идею простого всеобщего избирательного права. Во-вторых, *если* ввести всеобщее избирательное право для мужчин, райяты повсюду (широко говоря, конечно, были бы исключения) избирали бы своих любимых адвокатов, так как составляют огромное большинство населения; в значительной степени это касается заминдаров и торговцев. Дело в том, что наибольшее количество образованных, подготовленных, уверенных в себе и независимых мужчин можно найти среди наших юристов, и в любой индийской Палате общин этот класс будет держать значительную часть мест, как и в прошлом году в Мадрасе, и так же, как сейчас в Палате общин. Но мне кажется, что вы, возможно, имеете в виду, что *если бы у правительства был выбор представителей*, члены, принадлежащие к высокообразованным классам, наши лучшие люди, на самом деле были бы численно

не заметны; и если так, то я не в состоянии оспаривать этот факт; вы сами правите и должны знать об *этом* лучше. Однако я утверждаю, что назвать группу людей, произвольно избранных бюрократией, представителями народа можно только злоупотребляя языком; когда бы ни была введена в Индии любая *действительная* система представительства, основу представителей здесь, как и в Англии, будут составлять выходцы из высокообразованных классов, независимо от того, сильны или слабы эти классы в численном отношении в пропорции ко всему населению. Царство разума нерушимо, и хотя облака могут порой скрывать солнечные лучи, скорее солнце перестанет давать свет днем, а луна – ночью, чем более образованные перестанут избираться представителями своих менее просвещенных собратьев.

53. Вы продолжаете говорить о том, что делом образованных классов «в настоящий момент», как вам кажется, должно стать «скорее, стремление передать своим соотечественникам то просвещение, которое получили они сами, нежели попытки представлять в советах государства либо самих себя, либо тех, кто еще не просвещен». Вы думаете, «одним словом, если бы» вы «посмели им посоветовать», что они были бы «более полезными в обучении людей, чем в обучении властей». Очень любезно сказано, но все же я должен ответить, что ваши альтернативы не являются взаимоисключающими, как кажется вам, и что, напротив, их обязанность состоит и в том, чтобы передавать просвещение менее образованным соотечественникам *и* представлять их в советах, в которых сейчас ничего не известно об их подлинном состоянии, *и* в том, чтобы обучать людей, и в том, чтобы *попытаться* (самая сложная задача, как представляется) обучать власти. Именно над этим они работают всем умом и всем сердцем.

54. Существует много видов просвещения: умственное, моральное, политическое (в самом широком смысле слова). По всей стране школы и колледжи возникают и ожив-

ляются, основываются и возрождаются нашими индийскими друзьями; я могу сказать, что не проходит и недели без того, чтобы кто-либо не написал мне о новом учебном заведении того или иного рода, которое он или его друзья только что основали или собираются основать. День ото дня партия, работающая ради морального и религиозного возрождения страны, растет и числом, и умением, хотя здесь такая партия, как и в Англии, всегда будет в меньшинстве, поскольку, чтобы стать ее членом, нужно не только жертвовать временем и деньгами – нужно сокращать проповеди в пользу практики, нужна чистота и непорочность личной жизни, победа над человеческими страстями, предрассудками и фриivolностями, перед которыми немногие могут устоять в любой стране и в любую эпоху. Все это – работа тех более просвещенных классов, на которые вы ссылаетесь. Но что потом? Все люди не могут быть школьными учителями, еще меньше – религиозными или нравственными наставниками. Тогда остается то, что для каждого гражданина свободной страны (ведь вы не будете утверждать, что мы *вполне* рабы, не так ли?), тогда остается, повторюсь, то, что для каждого гражданина является такой же важной ветвью просвещения, как и любая другая – а именно, просвещение в вопросе его прав и обязанностей как гражданина. И в этой сфере также усердно работают наши образованные классы. В настоящий момент есть не менее 500 человек, выходцев из этих классов, которые делают все возможное, чтобы напрямую обращаться к своим менее развитым братьям. Сотни тысяч (полагаю, что я должен бы сказать – миллионы³⁵²) памфлетов, речей, брошюр, листовок циркулируют по стране, не говоря уже о том, что сотня газет (издаваемых этим высокообразованным классом; я опускаю остальные) выходит

³⁵² Мне докладывали, что только моя аллахабадская речь на нескольких языках была распространена числом в 150 тысяч копий (прим. авт.).

еженедельно, три раза в неделю или каждый день, и не проходит ни дня, когда бы в той или иной части страны не прошло собрание (часто и по несколько собраний в один день) с аудиторией от 100 до 5000 человек, на которых эти вопросы объясняются и обсуждаются.

Я сомневаюсь, что на практике любая группа людей может сделать больше по всем этим трем направлениям, чем наши образованные классы делают сейчас. Независимо от этого невероятного множества изолированных усилий они организовали в качестве Синтеза всей национальной энергии **движение Конгресса**, которое, хотя и предназначено непосредственно для распространения просвещения по одной линии, тем интересом, которое оно вызывает, теми дискуссиями, что порождаются им, учениями, которые оно передает, уроками самоконтроля и самопожертвования, подчинения себя другим, личных интересов – интересам нации, и сотнями других способов, действует почти с равным эффектом в деле умственного и нравственного возрождения и составляет в целом, как я считаю, инструмент для национального возрождения по всем направлениям, не имеющий параллелей в мировой истории.

55. Но когда мы подходим к обучению властей, я, боюсь, должен признаться, что наши люди не сделали столько, сколько необходимо. Признавая, что определенная часть европейских чиновников была неспособна понять реальное положение вещей (вследствие классовой или расовой предвзятости или недостатка адаптации к индийской среде), большая часть наших передовых людей считала почти аксиомой то, что все европейцы, наделенные умом и властью (хотя они, возможно, не считают благоразумным высказывать это в качестве официальной позиции) в душе понимают и сожалеют о недостатках нашей администрации, и, следовательно, решительно видели в них необходимых и определенных, хотя и пассивных, вследствие их положения, союзников и сторонников. Но вот вы, «выда-

ющийся в рядах времен»; тот, чье решение по любому серьезному политическому вопросу (располагай вы всеми фактами в полной мере) девять из десяти человек предположили бы их собственному, пишете мне письмо, которое противоречит всем этим характеристикам, за исключением предположений – что вы действительно не *знаете*, что наша внутренняя администрация прискорбно ущербна, что правосудие, особенно в уголовных делах, едва ли доступно, что полиция является проклятием для страны, что налогообложение посягает на необходимые для жизни средства, что по меньшей мере одна пятая часть населения никогда не бывает сыта более чем наполовину, а очень часто остается и полуголодной, и что люди страдают по многим другим причинам, что вы не знаете тех чувств, которые, несмотря на все, что мы сделали для них в других вопросах, рождались в сердцах всех разумных людей по всей стране, и как население в течение последних десяти лет выражало эти чувства в каждой деревне, что, наконец, вы не знаете, насколько широко понимание того, что Конгресс уже овладел умами народа Индии. Если вы не знаете этих фактов (если бы знали, вы не могли бы написать мне такое письмо, поскольку оно было бы не искренним) – а ваше письмо, похоже, доказывает, что вы *не* знаете их – тогда нет во всей империи деревни, многие райяты в которой не смогли бы просветить вас в отношении этих вопросов. Я могу понять второстепенных чиновников, каким был и я сам, когда они ослеплены официальным блеском, окутывающим на Востоке любые власти, и не видят реального положения вещей, но чтобы такой человек, как вы, с вашим огромным опытом здесь и в Египте, мог находиться во власти таких утопических и радостных заблуждений – это выше моего понимания.

56. На ум приходит лишь одно объяснение. Вы можете сказать: «Я действительно знаю все это, хотя я считаю, что вы несколько преувеличиваете факты, но думаю, что говорить о них нецелесообразно, и я полностью отрицаю,

что наша администрация несет за них ответственность.

Сколь мало страданий, которые терпят люди,
Способны вызвать или исправить законы или короли!³⁵³

Страдания существуют не как следствие, но вопреки нашему управлению. Это воля Провидения, и никакие изменения в форме управления не рассеют, как вы утверждаете, это зло. Разве нет бедных в Лондоне? Разве английское правосудие не совершает ошибок?»

Если ваша позиция *такова* и она в какой-то степени согласуется с письмом, я вы хотел, чтобы вы выразили ее ясно, ибо это существенно упростило бы мою задачу; но мой ответ, я думаю, был бы, тем не менее, окончательным. В Англии правосудие совершает ошибки, но с учетом разницы в численности населения, на сотню ошибок здесь не приходится даже одна ошибка там. В Лондоне огромное количество нищих, но, взяв Британские острова в целом, даже игнорируя повышенные трудности, вызванные холодным климатом, наших нищих пропорционально в четыре раза больше, и даже в Англии гораздо меньшая доля бедности связана с ошибками в управлении и плохими законами, которые народ начинает постепенно выяснять и отменять. Это правда, что наши худшие страдания – результат греха и уныния, болезней и смерти, а также наши собственные моральные недостатки во многом выходят за рамки власти королей или законов. Но те страдания, что есть результат неподобающих и *недостаточно контролируемых* судебных трибуналов, низкооплачиваемой, беспринципной, репрессивной и почти полностью безответственной полиции, чрезмерного налогообложения и несостоятельной фискальной системы – это те бедствия, которые в значительной степени вызваны и могут быть ис-

³⁵³ Перефразированные строки из поэмы Оливера Голдсмита «Путешественник».

правлены королями и законами. Я полностью отрицаю, что все то, от чего страдают наши люди, существует «не как следствие, но вопреки нашему управлению», и вместе со всей партией Конгресса я утверждаю, что как только действительно сильный и действительно представительный туземный элемент появится в каждой ветви администрации и на каждой ее ступени, от Исполнительного совета генерал-губернатора вниз, по меньшей мере, половина из этих страданий постепенно прекратится. Но даже если признать, что мы неправы, тем не менее, люди все время приписывают эти виды страданий нашей недобросовестности, а не воле Провидения, и мирное продолжение британского правления в будущем зависит от переложения очевидной ответственности за это зло с наших плеч на плечи самих людей. Таким образом, будут ли результаты столь же благотворными, как мы утверждаем, или нет, единственное разумное и безопасное для британского правительства решение – принять то, что способнейшие, самые образованные и просвещенные считают верным образом действия в этом деле, – иными словами, принять более либеральную и менее бюрократическую политику, обозначенную нашими Конгрессами.

57. Остальная часть вашего 19-го пункта не требует продолжительного дальнейшего обсуждения после того, что уже было сказано мной. Мне кажется, он основан на серии недоразумений. Мы отрицаем, что требование представительства, независимо от того, от кого оно исходило изначально, прежде чем были поняты практические подходы к этой реформе, *сейчас* исходит от какой-либо малой или специфической части народа, а что касается «созданного правительством» класса, о котором вы говорите – на каждого члена этого класса, поддерживающего такое требование, приходится многие сотни людей из других классов, в равной степени требующих того же. Представительные институты не чужды гению нации, они зародились, насколько мы можем видеть, в Индии, они лежат в основе

всей социальной структуры местного общества и общепризнаны. Наши передовые люди *могут* не постичь внешнюю политику правительства Индии – я уверен, что она полностью выходит за пределы моего понимания – но нет ни единого вопроса внутреннего управления, в котором наши лучшие люди разбираются хуже, чем любой из английских чиновников; более того, по моему мнению, из-за недостатка того, что мы, расширяя границы термина, называем местным знанием, последние уступают в такой работе первым. Наконец, хотя это может польстить нашему национальному чванству и мнению о том, что мы являемся более развитыми людьми, это верно лишь отчасти. Наше превосходство заключается главным образом в достижениях, которые мы сделали в физической науке, но это отнюдь не все сущее. В этом отношении индийцы отнюдь не отстают от древних греков, а эти последние, несмотря на незнание ими нашего современного божества, Физической науки, по-прежнему считаются по прошествии 2000 лет во многих отношениях более мудрыми и достойными людьми, чем мы. Большая часть нашего английского населения, без сомнения, получила хорошее образование, и, объевшись плотью, мы во многом стали напоминать бульдогов – однако это почти все, что мы можем сказать, чтобы оправдать наши великие предположения о превосходстве. Что касается среднего райята в Индии, он, безусловно, такой же хороший и умный человек, как средний батрак в Англии или Ирландии, и знает достаточно много, хотя и в разных сферах. То же можно сказать и о среднем индийском мелком лавочнике и торговце, и о соответствующих им англичанах. Несмотря на нашу старую порочную систему абкари (в *вашем* правительстве очищенную ныне от многих прежних беззаконий, но так дело обстоит не везде), индийский народ гораздо более трезвый, целомудренный, трудолюбивый и терпеливый, чем английский, а доля правонарушителей среди индийцев гораздо меньше; и это удобное британское оправдание

своевольной и деспотической процедуры («этот народ находится *in statu pupillari*») кажется мне столь же смешным, сколь и дерзким. Верно, что мы частично силой, частично обманом разрушили их администрации, дезорганизовали их институты, растоптали некоторые из их лучших обычаев (например, дружеское урегулирование путем третейского суда во всех деревнях и у каст всех сортов *inter se*), перевели их без их согласия на совершенно новые и непонятные для них пути, и они все еще нуждаются и долго будут нуждаться в нашей помощи, совете и поддержке, чтобы завершить эту великую сцену трансформации, которую мы открыли; но это недостаточное оправдание для того, чтобы упорствовать, как наша бюрократия, продолжая обращаться с десятками тысяч людей, которые нередко лучше, чем мы сами, так, как если бы они все еще были детьми *in statu pupillari*. В самом деле, лишь очень немногие из нас не могли бы сами ходить в школу под руководством наших индийских братьев.

58. Ваш 20-й пункт также в определенной степени основан на неправильном представлении. Вы говорите, что обращаетесь к резолюциям, чтобы получить более четкое представление о жалобах людей, и это правильно, но вы не понимаете, что действительно подразумевают настоящие резолюции. Вы говорите о расширении законодательных советов, возможно, не замечая, что простое расширение – это невеликое дело, а существенным пунктом в этой резолюции является введение в администрацию сильного представительного элемента, который будет обладать потенциальным голосом в сфере внутренних дел. Без сомнения, это вопиющее заблуждение – считать жителей страны, полностью квалифицированных для того, чтобы принимать участие в управлении их собственными делами, «подобными безгласному скоту», облагать их налогами без представительства и расходовать эти налоги без учета их мнения в этом вопросе. Но это не единственная несправедливость, на которую нацелена данная резолюция. Со-

вершенствование судебной системы, особенно в тех случаях, когда речь идет об уголовных делах, реформа полиции, модификация налоговой системы, широкое назначение коренных индийцев во все ветви исполнительной власти – все это и многое другое необходимо включено в эту резолюцию. Безнадежно составлять резолюции по этим вопросам внутренней администрации (хотя и сейчас, и прежде появлялись резолюции по конкретным вопросам, например, о разделении судебных и исполнительных функций), потому что есть ощущение, что, как правило, британское правительство уже сделало все возможное, что без помощи местных напутствий и сотрудничества оно не может сделать ничего лучше, и единственный шанс – вовлечь людей в работу над реформой внутренней администрации; все это и предусматривает первая резолюция.

59. Кроме того, ваши комментарии по некоторым вопросам, затронутым в этом же пункте, к сожалению, чужды общему тону вашего письма, как и тот отрывок из нашего предисловия, против которого вы справедливо возражали по общему правилу милосердия к оппоненту, которое мы пытаемся соблюдать. Вы говорите: «Если Представительный совет требуется для того, чтобы отменить закон об оружии, отдав, в соответствии с законодательством, в руки людей оружие, неограниченное количество которого при прежних династиях уродовало свитки индийский летописей и в нашей англо-индийской истории создало самую страшную и кровавую главу» и т. д.

Это достойно только «Пионера». Это недостойно *вас*, потому что, хотя вы можете не полностью осознавать состояние страны, вы *способны* прочитать резолюции и дискуссии, которые привели к ним, и, *сделав* это, как вы говорите, внимательно и аккуратно, вы должны были бы знать, когда писали этот красноречивый, но совершенно ошибочный отрывок, что резолюция предполагает только изменение, а не отмену закона об оружии, что оратор за оратором объяснял, что неограниченное использование

оружия не является желательным, и все возражали против этого, что резолюция предлагает правительству сохранить право отстранять от возможности пользоваться оружием всех лиц, все классы или общины, которые сочтет не заслуживающими доверия. Более того, и это кажется мне даже менее оправданным, вы говорите об общем использовании оружия, прослеживая самую страшную и самую кровавую главу в нашей англо-индийской истории, другими словами, прослеживая причины Мятежа. Однако вам хорошо известно не только то, что это не имело никакого отношения к мятежу, что вооруженное восстание велось наемниками, что огромные массы людей, носивших оружие, были с нами, помогали, поддерживали и укрывали наших разрозненных беглецов, но и то, что исключительно всеобщая привычка носить оружие (сохранявшая боевой дух людей), спасла (в мрачный час опасности и бедствия, когда казалось, что все потеряно, вопреки британскому духу и мужеству) нашу империю и позволила отвоевать Верхнюю Индию. Не те 50, а позже 70 тысяч британских солдат и их героизм сотворили это чудо, как тогда казалось; но помощь и поддержка, которую страна (исключая мятежников, их ближайших друзей и часть мусульман) оказала нам. Это 250000 индийцев, все еще полных воинственных инстинктов, потому что им было разрешено носить оружие, соответствовавшее нашим стандартам, позволили нам исправить положение и восстановить наше правление. Если бы люди не были с нами, если бы Пенджаб, Ауд и Северо-Западные провинции, как сейчас, были лишены права обладать оружием в течение тридцати лет, Верхняя Индия, во всяком случае, была бы потеряна для нас навсегда. И все же, несмотря на то, что мятеж был вооруженным восстанием, что основная часть населения была с нами, а наш триумф был обусловлен главным образом тем фактом, что это население все еще было вооруженным и, следовательно, воинственным, вы, не колеблясь, в истинно англо-индийском духе, духе «Пионира»,

приписываете «самую страшную и самую кровавую главу в нашей истории» тому обстоятельству, которое определило наше спасение.

60. Я не последую за вами в поздравлениях в адрес правительства по поводу его подвигов в области законодательства. Я уже объяснил, что страна не оценивает все эти кодексы так же высоко, как их создатели, и, признавая, что некоторые из них, например, Уголовный кодекс, во многих отношениях заслуживают высокой оценки, я должен напомнить вам, что бумажная работа – это еще не все, и люди были бы гораздо более счастливы и довольны даже при худших кодексах, лучше применяемых на практике. Мне также не нужно больше отвечать на ваши замечания о разделении исполнительных и судебных функций или туземных волонтерах, поскольку вы не осознаете постоянных ошибок правосудия, являющихся результатом соединения этих функций, или активного недовольства, которое они порождают, или, опять же, ужасную опасность для страны и нашей империи, таящуюся в сокрушении боевого духа людей (которое мы пытаемся предупредить системой волонтеров) – если история не учит вас, и в том, что случилось с разоруженными бриттами, когда римляне покинули их страну, как мы однажды уйдем из этой, вы не видите никаких предупреждений против нашей нынешней политики в этих вопросах – кажется бесполезным продолжать дискуссию, когда наши точки зрения абсолютно различны.

61. Но в отношении пассажи, открывающего 21-й пункт, позвольте мне напомнить вам, во-первых, что партия Конгресса не выдвигает *никаких* требований такого рода, о которых вы говорите, а, во-вторых, если бы она выдвигала какие-то требования, то она просто бы популяризировала и методично формулировала более или менее расплывчатые идеи, существовавшие ранее, чтобы вывести их в сферу практической политики. Позвольте мне подчеркнуть далее, что эта партия не говорит «от имени миллионов, у

которых не спрашивала совета и от которых не получала наказов», но от имени тех миллионов, с которыми она советуется, и чьи лучшие люди повсеместно избирают ее членов. Вы, кажется, игнорируете тот факт, что люди избирают подкомитеты, которые вместе с людьми из штаб-квартиры избирают комитеты; все эти комитеты, местные представители и люди из штаб-квартиры избирают делегатов, и все эти делегаты *ex-officio* состоят в провинциальных постоянных комитетах Конгресса. В ваших провинциях, благодаря упорному и неконституционному сопротивлению некоторых из чиновников, которые были главной движущей силой и главными сторонниками так называемой антиконгрессистской партии (*без чьих усилий о ней никогда бы не узнали*), организация ущербной в некоторой степени, но вы не должны, прошу вас, судить обо всей Индии по отсталым провинциям, попавшим в несчастливые обстоятельства. Из этого следует, что резолюции Конгресса не представляют взгляды «исключительного и очень незначительного класса», но воплощают в себе, в широком смысле, весь интеллект и культуру Индии. Как далеко партия «расширила свои естественные границы», покажет время, но, хотя я знаю, что недавно вы высказали сомнения относительно правильности реформирования советов сейчас – на том основании, что это придаст движению Конгресса значимость, которой оно не заслуживает, я надеюсь, что британское правительство, в целом, не станет разделять властные чувства, заставляющие людей отказываться от установления справедливости вместо того, чтобы уступить мольбам угнетенных, и не найдет никаких препятствий к удовлетворению требования прав, принадлежащих людям как британским гражданам.

62. А теперь, чтобы окончить это длинное послание, разрешите мне сказать вместе с вами, что «я высказался в этом письме совершенно свободно и, надеюсь, абсолютно честно, поскольку думаю, что вы хотели бы этого, и тон вашего письма требует того же» (исключая пассаж об ору-

жи), и «я прошу вашего снисхождения, чтобы не быть отнесенным в категорию тех», чей «агрессивный тон... может скорее помешать, чем помочь правительству, когда тому покажется, что пришло время действовать». Если мне пришлось разойтись с вами во взглядах и даже возражать вашим заявлениям, это произошло только потому, что до сих пор подлинные обстоятельства дела были неизвестны вам, хотя я рад видеть, что вы признаете существование класса, который «не меньше противостоит Конгрессу, чем недоволен английским правлением в Индии», поскольку этот класс представляет единственную реальность в великом обмане, антиконгрессистской партии, и в руках его так неразумно действуют наши официальные противники (считающие его своим инструментом, хотя, напротив, сами являющиеся орудием в руках этих предателей). Поверьте мне, что все эти мятежники, ваххабитские сторонники индусских фанатиков, поклонники Далипа Сингха³⁵⁴ и России (за которыми мы следим даже внимательнее, чем власти Пенджаба, хотя те всегда настороже) так отчаянно и любой ценой стремятся помешать движению Конгресса, потому что признают, что оно не только не идет на пользу их целям, но означает для них шах и мат.

63. Au reste, хотя я был вынужден изложить то, что считаю истинным положением дел в Индии, и потому неизбежно возражал вашим основным заявлениям, я был бы действительно неблагодарен, если бы не осознавал и не признавал любезность и честность (ваше знание фактов таково, каково оно есть), что характеризуют ваше письмо, и открыто не признавал, что верю вам и всегда от всего сердца считал вас «неспособным преследовать любого, чье мнение не совпадает» с вашим; более того, я от первой до последней минуты настаивал на том, что все мои друзья, особенно в Лакхнау, считавшие, что чиновники под видом

³⁵⁴ Далип Сингх (1838–1893) – последний махараджа империи сикхов (1843–1849).

исполнения ваших желаний фактически преследуют партию Конгресса, ошибаются в вашем характере. Если же я не признаю, что все, что вы говорите о необходимости умеренности и недопустимости агрессивности (насколько это допускает истина) в наших высказываниях, мудро, доброжелательно и заслуживает нашего внимания, с той единственной оговоркой, что битвы не могут быть наполнены розовой водой и поцелуями, и если ваши противники, сколь бы малы количеством и слабее характером они ни были, упорствуют в жестокости ударов и бьют ниже пояса, вы должны иногда, в порядке самообороны, отвечать сильно и прямо, не приукрашивая ничего.

Искренне ваш,
А. О. Юм.

Циркуляр «Каждому члену партии Конгресса» 16 февраля 1892 года³⁵⁵

6-я Парк Стрит, Калькутта.

16 февраля 1892 г.

Каждому члену партии Конгресса.

Уважаемые господа!

Я получил так много писем, в которых меня спрашивают о том, планируется ли создание какого-либо мемориала покойному пандиту Аюдхьянатху³⁵⁶, а также о моем мнении по этому поводу, что мне кажется лучшим написать циркулярное письмо по данному вопросу.

На мой взгляд, при нынешнем положении страны создание мемориалов кому бы то ни было является нежелательным. Нам столь необходимы деньги на национальное дело, что нам следует отдавать ему каждую рупию, которую мы сможем сэкономить, а не растрачивать наши ресурсы на полдюжины различных направлений.

Независимо от того, насколько достойными являются люди или учреждения, это все незначительные мелочи по сравнению с национальным делом, от триумфа которого зависит удобство, процветание, и, более того, жизнь бесчисленных миллионов.

Очень многие из вас представляются почти такими же, как правительство. Вы, особенно богатые и состоятельные, не осознаете, что существующая система управления не

³⁵⁵ Перевод осуществлен по публикации: Sensational Criticism on the Congress // The Bombay Gazette. 1892. 29th March. P. 5.

³⁵⁶ Пандит Аюдхьянатх (1840–1892) – юрист (Высокий суд Аллахабада), член первого законодательного совета Северо-Западных провинций, председатель провинциального комитета ИНК в Северо-Западных провинциях, один из ответственных за организацию сессии ИНК 1888 г., известный деятель ИНК.

только плохо приспособлена к потребностям страны, не только доводит людей до нищеты – вы все знаете и искренне осуждаете эти факты – но и неизбежно готовит путь к одному из самых ужасных катаклизмов в истории человечества.

Люди очень терпеливы, кротки и скромны, но такими же были и люди во Франции за двадцать, даже за десять лет до того, как они восстали и убили своего суверена и, практически, большую часть лучших классов; они крайне безграмотны и не имеют определенных целей и лидеров, но так же было и во Франции. Голод и Страдание были их великими лидерами и учителями, превратившими, в конце концов (хотя эта перемена оставалась незаметной годами) стадо овец в армию волков.

Вся история показывает, что приходит время, когда голод, несправедливость и отчаяние придают мирному населению иной характер и ведут его к насилию и преступлениям.

Те из вас, кто углубился в корни вопроса, знают, что чаша страдания десятков миллионов наших масс уже наполнена, и что изо дня в день бедность, мать Анархии, все сильнее давит тяжелой рукой постоянно растущую часть нашего населения.

Так же несомненно, как смена дня и ночи, вследствие такого положения дел рано или поздно должно произойти великое восстание, если мы не сможем исправить существующих зол и возместить обиды наших нищих.

Не утешайте себя ложными надеждами. Провидение в его милости может задержать катастрофу, но она должна прийти и придет, и, может быть, скорее, а не позже.

Не думайте, что правительство сможет защитить вас или себя. Никакая земная власть не может остановить всеобщее крестьянское восстание в такой стране. Мои соотечественники будут как люди в пустыне, что тщетно борются

ся за клочок земли против самума³⁵⁷. Не будет врага на поле брани; но по железным и прочим дорогам нельзя будет проехать, мосты будут разрушены, телеграфы перестанут существовать, запасы будут арестованы; тысячи мятежников могут быть убиты, но какая в том польза, когда вокруг миллионы миллионов тех, кому нечего ждать и не на что надеяться, кроме возмездия; что же до лидеров – когда придет час, будьте уверены, в лидерах не будет недостатка.

Это не гипотеза – это определенность. Вспомните, что вы знаете о растущей нищете и зловещем недовольстве среди масс, и подумайте (те из вас, кто когда-либо читал историю) к чему всегда вело и чем должно разрешиться такое положение вещей.

Ныне мы можем предотвратить общее разорение только теми радикальными реформами в управлении, которые Конгресс, после многих лет терпеливого труда всех способнейших и мудрейших индийцев, провозгласил необходимыми. Их одних не хватит, но они многое сделают, они заменят отчаяние в сердцах масс надеждой и дадут нам время работать над иными изменениями и реформами, необходимыми для мирного решения ужасной проблемы, которую создали наши правители, неспособные понять реальное положение дел.

Но здесь, в Индии, мы взываем, протестуем и спорим с теми, кто не может или не хочет слышать, не может или не хочет видеть. Наша единственная надежда заключается в пробуждении британской общественности – к чувствам нашего народа, к сознанию глупости и несправедливости существующего управления. Самое меньшее, что мы могли бы сделать – это предоставлять достаточные средства для постоянной отправки и содержания в Англии делегаций наших выдающихся ораторов, чтобы ходатайствовать за дело страны, чтобы позволить нашему Британскому коми-

³⁵⁷ Самум – сухие, горячие пустынные бури.

тету³⁵⁸ поддерживать непрерывную серию публичных митингов, где можно излагать истинное положение дел в Индии, чтобы наводнить Великобританию памфлетами, листовками, газетами и журнальными статьями – одним словом, вести там агитацию таким образом и в таких масштабах, которые позволили одержать победу Лиге против хлебных законов.

Факт, однако, состоит в том, что та сравнительно малая сумма, которая выделяется, является *совершенно недостаточной*, и даже то, что было обещано, выплачивается так медленно, что необходимы тысячи писем, циркуляров и напоминаний, чтобы получить эти взносы.

Теперь, возможно, вы поймете, почему я говорю: «Ради Бога, не тратьте деньги на мемориалы или любые другие мелкие предприятия; отдайте каждый фартинг, который вы можете сэкономить, общему делу». Я обращаюсь не только к вашему патриотизму, но и к самым дорогим для вас интересам. Ваши дома, мелкая собственность, ваши жизни и, может быть, все самое дорогое и близкое вам поставлено сейчас на карту. Не лелейте ложных надежд. Вы – создания Британской империи, ее образования, истории и литературы, и с британским правлением вы стоили или падаете. От мирного продолжения этого правления зависит все, что дорого вам в этой жизни, все ваши земные надежды; но это мирное продолжение можно обеспечить только теми фундаментальными изменениями в политике и практике управления, которые вы защищали в Конгрессе. Вы все это знаете, вы чувствуете эту истину своим сердцем так же сильно, как и я, и все же болтаете о мемориалах здесь и мемориалах там, а я едва ли могу подтолкнуть вас к выплате тех жалких недостаточных субсидий, которые вы ежегодно так беспечно «обещаете» национальному делу.

³⁵⁸ Британский комитет Индийского национального конгресса – отделение ИНК в Лондоне (1889–1921).

Я знаю, что некоторые из вас живут на сумму от ста до трехсот фунтов стерлингов в год, но свободно вносят вклад соответственно своим средствам; но меня изумляет близорукая скупость столь многих среди богатых, что жалеют дать то, что для них в действительности является ничтожной суммой. Они тоже, как наши правители, слепы к знамениям времени? Разве вы не можете заставить их понять, что это они сами и их любимые сокровища первыми падут жертвой катаклизма? Что они жалеют несколько сотен или тысяч на единственное дело, способное спасти их лахи и кроры? Или они успокаивают себя, как некоторые из самых дальновидных среди наших правителей, надеждой, что «на наш век хватит»? Может быть, с некоторыми, но все вероятности против того, что так будет с большинством. Они и их драгоценное богатство, которое они так скаречно хранят, покоятся на почти безграничной куче динамита, готового взорваться от любого пустяка – никто не может сказать, как, когда и где. Подобные беды всегда случаются неожиданно.

Наше правительство здесь – после семи лет упорных усилий я сдаюсь в отчаянии – разве вы совершенно неспособны раскрыть глаза *собственных соотечественников*, дать им понять положение и побудить всех искренне и свободно объединить усилия по спасению правительства, которому в прошлом Индия была обязана столь многим, чья судьба связана с нашими судьбами неразрывно, даже без его помощи, даже против его воли?

Искренне ваш,
А. О. Юм.

Прощание с Индией³⁵⁹

Мои дорогие друзья.

Когда несколько дней назад, только покидая Джанси, мы договорились встретиться с вами сегодня, в моем сердце было много слов, которые я хотел сказать вам, и через вас – всему индийскому народу, о том, что касается вашего будущего и будущего Индии, которую мы все так любим. Но теперь я боюсь, что основная часть того, что я намеревался сказать, останется невысказанным, потому что я отчего-то не могу подобрать слов. Как вы знаете, я не отношусь к людям, что испытывают трудности в выражении своих взглядов и того, что я думаю и чувствую (*аплодисменты*), но отчего-то сегодня, возможно, впервые в жизни, я чувствую, что словно бы лишился дара речи и не способен ответить на ваше великодушное, любезное и в высшей степени лестное послание (*Крики: «Нет! Вовсе нет, сэр!»*). Более того, не способен найти нежных и добрых прощальных слов, которые должен сказать вам и всем моим многочисленным друзьям по всей стране (*одобрительные возгласы*).

Некоторое время назад слабое здоровье сделало меня неспособным ко всякой настоящей работе, физической или умственной, по меньшей мере, сейчас. Мой мозг работает не так быстро, как раньше, и слова сходят с языка не так стремительно, и, в целом, в настоящий момент я чувствую, что едва ли способен к столь большой и подготовленной аудитории, какую вижу перед собой здесь – как какая-то бедная измотанная лошадь извозчика (которой не светит ничего, кроме живодерни и смерти), что должна вновь выйти на большую гонку, в которой принимала участие дюжину лет назад, хотя, возможно, и не бесславно.

³⁵⁹ Перевод осуществлен по изданию: Mr. A. O. Hume's Farewell to India : as reported for the Bombay Presidency Association. London, 1894.

Но правда состоит в том, что не только из-за плохого здоровья мне трудно обратиться к вам так, как должно; это, скорее, похоже на чувство бедного осужденного заключенного, когда он оглядывается в последний раз на своих близких и на величие и чудеса этого мира иллюзий; чувство, что я в этот день прощаюсь не только с вами, лучшими друзьями, но и со всеми тысячами друзей, что разбросаны по всей длине и ширине этой необъятной империи – друзей, с которыми я долгие годы трудился во благо священного дела Индии, друзей, которые так нежно любили меня и которых я так нежно любил (*продолжительные аплодисменты*). Не только Бомбей покидаю я – боюсь, я оставляю навеки дорогую Индию, где, с промежутками пребывания в Англии – короткими и редкими, я провел сорок пять лет своей жизни; Индию, где прошли самые лучшие и яркие, самые достойные и счастливые дни моей утешающей ныне жизни (*аплодисменты*). Юность, молодость, зрелость, со всеми их мечтами и надеждами, усилиями, неудачами и успехами, доброй и злой судьбой – все неизбежно было связано с Индией, от которой недостаток жизненных сил отрывает меня, возможно, навсегда (*громкие крики: «Нет! Нет!»*). Как я могу забыть счастливые, счастливые часы, дружбу, любовь, что дала мне Индия, или не помнить, что здесь покоится самое дорогое для меня? Индия священна для меня не только одинокой могилой в тени сосен на далеких холмах³⁶⁰, но, не менее и воспоминаниями о других моих друзьях и соратниках, ярких звездах, которых Индия и я лишились слишком рано – Гирии Бхушане Мукерджи³⁶¹, Джордже Юле³⁶², Аюдхьянатхе, Теланге, и других, не менее люби-

³⁶⁰ Речь идет о жене Юма Мэри Энн, похороненной в Шимле.

³⁶¹ Гирия Бхушан Мукерджи (ум. 1887) – адвокат, редактор («Наба-бибхакар»), секретарь Бенгальской национальной лиги, участник первой сессии ИНК.

³⁶² Джордж Юл (1829–1892) – купец, председатель Индийской Торго-

мых, хоть и менее известных; Индия, ставшая неотъемлемой и лучшей частью меня самого, моих дум и надежд, Индия и ее народ, который, вопреки всем недостаткам и неудачам, я по-прежнему так люблю. И от всего этого я должен завтра уйти навек (*«Нет! Нет!»*). Едва ли, друзья, вы поймете всю печаль этой разлуки для меня. Сотни других служили вам, и тысячи других будут служить вам и вашим детям лучше и с большей пользой, чем судьба отвела мне. Для вас это выглядит так, словно еще одна тусклая звезда падает с вашего небосвода, где все еще пылают тысячи более ярких светил. Но для несчастной падающей звезды — это конец всего, и когда я думаю об окончательном расставании с вами, с Индией, со всем, что годами наполняло мое сердце, мне кажется, что все краски покинули мою жизнь.

Если, таким образом, в этот последний раз, когда у меня есть возможность обратиться к индийской аудитории, я не смогу сказать всего, что должен, если я не смогу предупредить вас обо всех трудностях и опасностях, которые вижу на вашем пути, и не смогу убедить вас больше смотреть на высшие и благородные вещи, чем прежде — если, словом, я не смогу выполнить свой долг своими последними словами, Индия и мои индийские друзья должны простить мне это, как и другие мои недостатки, помня о том, что тревога притупляет мой разум, и из-за нее я стою здесь косноязычный, как древний Моисей.

Может быть, все это склоняет меня к пессимизму, но я должен признаться, что перспективы не обещают нам скорейшего воплощения наших самых заветных надежд и устремлений. К сожалению, не имея даже признаков местной автономии (*«Позор! Позор!»*), мы зависим, как и весь прогресс в том направлении, в каком мы хотим двигаться, от симпатии и поддержки политической партии, ныне находящейся у власти в Англии.

вой палаты. Первый британский президент ИНК (1888).

Мне кажется, что шансов на стабильность Либеральной партии в Англии мало. Я полагаю, что текущий год не обойдется без всеобщих выборов, и, к сожалению, мне кажется, что Либеральная партия не будет переизбрана на стабильной и удовлетворительной основе. Многие из вас, возможно, захотят сказать: «Либеральная партия может повернуть с нами такой же трюк, как в случае с освобождением товаров из хлопка от пошлины на импорт, взимаемой со всех мыслимых вещей – кроме машин, угля и металла для железных дорог – с десятков самых мелких и незначительных вещей, налоги с которых не приносят никакого результата, соразмерного неудобствам и раздражению, вызываемыми взиманием пошлины. Если Либеральная партия может поступить так, какое значение для нас имеет то, что за партия находится у власти? Разве тори могли бы сделать что-нибудь более грязное или низкое?» Это уместные вопросы, и я готов честно принять их; но нужно, чтобы вы четко понимали ситуацию в целом.

Большая часть ведущих политиков с обеих сторон, профессиональных политиков, как их можно обозначить, люди, которые в основном составляют наши министерства, могут быть честными, прямыми и добродетельными в частной жизни, в общественной жизни могут выступать как настоящие обманщики (*«Слушайте, слушайте»*) – говорить как ангелы, но быть готовыми сделать работу дьявола – принести принципы в жертву партии и справедливость для слабых и безгласых, как Индия, в жертву партийной политической войне (*Громкие аплодисменты*). Взятые в массе, министерские профессиональные шайки обеих партий похожи, как две капли воды. Они, в сущности, нечестны в политическом смысле слова. Они будут голосовать против того, что считают правильным, просто потому, что это предлагают их противники. Они будут принимать меры, которые считают неправильными, чтобы выбить почву из-под ног своих противников. Тори сделают все, чтобы перехитрить вигов, виги сделают все, чтобы об-

мануть тори. Эти министерские шайки, как правило, из которого, конечно, есть исключения, абсолютно лишены совести и стойких принципов, кроме борьбы за место и власть для себя и своих друзей, чтобы другая сторона не получила никакой их доли (*громкие аплодисменты*).

Итак, всякий раз, когда партия власти находится в тяжелом положении, слабо держится в седле и чувствует, что ее можно легко выбросить, едва ли можно помыслить такую несправедливость в отношении Индии или любой другой непричастной партии или территории, на которую она не пойдет, если увидит, что это удержит колеблющихся сторонников или позволит заполучить новых. Но, признавая все это, для Индии по-прежнему жизненно важно, чтобы Либеральная партия оставалась у власти, и это будет настоящая беда, пагуба и крах наших самых заветных устремлений, если тори придут к власти и останутся на сколь бы то ни было значительный период.

Вы видите, что, когда они не испытывают затруднений, когда дела идут довольно гладко, либеральные лидеры не имеют никакого стимула к тому, чтобы активно выступать против наших справедливых требований. Все наши требования строго соответствуют основным принципам той великой и растущей демократической силы, на представление которой претендуют наши либеральные министерства, хотя, в действительности, делают это недостаточно. Ради приличия и под давлением демократических членов своей партии, которым они не могут перечить, кроме как в исключительных случаях, они делают вид, что сочувствуют нашим устремлениям, и считают совершенно невозможным отказать Индии в тех крохах справедливости и утешения, которые порой вырывает из их рук наша английская парламентская организация³⁶³. Более того, Либеральная партия в целом, исключая ее официальную часть,

³⁶³ Индийский парламентский комитет, созданный в 1893 г. в Палате общин У. Уэддерберном.

зная, что наши британские отделения, проверенные самым мощным и справедливым общественным мнением в мире, имеют постоянную тенденцию к возникновению, интуитивно и инстинктивно встает на нашу сторону против правящей бюрократии. Того, что Индия получит что-либо похожее на настоящую справедливость, пока наши труженики не начнут серьезно использовать власть, которой наделены, и не создадут подлинно демократический кабинет, я ни на миг не предполагал и не предполагаю. Но пока у власти находится так называемое либеральное министерство в том виде, как мы видим сейчас, хотя его существование висит на волоске, оно вполне способно пойти на такой позор, как освобождение хлопковых товаров от пошлин, и это так же несомненно, как и то, что в качестве компенсации оно будет вынуждено частично удовлетворять наши настойчиво выдвигаемые требования (*громкие аплодисменты*).

Однако с тори все иначе. Верно или ошибочно, но они честно выступают против принципов, на которых основаны наши требования. Это бюрократы и аристократы по рождению, образованию и связям, и они обязательно окажутся на стороне наших бюрократов и против нас. Это правда, что порой, в прошлом, тори принимали самые радикальные меры, против собственных убеждений и мнения их послушных и вымуштрованных сторонников, чтобы «обмануть» либералов. Но в случае с Индией условия совершенно иные, и невозможно представить какие-либо меры, принятые в пользу индийского народа тори, поскольку ни одна такая мера не может, насколько можно видеть, укрепить их позиции против либералов. Нет. Как можно судить из принципов обеих партий и из прошлого опыта – я половину столетия внимательно следил за игрой – Индия будет оставаться беспомощной и отчаявшейся, пока тори будут у власти. Чиновничьи ошибки могут приобрести любой размах, свобода прессы вновь будет отменена, может быть сделано что угодно, но не будет никакого

реального возмещения, и бюрократия освободится от страха вмешательства британского правительства, который сдерживает ее сейчас. Конечно, все добрые индийцы, кто верит в эффективность молитвы, могут взывать: «Избавь нас, Господь, от всех тори и либералов-юнионистов!» (смех и аплодисменты), но я очень боюсь – и это один из признаков времени, не зависящий от Индии – что мы можем молиться сколько угодно, но это *не* принесет нам избавления.

Сегодня в Палате общин Либеральная партия, если игнорировать незначительные подразделения, состоит из трех отдельных секций, которые до сих пор могли работать довольно гармонично, объединенные магическим влиянием великих способностей г-на Гладстона и, едва ли не больше, величиим его имени. Влияние это, к несчастью для Англии и Индии, я полагаю, вскоре прекратится, и трудно поверить, что этот союз может долго сохраняться. Это пример в высшей степени неустойчивого равновесия. У вас есть первая секция, и я сам претендую на то, чтобы к ней принадлежать – истинные радикалы или демократы; у вас есть так называемые умеренные либералы, которых мы бы назвали вигами лет сорок назад – эти люди исповедуют либеральные принципы, но применяют их в конкретных мерах лишь тогда, когда их вынуждает радикальное крыло партии; и также у вас есть ирландская партия. Не только последняя делится на два крыла, которые нелегко примирить, но даже в радикальной партии есть крыло, которое пытается сделать вид, будто интересы секции труда едва ли совпадают с интересами остальной демократической партии. С такими признаками разобщения, я уверен, раскол вряд ли будет отложен до конца этого года. Что произойдет потом? Нам, конечно, говорят, что этого никогда нельзя предвидеть. Однако было бы правильнее говорить, что предвидеть нельзя довольно *часто*. В данном случае немедленный результат всеобщих выборов кажется вполне ясным. Демократическая и трудовая

секция усилятся, непримиримая часть ирландской бригады³⁶⁴ усилятся значительно, за счет маккартистов³⁶⁵, которых можно считать конституционалистами; умеренные либералы, виги как таковые существенно потеряют в силе (некоторые обернутся к консерватизму); тори и либеральные юнионисты немного приобретут. В чистом итоге, боюсь, к власти придут тори; и одно несомненно – если они не сумеют сделать этого в таких обстоятельствах, ничто, кроме европейской войны, в которой Англия примет участие и будет играть роль, совершенно не устраивающую нацию – будет терпеть поражения или погрязнет в беспорядочных и плохо проводимых мероприятиях, как в Крыму³⁶⁶, не приведет их к власти вновь. Они, конечно, понимают это и предпримут неслыханные усилия. Деньги по-прежнему много значат в Англии – денежные мешки все еще перевешивают мужественность. Они в этой кампании будут тратить тысячи – потому что у них есть деньги – там, где сравнительно бедная демократическая партия потратит сотню; и лично я, как беспристрастный наблюдатель, не вижу причин, чтобы ожидать того, что их деньги и усилия не принесут им временный успех в отсутствие великого имени г-на Гладстона.

Это первое, к чему я хочу видеть Индию готовой: относительно ранний роспуск, новый приход империалистов к власти и последующая приостановка – на некоторое время – всего прогресса в том направлении, в котором мы стремимся идти. Будьте готовы к этому; но когда придет время, нельзя впадать в уныние, нужно сохранять терпение, неуклонно работать, организовывать, изыскивать средства для работы в Англии, никогда не ослаблять усилий,

³⁶⁴ Ирландская парламентская партия.

³⁶⁵ Сторонники Джастина Маккарти (1830–1912) – ирландского националиста, члена парламента (1879–1890), лидера Ирландской национальной федерации (1891–1892).

³⁶⁶ Имеется в виду Крымская война 1853–1856 г.

но постоянно держать себя в рамках конституционной агитации, и будьте уверены – это время суровых морозов не будет вечным, они отступят перед восходящим солнцем Демократии, которое, несмотря на облака, что порой затмевают его и искажают рассвет, уверенно восторжествует и разгонит облака – насколько можно быть уверенным в этом сбивающем с толку мире сюрпризов (*громкие аплодисменты*).

Но *есть* облака – и это еще один повод для сожалений – к которым вы тоже должны быть готовы, и которые тоже могут в течение какого-то времени тормозить воплощение самых светлых надежд Индии. Отчасти из-за преступлений анархистов, отчасти из-за неблагоразумия и даже безрассудства некоторых секций партии труда в Австралии, Америке и на континенте, отчасти из-за перемен в общественном мнении возникает (даже там, где это едва ли казалось возможным) определенная реакция против демократических принципов, которые на деле ни в коем случае не ответственны за все перечисленное. Как долго будет качаться маятник, как далеко зайдет реакция, не в моих силах даже догадываться, но она может зайти достаточно далеко для того, чтобы на какое-то время остановить весь прогресс по демократической линии здесь – тот прогресс, к которому устремлены наши сердца и надежды. Но, опять же, не унывайте. День бюрократии и деспотизма клонится к закату. День демократии наступает. Возможно, нам придется ждать, но мы находимся на стороне победителя. С восходящим, а не закатным солнцем связан наш жребий, и так же точно, как день сменяет ночь, справедливость, свобода и конституционное правительство сменит нынешнюю анахроничную администрацию, которая принесла нам столько сожалений (*аплодисменты*). Возможно, не сразу, но будет так. Весь прогресс может остановиться на время; но сохраняйте хорошее настроение. Если только вы, народ Индии, выполните свой долг, Индия, наша любимая Индия, все-таки будет свободна и счастлива (*продолжитель-*

ные аплодисменты).

Но, увы, в поле зрения появляется еще одна черная туча, которая, возникнув, остановит весь конституционный прогресс не только в Индии, но и в самой Великобритании. Не может быть большего бедствия в цивилизованном мире, и никто не может пророчествовать о точном времени ее начала, но каждый мыслящий европейский политик уже ощущает ее в воздухе. *Могут* пройти годы, прежде чем грянет гром, но он грянет, и в том, что это случится до того, как кончится век, немногие способны сомневаться. Великая европейская война, в которую, несмотря на все усилия, будет вовлечена и Англия – я не стану останавливаться, чтобы высказать сожаления или осудить эту ужасную кару. Из истории все вы знаете, что влекут за собой эти вспышки легализованных убийств и национальная деморализация. Голод страшен, чума и холера ужасны, но война, великая европейская война, с неисчислимыми смертями и страданиями, связанным с ней прекращением морального прогресса и дальнейшего марша свободы – это самое страшное из бедствий, в котором преступления и нарушения законов природы в их высшей форме терзают человеческую расу. По всей Европе кричат о мире, но все знают, что война уже зреет на горизонте.

Вы должны быть готовы и к другим препятствиям на пути триумфа нашего дела, но я специально останавливаюсь на этом, потому что знаю, что некоторые говорят, будто трудности Англии могут стать возможностями для Индии. Не верьте им. Обращаясь к этому вопросу, помните, что на кону будет стоять существование не наших благонамеренных, но зачастую препятствующих и недальновидных бюрократов, и даже не министерских групп беспринципных профессиональных политиков, а существование всей благородной нации, к которой всегда прислушивались народы, идущие по пути свободы, нации, благодаря которой вы имеете большую часть того, что превыше всего цените, нации, хотя – увы! – не всеведущей и всемогущей,

неспособной тотчас обеспечить соблюдение всех благих начинаний, но провозгласившей в высшей степени торжественных словах, что однажды вы будете, если заслужите того, свободными и счастливыми (*продолжительные аплодисменты*).

Нет, если война вспыхнет, и Англия, к несчастью, будет вовлечена в нее, отдайте все внимание благосостоянию и безопасности всего содружества. Отбросьте на время все политические программы, и объединитесь, как один человек, с единой целью – поддержки и укрепления Англии. Пусть местное правительство будет плохим или хорошим; этим нужно пренебречь, ведь если оно будет хорошим, это всего лишь дополнительный стимул к действию, если плохим – это всего лишь неверные слухи Англии. Выступайте вместе – добровольцами, чтобы служить миротворцами или специальными констеблями, и так далее, дабы освободить от этой работы обученных солдат настолько, насколько возможно. Жертвуйте средства, спонтанно, столько, сколько сможете сэкономить. Организуйте, с разрешения правительства, меры по сбору средств, окажите самую полную, самую горячую, щедрую и беспрекословную Англии моральную поддержку во всех своих газетах и во всех своих выступлениях. У вас есть сотни тысяч молодых способных юношей, что могут стать такими солдатами, каких нет больше в целом мире. Пусть для каждой семьи, в которой есть двое таких, станет делом чести, чтобы хотя бы один из них стал добровольцем, пусть они требуют от правительства, чтобы оно внесло их в список, тренировало и вооружило их, отправило их, если нужно, хоть на край света, чтобы бороться за то, что является одним из самых надежных бастионов Свободы, падение которого, возможно, на многие поколения остановит прогресс всего мира (*возгласы одобрения*).

Возможно, я избегну этого зла, и умру прежде, чем оно грянет – и я молюсь, чтобы было так. Но когда это время придет – и оно придет – пусть все, кто когда-либо заботил-

ся обо мне, кто следовал мне, верил в меня, вспомнят мои слова и сплотятся, как один человек, не с сомнениями и нехотя, но решительно и с энтузиазмом, вокруг тех малых островов, которые были справедливо названы последней крепостью Свободы и главным ее оплотом! (*громкие возгласы одобрения*). Да, в более благородном смысле слова, великая война будет возможностью для Индии – возможностью доказать, что если во время Мира она требует – временами несколько сердито – равных гражданских прав, то в час Войны она всегда готова и стремится принять равные военные риски (*продолжительные аплодисменты*).

Таким образом, мне кажется, что в ближайшем будущем перед политическим освобождением Индии, в которое мы вложили всю душу, возникнет три огромных препятствия:

1. Приход тори к власти.
2. Развитие реакционных чувств, оппозиционных демократическому прогрессу.
3. Великая европейская война.

Если будет так – кто предупрежден, тот вооружен. Пусть ничто не разуверит вас: держитесь того убеждения, которого придерживаются все лучшие и мудрейшие – что правые всегда должны победить и всегда будут праздновать триумф, и что нации должны заслужить и защищать то, к чему те стремятся. Прогресс *может* быть подвергнут испытаниям – и, я боюсь, *будет* подвергнут им, как я предупреждал вас, и многие годы могут пройти, в течение которых вы не получите ни единого дюйма, более того, может быть, даже потеряете почву. Но все это время нужно бесстрашно и постоянно работать, готовясь к хорошему времени, и Индия однажды соберет славный урожай ваших трудов. Пусть ничто – ни временные испытания, ни временные потери – не приводит вас в уныние. Дух эпохи за вами, и вы должны победить прежде, чем придет конец. Держитесь за это, готова путь к реализации ваших надежд, и, хоть это банально, пусть благородные строки Лонгфел-

ло всегда звучат в вашей голове и отзываются в стуке вашего сердца:

Встань же смело на работу,
Отдавай все силы ей
И учись в труде упорном
Ждать прихода лучших дней!³⁶⁷

(громкое одобрение). Но некоторые, а, возможно, и многие скажут – как мы можем достичь чего-то, какая польза в том, чтобы к чему-то стремиться, если нас ждет период отсутствия прогресса? Нужно ли нам проводить Конгрессы, искать средства для организации в Англии, проведения собраний, выступлений тогда, когда, как мы знаем, никакой прогресс невозможен? Безусловно – за исключением великой войны, когда эти вопросы могут быть отложены, кроме тех случаев, когда они могут принести поддержку Англии и доказать ее врагам, что Индия вместе с Англией и душой, и сердцем. Независимо от того, насколько, в силу тирании обстоятельств, невозможен немедленный прогресс – как настоящие мужчины, вы должны ковать – ковать, и ковать, и ковать – никогда не ослабляя усилий, и так постепенно приобретая ту привычку непоколебимой настойчивости, которой вам, к сожалению, так не достает как нации. Вы можете работать под большим давлением в течение недели, но работать при низком давлении, в течение года, равномерно и неутомимо, неспособно большинство из вас. И все же эта сила устойчивого непрерывного напряжения является самым первым условием для политического успеха, и только такие проверки научат вас этому, и тогда они принесут не несчастья, а скрытое благословение («*Слушайте, слушайте*»).

Но, мои дорогие друзья, эта политическая работа есть лишь часть, и теперь уже не самая важная часть той вели-

³⁶⁷ См. примечание на с. 130.

кой и почетной задачи, что лежит перед вами.

Вы знаете, как сказано:

Они должны добыть свободу,
Лишь нанеся удар³⁶⁸.

Но я говорю вам:

Они должны добыть свободу,
Лишь заслужив ее.

Заслуживаете ли вы ее? Даже я, любящий Индию и ее народ, не могу ответить на этот вопрос так, как хотел бы. Нет, друзья мои. Вы, люди Индии, должны прежде поднять свой уровень – физический, умственный, моральный – на ступень выше, чем сейчас, и только тогда вы заслужите право быть или действительно называть себя свободными (*одобрительные возгласы*).

Что вам нужно делать? Возможно, вы знаете это лучше, чем я, но все же, как отец, что навеки прощается с любимыми детьми, о будущем которых он заботится, я не могу уклониться от попыток рассказать вам некоторое из того, что, как мне кажется, вам нужно сделать в первую очередь. Я старик. Я прожил свою жизнь среди вас, и, возможно, знаю столь много, сколько может узнать человек за одну жизнь; но я не претендую на догматизм, а лишь говорю вам то, что я – тот, кто любит вас – считаю самым важным для вашего конечного успеха. Если при этом я обижу кого-то из моих верных друзей, я буду глубоко сожалеть об этом, но я должен сказать честно, как скажу и перед высшим судом, то, о чем я думаю и во что верю – *salus republicae suprema lex* – благополучие нации есть высший закон. Меня не заботит ортодоксия или гетеродоксия – «доксии» созданы для людей, а не человек для них. Меня волнует

³⁶⁸ Юм неточно цитирует строки из поэмы Дж. Байрона «Путешествие Чайлд Гарольда» (2, 76).

то, чтобы Индия росла великой и славной, а ее народ стал свободным и счастливым, и ничто из этого не будет возможным в нынешних мировых условиях, пока реформы, которых я вскользь коснусь, игнорируются (*одобрительные возгласы*).

Для начала, вы должны иметь крепкое тело, в котором может развиваться крепкий ум. Мне известно, что в последнее время кое-где, особенно в Бомбее, были предприняты некоторые слабые попытки ввести гимнастику и атлетические состязания и игры, но это просто блошинные укусы, и если бы это действительно делалось в полной мере, то принесло бы только пользу мужчинам средних и высших классов. Это прекрасная вещь, и я полностью симпатизирую ей, но мы должны пойти гораздо дальше, если хотим возродить Индию физически. Все это просто щепоть мяты и тмина, есть более весомые законы природы, которые вы должны учитывать. Вам нужно предотвратить браки несовершеннолетних (*громкие одобрительные возгласы*). Если кто-нибудь говорит, что Шастры³⁶⁹ предписывают такие браки, то он заблуждается, а если он прав, то заблуждаются Шастры. Потому что законы природы, навек провозглашенные Господом для тех, кто имеет уши слышать и разум, чтобы понимать, напротив, говорят нам, что союз незрелых дает потомство, физически более слабое, чем то, что дает союз зрелых людей. Это факт, абсолютную верность которого демонстрируют не только человеческие существа, но и все крупные и значимые домашние млекопитающие. Несомненно, иногда очень хорошие дети рождаются и от незрелых родителей, ибо нет правил без исключений, но, широко говоря, в среднем дети несовершеннолетних будут куда слабее физически, чем дети зрелых родителей. Расовое вырождение, одним словом, является неизбежным следствием широкой практики браков

³⁶⁹ Шастры – толкования, пояснительные тексты к священным писаниям индуизма.

среди незрелых. Вы должны только оглядеться, чтобы понять это, ибо это ясно начертано незримой рукой по всей длине и ширине Индии (*громкие аплодисменты*). Подумайте, разве Господь пустил нас в этот мир затем, чтобы мы вырождались и физически, и иным образом? Разве наша миссия здесь не состоит в том, чтобы расти? Если тогда любые Шастры, которые мы считаем Божественным посланием, предписывают нам браки среди незрелых, то давайте считать, что они либо являются подложными, либо, в течение веков, были исправлены, либо мы понимаем их неверно. Все это возможно, но что касается законов природы, они не могут ошибаться, они не могут лгать, ибо являются извечным выражением Божественной воли (*одобрительные возгласы*).

Таково первое великое дело, которое вы должны исполнить. Эта работа может продолжаться без препятствий, даже если тори будут у власти, если демократические идеи будут в упадке, если вокруг нас развеваются флаги сражающихся и бьют боевые барабаны; и ни единого, кто уклонится от этой работы, я не назову патриотом, ибо здесь лежит первый камень в основании национального величия, в которое, мы надеемся, облачитесь, как в одеяние славы³⁷⁰, старая Индия и ее возрожденные сыновья (*продолжительные аплодисменты*).

Я не буду говорить о прочих родственных и связанных вопросах – никто из вас не слеп; примите эти предпосылки, и остальное придет.

За крепким телом обязательно последует крепкий ум, но мы не должны довольствоваться этим, мы должны тренировать и развивать наш ум, а не просто лелеять здоровые и крепкие шкатулки, чтобы хранить его. Вы должны бороться за более полное и лучшее образование для мальчиков, не только из высших и средних классов, как сейчас, но всей нации; но я не стану это особо подчеркивать – уже

³⁷⁰ См., например, Сир. 6:32.

так много сделано, что и это придет. **Вы должны обучать девочек.** Безусловно, есть мужчины высочайшего интеллекта, рожденные от необразованной (но всегда умной от природы) женщины, но здесь опять естественный закон безоговорочно гласит, что сообщество, где люди обоих полов образованны и умственно развиты, производит вдвое больше великих и выдающихся людей, тогда как там, где один пол образован, а второй нет, зачастую появляются лишь простые человеческие животные.

Вы не можете обойти законы природы; от земных законов вы можете уклониться, или сбежать в экипаже, запряженном четверкой лошадей, но законы физиологии, синтез божественного, разят неумолимо и непреодолимо. Умные женщины и умные мужчины рождаются, без сомнения, даже если один из родителей абсолютно лишен культуры, потому что дети обоих полов наследуют признаки то одного, то другого родителя, но, систематически удерживая один из полов в состоянии, близком к животному, вы сокращаете, по крайней мере, наполовину, количество детей, рожденных для хорошего служения, для того, чтобы стать честью вашей страны.

Поэтому следующим, но не менее важным, чем реформа ваших брачных законов, является развитие женщин и их всестороннее образование. Я не могу углубиться сейчас в этот вопрос и показать вам, что результатом этого станет не только гораздо более высокий интеллектуальный уровень среди потомства нации, но косвенно и повышение моральных стандартов обоих полов. Поверьте мне, что нация, чьи женщины деградируют до положения простых министров кастрюльных наслаждений, простых игрушек и домашних слуг, выполняющих самую тяжелую работу, вступает в мировую борьбу, имея всего одну руку. Для правильного результата во всех жизненных делах, общественных или частных, необходимо интеллектуальное и нравственное взаимодействие мужчин и женщин. Разумеется, перед вами нет более великой, большой и славной работы,

чем возведение индийских женщин на возвышенный постамент, который принадлежит им по праву, который предоставили им ваши мудрые предки тысячи лет назад, когда Индия была великой и славной (*громкие одобрительные возгласы*).

Это в такой же степени моральный, как и интеллектуальный вопрос. Возвысьте своих женщин, и моральный уровень нации невероятно вырастет. Но среди вас слишком распространены один или два моральных недостатка, на которых я остановлюсь, и вы должны сподвигнуть свой народ преодолеть их, чтобы наша мечта об обновленной и прославленной Индии когда-либо могла реализоваться (*громкие аплодисменты*).

Давид опрометчиво сказал: «Все лгут»³⁷¹, и, говоря поспешно, довольно приукрасил, но недостаток надежности – отсутствие должной идеи святости обещания, всегда, если только не в особенно торжественных условиях, был в числе недостатков всех восточных наций, всегда бывших, как правило, добычей тиранов. У западных наций есть грехи, от которых свободен Восток. Однако эта нехватка надежности есть характерный грех Востока, гораздо больший, чем у более свободного Запада. Индия, которая бесчисленные века была в узах рабства – национальных деспотов или иноземных завоевателей – не избежала той болезни, которой рабство всегда наделяло своих жертв. Здесь – я говорю это из собственного болезненного опыта – люди обещают, обещают и обещают, несомненно, из лучших чувств; но когда приходит время исполнять, как часто они позволяют всяким пустякам вмешиваться, чтобы избежать исполнения своих слов? Это очень серьезное дело; в национальном смысле, оно ослабляет вас сильнее, чем возможно сейчас описать. Вы не можете полагаться на своих товарищей в целом. Есть, естественно, яркие исключения, люди, слова которых, как и все индийские слова,

³⁷¹ Псал. 11:1.

так же хороши, как и их исполнение, но взяв индийцев в массу, вы никогда не знаете, когда они начнут выполнять обещанное. Зачастую они не хотят обманывать – более того, когда они обещают, они хотят и намереваются, мы надеемся, исполнить, но когда приходит время, самые простейшие пустяки мешают им. У них нет достаточной идеи святости сказанного слова, нет никакого чувства, которое может, вопреки неудобствам, проблемам, потерям, ради собственной чести исполнить обещанное, если это возможно сделать так или иначе.

Но некоторые из вас скажут: «Разве я не встречал подобное в Англии?» Прежде всего, я далек от того, чтобы приводить англичан как пример по всем пунктам (смех), напротив, в некоторых вопросах индийцы гораздо лучше, чем англичане (*громкие одобрительные возгласы*), и я хочу, чтобы вы во всех аспектах были лучше, чем они; и во-вторых, хотя я сталкивался с такого рода вещами в Англии, я никогда не видел их в такой степени, как здесь. И здесь есть разница. Если конкретный случай такого нарушения доверия возникает в Англии и становится ясен человеку, то он стыдится себя самого, и его друзья так подстрекают его, что он испытывает неловкость и будет очень осторожен в следующий раз, чтобы не быть пойманным вновь. Но здесь все иначе. Я прихожу ко многим друзьям и говорю: «А и Б честно обещали, что сделают то-то и то-то – например, заплатят деньги – в конкретный день, но проходит больше года, и они говорят, что не могут заплатить». Что делают эти друзья? Они хватают его в гнев, трясут, говорят ему: «Ты негодяй, ты не достоин быть индийцем, ты позоришь страну, позоришь касту, и мы вышвырнем тебя из нее»? Так, практически, было бы в Англии, но здесь они, опустив глаза, говорят: «Ну, ты ведь знаешь, что это очень плохо, это, в самом деле, очень плохо», – затем на их лицах появляется понимающая улыбка, и обе стороны смотрят друг на друга, словно бы говоря: «Как мог этот парень быть таким зеленым, чтобы чего-то

ждать?» (смех) В Англии это происходит от случая к случаю, но в Индии – хронически, и я говорю вам, что если вы не избавитесь от этого, вы никогда не станете великой нацией, так что обратите на это внимание (*аплодисменты*). Я умоляю вас обратиться против явлений такого рода – обещайте, если хотите, но, обещав, своевременно исполняйте, несмотря на все соблазны тайком выпутаться из этого дела. Поверьте, это не пустяк, но, когда речь идет о национальных интересах, одна из величайших нравственных реформ. Без нее невозможно сильное сочетание, с ней же одна сила объединяется с другой до тех пор, пока их сочетание не станет неодолимым (*одобрительные возгласы*).

Есть и еще один момент, который время от времени едва ли не разбивает мое сердце – это внутренняя ревность, которую каждый активный человек, похоже, испытывает к другому активному человеку, что работает на той же стороне, что и он сам (*аплодисменты и смех*). Да, вы смеетесь, но вы не знаете, что это раковая опухоль в сердце нашего национального величия. Поверьте мне, пока огромному числу ваших тружеников, что борются исключительно ради Индии, безразлично, кто получает похвалы, кто несет лавровый венок, кто пожинает славу, безразлично, кто вписан первым или последним в перечень армии прогресса, и их заботит лишь то, чтобы дело страны одержало верх (*громкие одобрительные возгласы*) – есть шанс на триумф, на светлое национальное возрождение, которого мы все так долго ждем (*аплодисменты*).

Мы видели много случаев, когда люди покидали сторону, в которую верили, бросая дело, которого требовала их душа, присоединялись к людям, с которыми не согласны, защищали взгляды, в которые не верили, лишь потому, что могли получить ведущие позиции, ради которых на своей стороне пришлось бы ждать и работать. Для меня ничто не может быть большей слабостью или низостью, чем это моральное самоубийство. Вот настоящий дьявол,

искушающий людей нести убеждения и принципы в жертву на нечестивый алтарь личного возвышения и интересов. И если когда-нибудь кто-нибудь из вас почувствует такое искушение, я молю, чтобы у вас нашлись силы смело сказать: «Отойди от меня, Сатана», и вспомнить, что эфемерные вещи в этом мире Майи (иллюзии) – почести, богатство, похвалы товарищей – значат так мало, и только то важно, что касается вашего вечного Эго – то, что вы должны быть верны свету, который внутри вас, должны отдать сердце только доброму и истинному, ища благополучия всего человечества и развития вашей собственной высшей природы (*продолжительные аплодисменты*).

Я полагаю, мне придется оставить недосказанным многое из того, что я с радостью хотел бы сказать. Но ваше терпение имеет предел (*Крики: «Нет! Нет!»*), и иссякающие силы и голос предупреждают меня, что настало время завершать.

Позвольте же мне сказать самые нежные и благодарные слова прощания моим добрым и щедрым друзьям по всей стране, которые помогали мне, работали вместе со мной и стойко терпели меня. У всех я должен просить прощания за свои недостатки, и всех я хотел бы поблагодарить, хотя я не могу найти слов, достаточных для того, чтобы выразить мои чувства, за терпение и неизменную доброту, с которой они всегда относились ко мне. Замечательно, что можно сказать, и сказать честно, что за сорок пять лет, прожитых здесь, я *никогда* не встречал ни недоброжелательности, ни грубости ни от кого из индийцев. У индийцев есть свои недостатки, но где дело касается доброты и вежливости, никто из живущих на земле не может сравниться с ними (*громкие и продолжительные аплодисменты*).

Прощайте, дорогие друзья, прощайте. Еще немного, и я покину вас навек; я потерпел провал, ибо мне не удалось обеспечить вам сколь-нибудь заметную долю того, что надеялся завоевать для вас; сеятель, кому не доведется

увидеть урожай, я сажал деревья, чьи плоды не смогу вкушать, но все же я не унываю, ибо знаю наверняка, что земля, которую я любил, однажды обретет все, чего я желал для нее, соберет урожай и насладится благословенными плодами. Тогда, когда эти счастливые времена придут, пусть вспомнят и меня, и пусть любезные сыны Индии согласятся на эпитафию, не в бронзе или мраморе, но написанную в их любящих сердцах:

Он усердно трудился ради дела Индии,
И пусть иногда он ошибался, он очень любил нас.

До свидания, еще раз, до свидания. И пусть Божественное благословение осенит вас и ваших потомков, и всю дорогую землю Индии и ее бесчисленных детей (*громкие продолжительные аплодисменты*).

Приложение

М. Вир Рагхава Чарьяр

Тамильский катехизис

Индийского национального конгресса³⁷²

Вопрос. Какая страна есть Индия?

Ответ. Индия – это одно из названий страны, известной многим людям как Бхарта Варша³⁷³. Она занимает большую область от Гималаев на севере до мыса Коморин, что лежит в 153 милях юго-западнее Рамешарама. Бенгальский залив и страна Бирма составляют ее восточную границу. На западе она ограничена Аравийским морем и Афганистаном. Ее длина с севера на юг – около 1600 миль, и ширина с востока на запад почти такова же. Ее общая площадь составляет сорок пять лакхов квадратных миль. В ней живет около двадцати пяти кроров и шестидесяти лакхов человек.

В. Кто сейчас правит этой страной?

О. Этой обширной империей Индии сейчас владеют англичане, жители небольшого острова на северо-западе Европы. Его площадь составляет всего около лакха с четвертью квадратных миль, и его население составляет лишь около трех с половиной кроров.

В. Что позволяет людям такой маленькой страны управлять этой обширной империей? Что это за чудо?

О. То, что они управляют Индией, не удивительно. Они обладают многими превосходными качествами, которые делают их наиболее видными среди народов. Хотя они

³⁷² Перевод осуществлен по публикации: Chariar V. English Translation of the Tamil Catechism on the Indian National Congress // Report of the Third Indian National Congress held at Madras on the 27th, 28th, 29th and 30th December, 1887. London : Talbot Brothers, 1888. P. 199–204.

³⁷³ Бхарата-варша – древнее название Индии.

составляют всего восьмую часть от нашего числа, именно эти качества, и прежде всего их единство, позволяют им обладать властью над Индией. Короли Англии не имеют деспотической власти, как владыки Востока. Народ Англии твердо верит, что единственным результатом и целью правительства должно быть благо для людей, и в соответствии с этим они создали национальное собрание, именуемое парламентом, и этот парламент состоит из членов, которых люди выбрали как своих представителей, и таким образом избирается единый орган выборных представителей, которые руководят правительством страны. Жители английских городов избирают членов в надлежащее время в соответствии с установленными правилами. Новые выборы должны проводиться раз в семь лет, но на практике парламенты редко работают так долго, и новые выборы проводятся каждые три или четыре года, и довольно часто – в еще более короткие сроки. Члены, избранные людьми, как правило, во всех действиях в государственных делах необходимо руководствуются мнением тех, кто их избрал, своих избирателей (так их называют), потому что они могут не быть переизбраны, если не будут им следовать. Если вы спросите, как члены парламента узнают мнение людей, ответом будет то, что они постоянно взаимодействуют с ведущими людьми среди своих сторонников, часто приходят к ним и проводят общественные собрания своих избирателей, и, конечно, внимательно изучают резолюции, опубликованные собраниями, проведенными среди их избирателей, и различными ассоциациями, существующими среди них, и статьи в газетах, которые в основном читают их избиратели. Вы видите, что эти члены парламента – только представители определенных районов, городов или групп городов, мохалла³⁷⁴ или приходов очень крупных городов, и они должны ознакомиться с мнениями и пожеланиями большинства жителей этих мест, и они должны,

³⁷⁴ Территориальное подразделение.

как правило, голосовать в парламенте в соответствии с ними, поскольку в противном случае на следующих выборах большинство может избрать кого-то другого, того, кто это сделает. В Англии ни один закон не может быть принят кем-то, кроме парламента, никакой налог не может ни при каких обстоятельствах налагаться на людей, кроме как по решению парламента, то есть представителей этих людей. Министры Ее Величества Королевы ответственны перед парламентом за все свои действия. В правительстве этой страны министры отвечают перед членами парламента, а члены парламента отвечают перед народом. И мы процветаем под контролем такой могущественной нации.

В. Если так, почему они не уделяют внимания нашим обидам?

О. Члены этого грандиозного собрания, без сомнения, склонны рассматривать дела нашей страны и содействовать нашему счастью; но, во-первых, они не имеют достаточно свободного времени для изучения индийских вопросов. Во-вторых, даже если бы у них было время, они не знают наших нужд. Они никогда не осознавали наших лишений. Если бы наши обиды предстали их взору в истинном цвете, вы можете быть уверены, что они постепенно были бы исправлены. Английская нация вовсе не осознает истинного положения вещей здесь: две страны настолько не похожи друг на друга; климат, обычаи, привычки, еда – все, коротко говоря, отличается настолько, что англичанин, никогда не живший здесь, должен заниматься регулярным изучением этого предмета. Итак, английская нация в целом не имеет понятия обо всех трудностях и недостатках, при которых мы трудимся здесь при существующем управлении. Английские чиновники в Индии никогда не сообщают парламенту о том, что мы считаем подлинным состоянием нашей страны. В первую очередь, они не являются местными выходцами и никогда не обладают таким же глубоким знанием положения, как мы. Во-вторых, они непременно верят в то, что все, что они де-

лают — правильно, и что все осуществляется наилучшим образом; наконец, они, естественно, не хотят сокращения своего жалования или полномочий, что неизбежно последует, если английская общественность поймет, как действительно обстоят дела в настоящее время. Так что великая английская нация никогда не узнает о том, что происходит здесь, а мы, народ Индии, прежде не были достаточно разумны, чтобы установить раз навсегда великий союз среди нас самих и применить самые эффективные методы ознакомления английской нации со всеми нашими нуждами и обидами. Итак, как мы можем ожидать каких-либо существенных изменений к лучшему и как мы можем надеяться на возмещение наших обид?

В. Что мы должны сделать, чтобы сообщить английскому народу о наших нуждах и желаниях, и получить справедливость из его рук?

О. Если бы я подробно отвечал на ваш вопрос, мне потребовалось бы больше года. Но я буду краток. Послушайте меня. Наши соотечественники должны взять за правило тщательное изучение всех общественных вопросов, чтобы представлять правительству свое мнение о них через ассоциации и газеты. Наши соотечественники должны прилагать все усилия к тому, чтобы создать в Индии представительный совет, схожий с британским парламентом, чтобы рассматривать вопросы, касающиеся нашего благополучия. Мы должны получить разрешение британского парламента избирать членов этого совета. Ее Величество Королева-Императрица должна сделать резолюции этого совета обязательными для генерал-губернаторов и губернаторов. Если нам удастся таким образом создать один большой представительный совет для всей Индии и пять или шесть меньших советов, по одному для каждой из наиболее важных провинций, и если будет принято решение, что ни один закон и налог не будет введен иначе, чем с разрешения таких советов, мы придем к началу Политического возрождения Индии. Мы должны постоянно

настаивать перед британским народом на первостепенной необходимости осуществления этих реформ через телеграф, ассоциации, газеты и делегатов. Только упорствуя в агитации, мы можем сделать так, что о наших жалобах услышат в Англии. Если английская нация начнет проявлять интерес к делам нашей страны, то оппозиция англо-индийских чиновников, желающих сохранить текущее положение, вскоре перестанет быть эффективной.

В. Есть ли в Индии собрания, похожие на парламент Великобритании?

О. Советы в Индии напоминают английский парламент только названием. Они называются Законодательными советами. Но в настоящее время они – просто бутафория, не имеющая реальной власти. Их члены не могут регулировать расходы правительства, даже в пределах одной пайсы³⁷⁵, они не могут изменять или отменять законы, которые правительство решило ввести. Правительство предлагает некоторым местным джентльменам занимать места в совете, просто чтобы создать видимость и убедить английский народ в том, что в управлении этой страной туземное мнение имеет должный вес.

В. Но почему эти советы таковы? Если в них есть наши люди, почему они не борются за нас? Почему от них не зависит справедливость для нас?

О. В первую очередь, туземцев, заседающих в таких советах, выбираем не мы, а правительство. Если они нам не нравятся, мы не можем их сместить. Но если они не устраивают правительство, оно может не переназначать их по истечении двух лет, на которые они назначаются. Сейчас те, кого назначают, имеют право на титул «достопочтенный» перед именем, и считается большой честью быть в их числе; если они делают то, чего хочет правительство, их награждают орденами и титулами – рыцаря-командора ордена Звезды Индии или рыцаря-командора ордена Ин-

³⁷⁵ Мелкая монета.

дийской империи, компаньона ордена Звезды Индии или компаньона ордена Индийской империи³⁷⁶ – пустые слова, которые тщеславные и глупые люди наделили большим значением. Далее, также, правительство в основном выбирает не тех людей, которые будут бороться за наши права, но более или менее глупых «больших» людей, кто будет делать то, что им говорит правительство. Отсюда следует, что лишь очень немногие из туземцев, которые доселе сидели в совете, старались делать добро для нас. Некоторые, однако, делали; но система такова, что даже если все они будут умными людьми и станут делать все, что в их силах, они не смогут ничего достичь, поскольку составляют незначительное меньшинство совета и единственный вопрос, который встает перед ними – это новые законы. Им не разрешено задавать вопросы или узнавать что-либо о чем угодно, связанном с управлением страной. Только когда должен быть принят новый закон, они заслушивают его и могут сказать, что думают о нем. Но ни один закон не приходит в Законодательный совет прежде, чем вице-король или губернаторы в своих Исполнительных советах, где нет туземцев, не решат, что это будет за закон; и когда закон попадает в Законодательный совет, вопрос уже решен: несколько слов или пунктов могут быть изменены (если такие изменения одобряет вице-король и члены Исполнительного совета), но и только. Бедные туземные члены могут выразить свое мнение – они могут сказать, что закон очень плох, но они в меньшинстве и никто не обращает на них внимания. Итак, вы видите, что даже если бы наши люди пытались сражаться за нас, что случается крайне редко, они ничего бы не смогли сделать, потому что эти советы – всего лишь фикция.

В. Как можем мы, народ Индии, надеяться на какие-либо исправления с помощью подобных бутафорских советов?

³⁷⁶ K.C.S.I., K.C.I.E., C.S.I., C.I.E.

О. Конечно, мы не можем рассчитывать на что-либо подобное. Прогресс и реформы в равной степени невозможны, но если бы мы имели привилегию избирать членов, и имели бы в советах довольно много членов, все было бы иначе, потому что они старались бы угодить тем, благодаря кому избраны и от кого зависит их переизбрание. Члены, обязанные своими местами в совете доброй воле правительства, естественно, как правило, голосуют в его пользу. Они не осмеливаются бороться за дело народа, боясь не быть переизбранными; следовательно, наши соотечественники должны реформировать советы. Если мы все будем упорно настаивать на этом и все разъясним, английская нация обязательно разделит с нами желание представительного базиса и наши самые серьезные жалобы начнут исчезать одна за другой.

В. Если так, почему не все наши соотечественники объединились в попытках реформировать Законодательные советы?

О. Несомненно, не все наши люди интересуются движением. До недавнего времени наши райяты, купцы – обычные люди – полностью игнорировали общественные дела, но теперь их глаза открываются. Многие из них стали говорить о своих потребностях в газетах и на публичных собраниях. Три года назад многие заминдары, купцы, землевладельцы и люди иных занятий, живущие в разных частях Индии, поставили перед собой задачу встречаться раз в год в одном из президентств и обсуждать общественные вопросы, имеющие жизненно важное значение. В 1885 году почти сто джентльменов со всех частей Индии собрались в Бомбее и зафиксировали свое мнение по некоторым важным вопросам, представляющим общественный интерес. В 1886 году около 440 джентльменов, избранных для этой цели различными ассоциациями, собрались с той же целью в Калькутте. В декабре 1887 года не менее 604 джентльменов, представляющих все классы и веры, избранные почти всеми крупными городами и ас-

социациями империи, встретились в Мадрасе таким же образом, и в декабре 1888 года должно пройти еще большее собрание в Аллахабаде. Они дали этому грандиозному собранию английское наименование «Конгресс», что буквально и означает «собрание».

В. Будут ли эти Конгрессы оказывать какую-либо помощь Индии?

О. Да. Люди в этой стране наконец-то будут услышаны. Сейчас они не имеют голоса в правительстве страны. Если наши соотечественники будут активно участвовать в ежегодных Конгрессах, собираться из года в год и говорить английскому правительству о том, чего они хотят, то оно постепенно переработает управление в соответствии с четко выраженными пожеланиями всей страны. Но если мы хотим достичь успеха быстро, все должны присоединиться; каждый должен быть заинтересован в этом деле, принимать участие в выборах делегатов, и помогать в работе всеми возможными способами. Не нужно гневаться на недовольство местных чиновников или бояться его. Естественно, те из чиновников, что лишены благородства, будут раздражены движением, которое стремится урезать их полномочия и принудить их учитывать интересы и чувства их народа гораздо чаще, чем сейчас. Значит, сердиться бессмысленно, а бояться – глупо. Каждый человек должен просто присоединиться к нам и продолжать работу добродушно, не беспокоясь о том, что думают или говорят об этом чиновники. Через год или два, когда мы одержим верх, они придут и скажут, что это – отличное дело.

В. То есть, вы действительно думаете, что Конгресс принесет большую пользу?

О. Да, безусловно. Одним из лучших средств содействия благосостоянию Индии является создание большого совета, подобного английскому парламенту; и если Конгресс будет настойчив, если им будут мудро руководить, а страна будет поддерживать его, то постепенно, когда Индия созреет для этого, Конгресс превратится в индийский

парламент, который заменит бутафорские советы, что существуют сегодня.

В. Признает ли правительство Конгресс?

О. Почему нет? Оно непременно признает его; не в этом году и, вероятно, не в следующем – пока оно не убедится в том, что он действительно является национальным и за ним стоит вся страна. Но как только вы докажете это, правительство признает и использует его, чтобы проложить путь к исправлению всех наших самых серьезных жалоб. Правительство Англии превосходит все прочие правительства в мире своим основополагающим принципом – формированием политики согласно пожеланиям народа. Если Конгресс продолжит регулярно собираться раз в год, и вся страна присоединится к выборам его делегатов, к разъяснению того, за что он выступает, если она утвердит его резолюции, общественное мнение в Англии очень скоро вынудит правительство тщательно рассмотреть решения, к которым пришел Конгресс. Нынешний английский парламент в своем младенчестве во многом напоминал наш Конгресс, и так же, как большое дерево вырастает из малого семени, небольшие и непостоянные собрания прошлого ныне достигли размеров славного английского парламента.

В. Когда собрался первый Конгресс и какова его история?

О. Первый Национальный конгресс собрался в 1885 году в городе Бомбее. Чтобы принять участие в этом Конгрессе, многие джентльмены прибыли из Мадрасского и Бенгальского президентств, Пенджаба, Северо-Западных провинций и других частей Индии. Все джентльмены (делегаты – так их называют) собрались в одном месте и обсуждали наиболее важные вопросы, связанными с управлением страной, в течение трех дней, и затем публично зафиксировали свое мнение, или, как это называется, приняли резолюции в отношении этих вопросов. Во время заседаний этого Конгресса каждый из делегатов узнал

мнения других, и эти мнения были едины, хотя делегаты разных рас, каст и вероисповеданий приехали из разных частей страны, разделенных тысячами миль. Одной из основных целей этого Конгресса было продемонстрировать или, если необходимо, совместными совещаниями добиться единодушия мнения, которое объединило бы нас.

В. Какие резолюции были приняты на первом Конгрессе?

О. Они заключаются в следующем: (1) Ее Величество Королеве-Императрице следует направить комиссию в нашу страну и эта комиссия должна расследовать наши жалобы; (2) следует упразднить Индийский совет³⁷⁷ и сформировать из членов парламента постоянный комитет для рассмотрения индийских вопросов; (3) Законодательные советы должны быть расширены путем принятия значительного числа членов, избранных нами самими, и должны быть наделены полномочиями регулировать и контролировать расходы, принимать законы и осуществлять другие полномочия; (4) конкурсные испытания в Гражданскую службу должны проводиться не только в Англии, но и в Индии; возрастной предел должен быть поднят до двадцати трех лет; (5) увеличение армии и, соответственно, расходов является со стороны правительства несправедливым; (6) люди нашей страны уже несут тяжелое бремя налогов, и правительство должно найти средства для снижения этого бремени; (7) если Бирма будет помещена под управление правительства Индии, то у последнего не останется времени заниматься индийскими делами, и наши деньги будут потрачены впустую на то, чтобы привести его в порядок, а потому Ее Величеству Королеве не следует отдавать управление Бирмой в руки правительства Индии.

В. Обратило ли правительство внимание на какую-либо из описанных резолюций?

³⁷⁷ Совет при государственном секретаре по делам Индии.

О. Да, в определенной степени. Лорд Дафферин, наш генерал-губернатор, очень хвалил шестую резолюцию. Он назначил две комиссии, чтобы расследовать и составить рапорт по проблемам, поднятым в ней и в четвертой резолюции. Они известны как Финансовая комиссия и Комиссия по общественной службе. Не только правительство Индии обратило на них внимание, но и некоторые английские газеты одобрительно отзывались о работе Конгресса. Далее, члены английского кабинета министров, г-н Гладстон и г-н Чемберлен³⁷⁸, как говорят, благосклонно высказались относительно нашего движения. Нужно ли добавлять, что лорд Рипон, г-н Слэгт³⁷⁹ и другие известные друзья Индии, горячо приветствовали Конгресс?

В. Когда собрался второй Конгресс?

О. Он собирался в декабре 1886 года в Калькутте.

В. Сэр, пожалуйста, объясните мне различия между первым и вторым Конгрессом.

О. Если я стану подробно описывать второй Конгресс, это займет много времени. Однако, я могу вкратце описать его. Только 78 делегатов приняли участие в первом Конгрессе в Бомбее, тогда как Конгресс в Калькутте посетили 436 делегатов. Джентльмены, присутствовавшие на первом Конгрессе, не назначались народом страны, чтобы выступать от их имени. Но на втором Конгрессе множество людей на общественных собраниях и в ассоциациях избирало своих представителей. В декабре 1886 года проходили различные митинги во всех частях Индии, чтобы избрать делегатов.

В то время, как на первом Конгрессе присутствовало только два мусульманина, не менее тридцати трех мусуль-

³⁷⁸ Джозеф Чемберлен (1836–1914) – британский политический и государственный деятель (либерал; позже либерал-юнионист).

³⁷⁹ Джон Слэгт (1841–1889) – британский бизнесмен, политический деятель (либерал). Член Палаты общин от Манчестера и Бернли (1880–1885, 1887–1889).

манских джентльменов приняли участие в обсуждениях второго Конгресса. Люди в целом заинтересовались вторым Конгрессом больше, чем первым. Наконец, именно благодаря второму собранию название «Конгресс» стало знакомо людям по всей стране.

В. Какие резолюции принял второй Конгресс?

О. 1) Была принята резолюция с поздравлениями Ее Величеству Королеве по поводу юбилея и молитвами за ее долголетие и процветание.

2) Было решено, что ввиду растущей бедности населения Индии должны быть введены представительные институты, поскольку они передадут в наши руки власть для проведения таких реформ в управлении, которые мы считаем необходимыми для уменьшения уровня бедности.

3) Была подтверждена третья резолюция первого Конгресса о восстановлении законодательных советов.

4) Далее было указано, что необходимо (а) увеличить число членов Законодательных советов; (b) позволить людям выбирать половину от общего количества членов; (с) наделить членов правом интерпелляции.

5) Все ассоциации и общественные организации Индии должны просить вице-короля рекомендовать государственному секретарю предпринять необходимые шаги для создания представительных советов.

6) Что касается вопросов, находящихся под рассмотрением Комиссии по общественной службе, должны проводиться одновременные испытания в Англии и Индии, возрастной предел должен быть увеличен до 23 лет, и в Гражданской службе не должно быть никаких различий между европейцами и местными уроженцами.

7) Система судов присяжных должна быть расширена, а решение присяжных в случае оправдательных приговоров должно быть окончательным.

8) Судебные функции следует отделить от исполнительных.

9) Народ страны должен иметь право записываться в

добровольцы, чтобы защищать Британскую империю в случае войны.

В. Почему резолюции, принятые на первом Конгрессе, были подтверждены на втором?

О. Мы подтверждаем резолюции, в основном, для того, чтобы ознакомить всех людей с нашими требованиями, и чтобы наши жалобы были услышаны в Англии. Только когда ребенок часто кричит, мать дает ему молоко. Так и здесь – только многократно напоминая британской нации о наших потребностях, мы можем надеяться на какое-либо возмещение. Англо-индийские чиновники десятилетиями наслаждались исключительными правами и привилегиями, и если теперь грозит их ограничение, разве они не будут всеми силами противиться этому? Если мы будем упорствовать в наших усилиях, наши надежды воплотятся в жизнь.

В. Вице-король обратил какое-либо внимание на Конгресс?

О. Да. Вице-король и генерал-губернатор пригласил многих делегатов Конгресса в свой дворец и беседовал с ними об общественных делах. Он также удостоил членов Конгресса приемом в саду³⁸⁰.

В. Обратили ли внимание на Конгресс в Англии?

О. Пока не слишком, но мы не можем и ожидать этого: материалы Конгресса были опубликованы в книге³⁸¹, пять тысяч экземпляров которой распространил в Англии г-н Дадабхай Наороджи, искренний друг Индии, председательствовавший на Конгрессе. Но что такое пять тысяч экземпляров – на большее у нас не нашлось средств – среди огромной нации? Но все же некоторые газеты заметили его; на отчет дважды ссылались в Палате общин³⁸², и неко-

³⁸⁰ Форма официального приема.

³⁸¹ Имеется в виду ежегодный отчет о Конгрессе.

³⁸² Уильям Хантер на заседании Палаты общин 29 марта 1886 г. (Hansard Parliamentary Debates. 3rd Series. Vol. 304. С. 93.) и Сэмюэл Смит

торые из лидеров Либеральной партии одобрили его и, похоже, были очень довольны материалами второго Конгресса. В настоящее время невозможно добиться слушаний по индийскому вопросу в парламенте, поскольку все время отбирают дискуссии по ситуации в Ирландии. Но их совет заключается в том, что нам следует продолжать проводить Конгрессы из года в год, пока они не смогут ответить на наш призыв. Далее, они придерживаются мнения, что мы должны сделать все возможное, чтобы большие массы людей заинтересовались этим предметом.

В. Но для того, чтобы собрать всех делегатов в одном месте, чтобы обеспечить им достойный прием, напечатать и издать значительное количество копий отчета, нужны большие средства. Прошу вас, скажите, во сколько обходятся Конгрессы?

О. Первый Конгресс в Бомбее обошелся всего в три тысячи рупий, но второй потребовал около шестнадцати тысяч. В каждом случае местные жители, некоторые представители знати в провинции и другие друзья нашего дела собирали по подписке необходимую сумму.

В. Но вы рассказали нам только о двух первых Конгрессах, и упомянули о третьем, в Мадрасе. Расскажите нам, пожалуйста, о нем.

О. О, он был даже грандиознее, чем второй; там собралось 604 делегата, и они встретились в огромном временном шатре, установленном специально для этой цели. Все делегаты были должным образом избраны на собраниях в городах или ассоциациями и другими общественными организациями. В действительности было избрано около семисот делегатов, но из-за болезней, домашних неурядиц и больших расстояний (некоторые преодолели по две тысячи миль) прибыло только 604.

В. Но какие люди были делегатами?

30 августа того же года (Hansard Parliamentary Debates. 3rd Series. Vol. 308. С. 799.) по поводу резолюции об аннексии Бирмы.

О. Всевозможные люди. В качестве делегатов в Конгрессе участвовали великие люди – как раджа сэр Т. Мадрхава Рао, и простые ремесленники и мелкие торговцы. Было несколько европейцев, поскольку они начинают понимать, что они так же заинтересованы, как и мы, в хорошем правительстве; были и некоторые евразийцы, которые приняли в Конгрессе активное участие, и продолжают с каждым годом участвовать все более и более активно, были также парсы, индийские христиане, индусы, мусульмане и джайны.

В. Что, мусульмане? Но как, ведь кто-то говорил, что мусульмане не присоединятся к Конгрессу? Я не знал, что такое Конгресс, и не беспокоился, но, конечно, слышал об этом.

О. Да, восемьдесят три мусульманина были делегатами, и среди них такие люди, как distinguished Мир Хумаюн Джа Бахадур³⁸³, глава большой майсурской³⁸⁴ семьи и член мадрасского совета, и г-н Бадруддин Тайбджи, в недавнем прошлом член совета в Бомбее, который был президентом третьего Конгресса, и многие другие известные и образованные мусульмане. Дело в том, что один видный мусульманин, сэр Саид Ахмад, не захотел присоединяться к нам по причинам, одному ему известным, и вместе со своими последователями был настолько глуп, что бранил Конгресс, пытаясь заявить о том, что мусульмане вообще не присоединились к нему, тогда как большое число разумных мусульман со всей страны присоединились к Конгрессу и присоединились искренне.

В. Я рад этому; какой бы не была наша религия, мы должны объединиться в работе, которая, как я теперь ясно

³⁸³ Мир Хумаюн Джа Бахадур – индийский аристократ, политический деятель, теософ. Неофициальный член законодательного совета Мадраса (1866–1892), позднее – член Имперского законодательного совета. Компаньон ордена Индийской империи.

³⁸⁴ Майсур – княжество на юге Индии.

вижу, несет благо всем. Но я хочу знать больше о делегатах. Были ли там заминдары, райяты, муниципальные советники?

О. Да, все они были, и если вы хотите знать, я расскажу о них. Из 604 человек 61 были заминдарами, джагирدارами³⁸⁵ и талукдарами, и 95 человек были райятами и другими мелкими землевладельцами. Также там было 144 купца, торговца и лавочника, 55 учителей, 206 членов юридической профессии, отставные судьи, адвокаты и так далее, 43 редактора газет, 19 ремесленников, 8 врачей и так далее.

Также я могу сказать, что трое из них были членами советов, 33 – почетными магистратами, 10 – представителями того или иного университета, 103 – членами муниципалитетов и 56 – членами местных коллегий, и потому сложно представить более представительное собрание, чем последний Конгресс.

В. И какие резолюции принял этот Конгресс?

О. Во-первых, он еще раз настоял на необходимости двух главнейших реформ, которые защищал на предыдущих сессиях, а именно: возрождение советов на представительной основе и полное разделение судебной и исполнительной власти. Далее, ввиду полной лояльности народа, Конгресс высказал мнение о том, что высшие и командные посты армии должны быть открыты для всех классов индийских подданных Ее Величества, и должны быть созданы колледжи, где нашу молодежь можно было бы готовить для такой карьеры. Конгресс выступил за уступку людям права записываться в волонтеры с теми ограничениями и условиями, которые правительство может считать необходимым, и потребовал существенного изменения существующего закона об оружии.

Далее, рассматривая неудовлетворительное действие подоходного налога, Конгресс просил о том, чтобы мини-

³⁸⁵ Крупные землевладельцы.

мальная облагаемая налогом сумма дохода была поднята до тысячи рупий. И, наконец, возвращаясь к растущей бедности страны, Конгресс настаивал на необходимости разработки практичной системы технического обучения и на повышении трат на индийские изделия и индийскую рабочую силу, и уменьшении их в отношении английских изделий и рабочей силы.

В. Все это очень хорошо, и если все будет выполнено, Индия станет совершенно другим местом. Но как мы можем побудить правительство прислушиваться к тому, что говорит Конгресс?

О. Это, без сомнения, трудно, потому что множество чиновников склонны к предубеждениям; они думают, что система, в которой они работают, совершенна, и злятся, когда мы говорим, что она дефективна, и предлагаем изменения. Но нет никакого предубеждения против английского народа, который является их господином так же, как и нашим. Если мы продолжим стойко проводить Конгрессы и добиваться того, что все больше и больше людей повсюду начнут понимать их, интересоваться ими и поддерживать их, то мы довольно скоро будем иметь столь сильный голос, что даже народ Англии услышит его, и однажды люди там услышат его все вместе (не просто две или три тысячи здесь или там, как мы имеем сейчас), и все наши разумные требования будут исполнены.

В. Но, между тем, это требует больших денег, разве нет? Во сколько обошелся этот третий Конгресс?

О. Мы еще не знаем точно, но, вероятно, если учесть отправку в Англию десяти тысяч копий отчета, не менее чем тридцать тысяч рупий, и это, конечно, исключая огромную сумму, что больше чем в два раза превышает указанную, которую потратят делегаты на поездку на Конгресс и обратно.

В. Вы сказали, что четвертый Конгресс должен пройти в Аллахабаде. Где же взять деньги на его проведение?

О. Подобно тому, как жители Мадраса, высшие и низ-

шие, и сочувствующие Конгрессу повсеместно, собирали деньги по подписке и собрали для него 30000 рупий – для возведения шатра для собраний, встречи и размещения делегатов, печати и распространения отчета здесь и в Англии – так и жители Северо-Западных провинций должны собрать необходимые средства для аллахабадского Конгресса. Это будет не слишком трудно, если люди поймут справедливость нашего дела и все будут заинтересованы в нем. Одна анна от каждого дома пройдет долгий путь. Но это еще не все, ведь недостаточно просто провести Конгресс, нужно отправить в Англию больше отчетов, чем мы могли прежде из-за недостатка средств, и отправлять туда наших делегатов для проведения общественных собраний, чтобы там целиком раскрыть природу наших требований, как Конгресс делает здесь, и просвещать людей в вопросе положения нашей страны. За все это должна платить не одна провинция, а вся страна.

Мы должны создать большой постоянный фонд Конгресса, часть которого должна быть направлена для этих целей, и пока провинция, где пройдет Конгресс, должна собирать средства для текущих нужд данного Конгресса, все другие провинции должны постоянно подписывать средства для постоянного фонда. Требуются не большие суммы – хотя мы надеемся, что некоторые из раджей и больших людей будут сочувствовать нашей работе, как и огромное число остальных – но множество небольших взносов (от четырех анна), которые все из нас способны отдать, уговорив своих товарищей сделать то же самое.

В. Но кому вы отдаете эти взносы?

О. В каждой провинции есть Постоянный комитет Конгресса, и вы отдаете свои взносы и взносы своих товарищей туда, получая взамен расписку. Если каждый, кто читает это, попробует, то вскоре мы соберем все необходимые деньги.

В. Да, я вижу, что это хорошее дело, и хочу помочь, и сделаю, что смогу, для сбора взносов; но нет ли иного спо-

соба помочь Конгрессу?

О. Конечно, есть. Вы прочли и теперь все понимаете; прочтите это своим друзьям и вы увидите, что они тоже поймут; прочтите это каждому в своей деревне, и каждый сможет понять существо дела. Когда каждый в вашей деревне поймет это, сделайте так, чтобы и в соседних деревнях было так же, учите и убеждайте всех, что их долг – идти и учить других, и тогда через год или два не останется никого, кто не знает и не готов помочь, и не переживает за наш успех. Пусть нашим кличем будет: «Конгресс джи ки джай», и пусть Господь поможет тем, кто таким образом докажет, что готов помочь себе сам.

Именной указатель

- Айяр**, Сваминатх С. А. 51
Айяр, Субраманья Г. Д. 47
Айяр, Субраманья С. 48, 52, 274
Акбар 278
Ананда Чарлу, Панапаккам 48
Аюдхьянатх 317, 323
- Байрон** Дж. Г. 35, 90, 335
Банерджи, Сурендранат 3, 275
Барэм Р. 59
Безант А. 48
Бенареса махараджа 251-252
Берк Э. 118
Бичер-Стоу Г. Э. 284
Бонерджи, Вомеш Чандер
(Умеш Чандра) 3, 70, 289, 290
Бредлоу Ч. 290
Брут *см. Марк Юний Брут*
Бурбоны 23
Бхинги раджа (Удай Пратаб Сингх) 253
- Валаам** 63
Вача, Диншо Эдалжи 50
Виктория (королева Великобритани) 38, 83, 86, 93, 124, 151, 152, 172, 233, 240, 244, 347, 353
Вильерс Ч. П. 34, 35
- Гай** Юлий Цезарь 118
Галилей Галилео 281
Ганди М. К. 8
Ганнибал 59
Георг IV 35
- Гладстон У. 116, 127, 158, 328, 329, 354
Говинг Р. 29, 30
Голдсмит О. 307
Гомер 106
Гораций 59, 153
Грей Т. 94
Грэм Дж. 33
Гулливер 110
Гупта, Бехари Лал 76
Гхош, Манмохан 70
Гхошал, Джанакинатх 48
- Давид** 339
Дадабхай Наороджи 3, 49, 237, 259, 289, 290, 356
Дайярам Гидумал Шахани 210
Дайярам Джетмаль 51
Далип Сингх 315
Дафферин, лорд 9, 10, 42, 55, (105–106), 107, 108, 109, 110, 112, 113, 116, 121, 141, 150, 244, 248, 268, 354
Дафферин, маркиза 22, 265
Дхрува (Дхрув), Х. Х. 52
- Илберт** К. 101, 110, 145, 252
Иоанн Безземельный 91
Ирвинг В. 73
- Каваньяри** П. Л. Н. 87
Кавендиш, лорд 58
Каннинг, лорд 88
Кобден Р. 29–31, 33–36, 297
Колвин О. 12, 13, 230, 247, 266

Конгрив У. 41

Коннемара, лорд 248–249

Крокетт, полковник 59

Кэмпбелл Т. 91

Кэрролл Л. 98, 134

Лайалл А. К. 39

Лайалл Дж. Б. 280

Литтон, лорд 4, 42, 54, 84, 89,
92, 121

Лич Дж. 60

Лонгфелло Г. У. 129, 130, 333

Мадхава Рао Т. (Мадхаварао

Танджаваркар) 210, 358

Макдоннелл Э. П. 276

Маккарти Дж. 329

Маккензи Уоллес Д. 108

Маколей Т. Б. 215

Мария-Антуанетта 265

Марк Юний Брут 118

Марлидхар, Лала 52

Махди 155

Мельбурн, лорд 33

Мехнди Али 210

Мехта, Ферозшах 48, 51

Мир Хумаюн Джа Бахадур 358

Мир Шаджат Али Хан Бахадур
210

Моисей 324

Моултон Э. 4, 10

Мукерджи, Гирия Бхушан 323

Мунши Навал Кишор 253, 292

Найду, Рангая 50

Немезида 121

Нерон 60

Неру, Джавахарлал 9

Нортон Э. 290

Нулкар, Кришнаджи 51

Овидий 29

Пал, Бипин Чандра 8, 14

Пальмерстон, лорд 147

Пантулу, Венката С. Р. 51

Парнелл Ч. С. 58

Пейн, Дж. Э. 148, 149, 157

Пиль Р. 33

Портос 265

Раза Хусейн 210

Рампал Сингх 275

Рий, лорд 116, 145

Рип ван Винкль 73

Рипон, лорд 9, 54, 56, 93, 94,
95, 105, 112, 121, 145,
161, 220, 354

Саади 173

Саид Ахмад-хан 210, 224, 248,
254–257, 358

Саид Махмуд 210

Салар Джанг I 209

Свифт Дж. 110

Сен, Кешаб Чандра 48

Сен, Нарендрнатх 48

Синнетт А. П. 54

Ситарамая, Паттабхи 9

Скотт В. 117

Слэгт Дж. 354

Смит С. 354

Солсбери, маркиз 127

Стоу см. *Бичер-Стоу*

Тагор, Дж. М. 75, 102
Тайбджи, Бадруддин 210, 289,
294, 358
Тайбджи, Мохсим 210
Теланг, К. Т. 48, 324
Теннисон А. 137

Уайт Д. Э. С. 49
Удай Пратаб Сингх *см. Бхинги*
раджа
Уэддерберн У. 326

Фроуд Дж. Э. 281
Фуллер 84

Хантер У. 356
Ховард Дж. Э. 196

Чарьяр, Вир Рагхава М. 12, 49,
204, 227, 274, 344
Чемберлен Дж. 354
Чиплункар, Ситарам Хари 48

Шекспир У. 78, 236, 275
Шива Прасад, раджа 252

Эйтчисон Ч. А. 39

Юл Дж. 323
Юм А. О. 4–15, 52, 223, 316,
321
Юм М. Э. 323

Яджник, Дж. У. 51
Якуб-хан 87

Указатель географических названий

- Абердин** 302
- Австралия** 126, 131, 134–136, 140, 156, 158, 331
– Западная Австралия 134, 135, 136, 140
– Южная Австралия 126, 131
- Австрия** 92
- Агра** 48, 85
- Александрия** 156
- Аллахабад** 12, 14, 15, 48, 49, 55, 85, 197, 211, 226, 238, 240, 249, 260, 318, 352, 361
- Амбала** 48, 53
- Анантапур** 48
- Англия**
(см. также *Великобритания*)
12, 13, 15, 16, 27, 30, 31–33, 38, 49, 50, 51, 56, 59, 62, 65, 69, 70, 71, 74, 75, 78, 79, 91, 92, 94, 99, 103, 105, 108, 114, 115, 117, 119, 120–124, 127, 128, 131, 132, 136, 139, 143, 151, 153, 157, 159, 165, 173, 181, 189, 193, 200, 203–207, 213–215, 222, 223, 227, 230, 232, 234, 239, 252, 259, 261, 262, 266, 273, 279, 280, 285, 291, 301, 304, 305, 308, 310, 320, 324, 325, 326, 329, 330, 332, 333, 335, 341, 342, 346, 347, 349, 353, 354, 356, 357, 361, 362
– Северная Англия 32, 38
- Антигуа** 140, 141
- Ауд** 14, 40, 50, 98, 110, 129, 211, 248, 276, 278, 313
- Афганистан** 345
- Африка** 143
- Ахмедабад** 48
- Багамские острова** 134, 144
- Барбадос** 134, 144
- Барода** 211
- Беллари** 48
- Бельгия** 91
- Бенарес** 48, 252, 253
- Бенгалия** 53, 65, 70, 71, 73, 76, 79, 101, 103, 110, 214, 277, 353
– Нижняя Бенгалия 69
- Бенгальский залив** 345
- Бенгальское президентство** см. *Бенгалия*
- Берар** 214
- Бермудские острова** 134
- Бернли** 355
- Бирма** 11, 28, 39, 40, 43, 53, 114, 115, 122, 267, 345, 354, 358
- Бирмингем** 214
- Бихар** 70, 79, 141

Бомбей 15, 16, 48–53, 55, 70,
78, 97, 117, 211, 324,
337, 351, 353, 355, 358,
359
Британская Гвиана 134, 137,
139, 140
Британская империя 7, 29, 52,
67, 90, 91, 157, 250, 255,
321, 357
Британская Колумбия 125, 126,
129
Британский Гондурас 145
Бхагирутти 74
Бхинга 254

Ван-Димена Земля 154

Ватерлоо 31

Великобритания

(см. также *Англия*) 4, 6, 7, 8, 12,
30, 31, 34, 36, 52, 74, 75,
88, 92, 103, 104, 105,
117, 125, 126, 128, 131,
133, 141, 147, 148, 151,
153, 154, 156, 214, 238,
282, 284, 300, 302, 303,
321, 332, 349

Вест-Индия 94, 282

Виктория 126, 131

Вирамгам 48

Виргинские острова 140

Гамбия, река 143

Ганг 74

Ганджам 48

Германия 92, 149

Гибралтар 141, 143

Голландия 91

Гонконг 142

Гренада 144

Гуджарат 214

Дания 91

Деккан 214

Дели 25, 87, 294

Джабалпур 218

Джанси 323

Джейкобабад 206

Доброй Надежды мыс 148, 158

Доминика 140

Европа 8, 16, 92, 141, 209, 229,
282, 332, 345

Египет 156, 307

Золотой берег 143

Индор 211

Индия 4–16, 26, 27, 29, 33, 39,
43, 44, 46, 47, 48, 49, 50,
51, 53, 54, 55, 56, 57, 58,
59, 60, 63, 66, 67, 69, 71,
72, 73, 74, 75, 76, 77, 79,
80, 84, 85, 87, 88, 89, 91,
92, 93, 96, 97, 98, 99,
100, 101, 102, 103–107,
109, 115–117, 120, 122–
124, 129, 134, 136, 137,
140, 142, 144, 145, 146,
150–159, 161–163, 181,
190, 197–200, 202–205,
207, 211–213, 215–218,
223, 226–233, 235–247,
250, 251, 255, 256, 262,
264, 265, 266, 269, 279,
280, 281, 284, 285, 287,
288, 291, 293, 294, 297,
300, 303, 304, 307, 309,
310, 313, 315, 316, 320–

332, 334–338, 340, 342,
344–357, 359, 361
– Британская Индия 5, 9, 53,
109, 236,
– Верхняя Индия 145, 218, 244,
245, 313
– Западная Индия 265
– Северная Индия 13, 218, 231,
245,
– Северо-Западная Индия 264
– Южная Индия 87
– Центральная Индия 265

Ирландия 36, 59, 73, 74, 76, 77,
110, 310, 358

Италия 92

Кабул 87, 88

Кадаппа 48

Калаканкар 276

Калькутта 41, 48, 49, 53, 55, 71,
96, 250, 253, 260, 318,
351, 355

Канада 43, 125–127, 130, 131,
133, 140, 147, 149, 150,
153–156, 158

– Верхняя Канада 150, 153–
155, 158

– Нижняя Канада 150, 153–155,
158

Канпур 65

Капская колония 126, 131, 147,
155, 158

Карачи 48, 52

Квебек 125, 129

Квинсленд 126, 131, 132

Кипр 143

Китай 43, 117

Коимбатур 48

Конкан 214

Крым 330

Лакхнау 48, 316

Ланкашир 38

Лахор 48, 218

Ливерпуль 154

Лидс 214

Лондон 14, 15, 32, 35, 290, 308,
321

Маврикий 142, 143

Мадрас 15, 48–51, 53, 70, 202,
206–208, 210–212, 214,
217, 226, 227, 249, 250,
256, 275, 301, 303, 352,
353, 358, 359, 361

Мадрасское президентство *см.*

Мадрас

Мадуро 48

Майсур 359

Малакка 142

Мальта 134, 141

Манитоба 125

Манчестер 88, 214, 355

Маргит 117

Массачусетс-Бей 154

Масулипаттам 48, 52

Махараштра 264

Меконг, река 43

Мидленд 32

Монсеррат 140

Найнитал 224, 258

Наталь 134, 136, 137

Невис 140

Новая Англия 153

Новая Зеландия 126, 131, 132
Новая Шотландия 125
Новый Южный Уэльс 126, 131,
132, 156
Норвегия 91
Нортгемптон 291
Нью-Брансуик 125
Ньюфаундленд 126, 131

Онтарио 125, 126
Орисса 70, 79
Остров Принца Эдуарда 125
Оттава 125, 126

Пакистан 52, 267
Париж 123
Парламент-стрит 243
Патна 70
Пенанг 142
Пенджаб 40, 50, 98, 110, 172,
214, 217, 281, 313, 316,
353
Перак 142
Пешавар 253
Подветренные острова 134, 140
Пуна 48, 49, 53

Равалпинди 114
Рамсгит 117
Рим 60
Россия 150, 316
Ротни-касл 248

Салем 256
Санта-Люсия 144
Святого Лаврентия, река 153
Святой Елены остров 143
Северная Америка 92, 132, 206

Северо-Западные провинции
14, 40, 50, 98, 110, 244,
248, 318, 353, 362

Сейшелы 143
Сент-Винсент 144
Сент-Китс 140
Сиам 43
Сидней 156
Сикким 267
Сингапур 142
Синд 70, 129, 258
Соединенные Штаты Америки
126, 132, 206, 209, 282,
285, 331
Судан 156
Суккер 206
Сурат 48, 53
Сьерра-Леоне 143

Тамилнад 256
Танджор (Танджавур) 48, 52
Тасмания 126, 131, 154
Тибет 267
Тинневелли 48
Тобаго 144
Траванкор 211
Тринидад 144

Уэльс 31

Фиджи 142
Фолклендские острова 144
Франция 88, 91, 206, 266, 319

Хазара 267
Хайбер-Пахтунхва 267
Хайдарабад 211
Хельголанд 143

Цейлон 53, 145, 146
Центральные провинции 214

Черные Горы 267
Чинглепут 48
Чунби 267

Швеция 91
Шимла 13, 248, 275, 324

Южные штаты 145

Ямайка 144, 145

Предметный указатель

- абкари** 168, 232, 309
адвокаты 48, 51, 52, 118, 134, 145, 163, 179, 196, 198, 210, 241, 302, 323, 359
анархия 90, 187, 261, 318
англо-индийцы 4, 9, 13, 34, 95, 96, 97, 99, 101, 107, 150, 209, 229, 250, 258, 312, 356
аннексия Бирмы 10, 27, 38, 42, 52, 113, 114, 121, 266, 357
армия (увеличение) 28, 82, 113, 353
Аудский закон об аренде 230, 276
бабу 64, 165, 292
Бенгальская национальная лига 10, 75, 78, 79, 92, 97, 100, 101, 105, 111, 113, 118, 123, 124, 129, 146, 323
бенгальский закон об аренде 230, 276
берадери 291
браки среди несовершеннолетних 15, 336–337
Британский комитет ИНК 14, 15, 319–320
Британский парламент 29–31, 34, 35, 47, 49, 58–62, 66, 67, 70, 74, 97, 114, 117, 127, 128, 131, 152, 153, 192, 202, 213, 214, 229, 278, 298–300, 302, 326, 328, 329, 345–348, 351–354, 356, 357
британское правление в Индии 3, 13, 25–27, 56, 65–66, 80–83, 86, 90, 102, 112, 203, 217, 227, 228, 235, 245, 250, 259, 262, 266, 268, 278, 288, 308, 312, 315, 320
вакилы 51, 163, 166
ваххабиты 69, 254, 315
Великая Хартия вольностей 91
виги *см. либералы*
вице-губернаторы 13, 39, 40, 46, 128, 136, 145, 174, 178, 191, 234, 280
вице-король Индии 4, 9, 10, 42, 46, 54, 60, 74, 88, 105, 109–111, 114, 115, 117, 125, 130, 134, 174, 191, 234, 257, 269, 275, 279, 293, 349, 355, 356
внешняя политика 10, 45, 264, 266, 297, 309
военные расходы 51, 88, 121
военные экспедиции 266
война в Европе 329, 331–334
волонтеры 28, 113, 114, 226, 240, 257, 313, 359
Восстание 1857 г. 3, 12, 63, 81, 82, 85, 88, 89, 144, 312
голод в Индии 7, 20, 22, 24, 32, 77, 86, 119

государственный секретарь
(министр) по делам Индии 46,
47, 58, 115, 355

Дарбар в Равалпинди 113
делегаты ИНК 51, 201, 207,
208, 210, 212, 290, 291,
314, 351, 352–354, 356–
361
делегации в Англию 192, 319,
348
Делийский дарбар 86
джайны 358
доминион 6, 11, 124–126, 128,
132, 146

евразийцы 100, 101, 122, 205,
209, 265, 358
европейцы 23, 24, 28, 63, 68,
80–82, 88–90, 100, 101,
144, 145, 173, 178, 179,
187, 188, 233, 252, 255,
256, 261, 262, 265, 293,
295, 305, 355, 358

законодательные советы 8,
44–47, 49, 50–52, 75, 97,
99, 127, 128, 131, 135,
136, 139, 145, 149, 175,
180, 182, 183, 186, 208,
209, 212, 220, 221, 226,
229, 229–231, 233, 240–
241, 243, 253, 258, 274,
276, 296, 297, 299, 300,
303, 310, 311, 314, 317,
347–353, 355, 358, 359

Илберга билль 101, 110, 145,
252

Индийская гражданская
служба 4, 49, 50, 76, 210, 353,
355
– вступительные испытания 49,
50, 353, 355

Индийский национальный кон-
гресс 3–16, 28, 32, 35,
44, 47–52, 62, 77, 96–99,
133, 191, 196–208, 213–
223, 225–228, 234, 236–
245, 247–251, 253–261,
267, 274, 275, 280, 288–
300, 302, 305, 306, 308,
313–317, 319, 320, 334,
344, 351–362

Индийский
парламентский комитет 326

Индийский совет *см. Совет
при государственном
секретаре по делам Индии*

индусы 69, 100, 195, 206, 209,
210, 216, 217, 255, 256,
293, 315, 358
интерпелляция 49, 97, 113, 145,
176, 212, 355

касты 45, 103, 105, 181, 267,
291, 310, 340, 353
коллекторы 40, 174, 177, 273,
291
консерваторы 15, 33, 58, 87,
117, 127, 155, 249, 325–
329, 333, 337

конституционная агитация 55,
58, 62, 69, 72–75, 92, 94,
121, 149–151, 204, 226,

229, 249, 260, 290, 320,
330, 348
Королевская Прокламация 50,
83, 84, 86, 122
королевские комиссии 48, 142,
353

либерал-юнионисты 328, 329,
354

либералы 4, 5, 6, 13, 15, 29, 34,
42, 54, 116, 215, 240,
258, 281, 282, (290), 325,
326–329, 354, 357

Лига против хлебных законов
8, 29–31, 33–37, 320

магистраты 36, 37, 40, 84, 145,
359

маратхи 263–264

миссионеры 24, 299

мофуссил 88, 168, 169, 191, 232
мохалла 345

муниципалитеты 44, 51, 179,
243, 359

мусульмане 14, 69, 100, 195,
207, 209–211, 216–218,
224, 237, 255, 256, 291,
293, 312, 354, 358

налоги 8, 10, 26, 28, 42, 45, 51,
77, 82, 101, 113, 121,
126, 134, 138, 173, 174,
234, 243, 264–266, 270–
272, 284, 306, 307, 310,
311, 325, 346, 347, 353,
359, 360

обучение девочек 338

образование 3, 13, 15, 23, 25,

62, 71, 72, 82, 86, 188,
210, 214, 215, 228, 241,
242, 249, 255, 261–263,
278, 287, 292, 295, 300,
309, 320, 327, 337, 338

Палата лордов см.

британский парламент

Палата общин см. *британский
парламент*

панчаяты 165, 208

парсы 49, 50, 205, 255, 358

пиндари 263

полиция 40, 164, 182, 184–186,
263, 266, 270–272, 278,
284, 285, 288, 306, 307,
311

Постоянный комитет Палаты
общин 47, 49, 97, 99,
353

Постоянный комитет ИНК 210,
274, 293, 361

представительные институты
7, 8, 10–12, 28, 32, 37,
38, 40–46, 59, 61, 77,
100, 102, 104, 111, 113–
115, 118, 131, 133, 136,
140–144, 146, 147, 149,
154, 163–166, 174–176,
178, 180, 181, 183, 184,
186, 188–192, 195, 202,
206, 211, 213, 220, 221,
226, 234, 240–243, 257,
258, 261, 268, 269, 285,
299, 300, 302, 303, 308,
310, 311, 347, 350, 355,
359

пресса

- в Англии 65, 253, 292, 301, 354, 356
- в Индии 10, 47, 52, 54–78, 82–86, 107–109, 111, 112, 114, 117, 118, 124, 151, 174, 228, 230, 234, 236, 237, 250, 255, 286, 291–294, 304

раджпуты 244

разделение властей 243, 264, 266, 311, 313, 355, 359

раисы 39, 175

резолюции ИНК 7–9, 28, 32, 44, 47–52, 71, 77, 78, 96–99, 133, 203, 206, 209, 221, 222, 240, 242–244, 297, 298, 310–312, 314, 352–357, 359–360

сабхи 48–51, 96

сингалы 145

Совет при государственном секретаре по делам Индии 28, 48, 97, 98, 226, 257, 353

средние классы 68, 71, 96, 182, 288, 336, 337

суды в Индии 39, 103, 164, 263, 266, 271, 272, 284, 285, 288, 306, 307, 311, 313, 355

талукдары 230, 275, 276, 292, 359

тори (см. консерваторы)

христиане 60, 195, 219, 255, 256, 358

Содержание

От составителя	3
Надежда старика	17
Приложения	44
Приливная волна, или Прогресс политической активности в Индии ..	53
Предисловие	54
Прогресс политической активности в Индии	57
Звезда на Востоке, или Бенгальская национальная лига	79
Развитие либеральных институтов в британских владениях	124
Прощание Индии с лордом Рипоном	161
Беседа между моулви Фаридаддином, магистром искусств, бакалавром права, вакилом Высокого суда, практикующим в окружном суде Хакикатабада, и Рамбакшем, одним из мукаддамов Камбахтпура	163
О происхождении, целях и задачах Индийского национального конгресса	196
Audi alteram partem	223
Циркуляр «Каждому члену партии Конгресса» 16 февраля 1892 г	317
Прощание с Индией	322
Приложение. М. Вир Рагхава Чарьяр. Тамильский катехизис Индийского национального конгресса	344
Именной указатель	363
Указатель географических названий	366
Предметный указатель	371

Аллан Октавиан Юм

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ОБ ИНДИЙСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ
(1886-1894)

Подписано в печать 20.03.2019. Формат 60.84 1/16.
Тираж 40 экз. Усл.печ. л. 17,5. Заказ 0320-2019

Отпечатано в типографии ООО Издательство «Сибпринт»
630099, г. Новосибирск, ул. М.Горького, 39
тел.: (383) 218-00-36
www.ifb.ru